ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

НЕСТОРА ЛѢТОПИСЦА.

КНИГА ПЕРВАЯ

1873—1877 гг.

Издана подъ редакціей В. С. Иконникова.

КІЕВЪ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1879.

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

НЕСТОРА ЛѢТОПИСЦА.

КНИГА ПЕРВАЯ

1873—1877 гг.

Издана подъ редакціей **В. С. Иконникова.**

КІЕВЪ

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1879.

Печатано по опредѣленію историко-филологическаго факультета Университета Св. Владиміра.
Деканъ *В. Иконниковъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

О латинскихъ проповѣдникахъ на Руси Кіевской въ X и XI вѣкахъ.—А. Д. Воронова . . . . . 1—21

Какая мѣстность въ древности называлась Олеговой могилой.—П. Г. Лебединцева. . . . . 22—27

Дмитріевскій монастырь, устроенный въ Кіевѣ вел. кн. Изяславомъ Ярославичемъ, его судьба и мѣстность.—П. Г. Лебединцева . . . . . 28—36

О мѣстоположеніи древняго Кіевскаго Звенигорода (съ картою).—В. Б. Антоновича . . . . . 37—43

Сказаніе о Василькѣ Ростиславичѣ.—И. П. Хрущова . . 44—62

Мѣстныя преданія о Куликовской битвѣ.—П. П. Розанова. 63—69

О памятникахъ, прославившихъ Куликовскую битву.—И. П. Хрущова . . . . . 70—78

Двѣ надгробныя надписи конца XVII вѣка Константину Ивановичу и Константину Константиновичу князьямъ Острожскимъ.—Н. И. Петрова . . . . . 79—81

Новые матеріалы для исторіи Юго-западной Россіи и въ частности г. Кіева.—Н. И. Петрова . . . . . 82—85

Біографическія свѣдѣнія о Петрѣ Могилѣ до посвященія его въ санъ кіево-печерскаго архимандрита.—С. Т. Голубева. 86—101

Князь М. В. Скопинъ-Шуйскій.—В. С. Иконникова . . 102—173

Нѣсколько документовъ, относящихся къ преобразованію въ Войскѣ Донскомъ 1775 года.—П. А. Лашкарева. . . 174—180

Очерки изъ исторіи Кіевской епархіи въ XVIII столѣтіи, на

Стран.

основаніи документовъ синодальнаго архива.—Ф. А. Терновскаго . . . . . 181—229
Нѣкоторыя черты изъ исторіи смертной казни въ Россіи.—А. Ѳ. Кистяковскаго . . . . . 230—243
Археологическія находки и раскопки въ Кіевѣ и въ Кіевской губерніи въ теченіи 1876 г.—В. Б. Антоновича. . . 244—261
Бѣлогородка и найденный въ ней змѣевикъ (съ рисунками).—И. П. Хрущова . . . . . 262—264
Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго общества Нестора лѣтописца въ 1873—77 гг. . . . . 265—310
О древнихъ кіевскихъ постройкахъ.—П. А. Лашкарева . 266—267
О планахъ г. Кіева XVIII стол.—П. Г. Лебединцева .. 268—269
О трудахъ академика К. М. Бэра и К. Э. Эйхвальда.—А. А. Котляревскаго. . . . . 284—288
О происхожденіи сказанія о новгородскихъ баняхъ.—А. А. Котляревскаго . . . . . 288—290
Объ обычаяхъ у Славянъ при рожденіи дитяти до его возмужалости.—А. А. Котляревскаго . . . . . 290—292
Свидѣтельство о существованіи ордалій въ концѣ XVII вѣка.—М. Ф. Владимірскаго-Буданова . . . . . 293—294
Очеркъ учено-литературной дѣятельности О. М. Бодянскаго.—А. А. Котляревскаго . . . . . 295—301
Отчетъ о поѣздкѣ въ Бѣлогородку съ археологическою цѣлью.—В. Б. Антоновича . . . . . 302—303
Общественный строй южной Руси въ XIII—XIV вв.—Н. П. Дашкевича . . . . . 306—307
Свѣдѣнія о текущей исторической и археологической литературѣ.—А. А. Котляревскаго . . . . 304—305, 307—308
О трудахъ А. Н. Попова.—А. А. Котляревскаго . . 308—310
Приложеніе.—Показаніе игумена Ѳеодосія Васьковскаго о положеніи кіевскихъ мѣщанъ до Богдана Хмельницкаго. 311—314
Составъ Историческаго общества Нестора лѣтописца въ 1873—77 гг. . . . . 315—317

О латинскихъ проповѣдникахъ на Руси Кіевской въ X и XI вѣкахъ.

Чтеніе **А. Д. Воронова.**

„Пріидоша нѣмцы отъ Рима... Рече же Володимеръ нѣмцамъ: идѣте опять, яко отци наши сего не пріяли суть". Несторъ.

Въ первые вѣка нашей эры христіанство распространялось проповѣдью частныхъ лицъ и мѣрами чисто-нравственными. Частныя-же лица и отчасти помѣстныя церкви тѣми же исключительно-нравственными средствами распространяли христіанство у варваровъ и въ то время, когда христіанство сдѣлалось господствующимъ въ предѣлахъ греко-римской имперіи. При этомъ способѣ распространенія, христіанство выигрывало во внутренней силѣ убѣжденія вѣрующихъ, но теряло въ ихъ численности. Съ VIII вѣка на западѣ и съ IX вѣка на востокѣ этотъ способъ христіанской миссіи измѣняется: христіанство распространяется теперь главнымъ образомъ путемъ политическимъ, содѣйствіемъ государства, при помощи, конечно, дѣятелей и средствъ церкви. Съ христіанствомъ утверждалась одна вѣра, одинъ нравственный законъ, одинаковое міросозерцаніе, одинаковые нравы и учрежденія. Христіанскія государства признаютъ важность такого объединенія съ собою окружающихъ варваровъ и заботятся объ обращеніи ихъ въ христіанство. И варварскіе народы, особенно ихъ правители, съ своей стороны видятъ въ христіанствѣ необходимое условіе для вступленія въ семью европейскихъ народовъ,—и идутъ на встрѣчу цивилизующему вліянію христіанскихъ государствъ. Распространяясь путемъ государственнымъ, сверху внизъ, проникая въ народныя массы по

вліянію просвѣщеннаго деспотизма правительствъ, христіанство принималось внѣшнимъ образомъ, формально, не проникало въ глубину сознанія: за то оно пріобрѣтало сразу цѣлыя народныя единицы и его вліянію подчинялся весь общественный строй новообращеннаго народа.

Когда возникъ этотъ новый порядокъ въ распространеніи христіанской цивилизаціи, Европа раздѣлилась на два района государственно-цивилизующей дѣятельности. Центромъ перваго былъ Римъ и королевство франкское (затѣмъ имперія). Еще съ первыхъ каролинговъ франкское королевство начинаетъ проводить христіанскую цивилизацію путемъ государственнаго вліянія и мало-по-малу сколько силою оружія, столько же и средствами церкви соединяетъ разрозненныя племена германской расы въ твердый организмъ имперіи Карла Великаго. Въ IX и X вѣкахъ таже политика завоеванія и христіанскаго просвѣщенія сосѣднихъ народовъ распространяетъ вліяніе имперіи далѣе на востокъ—въ Данію, у сѣверо-западныхъ славянъ, отчасти въ Чехію, Польшѣ, Венгріи. Практическій геній романо-германскаго міра самымъ тѣснымъ образомъ соединяетъ государственную политику съ церковною и съ неослабною энергіею проводитъ христіанство всюду, куда только проникаютъ политическія отношенія имперіи.—Другой центръ христіанской цивилизаціи лежалъ въ Византіи. И отсюда, хотя въ слабѣйшей степени, христіанство съ IX вѣка распространяется путемъ государственнымъ. Вслѣдствіе сравнительной слабости государственнаго организма Византіи, иного положенія церкви и духовенства и большаго племеннаго различія народовъ, окружавшихъ Византію, кругъ ея вліянія былъ тѣснѣе; тѣмъ не менѣе, подобнымъ же государственнымъ путемъ, отъ Византіи получаютъ христіанство Болгарія, Сербія, Моравія, отчасти затѣмъ Венгрія. Промежуточные пункты между западнымъ и восточнымъ районами подвергаются вліянію христіанства съ двухъ сторонъ, и, въ слѣдствіе разности въ характерѣ восточной и западной церкви, въ этихъ пунктахъ происходитъ болѣе или менѣе продолжительная борьба началъ восточныхъ съ западными.

По неизбѣжной необходимости всѣ европейскіе народы рано или поздно должны были принять христіанство. Не рано и не поздно, а въ опредѣленное историческими судьбами Промысла время и для нашихъ предковъ наступила пора христіанскаго просвѣщенія. Откуда-же должна была принять христіанство Русь? Непосредственно она не соприкасалась ни съ византійскою, ни съ западною имперіею. Византія

была ближе,—„путь въ Греки“ съ незапамятныхъ временъ былъ извѣстенъ на Руси и первыя международныя сношенія нашихъ предковъ были именно съ Греціею. Но, съ другой стороны, ближе и ближе подходилъ къ Руси и кругъ политическихъ и нравственныхъ завоеваній запада. Энергическая пропаганда латино-нѣмецкая также должна была приразиться къ Руси, и ей, такъ же какъ Болгаріи и Моравіи, предстоялъ глубокой важности вопросъ—откуда принять вѣру, чьему подчиниться вліянію—восточному или западному.

Вопросъ о латинскихъ проповѣдникахъ на Руси въ эпоху обращенія ея въ христіанство довольно разработанъ въ нашей церковно-исторической наукѣ, и преимущественно въ видахъ полемическихъ. Мы хотѣли-бы только болѣе внимательно прослѣдить западныя свидѣтельства объ этихъ проповѣдникахъ и сопоставить показанія западныхъ источниковъ съ свидѣтельствами нашихъ лѣтописей.

По нашимъ лѣтописямъ латино-нѣмецкая пропаганда на Руси въ первый разъ обнаруживается при обращеніи въ христіанство св. Владиміра, къ которому приходятъ „нѣмцы отъ Рима“. По западнымъ источникамъ вопросъ о выборѣ вѣры начинается раньше, еще при первой христіанской правительницѣ и строительницѣ русской земли, великой княгинѣ Ольгѣ. Древнѣйшій источникъ по этому предмету, современникъ событія, продолжатель Регинона, въ своей хроникѣ, пишетъ: „Въ лѣто воплощенія Господня 959... послы Елены, княгини (reginae) Руговъ (Rugorum), которая при Романѣ, императорѣ константинопольскомъ, крещена была въ Константинополѣ, притворно, какъ послѣ оказалось, пришедши къ императору просили поставить епископа и пресвитеровъ этому народу. 960 г. императоръ Рождество Христово праздновалъ во Франкфуртѣ, гдѣ Либуцій изъ киновитовъ св. Альбана посвященъ былъ въ епископы для народа Руговъ. 961 г. Либуцій, въ предшествующемъ году задержанный нѣкоторыми обстоятельствами, 15 марта умеръ, и преемникомъ ему въ епископствѣ, для отправленія на чужбину, назначенъ Адальбертъ изъ киновитовъ св. Максимина,—назначенъ по интригамъ и навѣту архіепископа Вильгельма, хотя онъ ни въ чемъ противъ него не погрѣшилъ и наилучшимъ образомъ былъ преданъ ему. Благочестивѣйшій императоръ, снабдивъ Адальберта съ обычною ему щедростію всѣмъ нужнымъ, съ честію отправилъ. 962 г. Адальбертъ, посвященный въ епископы для Руговъ, не могши успѣть ни въ чемъ, для чего былъ посланъ, и видя свой трудъ тщетнымъ,

возвращается, и, тогда какъ нѣкоторые изъ его спутниковъ были убиты, самъ онъ съ большимъ трудомъ едва спасся, и, прибывши къ императору, былъ принятъ имъ съ любовію“ [1]).

Какъ смотрѣть на это свидѣтельство?

Молчаніе русскихъ лѣтописей объ этомъ фактѣ, странность обращенія недавно крестившейся въ Константинополѣ Ольги къ нѣмецкому императору съ просьбою прислать западныхъ проповѣдниковъ, когда всего естественнѣе было бы обращаться за ними въ Константинополь, недостатокъ указаній на посредствующія обстоятельства, которыя могли бы объяснять этотъ фактъ и наконецъ названіе русскихъ Rugi, а не Ruscі, или Russi—все это побуждало многихъ ученыхъ относить это свидѣтельство не къ Руси кіевской, а или къ жителямъ острова Рюгена или къ племени руссовъ, жившихъ въ Галиціи и называвшихся въ X вѣкѣ на востокѣ Хорватами, а на западѣ Ругами [2]). Но мнѣнія эти, при всей справедливости затрудненій признать фактъ занесенный въ западныя хроники, едва ли могутъ быть приняты. Изложенный нами разсказъ продолжателя Регинона обставленъ подробностями и указаніями, которыя могутъ быть отнесены только къ Руси кіевской и нашей великой княгинѣ. Притомъ и всѣ, болѣе или менѣе близкіе къ этому времени, западные хронисты, упоминая о фактѣ переданномъ продолжателемъ Регинона, относили этотъ фактъ именно къ Руси, слово Rugi замѣняли словомъ Ruscі или Russi, причемъ особенно важно свидѣтельство Титмара, относившаго разсказъ именно къ Руси кіевской [3]). Что касается историческаго значенія этого свидѣтельства, то оно выдерживаетъ всѣ требованія самой строгой критики. Первоначальныя свидѣтельства о фактѣ принадлежатъ современникамъ и притомъ лицамъ, весьма близкимъ къ повѣствуемому событію. Именно: продолжатель Регинона, первый занесшій этотъ фактъ въ лѣтописи, былъ не только современникомъ событія, но и такъ сказать очевидцемъ его: онъ былъ монахъ того же Трирскаго монастыря св. Максимина, въ которомъ жилъ и русскій миссіонеръ Адальбертъ и, какъ видно изъ

---

[1]) См. у **Pertz'a** т. 1, **Continuator Reginonis ad an.** 959—962.

[2]) Представитель перваго мнѣнія Ассемани, втораго Бѣлевскій.

[3]) Сводъ западныхъ свидѣтельствъ о посольствѣ Ольги къ императору Оттону можно читать у Шлецера. Несторъ, ч. 3-я, стр. 447—452.

хроники его [1]), былъ съ нимъ въ дружественныхъ отношеніяхъ. Трудно, невозможно предположить, чтобы лицо, столь близкое къ разсказу и главному дѣйствующему лицу разсказа, допустило неточность въ показаніяхъ, особенно въ отношеніи къ факту столь важному и безотносительно и въ отношеніи къ другу автора—Адальберту [2]). Далѣе—самъ императоръ Оттонъ I, въ грамотѣ саксонскимъ князьямъ объ интронизаціи Адальберта, назначеннаго имъ впослѣдствіи на Магдебургскую архіепископскую каѳедру, называетъ его „бывшимъ епископомъ и проповѣдникомъ въ Ругіи". Наконецъ и папа Іоаннъ XIII, въ грамотѣ объ утвержденіи магдебургскаго архіепископства, говоритъ, что Адальбертъ „сначала былъ назначенъ епископомъ провинціи Ругіи" [3]). Если позднѣйшія хроники, какъ Кведлинбургская, Ламберта, Гильдесгеймская, анналистъ Саксонъ, хроника Корвейская, повторяющія это извѣстіе, могли просто переписывать изъ продолжателя Регинона, то нельзя не обратить вниманія на свидѣтельство Титмара епископа Мерзебургскаго, писавшаго свою хронику въ началѣ XI вѣка и знавшаго исторію славянъ: онъ также говоритъ объ Адальбертѣ, что онъ былъ сначала поставленъ епископомъ Руссіи и оттуда былъ изгнанъ язычниками. Притомъ разсказъ продолжателя Регинона и всѣхъ его позднѣйшихъ пересказчиковъ отличается такою объективностію, такъ свободенъ отъ всякихъ тенденцій восхвалить императора или нѣмецкаго миссіонера, что внушаетъ къ себѣ полное довѣріе. Итакъ разсказъ не можетъ быть отвергнутъ; но можно-ли принять его въ буквальномъ смыслѣ, такъ, какъ онъ передается въ западныхъ хроникахъ? Ученые, относившіе этотъ разсказъ къ кіевской Руси, принимаютъ, что императоръ Оттонъ присылалъ на Русь къ великой княгинѣ Ольгѣ епископа Адальберта, но отрицаютъ, что этотъ миссіонеръ былъ посланъ на Русь вслѣдствіе просьбы самой Ольги. На основаніи

---

[1]) Cont. Reginonis у Pertz'a Monumenta Germaniae t. I, ad an. 961 и 962. См. предисловіе Пертца тамъ же стр. 613.

[2]) Есть даже мнѣніе, что продолжатель Регинона былъ самъ Адальбертъ. Въ такомъ случаѣ сказаніе еще болѣе несомнѣнно. Wattenbach, Deutschl. Geschichtsquellen, t. I, 270.

[3]) См. Pertz, Leges II, 560—561. Mandatum Ottonis de inthronizatione archiepiscopi Magdeburgensis. Riedel, Codex diplom. Brandenburgensis, t. VIII, № VII.

выраженій, что послы Ольги просили епископа „ficte, ut post claruit“ и „per omnia mentiti sunt“, ученые эти останавливаются на томъ мнѣніи, что послы были мнимые, самозванные, были перехожіе варяги, сказавшіеся послами для какихъ либо своихъ выгодъ, чтобы получить подарки и т. п. [1]). Нельзя не отдать справедливости этому мнѣнію въ томъ отношеніи, что оно хочетъ признать и историческую правду западныхъ извѣстій, и вмѣстѣ устранить кажущуюся несообразность обращенія Ольги къ нѣмецкому императору о присылкѣ пословъ. Не можемъ однакоже не замѣтить, что мысль о подложности пословъ есть одно только предположеніе и вовсе не дается смысломъ западныхъ извѣстій. Въ извѣстіяхъ хронистовъ нѣтъ ни слова о подложности пословъ, называемыхъ послами Елены или русскаго народа; выраженія: „ficte, ut post claruit“ и „per omnia mentiti sunt“ относятся не къ подложности пословъ, а указываютъ только на то, что они ficte, обманчиво просили епископа и проповѣдниковъ вѣры, что русскіе въ концѣ концовъ обманули ожиданія императора, возбужденные этимъ посольствомъ. Мысли о подложности пословъ не читали у продолжателя Регинона и тѣ западные хронисты, которые вполнѣ повторяли тоже самое извѣстіе. И такъ остается или вполнѣ отвергнуть или вполнѣ признать все показаніе западныхъ лѣтописцевъ, т. е. признать и то, что посольство отъ Ольги къ нѣмецкому императору Оттону I дѣйствительно было. Исторія представляетъ весьма мало посредствующихъ данныхъ къ признанію такого посольства, тѣмъ не менѣе есть нѣкоторыя указанія, допускающія возможность и вѣроятность этого факта, который и признавалъ уже Шлецеръ. Въ исторіи обращенія въ христіанство Болгаріи, отчасти Моравіи, и даже въ исторіи крещеніи Владиміра мы видимъ, что принятіе вѣры отъ извѣстнаго народа въ представленіи язычниковъ соединялось—и большею частію справедливо—съ мыслію о нѣкотораго рода зависимости отъ него болѣе или менѣе тягостной, вслѣдствіе чего приходилось если не завоевывать вѣру, то выбирать просвѣтителей менѣе опасныхъ въ политическомъ отношеніи. Не могло-ли быть и на Руси явленія аналогичнаго съ поступкомъ болгарскаго князя Бориса, послѣ Византіи обратившагося къ Риму и—прибавимъ для полной аналогіи—отъ папства снова и уже бездоворотно привязавшагося къ восточному православію? Въ пользу этого предположе-

[1]) Соловьевъ, т. I, стр. 150 и др., прим. 217.

нія могутъ служить нѣкоторыя указанія нашихъ и византійскихъ лѣтописей объ охлажденіи между великою княгинею Ольгою и византійскимъ дворомъ послѣ ея крещенія въ Константинополѣ. Такъ, по свидѣтельству лѣтописи Нестора, когда чрезъ нѣсколько времени послѣ крещенія Ольги пришли къ ней послы отъ императора Константина Порфиророднаго съ просьбою даровъ и войска, то Ольга сказала: „скажите императору: если ты такъ же постоишь у меня на Почайнѣ, какъ я у тебя въ судѣ (въ константинопольской пристани), то тогда дамъ тебѣ“ (дары и войско) [1]). Царственный воспріемникъ съ своей стороны, какъ кажется, также платилъ нерасположеніемъ своей духовной дочери и ея народу. Императоръ Константинъ Порфирородный въ своихъ сочиненіяхъ неблагосклонно отзывается о русскихъ, сравниваетъ ихъ съ хозарами и турками, говоритъ о ихъ „ненасытной жадности“ и внушаетъ своему наслѣднику правила какъ нужно отговориться въ случаѣ, если русскіе будутъ просить чего нибудь изъ византійскихъ драгоцѣнностей [2]). Такое охлажденіе между Ольгою и императоромъ Константиномъ, не могло ли вызвать ее обратиться за епископомъ и священниками на западъ? Другія историческія черты нашей великой княгини—первой земской строительницы, ревностной христіанки, заботившейся о распространеніи христіанства, но не чуждой стремленія къ славѣ, чувствовавшей и наказывавшей оскорбленія,—не противорѣчатъ такому предположенію. Что касается разностей между восточною цер-

---

[1]) Несторъ подъ 855 г.

[2]) „Знай, сынъ,—говоритъ онъ,—что у всѣхъ сѣверныхъ народовъ существуетъ, какъ будто отъ природы, ненасытная жадность къ богатству, вслѣдствіе чего они все просятъ и за ничтожное дѣло требуютъ огромной награды. Поэтому если когда-нибудь или хозары, или турки, или русскіе, или другіе какіе сѣверные и скиѳскіе народы, какъ часто случается, будутъ просить о присылкѣ себѣ императорскихъ одеждъ, коронъ или облаченій, то тебѣ нужно отговариваться такъ: „эти облаченія и короны сдѣланы не рукою человѣческою и не человѣческимъ умомъ изобрѣтены, но отъ Бога даны чрезъ ангела Константину Великому съ тѣмъ, чтобы хранились они въ святой церкви Божіей и употреблять ихъ разрѣшено только публично и въ великій праздникъ Іисуса Христа, такъ что изъ нихъ ничего и никому нельзя дарить“. Наконецъ съ этими народами не слѣдуетъ и вступать въ брачные союзы“. De administr. Imperii c. 13. Stritter, Memoriae populorum 1, 624.

ковію и западною, то онѣ безъ сомнѣнія не могли останавливать св. Ольгу отъ религіозныхъ сношеній съ западомъ точно такъ же, какъ не останавливали и другихъ славянскихъ князей, какъ напр. Бориса болгарскаго. Св. Ольга конечно смотрѣла на западную имперію только какъ на имперію христіанскую и безъ сомнѣнія еще незнакома была съ тѣмъ духомъ и направленіемъ, какимъ отличалась западная церковь и ея миссіонеры. Ольга могла послать посольство именно къ императору Оттону, а не къ папѣ: посольство могло имѣть значеніе и для политическаго сближенія съ имперіею, обаяніе которой привлекало къ себѣ многихъ славянскихъ князей, а съ другой стороны вся миссіонерская дѣятельность запада сосредоточивалась тогда въ рукахъ императора, а не папы, и въ X вѣкѣ епископы и миссіонеры посылались и назначались не папою, а императоромъ. Не излишнимъ считаемъ присовокупить къ этому, что, по нѣкоторымъ западнымъ хроникамъ, русскіе послы упоминаются и на кведлинбургскомъ сеймѣ императора Оттона II въ 973 году, слѣдовательно еще гораздо раньше, чѣмъ Владиміръ сдѣлался непосредственнымъ сосѣдомъ Чехіи [1]).

Высказывая это, мы однако же не думали стать выше предположеній, которыя въ нашей наукѣ вызываются и оправдываются современною критикою нашей древней лѣтописи. Трудность отвергнуть показанія западныхъ хронистовъ составляетъ главную силу этого предположенія. Для нашей цѣли несравненно важнѣе результатъ посольства, чѣмъ самое посольство. Было ли оно дѣйствительно послано Ольгою или было дѣломъ русскихъ выходцевъ, какъ бы то ни было, несомнѣнно, что оно было принято императоромъ Оттономъ весьма благосклонно (benigne). Неожиданная просьба отъ повелительницы народа, внушавшаго страхъ Византіи, отъ княгини христіанки, уклонявшейся отъ Византійской имперіи и просившей епископа и пресвитеровъ отъ Нѣмецкой имперіи, не могла не льстить честолюбію нѣмецкаго императора и могла подавать надежду на пріобрѣтеніе въ русскомъ народѣ сильнаго союзника, не лишняго для имперіи. Императоръ очень обрадовался (multum gavisus) [2]) этому случаю и съ охотою удовлетворилъ просьбѣ русскихъ. По порученію его, Бременскій архіепископъ

---

[1]) Lamberti annales. Pertz III, 65.

[2]) Ann. Saxo ad. an. 959.

Адальдагъ, пользовавшійся особенною довѣренностію его, долженъ былъ изъ своего духовенства, знакомаго съ миссіонерскими обязанностями по своимъ отношеніямъ къ сѣверо-восточнымъ славянамъ и датчанамъ.—избрать особенно надежнаго миссіонера для Руси и посвятить его въ епископы на Русь. Выборъ Адальдага палъ на Либуція, монаха изъ монастыря св. Альбана,—мужа честнаго поведенія, какъ замѣчаетъ анналистъ Саксонъ и твердаго въ католичествѣ [1]), который и былъ посвященъ въ епископы Руси. Не слишкомъ охотно шли западные миссіонеры на проповѣдь Евангелія ради одного только апостольства. На западѣ давно уже, едва ли не со временъ британскихъ проповѣдниковъ и Бонифація, оскудѣлъ духъ чисто-апостольскаго подвижничества; не было недостатка въ проповѣдникахъ, когда дѣло шло о проповѣди у народовъ покоренныхъ или союзныхъ съ имперіею, когда проповѣдникъ могъ путешествовать съ отрядомъ солдатъ и когда за подвигъ обѣщалось осязательное вознагражденіе въ новообращенной странѣ. Но отправиться въ страну далекую, неизвѣстную, не стоящую ни въ какихъ отношеніяхъ къ имперіи, отправиться безъ поддержки свѣтской власти, безъ всякаго житейскаго разсчета, во имя только Евангелія,—на такое путешествіе были способны очень немногіе представители тогдашней западной церкви. Либуцій, по какимъ-то обстоятельствамъ (quibusdam dilationibus suspensus), слишкомъ годъ медлитъ отправиться въ далекую дорогу, и наконецъ умираетъ. На мѣсто Либуція избирается Адальбертъ, монахъ Трирскаго монастыря св. Максимина. Что медлительность Либуція въ отношеніи къ своему миссіонерскому посту происходила просто отъ нежеланія,—это видно изъ обстоятельствъ выбора преемника ему. Въ миссію назначили Адальберта по интригамъ; и современники, и знакомые новаго миссіонера смотрѣли на это назначеніе какъ на наказаніе. Продолжатель Регинона, монахъ того же монастыря и другъ Адальберта, говоритъ: „Адальбертъ сдѣланъ преемникомъ Либуція для отправленія на чужбину по интригамъ и навѣту (machinatione et consilio) архіепископа Вильгельма (Трирскаго), хотя Адальбертъ былъ наилучшимъ образомъ преданъ ему и никогда ни въ чемъ противъ него не погрѣшилъ“. Какъ видно, новое и повидимому высокое назначеніе Адальберта вы-

[1]) Тамъ же.

зывало не радость, а сожалѣніе. Тѣмъ не менѣе однако же, прошло уже полтора года послѣ того какъ приходили послы отъ Ольги,—и новый епископъ былъ скоро отправленъ на Русь. Императоръ Оттонъ, замѣчаетъ хронистъ, отправилъ его съ почетомъ и снабдилъ его съ обычною щедростью всѣмъ необходимымъ. Съ епископомъ отправлено было вѣроятно не малое число и низшихъ клириковъ, помощниковъ въ дѣлѣ проповѣди. Что же встрѣтилъ на Руси западный епископъ-миссіонеръ съ своими спутниками? Хроника говоритъ кратко: „Адальбертъ, посвященный епископъ Ругійскій, не могши исполнить ничего изъ того, для чего былъ посланъ и видя, что онъ потрудился напрасно, возвращается, и тогда какъ нѣкоторые изъ его (спутниковъ) на обратномъ пути были убиты, самъ онъ едва спасся“. Что было причиною такой полной неудачи? Адальбертъ былъ безъ сомнѣнія ревностнымъ миссіонеромъ въ смыслѣ католическомъ. По возвращеніи изъ Руси, онъ былъ поставленъ во главѣ славянской миссіи,—былъ назначенъ архіепископомъ магдебургскимъ, съ подчиненіемъ его вѣдѣнію всѣхъ обращенныхъ и имѣющихъ быть обращенными странъ за Лабою и Салою. Самъ папа Іоаннъ XIII свидѣтельствовалъ о немъ, что онъ потерпѣлъ неудачу на Руси не по своему нераченію (non sua ignavia, sed illorum—nequitia) [1]). Но именно то, что онъ былъ ревностнымъ католическимъ миссіонеромъ, самый характеръ и духъ проповѣди и были главною причиною его неуспѣха. Если опасенія политической зависимости отъ Константинополя и побудили Ольгу просить епископа и проповѣдниковъ у запада, то ея надежды отдѣлить дѣло вѣры отъ интересовъ политики, при религіозныхъ связяхъ съ имперіею, оказались еще болѣе невѣрными. Нѣмецкая проповѣдь естественно съ именемъ вѣры, Христа, приносила и Руси, какъ и западнымъ славянамъ, имя папы и императора, давала чувствовать неизбѣжность извѣстной церковно-политической зависимости Руси отъ священной Римской имперіи. Проповѣдь западнаго миссіонера грозила Руси двойнымъ игомъ—и церковнымъ отъ папы, и политическимъ отъ нѣмецкаго императора. Могла-ли такая проповѣдь нравиться народу, не знавшему никакого подчиненія, гордившемуся своими геройскими подвигами и наводившему страхъ на самую Византію? Могла-ли принять такую проповѣдь святая

[1]) Riedel. Codex diplom. Brandenburgensis, t. VIII, № VII.

представительница этого народа, искавшая въ христіанствѣ, по выраженію Нестора, только „добрыя мудрости Божіей“, несовмѣстной ни съ какими земными разсчетами? И въ краткомъ извѣстіи западнаго лѣтописца о посольствѣ Адальберта проглядываютъ черты, изъ которыхъ можно заключить, что, помимо религіозныхъ, были и политическія цѣли миссіи. Къ этой мысли приводитъ уже общность и неопредѣленность выраженія: „не могши успѣть ни въ чемъ, для чего былъ посланъ“,—выраженія, указывающаго какъ будто на нѣсколько задачъ, возложенныхъ на миссіонера. Но еще больше подтверждаютъ это предположеніе дальнѣйшія отношенія императора къ неудавшемуся миссіонеру. Оттонъ оказывается весьма благосклоннымъ къ Адальберту, какъ будто въ благодарность за безуспѣшное, но добросовѣстное исполненіе порученной ему миссіи, Адальбертъ принимается императоромъ съ любовію (caritative), принимается въ императорскую капеллу,—милость, которой удостоивались лишь избранныя лица духовенства,—и впослѣдствіи, какъ мы сказали, назначается на одну изъ важнѣйшихъ каѳедръ Германіи. Еще одно замѣчаніе. Разсказъ продолжателя Регинона вовсе не даетъ мысли о безчестномъ изгнаніи западныхъ миссіонеровъ изъ Руси и о ихъ преслѣдованіи здѣсь какъ проповѣдниковъ. Миссія потерпѣла неудачу, миссіонеры должны были возвратиться вспять, но ихъ не преслѣдовали на Руси. Уже на обратномъ пути (in redeundo) ихъ постигло несчастіе, вслѣдствіе котораго нѣкоторые изъ спутниковъ Адальберта были убиты и самъ онъ едва спасся. Обстоятельство это могло и не зависѣть отъ миссіонерской проповѣди; миссіонеры просто могли подвергнуться нападенію разбойниковъ и притомъ внѣ владѣній великой княгини Ольги.

Первая попытка вовлечь Русь въ систему западной римской имперіи оказалась такимъ образомъ безуспѣшною. Тогда какъ весьма многія западныя хроники того времени опредѣленно отмѣчаютъ это событіе, въ русскихъ лѣтописяхъ мы не находимъ ни малѣйшаго намека на сношенія св. Ольги съ западомъ. Въ дальнѣйшей исторіи замѣчается такое же, только обратное, несоотвѣтствіе въ показаніяхъ западныхъ и нашихъ источниковъ. По мѣрѣ того какъ приближается время общаго христіанскаго просвѣщенія Руси, наши лѣтописи чаще и чаще указываютъ на сношенія русскихъ князей съ западомъ по дѣлу вѣры; западныя, напротивъ, ни однимъ словомъ не упоминаютъ ни о какихъ сношеніяхъ. По свидѣтельству нашихъ лѣтописей послы папы

приходятъ къ Ярополку около 979 года; „нѣмцы изъ Рима“ приходятъ къ Владиміру и предлагаютъ ему свою вѣру около 986 г. Затѣмъ непосредственно послѣ крещенія, когда Владиміръ еще былъ въ Корсунѣ, „приходиша послы изъ Рима отъ папы и мощи святыхъ принесоша къ Володиміру“. Подъ 991 годомъ опять упоминаются папскіе послы къ Владиміру; подъ 994 говорится о послахъ Владиміра, „иже ходиша въ Римъ къ папѣ“; наконецъ подъ 1002 годомъ говорится: „посла Владиміръ гостей своихъ аки въ послѣхъ въ Римъ, а другихъ въ Іерусалимъ и въ Египетъ и въ Вавилонъ соглядати земель ихъ и обычаевъ ихъ“. Но въ параллель къ этимъ свидѣтельствамъ, показывающимъ повидимому самыя живыя сношенія древней Руси съ папствомъ и западомъ, мы не встрѣчаемъ ни одного указанія о подобныхъ сношеніяхъ въ источникахъ западныхъ. Ученая критика отрицаетъ подлинность даже тѣхъ немногихъ указаній западныхъ источниковъ этого времени, гдѣ встрѣчаются только упоминанія о Руси [1]). Какъ же относиться къ этимъ свидѣтельствамъ нашихъ лѣтописей? Молчаніе западныхъ хроникъ, обыкновенно тщательно отмѣчающихъ религіозныя отношенія имперіи и папства къ сосѣднимъ народамъ, представляетъ серьезное, но не рѣшительное возраженіе противъ достовѣрности свидѣтельствъ нашихъ лѣтописей. Припомнимъ напр., что греческія лѣтописи ни слова не говорятъ о крещеніи Владиміра, что лѣтопись Нестора умалчиваетъ о первыхъ кіевскихъ митрополитахъ. Западныя лѣтописи также иногда опускаютъ факты весьма важные, что однако же не даетъ права отвергать ихъ дѣйствительность. Но тѣмъ не менѣе однакоже показанія нашихъ лѣтописей о сношеніяхъ съ папою и Римомъ при Владимірѣ святомъ справедливо отрицаются современною историческою критикою [2]). Кромѣ того, что большая часть приведенныхъ нами свидѣтельствъ принадлежитъ позднѣйшимъ нашимъ лѣтописямъ, и что нѣкоторыя изъ этихъ свидѣтельствъ носятъ ясные слѣды тенденціозныхъ преувеличе-

---

[1]) Такъ напр. историческая критика отрицаетъ подлинность буллы папы Іоанна XIII объ утвержденіи пражскаго епископства въ 970 г., буллы, въ которой папа запрещаетъ употребленіе при богослуженіи *русскаго* или славянскаго языка (**Ruziae vel slavonicae linguae**). См. **Jaffé**, **Regesta Pontificum** стр. 947.

[2]) Костомаровъ. Преданія древней лѣтописи. Вѣстникъ Европы 1873 г. мартъ.

ній,—противъ ихъ буквальной достовѣрности говоритъ главнымъ образомъ то обстоятельство, что сношенія папства съ европейскими народами вообще—не были такъ развиты, какъ это представляется по сказаніямъ нашихъ лѣтописей. Десятый вѣкъ былъ эпохою крайняго упадка папства. Нравственная испорченность и неспособность папъ, внутреннія смуты въ Италіи и папской куріи вели къ паденію авторитета папства и къ ослабленію его церковно-политическихъ сношеній. И народы болѣе близкіе къ интересамъ римской церкви въ то время рѣдко имѣли непосредственныя сношенія съ папами. Итакъ едва ли возможно принять свидѣтельства нашихъ лѣтописей въ *буквальномъ* смыслѣ. Тѣмъ не менѣе однакоже было бы несправедливо и отрицать попытки западной церкви къ обращенію Владиміра въ католицизмъ. Наши лѣтописи представляютъ Владиміра, еще язычника, въ довольно живыхъ сношеніяхъ съ Чехіею, одну изъ женъ его называютъ чехинею и упоминаютъ о послахъ чешскаго князя Ольдриха. Затѣмъ, овладѣвъ Галиціею, Владиміръ раздвинулъ свои владѣнія до самыхъ границъ Чехіи и держалъ съ нею миръ и дружбу. Вотъ главный путь, которымъ могла проникать на Русь католическая пропаганда. Чехія, куда еще при Вячеславѣ латино-нѣмецкое духовенство стекалось со всѣхъ сторонъ, какъ „пчелы въ улей“, по выраженію біографа св. Вячеслава, Чехія, которая скоро распространила вліяніе нѣмецко-латинскихъ началъ и на Польшу, и въ Болеславѣ II имѣла ревностнѣйшаго сторонника западнаго христіанства,—могла высылать миссіонеровъ на Русь, когда ея князь сталъ колебаться въ своихъ языческихъ убѣжденіяхъ. Поэтому, отрицая буквальный смыслъ нашихъ лѣтописныхъ сказаній о посольствахъ къ Владиміру со стороны латинской церкви, нельзя отрицать частныхъ попытокъ сосѣднихъ князей или епископовъ чешскихъ и даже польскихъ, попытокъ, имѣвшихъ цѣлію склонить св. Владиміра къ принятію католичества. Родственныя связи съ Чехіей и вліяніе духовныхъ лицъ, безъ сомнѣнія сопровождавшихъ христіанку-чехиню на Русь, особенно могли служить проводниками католической пропаганды: припомнимъ, что этимъ путемъ двѣ другихъ славянскихъ княжны Добровка и Сарольта послужили главнѣйшими орудіями западнаго христіанства при введеніи его въ Польшѣ и Венгріи. Разсказъ нашихъ лѣтописей о бесѣдѣ Владиміра съ послами папы хотя конечно, такъ же какъ и символъ Владиміра, есть произведеніе позднѣйшее и не имѣетъ строго-историческаго значенія, но тѣмъ не менѣе вѣрно

намѣчаетъ нѣкоторыя черты латинской миссіонерской проповѣди. Послы папы начинаютъ свою проповѣдь язычнику—Владиміру не съ ученія о Богѣ, а съ догмата о папствѣ: „глаголетъ ти великій папа". Ученіе о главенствѣ папы, о подчиненіи намѣстнику св. Петра стояло на первомъ мѣстѣ у западныхъ проповѣдниковъ, начиная со времени Бонифація. Характеристична и другая черта: „Володимеръ рече: кака заповѣдь ваша? Они же рѣша: пощеніе по силѣ, аще кто піетъ или ястъ, то все во славу Божію, рече учитель нашъ Павелъ". Здѣсь сказывается обычная католицизму таже самая поблажка, чрезмѣрная снисходительность къ слабостямъ человѣческимъ, какая замѣчена была въ латинскихъ проповѣдникахъ и въ Моравіи, о которыхъ въ житіи св. Меѳодія говорится, что они „Божіи раби творящеся, тай развращаху люди, ласкающе". Отъ проницательнаго ума Владиміра не укрылись эти и другія слабыя стороны латинства: и эта проповѣдь латинскихъ миссіонеровъ принята съ такимъ же равнодушіемъ, какъ и проповѣдь Адальберта при св. Ольгѣ. „Рече Володимеръ нѣмцамъ: идѣте себѣ: отцы наши сего не пріяли суть". Всѣ предшествующія вѣковыя связи указывали Владиміру искать высшаго духовнаго союза не съ папскимъ и императорскимъ западомъ, сливавшимъ религію съ политикою, а съ православнымъ востокомъ, откуда „на вся страны всегда добрый законъ исходитъ" и откуда приняла его мудрая Ольга.

Русь приняла христіанство отъ Византіи. Въ тоже время между Нѣмецкою имперіею и Русью образовались два самостоятельныя сильныя государства—польское и венгерское, которыя преградили имперіи дальнѣйшее движеніе къ востоку. Образованіе этихъ государствъ ограничивало и кругъ непосредственныхъ вліяній латино-нѣмецкихъ началъ. Главный дѣятель этого весьма важнаго событія папа Сильвестръ II, знаменитый предшественникъ Григорія VII по многимъ идеямъ, дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ въ духѣ исконной политики римскаго двора—утверждать самостоятельность отдѣльныхъ народовъ, чтобы тѣмъ тѣснѣе привязывать ихъ въ качествѣ равноправныхъ сыновъ христіанской семьи къ престолу св. Петра, какъ общему и высшему центру духовной жизни. Съ нѣкоторыми обязательствами въ отношеніи къ папству, Стефанъ король венгерскій и Болеславъ Храбрый король польскій съ короною получили полную независимость церковную. Въ послѣднемъ отношеніи они получили теперь права и обязанности, принадлежавшія доселѣ одной имперіи—именно учреждать

епископства и назначать епископовъ въ своихъ государствахъ, а также и обязанность распространять христіанство у своихъ языческихъ сосѣдей. Такимъ образомъ, образованіе въ сосѣдствѣ съ Русью двухъ самостоятельныхъ государствъ удаляло ее отъ вліянія началъ нѣмецко-латинскихъ, но приближало къ ней вліяніе папства при посредствѣ Венгріи и особенно Польши. Было ли такое вліяніе и насколько оно было значительно? Этотъ вопросъ приводитъ насъ къ исторіи двухъ западныхъ миссіонеровъ, приходившихъ на Русь при Владимірѣ и Святополкѣ—къ исторіи такъ называемаго „апостола Руссовъ“ Бруно-Бонифація и епископа колобрежскаго Рейнберна.

Бруно или Брунъ родился около 976 года въ Кверфуртѣ и происходилъ изъ фамиліи, родственной императорамъ саксонскаго дома. Лѣтъ 12-ти онъ отданъ былъ отцомъ своимъ въ магдебургскую школу —знаменитую въ исторіи славянства важнымъ участіемъ въ воспитаніи многихъ епископовъ и миссіонеровъ славянскихъ. Съ 968 по 981 г. школа эта состояла подъ главнымъ начальствомъ архіепископа магдебургскаго Адальберта, бывшаго русскаго миссіонера и епископа, и въ это время получилъ тамъ воспитаніе знаменитый Адальбертъ-Войтехъ, главный основатель католицизма въ Чехіи, окончившій бурную жизнь свою мученичествомъ у Пруссовъ. Сообщая питомцамъ своимъ „семь хлѣбовъ мудрости“—trivium и quadrivium,—школа давала имъ, какъ можно судить по внутреннимъ порядкамъ и ученикамъ ея,—строго нѣмецкое направленіе и приготовляла въ нихъ ревностныхъ поборниковъ не только католицизма, но и германизма. Вмѣстѣ съ Бруно въ этой же школѣ получилъ образованіе и Титмаръ, впослѣдствіи епископъ мерзебургскій, извѣстный своею хроникою, бывшій въ родствѣ и близкой дружбѣ съ семействомъ Бруно. По окончаніи ученія, Бруно былъ сначала каноникомъ при церкви св. Маврикія въ Магдебургѣ, но, выдвигаясь своимъ образованіемъ, скоро былъ взятъ ко двору и до того понравился молодому императору Оттону III, что Оттонъ, по свидѣтельству жизнеописателя Ромуальда, не называлъ его иначе, какъ: „душа моя“. Вѣроятно въ 996 году онъ сопутствовалъ императору въ Италію и здѣсь, какъ предполагаютъ, въ монастырѣ св. Алексія въ Римѣ постригся въ монашество подъ именемъ Бонифація. Строгій подвижникъ, Бруно-Бонифацій идеаломъ для себя поставилъ извѣстнаго просвѣтителя Германіи, имя котораго онъ принялъ въ монашествѣ. Говорятъ, бывъ однажды въ церкви, посвященной Бонифацію, Бруно

воскликнулъ: „и я ношу имя Бонифація: почему же и мнѣ не быть мученикомъ Христовымъ?“ Чрезъ нѣсколько времени Бонифацій вступилъ въ братство, которое собралось около пустынника Ромуальда, славившагося по всей Италіи, жилъ съ нимъ въ Тибурѣ, Монте-Кассино и наконецъ въ Переѣ близь Равенны. Ромуальдъ—знаменитый основатель ордена камалдуловъ и его монастырь въ Переѣ имѣли важное значеніе для новыхъ независимыхъ отъ имперіи государствъ Польши и Венгріи. Братство Ромуальда какъ-бы предназначалось замѣнить собою магдебургскую школу, назначалось служить разсадникомъ миссіонеровъ и новаго независимаго отъ Германіи духовенства въ Польшѣ и Венгріи. По свидѣтельству Даміани, по просьбѣ Болеслава Храбраго, изъ братства Ромуальда отправлены были въ Польшу для приготовленія къ миссіонерской дѣятельности два монаха, Іоаннъ и Бенедиктъ, и здѣсь въ теченіи семи лѣтъ усердно трудились въ изученіи польскаго языка, но, по несчастію, когда приготовились уже къ этому дѣлу, были убиты разбойниками. Въ этомъ же аббатствѣ, въ Переѣ, по увѣщанію Ромуальда, принялъ монашество и подвизался сынъ Болеслава Храбраго, Болеславъ, безъ сомнѣнія приготовлявшійся отцомъ своимъ стать во главѣ національнаго польскаго духовенства. Если прибавимъ къ этому, что въ самой Равеннѣ Стефаномъ королемъ венгерскимъ учрежденъ былъ монастырь для венгровъ, что монастырь въ Переѣ былъ основанъ въ честь новаго святаго изъ славянъ Адальберта-Войтѣха, что Ромуальдъ впослѣдствіи самъ со многими учениками отправился на проповѣдь въ Венгрію, то можемъ заключать, что знаменательное имя Бонифація дано было Бруно именно въ видахъ предназначаемой ему миссіонерской дѣятельности въ восточныхъ областяхъ Европы. Еще въ Италіи, по взаимному согласію папы и императора Генриха II, Бруно назначенъ былъ архіепископомъ in partibus infidelium, т. е. вообще въ странахъ, не обращенныхъ въ христіанство и не принадлежащихъ къ римской церкви. Въ 1002 или 1003 г. онъ возвратился въ Германію и отъ архіепископа Тагино получилъ здѣсь епископское посвященіе съ возложеніемъ палліума, который самъ принесъ изъ Рима. Непосредственно затѣмъ новый архіепископъ отправился въ Польшу, ко двору Болеслава Храбраго. Между архіепископомъ и польскимъ королемъ скоро установились самыя дружественныя отношенія. По совѣту Болеслава и можетъ быть при его посредствѣ Бруно прежде всего отправился въ Венгрію. Здѣсь еще недавно стало

водворяться христіанство стараніями короля Стефана, котораго крестилъ Войтѣхъ епископъ пражскій, въ 995 г. Понятно, что Бруно надѣялся найти здѣсь обширное поприще дѣятельности. Ожиданія его однакоже не оправдались. Онъ пробылъ здѣсь около двухъ лѣтъ, какъ самъ онъ говоритъ, *напрасно*. Ревностно охранявшій свою независимость, Стефанъ не хотѣлъ и церковной зависимости, и нѣмецкій миссіонеръ, хотя онъ „несъ Евангеліе отъ св. Петра", казался ему подозрительнымъ. Бруно въ 1008 г. удалился на Русь и цѣлый мѣсяцъ былъ у русскаго князя, какъ видно изъ описанія, въ Кіевѣ у Владиміра. Какая была цѣль западнаго миссіонера? Разсказъ объ этомъ сообщаетъ самъ Бруно въ письмѣ къ императору Генриху II. „Изъ Венгріи, говоритъ Бруно, мы направили путь свой къ жесточайшимъ изъ всѣхъ язычниковъ печенѣгамъ. Государь Руссовъ, великій державою и богатствомъ, мѣсяцъ удержалъ меня и, противясь моему намѣренію, старался убѣдить меня, чтобы я не шелъ къ столь неразумному народу, гдѣ не могъ бы спискать душъ, а лишь найти смерть, и то постыднѣйшую". Но, вслѣдствіе будто-бы видѣнія, русскій князь отпустилъ Бруно и съ дружиною проводилъ его до печенѣжской границы. Владиміръ съ своими вошелъ за ворота ограды (укрѣпленной линіи на границѣ) и сталъ на сторожевомъ курганѣ; Бруно съ товарищами пошелъ въ степь, съ крестомъ и съ пѣніемъ стиховъ евангельскихъ. Пять мѣсяцевъ пробылъ онъ у печенѣговъ, подвергался многимъ опасностямъ, едва не погибъ, но умѣлъ пріобрѣсти вліяніе на старшинъ и крестилъ до 30 человѣкъ. Онъ успѣлъ заключить миръ между печенѣгами и Русью и возвратился въ Кіевъ. Какъ только Владиміръ узналъ, что христіанство нашло отголосокъ у печенѣговъ, онъ рѣшился отправить къ нимъ въ заложники собственнаго сына, чтобы скрѣпить миръ и тѣмъ облегчить дѣйствія миссіонеровъ. Бруно поставилъ епископомъ для печенѣговъ одного изъ своихъ спутниковъ.—Такова сущность свѣдѣній, сообщаемыхъ самимъ Бруно въ письмѣ къ Генриху II. Цѣлью его миссіи, какъ видно, была только проповѣдь у печенѣговъ, приготовленіемъ къ которой могла служить для Бруно его проповѣдь у единоплеменныхъ и единоязычныхъ съ печенѣгами венгровъ. Но замѣчательно, что Бруно вовсе не упоминаетъ о своей проповѣднической дѣятельности въ самой Руси. Владиміръ, уже христіанинъ православной восточной церкви,—какъ видно не дозволилъ западному проповѣднику обнаружить свою миссіонерскую ревность на Руси, какъ бы

ни велика была потребность въ просвѣтителяхъ въ только-что принявшей христіанство странѣ. Если Стефанъ Венгерскій, принявшій христіанство по обряду латинскому и имѣвшій при себѣ латинское духовенство, недовѣрчиво отнесся къ нѣмецкому миссіонеру; то тѣмъ менѣе довѣрія могъ встрѣтить Бруно у князя русскаго, недавно серьезно испытавшаго латино-нѣмецкія начала и рѣшительно отвергшаго католицизмъ. При этомъ не можемъ не замѣтить, что и разсказъ Бруно о миссіи у печенѣговъ внушаетъ нѣкоторое недовѣріе тенденціею выставить свои миссіонерскія подвиги и опасности. Миссія у печенѣговъ, по всей вѣроятности, не была такимъ рискованнымъ, ничѣмъ непосредствуемымъ подвигомъ, какимъ представляетъ ее Бруно. Если миссіонеръ возстановилъ миръ между печенѣгами и русскимъ княземъ, то безъ сомнѣнія онъ могъ это сдѣлать только по порученію Владиміра. Вотъ слѣдовательно главное посредство и условіе возможности этой миссіи, и можетъ быть въ сущности дѣло только и ограничивалось исполненіемъ этого политическаго порученія. Какъ бы то ни было, о дальнѣйшей судьбѣ латинскаго епископа у печенѣговъ ничего неизвѣстно; извѣстно только, что христіанство у печенѣговъ не привилось.

Изъ Кіева Бруно отправился навѣстить сѣверныя миссіи—скандинавскую и поморско-прусскую. Съ первою онъ вошелъ въ сношенія, вторую принялъ подъ личное руководство. Средоточіемъ и главною опорою ея была Польша. Болеславъ Храбрый, ревностный поборникъ христіанства, употреблявшій огромныя средства на построеніе церквей, на пособіе приходившимъ въ Польшу священникамъ, на поддержаніе миссій у язычниковъ, особенно заботился объ обращеніи пруссовъ, всегдашнихъ враговъ Польши, которыхъ ему удалось покорить. Не суждено было Бруно-Бонифацію имѣть успѣхъ и на сѣверѣ между пруссами. Какъ показываютъ собственныя слова его въ письмѣ къ Генриху, онъ не могъ дѣйствовать въ чистомъ духѣ Евангелія, въ духѣ кротости и любви: для обращенія язычниковъ онъ требовалъ помощи свѣтской власти, онъ требовалъ отъ князей „compellere intrare“,—чтобы они силою побуждали язычниковъ вступать въ церковь. Но съ другой стороны онъ не жилъ еще въ томъ вѣкѣ, когда западный миссіонеръ велъ желѣзный строй рыцарей для того, чтобы обращать еретиковъ и язычниковъ. Слово его было безплодно, но рука еще не была вооружена. Онъ погибъ года полтора послѣ того какъ былъ на Руси и писалъ отсюда къ Генриху. Титмаръ разсказываетъ, что его убили

гдѣ-то между Прусскою землею и Русью, стало быть въ Литвѣ. Такъ и свидѣтельствуетъ кведлинбургская лѣтопись, подъ 1009 годомъ: „Бруно, по другому имени Бонифацій, архіепископъ и монахъ, на одиннадцатомъ году своего постриженія погибъ, 9 марта, обезглавленный язычниками на границахъ Руси и Литвы, съ 18 товарищами, и былъ пріятъ на небеса. Римская церковь причислила его къ лику святыхъ".

Въ католической церкви Бруно-Бонифацій слыветъ подъ именемъ *апостола руссовъ*, и католическіе ученые, начиная съ Баронія до Флери и новѣйшихъ представителей ультрамонтанскаго направленія въ наукѣ, считаютъ Бонифація просвѣтителемъ и мученикомъ *русскимъ*. Ошибка, основанная однако же на древнихъ документахъ. Около 1040 года написана была въ Италіи Петромъ Даміани жизнь св. Ромуальда, въ которой довольно подробно говорится между прочимъ и о послѣднихъ подвигахъ и смерти Бонифація. По этому сказанію Бонифацій проповѣдывалъ *славянскому народу* и потерпѣлъ мученичество отъ *русскаго* князя, брата котораго онъ обратилъ въ христіанство, невредимо прошедши между двухъ горящихъ костровъ. Но какъ видно, пока вѣсть о Бруно-Бонифаціѣ изъ Литвы дошла до Италіи, въ ней не осталось ничего историческаго: сказаніе Петра Даміани, равно какъ и другое — Виперта, выдающаго себя спутникомъ Бруно, переполнено такими несообразными и баснословными чудесами, что не представляетъ въ себѣ ничего достовѣрнаго и по справедливости отвергается учеными. Между прочимъ мысль о русскомъ апостольствѣ Бонифація опровергается и сказаніемъ Виперта, который послѣднюю дѣятельность Бруно пріурочиваетъ къ Пруссіи, говоритъ объ обращеніи *прусскаго*, а не *русскаго* князя, хотя и даетъ ему славянское имя *Нѣтимиръ*. Вполнѣ достовѣрныя свѣдѣнія о Бруно сообщаются только у Титмара и въ письмѣ самого Бруно къ Генриху II, а на основаніи этихъ документовъ мы видѣли, что Бруно, какъ миссіонеръ, не имѣлъ никакого отношенія къ Руси. Къ слову объ источникахъ еще одно замѣчаніе. У интерполятора монаха Адемара, писавшаго хронику около 1150 года, котораго Пертцъ называетъ non omnino insanus, находимъ извѣстіе такого рода: „св. Бруно обращаетъ провинцію Пруссію и другую, называемую Русью... Отправившись къ пинценнатамъ и, проповѣдуя имъ, пострадалъ также какъ и св. Адальбертъ (т. е. Войтѣхъ). Тѣло его русскіе выкупили за большія деньги и на Руси создали монастырь его имени,

и началъ онъ прославляться многими чудесами. А чрезъ нѣсколько времени пришелъ на Русь нѣкій греческій епископъ и большинство этой провинціи, еще преданной идоламъ, обратилъ и заставилъ ихъ (русскихъ) принять греческій обычай въ рощеніи бороды и другихъ отношеніяхъ". Изъ этого свидѣтельства справедлива только та общая идея, что проповѣдь Бруно или другаго какого-либо западнаго „апостола Руссовъ" должна была уступить греко-восточному началу [1]).

Въ заключеніе, нѣсколько словъ еще объ одномъ западномъ проповѣдникѣ на Руси въ XI вѣкѣ. Болеславъ, какъ мы замѣтили, наслѣдовалъ обязанности имперіи въ обращеніи сосѣднихъ странъ къ христіанству и былъ душею сѣверо-восточной миссіи, во главѣ которой стояли сначала Войтѣхъ, а потомъ Бруно. Завоевательныя и миссіонерскія тенденціи этотъ „христіаннѣйшій" король перенесъ и на Русь. Сынъ Владиміра, удѣльный князь туровскій Святополкъ былъ женатъ на дочери Болеслава Храбраго. Вмѣстѣ съ дочерью Болеслава прибылъ ко двору туровскаго князя Рейнбернъ, епископъ колобрежскій, какъ видно нѣмецъ, но стоявшій въ близкихъ отношеніяхъ къ Болеславу. Рейнбернъ дѣятельно велъ пропаганду католицизма въ удѣлѣ Святополка, хотя по всей вѣроятности здѣсь было уже греческое духовенство. Титмаръ, епископъ мерзебургскій, единственный источникъ свѣдѣній о Рейнбернѣ говоритъ: „происходя изъ мѣстечка Гассегунъ, воспитанный въ свободныхъ наукахъ умными учителями, Рейнбернъ, достойно, думаю, достигъ епископскаго сана. А сколько потрудился онъ въ порученномъ ему дѣлѣ, (для описанія этого) недостаточно ни моего знанія, ни способности. Разрушая идольскія капища, онъ сожигалъ ихъ и отъ неплоднаго дерева, т. е. отъ народа до крайности грубаго, произвелъ всемогущему Богу отрасль святаго проповѣданія" [2]). Но вмѣстѣ съ этимъ святымъ проповѣданіемъ Рейнбернъ подстрекалъ Святополка къ возстанію противъ Владиміра. Для Болеслава былъ ва-

---

[1]) Источниками о Бруно-Бонифаціѣ для насъ служили: *Бѣлевскаю* **Monumenta Poloniae**, гдѣ помѣщены всѣ документы, относящіеся къ этому предмету; хроники Титмара, Интерполлятора Адемара; статья Гильфердинга о Бруно, въ Русской Бесѣдѣ 1856 г., кн. 1; *Gfrörer*, **Kirchengeschichte**, **Baronii Annales** и др. пособія.

[2]) **Tiethmari Chron. VII**, 52.

женъ успѣхъ этого возстанія въ политическомъ, а для западной церкви можетъ быть и въ религіозномъ отношеніи, такъ какъ съ этимъ возстаніемъ могли связываться виды на отторженіе Руси отъ союза съ восточнымъ православіемъ. Владиміръ узналъ объ интригѣ Рейнберна, захватилъ его и вмѣстѣ съ сыномъ и невѣсткою заключилъ въ тюрьму, гдѣ Рейнбернъ скоро умеръ. Титмаръ говоритъ, что Болеславъ не преминулъ отомстить Владиміру, сколько могъ. Послѣдующія затѣмъ войны Болеслава съ Русью, по мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ, имѣли религіозное значеніе, и завоевательныя тенденціи Болеслава и были именно причиною того, что Владиміръ „бросился въ объятія греческой церкви“ и только въ Византіи искалъ для себя спасенія [1]). Мы думаемъ однако же, что это мнѣніе основано не болѣе какъ только на извѣстіи Титмара о дѣятельности Рейнберна, дѣятельности тенденціозной, но большаго значенія во всякомъ случаѣ не имѣвшей.

Изъ сказаннаго нами видно, что латинская пропаганда коснулась Руси весьма слабо. Русь тяготѣла къ востоку и греческой церкви; она не вошла въ районъ непосредственныхъ дѣйствій священной Римской имперіи, а Польша не могла стать для Руси тѣмъ же, чѣмъ для нея самой была эта имперія. Поэтому православіе не испытало на Руси той борьбы съ католицизмомъ, какую оно должно было выдержать въ другихъ, болѣе западныхъ славянскихъ областяхъ, напр. въ Моравіи, при Кириллѣ и Меѳодіѣ. Присутствіе сильнаго полемическаго элемента противъ католицизма въ нашихъ лѣтописяхъ и вообще въ древнѣйшей литературѣ русской не можетъ противорѣчить этому. Полемика эта проникла въ нашу литературу уже позже, и была перенесена къ намъ или съ почвы византійской, главнымъ образомъ послѣ окончательнаго раздѣленія церквей, въ XI столѣтіи, или изъ другихъ иноземныхъ (славянскихъ) источниковъ.

---

[1]) Gfrörer, Kirchengeschichte.

Какая мѣстность въ древности называлась Олеговой Могилой?

Чтеніе **П. Г. Лебединцева.**

Въ лѣтописи нашей древней такъ сказано о мѣстѣ погребенія кіевскаго князя Олега: „и погребоша и на горѣ, иже глаголется Щековица; есть же могила его до сего дни, словетъ Могила Олегова". Кажется, ясно, что Олегова Могила была на горѣ Щековицѣ. Здѣсь полагаютъ ее всѣ описатели Кіева; здѣсь ея искали и ищутъ мѣстные и пріѣзжающіе въ Кіевъ изыскатели древностей. Мѣстность Щековицы извѣстна. Осмотримъ ее. Возвышаясь надъ Подоломъ съ западной его стороны, гора *Щековица* на южной своей сторонѣ отдѣляется отъ всей Старокіевской возвышенности и ея вѣтвей—Кудрявца и Киселевки—нѣсколькими оврагами: глубокимъ, называемымъ Глубочицей, проходящимъ съ Подола въ направленіи отъ востока къ западу, и меньшими оврагами, Кожемяцкимъ, Гончарнымъ и Кудрявскимъ, направляющимися отъ Стараго Кіева къ Глубочицѣ. Съ сѣверо-запада Щековицкую гору огибаетъ также очень глубокій оврагъ „Юрковица", а нѣсколько меньшихъ овраговъ отдѣляютъ Щековику отъ Лукьяновской возвышенности. При такомъ положеніи Щековицкая гора довольно удалена и отъ Стараго Кіева, и отъ р. Лыбеди, и находится въ довольно трудномъ сообщеніи со всѣми окружающими ее мѣстностями. На этой-то горѣ, по словамъ лѣтописи, была могила вѣщаго Олега, умершаго въ 912 г.

Но въ той-же лѣтописи нашей есть довольно ясныя указанія, что Олегова Могила была не на крутой и удаленной отъ Стараго Кіева горѣ-Щековицѣ, а на другой, ближайшей къ нему и болѣе доступной мѣстности, и при томъ не къ сѣверу отъ Кіева, какъ Щековица, а **къ западу отъ него.**

Первое указаніе на такую мѣстность Олеговой Могилы имѣется въ повѣствованіи о подступѣ Изяслава Мстиславича къ Кіеву, въ 1146 году, для низложенія Игоря Ольговича съ велико-княжескаго престола. Слѣдуя изъ Переяслава чрезъ Зарубъ и Поросье, присоединивши къ себѣ Бѣлгородцевъ и Василевцевъ, Изяславъ Мстиславичъ подошелъ къ Кіеву съ западной его стороны „и поиде къ валови, идѣже есть Надово озеро у Шелвова борку, и ту ста полки подлѣ валъ съ сыномъ своимъ Мстиславомъ; Кияне же (вышедшіе изъ города) особно сташа въ *Олгови Могилы* многое множество". Тѣ и другіе стояли въ виду Игорева войска, обозъ котораго находился предъ Золотыми воротами. Лѣтописецъ говоритъ: „стоящимъ же еще полкомъ межи собою, и видѣвъ Игорь и вси вои его, оже Кияне послався и пояша у Изяслава тысячскаго и съ стягомъ и приведоша и къ собѣ". Тысячскій Улѣбъ и Иванъ Воитишичъ, отосланные Игоремъ къ своимъ полкамъ, побросали знамена и поскакали къ Жидовскимъ воротамъ—на соединеніе съ Кіевлянами, съ которыми уже сговорились измѣнить Игорю и перейти на сторону Изяслава. Если-бы Олегова Могила находилась на Щековицкой горѣ, то можно-ли предположить, чтобы Игорь и Святославъ Ольговичи, стоявшіе предъ Зототыми воротами, могли наблюдать отсюда сообщеніе Кіевлянъ съ ратью Изяслава, и движеніе Улѣба и Воитишича къ Жидовскимъ воротамъ могло ли показаться Игорю уже ихъ измѣной, если-бы Жидовскія ворота не были близки къ Олеговой Могилѣ, гдѣ стояло многое множество Кіевлянъ, благопріятствовавшихъ Изяславу? Изъ этого разсказа видно, что 1) Олегова Могила была на той сторонѣ Кіева, гдѣ Золотыя ворота, т. е. на западной; и 2) что она была не вдалекѣ отъ Жидовскихъ воротъ, находившихся на вынѣшней Сѣнной или Львовской площади. Слѣдовательно она была не на Щековицѣ.

Второе указаніе на мѣстность Олеговой Могилы находится въ разсказѣ лѣтописца объ отраженіи суздальскаго войска и черниговскихъ князей отъ Кіева, въ 1151 году, ратью Вячеслава Владиміровича и Изяслава Мстиславича, при участіи кіевлянъ и наемныхъ дикихъ племенъ. Лѣтопись говоритъ: „*Вячеславъ* и Изяславъ не ходяща въ городъ, стаста товары предъ Золотыми вороты у *Язины*, а Изяславъ Давидовичъ ста межи Золотыми вороты и межи Жидовскими вороты, а *Ростиславъ* съ сыномъ своимъ Романомъ ста предъ Жидовскими вороты, а *Борисъ* Городеньскій у Лядскихъ воротъ; Кіяне же всѣми

своими силами, и на конѣхъ и пѣши, и тако сташа, а промежи князи сѣмо сташа отъ Вячеслава, отъ Изяслава (М.) по праву оли до Изяслава (Д.) и до Ростислава, а отъ *Ростиславa* оли и до *Олгови Могилы*, а полѣву Вячеслава и Изяслава оли до Лядскихъ воротъ и тако сташа около всего города многое множество. Вячеславъ же, Изяславъ и Ростиславъ повелѣша Владиміру пойти съ Берендичи и съ вежами и съ стады ихъ ко *Олговѣ*, и сташа межи дебрьми отъ *Олгови* оли и въ городъ святого Іоанна, а сѣмо оли и до *Щековицѣ*, а Коуеве и Торци и Печенѣги туда сташа отъ Золотыхъ воротъ по тѣмъ огородамъ до Лядьскихъ воротъ, а оттолѣ оли и до Клова и до Берестоваго и до Угорьскихъ вороть и до Днѣпра". Въ этомъ разказѣ Олегова Могила 1) ясно различается отъ Щековицы; 2) представляется отдѣленной отъ Щековицы оврагами; и 3) полагается въ недалекомъ разстояніи отъ Жидовскихъ воротъ (нынѣшней Сѣнной или Львовской площади).

Третье указаніе мѣстности Олеговой Могилы встрѣчаемъ въ повѣствованіи о прибытіи Мстислава Изяславича къ Кіеву, въ 1169 году, для вступленія на великокняжескій престолъ по смерти в. к. Ростислава Мстиславича. Мстиславъ, опасаясь притязанія братьевъ своихъ и дядей на самовольный дѣлежъ волостей, подходилъ къ Кіеву съ Ляхи и съ Галичскими полками, не смотря на то, что званъ былъ сюда Кіянами и что въ Кіевѣ сидѣлъ уже его тіунъ. У Микулина присоединились къ его рати Торки, Берендѣи, Печенѣги и Черные клобуки. Прежде вступленія въ Кіевъ открытою силой, Мстиславъ рѣшилъ попытаться открыть съ братьями переговоры о волостяхъ подъ самымъ городомъ, опираясь на силу приведенной рати. И вотъ онъ, „изрядивъ полки своя, заутра иде Василевскимъ путемъ, та *къ Олговѣ*, а въ Киевъ не вниде; ту (къ Ольговой Могилѣ) внидоша Кияне вси. Взма рядъ съ братьею и съ дружиною и с Кияны въ онъ день, и поиде къ Вышегороду". Возвратившись изъ Вышгорода, чтобы докончить уговоръ съ братьями, Мстиславъ занялъ подъ Кіевомъ позицію уже на другой мѣстности: „ста по горѣ отъ бору, а пѣшци постави по валови". Объ Олговой Могилѣ здѣсь уже не упоминается. Несомнѣнно, гора отъ бору есть Лукьяновская возвышенность, къ которой отъ Днѣпра прилегаетъ Щековица и съ юго-восточной стороны которой, по обѣ стороны глубочицкаго спуска, сохраняются еще остатки бывшаго нѣкогда здѣсь борка. Упоминаемый здѣсь валъ по всей вѣроятности есть тотъ, кото-

рый, начинаясь у Кудрявской горы, проходилъ сзади бывшаго старокіев. кладбища, гдѣ нынѣ новая Вознесенская церковь, и, пересѣкая нынѣшнюю дорогу Лукьяновскую, тянулся къ Обсерваторной горѣ. Послѣ трехдневныхъ переговоровъ, во время которыхъ происходили малыя стычки между обѣими сторонами, Мстиславъ Изяславичъ, уладившись съ братьями о волости, вступилъ наконецъ въ Кіевъ. Нельзя думать, чтобы Мстиславъ, подходя въ первый разъ къ Кіеву съ значительнымъ отрядомъ, и имѣя намѣреніе, въ случаѣ сопротивленія со стороны братьевъ, бывшихъ уже въ Кіевѣ, отразить силу силой, забрался на Щековицу или въ одинъ изъ окружающихъ ее враговъ и здѣсь вступалъ въ переговоры съ братьями и Кіянами. Лѣтописецъ ясно говоритъ, что Мстиславъ подошелъ къ Кіеву, т. е. къ Старому Кіеву, окруженному по горѣ валами, подошелъ Василевскимъ путемъ, слѣдовательно съ западной стороны Кіева, перейдя р. Лыбедь. Отъ р. Лыбеди ему надлежало идти въ Золотыя ворота, сквозь которыя всегда совершались торжественные въѣзды князей, вступавшихъ въ Кіевъ для занятія велико-княжескаго престола, но онъ взялъ другое направленіе къ Олговой Могилѣ. Могила эта должна быть недалеко отъ другихъ воротъ кіевскихъ, иначе не могли бы выйти Кіяне, а на западной окраинѣ Кіева, какъ извѣстно, кромѣ Золотыхъ воротъ, были только ворота Жидовскія. Итакъ изъ разсказа объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ вступленію Мстислава Изяславича въ Кіевъ, видно, что Олгова Могила находилась на западной сторонѣ Кіева, между р. Лыбедью и нынѣшнею Сѣнной или Львовской площадью.

Нашему предположенію объ Олеговой Могилѣ на западной сторонѣ Кіева повидимому противорѣчитъ свидѣтельство лѣтописи о свиданіи Юрія Долгорукаго съ Владиміромъ Галицкимъ у Олеговой Могилы, на болоньи. Объ этомъ свиданіи такъ говоритъ лѣтопись: „Во утрѣй день приде Володимеръ Галичскій къ *Олговой Могилѣ*, также и Дюрги приде къ нему... и ту ся цѣловаша, не съсѣдаюче с коней, у Сѣтомля, на *Болоньи*“. Свиданіе это было на болоньи, близъ Олговой Могилы, а болонье извѣстно гдѣ,—между Днѣпромъ и Щековикою слѣдовательно Олегова Могила была не на западной сторонѣ Кіева; а на сѣверъ отъ него—на Щековицѣ. При поверхностномъ взглядѣ, дѣйствительно выходитъ такое заключеніе изъ вышеприведеннаго сближенія болонья Днѣпровскаго съ Олеговой Могилой. Но это заключеніе невѣрно. Что называется въ лѣтописи *болоньемъ?*

Болоньемъ называется низменный берегъ рѣки, занимаемый въ весеннее время разливомъ воды. Болонье было не подлѣ одного Кіева. Оно упоминается подлѣ Переяслава у р. Трубежа, у р. Днѣстра и подлѣ Судомира у р. Вислы. Такъ говорится въ Лѣтописи: „Изяславъ, выправився изъ города (Переяслава), ста на *болоньи*“ (стр. 266); „въ нощь поиде вода изъ Днѣстра велика въ *болонье* и взиде оли до Выкова болота“ (стр. 358); „Выгнаннымъ же (жителемъ) изъ города (Судомира), посадиша я Татарове на *болоньи* возлѣ Вислы и сѣдоша два дни на *болоньи*“ (стр. 358); „исполчися Владимірко предъ городомъ (Галичемъ у р. Бѣлки) на болоньи“ (стр. 225). Подлѣ Кіева извѣстно было не одно *болонье*. Упоминается въ лѣтописи *болонье* 1) у самаго города отъ Днѣпра: „Берендичи на болоньи отъ Днѣпра (въ Кіевѣ) зажгоша дворъ тысяцкого“ (стр. 365); 2) болонье въ лозахъ противу Дорогожичи (стр. 353) и болонье подъ Вышгородомъ (391): „Мстиславъ, изрядивъ полки своя и выѣха на болонье противу имъ“ (Святославу Всеволодовичу, Михалку и Всеволоду Юрьичамъ). Болонье также было и на западной сторонѣ Кіева у р. Лыбеди. О немъ довольно опредѣленно упоминается въ повѣствованіи о прибытіи Юрія Долгорукаго къ Кіеву въ 1151 году. Полки Юрія стали на правомъ берегу р. Лыбеди; рать Вячеслава и Изяслава на противоположномъ берегу, со стороны Кіева, „и начаша битися о Лыбедь. И стрѣляющимжеся имъ до вечера о Лыбедь, а иніи переѣхаша и на *болоньи* бьяхутся“. Здѣсь никакъ нельзя предполагать рѣчи о приднѣпровскомъ болоньи; ибо нельзя думать, чтобы часть Юрьеваго войска, пробравшись сквозь кіевскіе полки по Глубочицѣ и чрезъ Подолъ на приднѣпровское болонье, здѣсь завязала съ кѣмъ-то битву въ то время, когда Юрій только еще подвигался къ Кіеву съ западной стороны. Сказано ясно: „друзіи на *болоньи* бьяхутся противъ Вячеславлю и Изяславлю“, а Вячеславъ и Изяславъ стояли на лѣвомъ берегу р. Лыбеди. Слѣдовательно здѣсь говорится не о приднѣпровскомъ, а о Лыбедскомъ болоньи. Здѣсь же, конечно, на Лыбедскомъ, а не на приднѣпровскомъ болоньи происходило и свиданье Владиміра Галицкаго съ Юріемъ, вблизи Олговой Могилы. Сѣтомль, прилегавшая къ этому болонью, въ которой ловилась рыба,—по всей вѣроятности—одинъ изъ нѣсколькихъ прудовъ, бывшихъ по р. Лыбеди еще въ 1-й половинѣ нынѣшняго столѣтіи, и всего ближе нынѣшній Кадетскій прудъ, ниже котораго идетъ большое болонье параллельно шоссе.

Еще одно замѣчаніе. Еслибы Олегова Могила была на горѣ

Щековицѣ, была т. ск. горой на той горѣ; то лѣтописецъ, говоря объ Олеговой Могилѣ, долженъ былъ хотя гдѣ нибудь упомянуть и о Щековицѣ, между тѣмъ о ней ни разу не упоминается въ повѣствованіи о событіяхъ у Олеговой Могилы. Говоря о свиданіи Юрія съ Владиміромъ Галицкимъ на болоньи близъ Олеговой Могилы, ему надлежало опредѣлить это болонье близостью Щековицы, а не Олеговой Могилы, находившейся гдѣ то на Щековицкой горѣ, между тѣмъ въ лѣтописи упомянуто только объ одной Олеговой Могилѣ, и притомъ такъ, что по буквѣ лѣтописи выходитъ даже, что скорѣе Олегова Могила была на самомъ болоньи, чѣмъ на такой высокой горѣ, какова Щековица: „Володимеръ приде къ Олговой Могилѣ и Дюрги приде къ нему.... и ту (у Олговой Могилы) ся цѣловаша, у Сѣтомля, на болоньи". Могъ ли бы выразиться такъ лѣтописецъ, если бы Олегова Могила не прилегала сама къ болонью, находилась гдѣ-то на горѣ, возвышающейся надъ Подольскимъ болоньемъ? Это было бы похоже на то, какъ если бы кто сказалъ: мы пришли къ Щековицкой церкви и здѣсь, на болоньи, поцѣловались....

Итакъ на основаніи вышеизложенныхъ соображеній мы полагаемъ, что Олегова Могила была не на сѣверной, а на западной сторонѣ Кіева; не противъ Днѣпра, а противъ р. Лыбеди; не на Щековицкой горѣ, а на западномъ склонѣ Старокіевской возвышенности, вблизи Жидовскихъ воротъ, называвшихся въ послѣдствіи Львовскими, т. е. невдалекѣ отъ сѣнной площади, что у Скорбященской церкви. Между этою площадью и р. Лыбедью не представляется другой могилы, кромѣ той, на которой находится нынѣ университетская Обсерваторія. Безъ сомнѣнія это и есть та могила, на которой погребенъ былъ вѣщій Олегъ. Противорѣчіе въ лѣтописи о мѣстѣ Олеговой Могилы нельзя ничѣмъ другимъ объяснить, какъ только тѣмъ, что лѣтопись наша есть лѣтописный сводъ, составившійся изъ разныхъ записей и что упоминаніе о погребеніи Олега на горѣ Щековицѣ есть позднѣйшая добавка лица, введеннаго въ заблужденіе свиданіемъ князей у *Олеговой Могилы на болоньи.*

Въ заключеніе скажу, что въ настоящее время названіе Олеговой Могилы совершенно неизвѣстно въ Кіевскомъ народѣ. Преданіе о ней окончательно потеряно.

Дмитріевскій монастырь, устроенный въ Кіевѣ вел. кн. Изяславомъ Ярославичемъ, его судьба и мѣстность.

Чтеніе **П. Г. Лебединцева.**

Однимъ изъ древнѣйшихъ монастырей Кіева, современнымъ монастырю Кіево-печерскому, былъ монастырь св. Димитрія, основанный вел. кн. Изяславомъ-Дмитріемъ въ честь своего ангела. Изяславъ, устрояя монастырь съ церковью во имя святаго, котораго имя дано ему при крещеніи, слѣдовалъ въ семъ случаѣ примѣру отца своего Ярослава-Георгія, соорудившаго въ Кіевѣ предъ враты св. Софіи монастырь Георгіевскій. Примѣру Изяслава въ свою очередь подражали слѣдовавшіе за нимъ великіе князья: Всеволодъ-Андрей, построившій въ Кіевѣ монастырь Андреевскій; Святополкъ-Михаилъ, создавшій Златоверхо-Михайловскую церковь, и Мстиславъ-Ѳеодоръ, основавшій монастырь Ѳеодоровскій, извѣстный въ лѣтописи подъ именемъ *Вотчаго* или *Отняго*.

Завидуя возникавшей славѣ Печерскаго монастыря, Изяславъ Ярославичъ перевелъ изъ него въ свой Дмитріевскій монастырь перваго игумена печерскаго Варлаама, сына одного изъ своихъ бояръ. Этимъ перемѣщеніемъ, по замѣчанію лѣтописца, онъ думалъ умалить славу Печерскаго и возвысить въ глазахъ народа значеніе своего монастыря. Но Печерскій монастырь былъ знаменитъ не однимъ Варлаамомъ, и мало потерпѣлъ отъ его перемѣщенія. Вторымъ игуменомъ Дмитріевскаго монастыря былъ *Исаія* изъ постриженцевъ того же Печерскаго монастыря, избранный въ эту должность также самимъ вел. кн. Изяславомъ. Не щадилъ Изяславъ на свой монастырь золота и

серебра, какъ упоминаетъ о семъ препод. Несторъ, противополагая богатство Дмитріевскаго монастыря скудости Печерской обители, славившейся пощеніемъ и молитвенными подвигами своихъ иноковъ.

Въ Дмитріевскомъ монастырѣ, при самомъ основаніи его, какъ упомянуто выше, уже была церковь во имя св. *Димитрія*. Лѣтопись наша не обозначаетъ ни времени, ни закладки, ни освященія этой церкви. Въ томъ же отцовскомъ монастырѣ старшій сынъ Изяслава, Ярополкъ, по смерти отца своего, заложилъ другую церковь, во имя св. *Петра*, въ которой, еще не оконченной, онъ и погребенъ въ 1086 году. О погребеніи Ярополка Изяславича, погибшаго отъ руки убійцы на пути къ Кіеву, лѣтописецъ говоритъ такъ: *проводиша и* (умершаго князя) *до св. Дмитрія, спрятавше тѣло его съ честью, положиша и въ раць мраморянѣ въ церкви святаго Петра, юже бѣ самъ началъ здати.* Чрезъ 40 лѣтъ послѣ сего событія, съ церковью св. Петра случилось нѣчто необычайное. Въ 1128 году, по свидѣтельству Лаврентьевской лѣтописи, „печеряне (т. е. иноки Печерскаго монастыря) переяша церковь св. Димитрія и нарекоша ю святого Петра съ великимъ грѣхомъ и неправдою“.

Какъ объяснить этотъ захватъ и переименованіе великокняжеской церкви печерскими иноками? Въ особенности зачѣмъ было переименовывать церковь св. Димитрія въ церковь св. Петра, когда подлѣ нея была церковь во имя сего святого? Поводъ къ захвату Дмитріевскаго монастыря печерянами можно угадывать въ особыхъ отношеніяхъ къ Печерскому монастырю дочери строителя церкви св. Петра, Ярополка Изяславича, *Анастасіи*, вдовы князя Глѣба Всеславича, умершей въ 1158 году, на 84 году жизни, и погребенной вмѣстѣ съ мужемъ своимъ въ Великой Печерской церкви, у гроба преподобнаго Ѳеодосія. Лѣтопись говоритъ, что она, живя во вдовствѣ 40 лѣтъ и питая особенную любовь къ преподобному Ѳеодосію, всю жизнь свою и отцовскія волости—Небельскую, Деревьскую и Лучскую около Кіева и мужнины 5 селъ съ челядью, 700 гривенъ серебра и 100 золота и все свое имущество до послѣдняго повоя отдала Печерскому монастырю. Княгиня Анастасія овдовѣла за 40 лѣтъ до своей кончины; слѣдовательно захватъ Дмитріевскаго монастыря печерянами случился на 10 году ея вдовства, когда она успѣла уже отрѣшиться отъ земныхъ стяжаній. Изъ любви къ памяти преподобнаго Ѳеодосія благочестивая вдова пожертвовала Печерскому монастырю все свое имущество. Естественно,

что вмѣстѣ съ этимъ она могла передать Печерскому монастырю и свое право на Дмитріевскій монастырь, основанный ея дѣдомъ, въ которомъ находилась заложенная ея отцемъ, Ярополкомъ Изяславичемъ, церковь св. Петра съ гробницею сего князя. А извѣстно, что Печерскій монастырь расширялъ свои владѣнія, подчиняя себѣ меньшіе монастыри съ ихъ землями и другими угодіями. Но зачѣмъ понадобилось при этомъ переименовывать церковь св. Димитрія въ церковь св. Петра? Фактъ переименованія этого уже предполагаетъ, что заложенная Ярополкомъ церковь св. Петра или оставалась, по смерти сего князя, неоконченною, или обрушилась отъ непрочности постройки—*увалися* ея верхъ, что случалось съ нѣкоторыми церквами нашими въ древности. Въ первомъ случаѣ надлежало достраивать; въ послѣднемъ строить вновь. Но, во 1-хъ, въ Дмитріевскомъ монастырѣ оставалась еще одна, древнѣйшая церковь,—зачѣмъ строить другую? Во 2-хъ, остававшаяся церковь носила имя того князя, который угрожалъ нѣкогда раскопать пещеру преподобнаго Антонія, хотѣлъ переять своему монастырю славу Печерскаго монастыря и заставилъ самого преподобнаго Антонія искать себѣ на время убѣжища внѣ Кіева, на Болдиныхъ горахъ Чернигова. Чѣмъ доканчивать начатую церковь, или сооружать новую, легче было увѣковѣчить память родителя благодѣтельницы, переименовавъ бывшую тамъ церковь св. Димитрія во имя того святаго, котораго имя онъ носилъ. Такое распоряженіе церквами Дмитріевскаго монастыря лѣтописецъ въ правѣ былъ назвать „великимъ грѣхомъ и неправдою“. Замѣчательно, что захватъ печерянами церкви св. Димитрія и переименованіе ея въ церковь св. Петра произошли въ томъ же году, въ которомъ умеръ послѣдній внукъ вел. кн. Изяслава Ярославича, сынъ вел. кн. Святополка и племянникъ Ярополка Изяславича, Изяславъ Святополчичъ, который одинъ еще могъ остановить противозаконное распоряженіе церковью своего дѣда. Можно не вѣрить нашему объясненію загадочнаго мѣста лѣтописи; но едва-ли можно найти объясненіе другое, болѣе вѣроятное. Послѣ 1128 года, въ которомъ случилось переименованіе церкви св. Димитрія въ церковь св. Петра, ни о Дмитріевскомъ монастырѣ, ни о церкви св. Димитрія въ Кіевѣ, болѣе не упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ.

Гдѣ же находился Дмитріевскій—Изяславовъ монастырь съ бывшими въ немъ церквами во имя св. Димитрія и св. Петра и какова дальнѣйшая его судьба?

Преданій ни о мѣстности Дмитріевскаго монастыря, ни о церкви св. Петра въ Кіевѣ никакихъ не сохранилось. Историческихъ указаній есть два. 1-е) Берлинскій свидѣтельствуетъ, что въ письменныхъ дѣлахъ кіевскаго магистратскаго архива, сгорѣвшихъ въ 1811 году, въ справѣ 21-й, подъ 1654 годомъ, было упоминаніе о *взвозѣ Дмитріевскомъ* и о *Дмитріевской* лукоми или оврагѣ, находившемся къ южной сторонѣ Михайловской горы, возлѣ нынѣшняго Крещатика. Зная Кіевъ съ 1833 года, когда мѣстность его была еще въ довольно первобытномъ видѣ, я очень хорошо помню, что, кромѣ Боричева взвоза, начинавшагося между двухъ валовъ у сѣверозападнаго угла ограды Кіево-Михайловскаго монастыря и спускавшагося на Подолъ къ Христорождественской церкви, подлѣ Михайловскаго монастыря былъ и другой взвозъ, на южной его сторонѣ. Начинался онъ на Александровскомъ спускѣ съ Крещатика, гдѣ нынѣ гостинница Палестина, и врѣзывался въ садъ монастыря, сзади зданія его гостинницы, шагахъ въ 100 отъ юго-западнаго угла монастырской ограды. Мѣсто взвознаго оврага означается на оградѣ трещинами. Верхняя часть этого взвоза, вошедшая въ монастырскій дворъ, въ 1833 году завалена навозомъ. При обдѣлкѣ Михайловской горы въ 1840 году, она привалена и утрамбована землею, а нижняя часть расчищена въ форму квадратной площадки, на которой устроенъ скверъ и построена вышеупомянутая гостинница.

2-е) Въ рукописномъ прологѣ XIV вѣка говорится, что кіевляне крещены св. Владиміромъ въ Днѣпрѣ, противъ того мѣста, гдѣ стоитъ церковь св. *Петра*. Такъ какъ ни о какой другой церкви св. Петра въ Кіевѣ, кромѣ бывшей въ Дмитріевскомъ монастырѣ, изъ лѣтописей намъ неизвѣстно; то несомнѣнно, что упомянутая въ Прологѣ, стоявшая противъ мѣста крещенія кіевлянъ, церковь—есть *Дмитріевская*, переименованная въ XII вѣкѣ въ церковь св. Петра.

Если же церковь св. Петра (бывшая Дмитріевская) стояла противъ того мѣста, гдѣ крещены кіевляне, то она должна была находиться противъ Крещатицкаго источника, близъ котораго и преданіе, и исторія полагаютъ крещеніе кіевлянъ при св. Владимірѣ. Слѣдовательно Дмитріевская церковь съ монастыремъ сего имени была на Михайловской горѣ, въ юговосточной ея части, близъ которой проходилъ отдѣльный отъ Боричева взвозъ, носившій еще въ XVII вѣкѣ названіе *Дмитріевскаго*. По Боричеву взвозу влачили идола—*Перуна* въ

Днѣпръ, а по Дмитріевскому взвозу кіевляне спускались къ Днѣпру для принятія св. крещенія.

Положеніе Дмитріевскаго монастыря въ юговосточной части Михайловскаго Златоверхаго монастыря оправдываютъ сохраняющіеся здѣсь еще и теперь, древніе фундаменты двухъ каменныхъ церквей, среди которыхъ, на двухъ доскахъ краснаго шифера, открыты барельефныя изображенія св. *Дмитрія и св. Георгія*, вдѣланныя нынѣ въ монастырскую ограду, близъ экономическихъ монастырскихъ воротъ. Безъ сомнѣнія это фундаменты 1) церкви св. *Дмитрія*, созданной вел. кн. Изяславомъ Ярославичемъ, и 2) церкви св. *Петра*, заложенной, но неоконченной сыномъ его Ярополкомъ. Если стать лицемъ къ югу, то фундаменты этихъ двухъ церквей будутъ на лѣвой сторонѣ бывшаго Дмитріевскаго взвоза [1]). Фундаменты эти извѣстны еще съ 1785 года: объ нихъ упоминается въ донесеніи м. Самуила св. Синоду. Берлинскій свидѣтельствуетъ, что кирпичи этихъ фундаментовъ употреблялись при постройкѣ здѣсь монастырской ограды въ его время, въ 1785 году. По всей вѣроятности церковь св. Димитрія, оставаясь долгое время безъ поддержки, во время двухвѣковаго запустѣнія Кіева, обрушилась

---

[1]) По правой сторонѣ Дмитріевскаго взвоза, отчасти подъ зданіемъ нынѣшней монастырской гостинницы, виднѣются фундаменты 3-й церкви. Если вѣрно мнѣніе М. А. Максимовича, что Копыревымъ концомъ называлась вся восточная, обрывистая сторона Михайловской горы; то можно сказать, что это остатки церкви *св. Іоанна въ Копыреви конци*, заложенной въ 1121 г. На этой мѣстности въ послѣдствіи устроился женскій Богословскій монастырь. Монастырь этотъ становится извѣстнымъ съ начала XVII вѣка, когда въ немъ игуменіей была жена митрополита кіевскаго Іова Борецкаго, который, по случаю отобранія Софійскаго собора уніатами, самъ имѣлъ пребываніе въ Кіево-Михайловскомъ монастырѣ. Въ 1711 году, по повелѣнію императора Петра I-го, женскій Кіево-Богословскій м. переведенъ въ Плоскую часть г. Кіева, въ сосѣдство съ Іорданскимъ женскимъ Николаевскимъ монастыремъ. Существовавшая въ Богословскомъ монастырѣ церковь св. Іоанна Богослова была деревянная; но, безъ сомнѣнія, она только замѣнила собою древнюю каменную церковь того же имени, разрушенную татарами, или обрушившуюся отъ долгаго запустѣнія послѣ татарскаго разоренія. Подобнымъ образомъ, въ XVII вѣкѣ, на развалинахъ древнихъ каменныхъ кіевскихъ церквей: Десятинной, Симеоновской и Андреевской, или подлѣ нихъ, явились деревянныя церкви того же имени.

сама собою, подобно церквамъ св. Никиты и Спаса, бывшимъ невдалекѣ ея на Софійской слободѣ (между Софійскимъ соборомъ и Михайловскимъ монастыремъ), и обвалившимся около 1586 года, по свидѣтельству Софійскаго намѣстника Судковскаго, данному въ 1616 году.

Рядомъ съ мѣстностью бывшаго Дмитріевскаго монастыря, на сѣверо-западъ отъ нея, стоитъ уцѣлѣвшая донынѣ, древняя Златоверхая церковь св. Михаила, созданная, какъ упомянуто выше, вел. кн. Святополкомъ, сыномъ вел. кн. Изяслава, создателя Дмитріевскаго монастыря, и братомъ Ярополка Изяславича, заложившаго въ семъ монастырѣ церковь св. Петра. Она теперь главная церковь Кіево-Златоверхо-Михайловскаго монастыря, обнявшаго своей каменной оградой и дворъ бывшаго Дмитріевскаго монастыря. Весьма естественно было Святополку-Михаилу захотѣть соорудить свой храмъ подлѣ храмовъ отцовскаго и братняго. Но, передавая извѣстіе о заложеніи этой церкви, лѣтопись наша не говоритъ, чтобы при ней былъ основанъ монастырь; о существованіи монастыря при Златоверхой церкви св. Михаила не упоминается и въ другихъ мѣстахъ нашихъ древнихъ лѣтописей. Въ древній періодъ русской исторіи извѣстенъ въ Кіевѣ одинъ монастырь св. Михаила, основанный вел. кн. Всеволодомъ Ярославичемъ на Выдобычахъ. Правда въ началѣ XVII вѣка появилось между кіевскими учеными мнѣніе, будто первую церковь во имя св. Михаила построилъ въ Кіевѣ, на мѣстѣ нынѣшняго Златоверхо-Михайловскаго монастыря и при ней основалъ монастырь еще 1-й митрополитъ кіевскій Михаилъ, крестившій Русь при св. Владимірѣ. Но мнѣніе это ни на чемъ не основано и принадлежитъ тому доброму времени, когда въ риторикахъ учили, что въ похвальномъ, надгробномъ или привѣтственномъ какому-либо лицу словѣ не только можно, но и должно возвести родъ восхваляемаго въ самую отдаленную эпоху древности и связать его имя съ именемъ знаменитаго въ исторіи лица. Златоверхо-Михайловскій монастырь становится впервые извѣстнымъ уже въ концѣ XV вѣка изъ грамоты Литовскаго князя Александра Казимировича, данной въ 1496 году на имя кіевскаго воеводы князя Дмитрія Путяты, которою монастырь, состоящій въ Кіевѣ при церкви св. Михаила, жалуется въ пожизненное владѣніе Григорію Поповичу. Полнѣе о немъ говорится въ нѣсколько позднѣйшей грамотѣ короля Сигизмунда I. 1523 года, которою Златоверхая Михайловская въ Кіевѣ церковь пожалована игумену Макарію съ тѣмъ, чтобы онъ *возстановилъ при ней монастырь*

и учредилъ общежитіе, при чемъ она называется запустѣлою отъ вынятья кіевскаго и остававшеюся безъ богослуженія. О возстановленіи какого монастыря говорится въ этой грамотѣ? Такъ какъ подлѣ этой же церкви св. Михаила, созданной вел. кн. Святополкомъ-Михаиломъ, находился Дмитріевскій монастырь его отца Изяслава, въ которомъ рядомъ съ отцовскою церковью св. Димитрія была построена старшимъ братомъ его Ярополкомъ церковь св. Петра; то, при молчаніи лѣтописей о существованіи при Златоверхой церкви св. Михаила монастыря, особаго отъ монастыря Дмитріевскаго, мы въ правѣ заключить, что вел. кн. Святополкъ-Михаилъ заложилъ церковь св. Михаила не внѣ Дмитріевскаго—отцевскаго монастыря, а внутри его, подобно брату своему Ярополку, и что возстановленный въ XVI вѣкѣ подъ именемъ Златоверхо-Михайловскаго монастыря есть древнѣйшій монастырь *Дмитріевскій*. Не отрицаемъ впрочемъ и того, что монастырь Изяславовъ могъ быть переименованъ въ Михайловскій еще въ XII вѣкѣ, вскорѣ послѣ того, какъ печерянами захвачена была церковь св. Димитрія и переименована въ церковь св. Петра; ибо невозможно было именоваться Дмитріевскимъ тому монастырю, въ которомъ уже не существовало храма во имя св. Димитрія и весьма естественно называть Златоверхимъ Михайловскимъ монастырь, въ которомъ, при запустѣніи двухъ другихъ церквей, осталась одна златоверхая церковь св. Михаила. Примѣры подобнаго переименованія монастырей извѣстны у насъ въ Кіевѣ. Такъ Выдубицкій монастырь св. Михаила сталъ называться Георгіевскимъ, когда въ немъ въ XVII вѣкѣ сооруженъ новый храмъ св. Георгія, вмѣсто древней Михайловской церкви, созданной вел. кн. Всеволодомъ Ярославичемъ, цѣлой половиной обрушившейся въ Днѣпръ; Кіево-Флоровскій женскій монастырь получилъ названіе Вознесенскаго послѣ того какъ въ немъ сооруженъ главный храмъ во имя Вознесенія Господня, подлѣ прежней деревянной церкви св. Флора и Лавра.

Замѣчательно, что и во Владимірѣ на Клязьмѣ, представляющемъ въ нѣкоторой степени копію Кіева своею мѣстностію, названіями церквей и ихъ размѣщеніемъ, храмъ св. Димитрія, сооруженный въ XII вѣкѣ, стоитъ также подлѣ храма, которому издревле усвоено названіе златоверхаго, и на возвышенности, совершенно сходной съ нашей Михайловской горой, столько же возвышенной надъ р. Клязьмой, на сколько Михайловская гора возвышается надъ Днѣпромъ, и имѣющей по обѣ свои стороны также два взвоза, идущіе отъ берега

Клязьмы по обѣ стороны горы—одинъ съ сѣвера, а другой съ юга. Отъ Владимірскаго златоверхаго храма на западъ стоятъ златыя врата почти въ такомъ же отъ него разстояніи, въ какомъ находятся кіевскія золотыя ворота отъ Кіево-Златоверхо-Михайловскаго монастыря.

Съ моими выводами о мѣстѣ бывшаго Кіево-Дмитріевскаго монастыря несогласно мнѣніе м. Сильвестра Коссова, по которому Изяславовъ Дмитріевскій монастырь находился будто-бы въ печерской части г. Кіева, вблизи монастыря печерскаго. Мнѣніе это находится въ польскомъ патерикѣ Коссова и бездоказательно потомъ повторено преосвящ. Иринеемъ Фальковскимъ, м. Евгеніемъ и Максимовичемъ. Какъ мѣстное преданіе, оно имѣло бы нѣкоторое значеніе при отсутствіи историческихъ указаній о дѣйствительномъ мѣстѣ сего монастыря. Но, во 1-хъ, приведенныя нами историческія свидѣтельства довольно точно опредѣляютъ, гдѣ находился Дмитріевскій монастырь въ Кіевѣ; во 2-хъ, во времена Сильвестра Коссова, какъ видно изъ рукописнаго Патерика, писаннаго при печерскомъ архимандритѣ Іосифѣ Тризнѣ (1647—1656 г.), преемникѣ Коссова, было и другое мнѣніе о мѣстности Дмитріевскаго монастыря, именно будто онъ существовалъ на Кловѣ, т. е. между Печерскомъ и Старымъ Кіевомъ, въ нынѣшнихъ Липкахъ. Мнѣніе это высказано въ заглавіяхъ житій преподобныхъ *Варлаама* и *Исаіи*, бывшихъ игуменами Дмитріевскаго монастыря. Заглавія эти читаются такъ: „Житіе преподобнаго отца Варлаама, игумена печерскаго, посемъ св. Димитрія, иже на Кловѣ“; „Житіе иже во святыхъ отца нашего Исаіи, игумена бывшаго монастыря св. Димитрія, иже на Кловѣ“. При разнорѣчіи двухъ мнѣній одновременныхъ и ни на чемъ не основанныхъ, мы въ правѣ заключить, что ни одно изъ нихъ не заключаетъ въ себѣ историческаго преданія, и оба суть только бездоказательныя предположенія. Послѣднее предположеніе о существованія Дмитріевскаго монастыря на Кловѣ положительно опровергается свидѣтельствами лѣтописи и печерскаго Патерика, изъ которыхъ видно, что на Кловѣ былъ монастырь не св. Дмитрія, а *Стефанечь* съ церковью въ честь Влахернской иконы Божіей Матери, основанный преподобнымъ Стефаномъ, 3-мъ игуменомъ печерскаго монастыря. Остатки фундаментовъ этой церкви скрываются нынѣ подъ зданіемъ кіевскаго женскаго училища духовнаго вѣдомства, въ которомъ нѣкогда помѣщалась 1-я кіевская гимназія. Южная часть Липокъ и теперь въ народѣ называется *Кловомъ*.

Мнѣніе Сильвестра Коссова можно считать и мало чѣмъ отличнымъ отъ мнѣнія, содержащагося въ рукописномъ Патерикѣ Тризны. Коссовъ не сказалъ прямо, что Дмитріевскій монастырь находился въ печерской части Кіева; онъ только говоритъ: teraz tego monasteru tylko plac iest *niedaleko* monasteru pieczarskiego, между тѣмъ и Кловъ также недалеко отъ кіевопечерской лавры: разстояніе между ними не болѣе $^1/_2$ версты.

О мѣстоположеніи древняго Кіевскаго Звенигорода.

Чтеніе **В. Б. Антоновича.**

Въ древнихъ русскихъ лѣтописяхъ и въ документахъ XV—XVI столѣтій упоминаются четыре города, носящіе имя *Звенигорода*:

1) Съ 1096 года мы имѣемъ свѣдѣнія о стольномъ городѣ, Звенигородѣ *Червенскомъ*, существующемъ и понынѣ въ Галиціи въ Бережанскомъ округѣ.

2) Въ XVI столѣтіи уже упоминается Звенигородъ *Московскій*, нынѣ уѣздный городъ Московской губерніи.

3) Въ документахъ первой половины XVI столѣтія встрѣчаемъ въ Брацлавской землѣ Звенигородъ *степной* или *Брацлавскій*, нынѣ уѣздный городъ Кіевской губерніи.

4) Наконецъ, съ 1097 по 1234 г. лѣтописи говорятъ о Звенигородѣ *Кіевскомъ*; о городѣ этомъ, послѣ указаннаго послѣдняго года, лѣтописи совершенно умалчиваютъ; въ позднѣйшихъ документахъ имя его тоже не появляется: очевидно, городъ пересталъ существовать,— вѣроятно онъ былъ разрушенъ во время Батыева нашествія и никогда уже не подымался изъ развалинъ. Само мѣстоположеніе этого города остается неизвѣстнымъ, не смотря на попытки къ его опредѣленію. Одну изъ такихъ попытокъ я намѣренъ представить въ настоящей замѣткѣ, полагая, что сличеніе лѣтописныхъ указаній съ осмотромъ самой мѣстности даетъ право указать съ нѣкоторою достовѣрностію на одно изъ кіевскихъ городищъ какъ на мѣстность, занятую нѣкогда Звенигородомъ. Начнемъ съ приведенія лѣтописныхъ данныхъ: о Кіевскомъ Звенигородѣ. Ипатскій списокъ лѣтописи упоминаетъ 4 раза, подъ 1097, 1150, 1151 и 1234 годами.

1) Подъ 1097 годомъ лѣтопись говоритъ о Звенигородѣ, какъ о мѣстѣ ослѣпленія Василька Ростиславича. Князь этотъ, схваченный Давидомъ Игоревичемъ въ Кіевѣ, былъ ночью увезенъ изъ города: „И на ту нощь ведоша и Звенигороду [1]), иже есть городъ малъ у Кіева, яко десяти верьсты въдале; и привезше и на колѣхъ, скована суща, и съсадиша и съ колъ, и въведоша въ ыстобку малу“; затѣмъ князь былъ мучительно ослѣпленъ, и немедленно послѣ истязанія, „вземше и на коврѣ, узложиша и на кола, яко мертва, и повезоша и Володимерю. И пришедше, сташа съ нимъ, перешедше мостъ *Вьзвиженскы*, на торговищи.... у Звѣжденія въ градѣ“.

2) Два другія указанія лѣтописи встрѣчаются среди разсказа о борьбѣ Юрія Долгорукаго съ Изяславомъ Мстиславичемъ за обладаніе Кіевскимъ столомъ. Въ 1150 году Юрій съ Ольговичами и Давидовичами шелъ на Изяслава на Кіевъ изъ Остерскаго Городка; съ запада въ помощь ему велъ сильную рать Владимірко Галицкій. Изяславъ, сознавая превосходство силъ союзниковъ, рѣшился не допустить ихъ къ соединенію, и постановилъ напасть на галицкаго князя раньше, чѣмъ Юрій успѣетъ переправиться черезъ Днѣпръ. „Поѣду азъ къ Звенигороду противъ Володимеру, сказалъ онъ дядѣ Вячеславу, а ты со мною пусти полкъ свой, а самъ, отче, ѣди въ Кіевъ“ (изъ Вышгорода, гдѣ происходило совѣщаніе). Затѣмъ Изяславъ пріѣхалъ въ Кіевъ, созвалъ вѣче и предложилъ кіевлянамъ свой планъ защиты: „Володимеръ ми есть ближе, къ тому поиду переже. И поиде изъ Кіева полки своими противу Володимиру; и поиме брата Володимера и сына своего Мьстислава, поиде къ Звенигороду, и ту пришедъ, ста полки своими, и приде ему вѣсть, оже уже Володимиръ идетъ черезъ Перепетово. Изяславъ же, те слыша, поиде отъ Звенигорода Тумащю и ту придоша

[1]) Въ Лаврентьевскомъ спискѣ сказано *Бѣлугороду*, но варіантъ Ипатскій вѣрнѣе; еще покойный М. А. Максимовичъ указалъ, что если бы рѣчь шла о Бѣлгородѣ, то лѣтописцу не зачѣмъ было прибавлять: „иже градъ малъ у Кіева, яко 10 верстъ вдалѣ“.—Бѣлгородъ былъ въ то время важнѣйшій изъ Кіевскихъ пригородовъ,—слѣдовательно не „градъ малъ“—и слишкомъ извѣстенъ на Руси, для того, чтобы лѣтописецъ счелъ необходимымъ пояснять его мѣстоположеніе. О Бѣлгородѣ Лаврентіевская лѣтопись упоминаетъ 4 раза раньше, и ни разу не считаетъ нужнымъ пояснить его топографію; Звенигородъ же упоминается здѣсь первый разъ, и потому поясненіе является вполнѣ умѣстнымъ.

къ нему Черны Клобуци... въ утрій же день, по зорямъ, исполцися Изяславъ, поиде противу Володимеру на бой полки своими и, перешедъ Стугну, и Ольшаницю перейде. Въ тоже время Володимеръ стояше верхъ Ольшаницѣ". Здѣсь произошла битва, кончившаяся пораженіемъ Изяслава, вслѣдствіе бѣгства Черныхъ Клобуковъ и кіевскаго ополченія.—Изяславъ удалился на Волынь, но въ томъ же году, съ помощью Венгровъ, опять овладѣлъ Кіевомъ.

3) Въ 1151 году Юрій опять ополчился на Изяслава; онъ пошелъ на Кіевъ вмѣстѣ съ черниговскими князьями и съ наемною половецкою ордою. Переправившась черезъ Днѣпръ, Юрій пытался обложить Кіевъ; но, встрѣтивъ готовность къ энергической защитѣ, онъ рѣшился выждать прихода галицкаго князя и отступилъ отъ города по направленію къ западу, мимо Бѣлгорода. Тогда Изяславъ рѣшился послѣдовать за нимъ и принудить его къ битвѣ до прихода галицкаго князя; князья, союзники Изяслава, одобрили это намѣреніе и обратились за помощью къ кіевскому вѣчу. Кіевляне заявили полную готовность послѣдовать за княземъ: „ать же поидуть вси, отвѣтило вѣче, како можетъ и хлудъ въ руци взяти; паки ли кто не пойдетъ, намъ же и дай, ать мы сами побьемы! И тако поидоша, другъ друга не останя вси, съ радостью по своихъ князехъ, и на конехъ и пѣши, много множество; шедше и сташа у Звенигорода на ночь; заутра же, въ середу, всташа позде и, не дошедше, сташа у Василева обѣду.... а, въсташа, идоша къ Василеву, и тако исполчиша полки свои, поидоша мимо Василевъ черезъ Стугну, и пришедше къ валови, и не проходяче къ валу, ту и сташа полки своими на ночь, и постиже ихъ у Перепетовыхъ, хотя битися съ нимъ". Юрій принужденъ былъ, не смотря на желаніе уклониться отъ битвы, вступить въ бой на рѣкѣ Руткѣ; онъ былъ разбитъ на голову и бѣжалъ за Днѣпръ.

4) Послѣдній разъ лѣтопись упоминаетъ о Звенигородѣ подъ 1234 годомъ.—Даніилъ Романовичъ находился въ то время въ Кіевѣ, гдѣ дружина его отдыхала послѣ продолжительнаго похода на Черниговскую область; между тѣмъ получено было извѣстіе, что Половцы „возведенные" однимъ изъ сѣверскихъ князей, опустошаютъ Кіевскую область и идутъ на Кіевъ. Даніилъ не совѣтовалъ идти на нихъ, такъ какъ войско было истомлено продолжительнымъ походомъ, но кіевскій князь Владиміръ Рюриковичъ и воевода Мирославъ настояли на томъ, чтобы идти въ походъ. „Срѣтоша-же Ѣ Половцѣ (вѣроятно передовой

отрядъ) у Звѣнигорода". Узнавъ о силѣ враговъ, кіевскіе предводители хотѣли отступить назадъ къ Кіеву, но теперь Даніилъ настаивалъ, чтобы продолжать разъ уже начатый походъ; „срѣтѣвшимся же воемъ многимъ Половецкимъ у Торьчского, бысть сѣча люта", въ которой князья русскіе потерпѣли чувствительное пораженіе.

Изъ сопоставленія приведенныхъ указаній лѣтописи, можемъ извлечь слѣдующія данныя для опредѣленія мѣстоположенія Звенигорода:

а) Звенигородъ лежалъ весьма близко отъ Кіева, „яко десяты версты вдале": плѣнникъ увезенный ночью изъ Кіева, ночью же былъ привезенъ въ Звенигородъ. Пѣшее ополченіе, выдшее изъ Кіева послѣ совѣщанія на вѣчѣ, въ одинъ переходъ достигало Звенигорода и останавливалось въ немъ на ночь.

б) Звенигородъ лежалъ на пути изъ Кіева въ Василевъ: ополченіе, шедшее изъ Кіева, ночевало въ Звенигородѣ и на другой день къ обѣду могло въ одинъ переходъ достичь Василева; впрочемъ переходъ этотъ былъ длиннѣе чѣмъ къ Кіеву: если пѣшимъ случалось поздно подняться съ ночлега, то они къ обѣду не могли дойти до Василева.

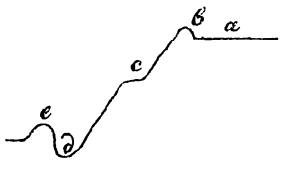
в) Звенигородъ лежалъ на лѣвой сторонѣ рѣки Стугны, къ берегамъ которой былъ одинъ переходъ: шедшіе изъ Кіева черезъ Звенигородъ переправлялись черезъ Стугну у Василева или у Тумащя.— Далѣе дорога, проходившая черезъ Звенигородъ, вела черезъ маленькую рѣчку Ольшаницу, сквозь большой земляной валъ, на Перепетово поле; затѣмъ, черезъ верховья рѣки Здвижи на городъ Звижденье [1])—она направлялась на Волынь.

г) Отъ Звенигорода другой путь поворачивалъ нѣсколько восточнѣе перваго, по лѣвому берегу Стугны, и велъ къ нижнему теченію этой рѣки—къ Торческу, лежавшему вблизи Триполя (гдѣ нынѣ село Старые Безрадичи) [2]).

[1]) Въ одномъ изъ актовъ начала XVII столѣтія мы находимъ указаніе, что поселеніе, носившее названіе Звижденія, существовало еще въ то время; именно—на истокахъ рѣки Здвижи, гдѣ нынѣ село Здвижка: 1618 года дворянинъ Василій Тишa Быковскій жаловался, что начальникъ своевольнаго отряда жолнеровъ—Мировицкій, ограбилъ его имѣнія: „мисто Ходорковъ и села, до него належачіе: Пустынники, Ратную, *Звижджень*, Малиновъ, Болячевъ и Вилю" (Арх. Ю.-З. Россіи, часть III, т. I, стр. 212).

[2]) См. статью Петра Ревякина: „Сближеніе историческихъ показаній

Основываясь на приведенныхъ положеніяхъ, мѣстность Кіевскаго Звенигорода должно было предполагать по направленію отъ Кіева къ Василькову, въ серединѣ разстоянія между обоими городами,—можетъ быть нѣсколько ближе къ Кіеву. Установивъ это предположеніе по лѣтописнымъ текстамъ, я обращался съ вопросами къ лицамъ, изучавшимъ окрестности Кіева, и немедленно встрѣтилъ указаніе, вполнѣ отвѣчающее требуемымъ условіямъ. Генералъ М. И. Драгомировъ, внимательно изучавшій окрестности Кіева съ военно-топографическою цѣлью, указалъ мнѣ городище, стоящее во всѣхъ искомыхъ условіяхъ, нанесенное на планъ окрестностей Кіева, изданный кіевскимъ военно-окружнымъ штабомъ въ 1865 г. Городище это находится почти на прямой линіи между Кіевомъ и Васильковымъ, уклоняясь отъ нея не болѣе какъ на версту къ востоку; оно лежитъ въ 15 верстахъ отъ Кіева и въ 20 отъ Василькова (по прямолинейному разстоянію), въ полуверстѣ къ сѣверо-востоку отъ села Хотова и въ такомъ же разстояніи отъ пустыни Ѳеофаніи, къ юго-западу отъ нея; оно занимаетъ площадь (около 60 десятинъ), лежащую на вершинѣ уединеннаго холма, окруженнаго со всѣхъ сторонъ оврагами, на берегу небольшаго ручья Сиракова, по имени котораго и само городище называется Сиракowымъ; стѣны холма срѣзаны искусственно, и на верхнихъ краяхъ ихъ высыпанъ валъ; на серединѣ высоты, кругомъ откоса стѣнъ, устроенъ правильный уступъ; внизу стѣнъ во многихъ мѣстахъ уцѣлѣли слѣды окружавшаго ихъ рва, и съ наружной стороны послѣдняго—небольшой земляной насыпи. Вообще скатъ холма представляетъ въ разрѣзѣ слѣдующій профиль:



a—верхняя площадь городища;
b—окружающій ее валъ;
c—уступъ на серединѣ откоса;
d—ровъ;
e—валъ съ наружной стороны рва.

Къ сѣверу отъ городища, на разстояніи отъ него около 100 до 200 саженъ, тянется невысокій, мѣстами уже исчезнувшій валъ, примыкавшій однимъ концомъ къ оврагу, окружающему городище, съ другой—къ ручью Сиракову; можетъ быть валъ этотъ и составлялъ очер-

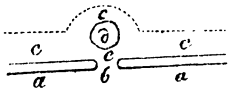
---

съ народною легендою о древнемъ Торческѣ", Кіевскія Губ. вѣдомости 1863, №№ 33 и 34.

таніе города, дѣдинцемъ котораго было городище.—Само очертаніе городища указываетъ на древнее его происхожденіе; очертаніе это слѣдуетъ естественной линіи контура горы, не приноровляясь ни къ прямой, ни къ ломанной линіямъ и не образуя правильныхъ угловъ. Всѣ повороты вала изгибаются по случайнымъ кривымъ линіямъ, представляя при томъ, безъ различія, кривизны выпуклыя и вогнутыя, что служитъ яснымъ доказательствомъ тому, что укрѣпленіе было возведено еще до появленія огнестрѣльнаго оружія.

Такъ какъ верхняя плоскость городища представляетъ естественный, впрочемъ незначительный, склонъ къ югу, то, еще до возведенія укрѣпленія, вода вырыла двѣ глубокія промоины, представлявшія овраги внутри городища. Строители укрѣпленія воспользовались этими оврагами; они выходы овраговъ заградили искусственными валами, вышиною въ уровень всего круговаго вала, но оставили въ каждой изъ двухъ рытвинъ по небольшому промежутку для въѣзда, сама же рытвина, постепенно подымающаяся къ центру городища, служила въѣзжею дорогою.—

Вообще, въѣзжихъ воротъ въ городище было 6, и всѣ эти въѣзды были защищены особеннымъ образомъ: противъ каждаго отверстія въ валу, ровъ, окружавшій укрѣпленіе, значительно расширенъ, и на днѣ его высыпанъ курганъ, маскирующій отверстіе въ валу:



aa—валъ;
b—ворота;
cccc—ровъ;
d—курганъ.

Такой же курганъ, вышиною также равный высотѣ городища, насыпанъ противъ западнаго остро-выдающагося отрога укрѣпленія, хотя въ этомъ мѣстѣ и не было въѣзжихъ воротъ.

Вотъ и всѣ замѣчанія о настоящемъ видѣ Сиракова городища, планъ котораго при этомъ присоединяю; на приложенной картѣ, я полагаю, довольно удобно можно будетъ провѣрить лѣтописныя сказанія о древнемъ Звенигородѣ, и такимъ образомъ удостовѣриться въ томъ, что мѣстоположеніе этого города весьма правдоподобно совпадало съ положеніемъ нынѣшняго Сиракова городища.

Затѣмъ мнѣ остается сказать только нѣсколько словъ о единственномъ, насколько мнѣ извѣстно, высказанномъ опредѣленно предполо-

женія относительно мѣстоположенія кіевскаго Звенигорода. М. А. Максимовичъ, въ замѣткѣ, помѣщенной въ Русской Бесѣдѣ (1859 г. книга VI, смѣсь стр. 100), остановился на мысли, что Звенигородъ находился на мѣстѣ нынѣшней деревни Звонковой, лежащей на берегу Ирпеня. Конечно, авторъ основывался исключительно на тождествѣ корня въ названіяхъ „Звенигородъ“ и „Звонкова“; но, имѣя въ виду лѣтописныя указанія, я полагаю, довольно бросить одинъ взглядъ на карту, чтобы убѣдиться въ ошибочности этого предположенія.

1) Деревня Звонкова не лежитъ на пути изъ Кіева въ Васильковъ; напротивъ того, она уклоняется отъ него болѣе чѣмъ на 20 верстъ къ западу, такъ что пріѣхавшій изъ Кіева въ Звонкову, долженъ поворачивать оттуда къ Василькову почти подъ острымъ угломъ.

2) Звонкова лежитъ болѣе чѣмъ въ 30 верстахъ отъ Кіева и слишкомъ въ 20 отъ Василькова; трудно предположить, чтобы пѣшіе кіевляне могли пробѣжать это пространство (55 верстъ) въ два перехода.

3) Прибывъ изъ Кіева въ Звонкову, не зачѣмъ идти оттуда на Перепетово поле черезъ Васильковъ: и ближе, и удобнѣе можно попасть къ цѣли, держа путь вдоль по теченію Ирпеня и его притока Унавы, и, въ такомъ случаѣ, можно выйти на Перепетово поле у нынѣшняго Хвастова, избѣжавъ неудобства переправы черезъ Стугну и притомъ значительно сокративъ путь.

4) Еще труднѣе допустить, чтобы рать, отправлявшаяся въ 1234 г. къ Торческу (Безрадичамъ), держала путь черезъ Звонкову, лежащую въ противуположной сторонѣ отъ Кіева.

5) У деревни Звонковой нѣтъ ни городища, ни другихъ признаковъ существованія въ старину на мѣстѣ этой деревни городскаго поселенія.

Сказаніе о Василькѣ Ростиславичѣ.

Чтеніе **И. П. Хрущова.**

Литературѣ историческихъ повѣстей и лѣтописныхъ сказаній мы обязаны тѣмъ, что имѣемъ богатую преданіями начальную исторію своего народа. Тогда какъ о первыхъ временахъ исторической жизни западно-европейскихъ государствъ (за исключеніемъ лишь Англіи) повѣствуютъ латинскія произведенія Григорія Турскаго, Павла діакона. Видукинда, мы знакомимся съ событіями Руси IX X вѣковъ исключительно по лѣтописямъ, писаннымъ на родномъ языкѣ. Для болѣе яснаго опредѣленія значенія нашей древней исторической письменности остановимся нѣсколько на сосѣдней съ нами странѣ—Германіи. Вмѣстѣ съ христіанскимъ просвѣщеніемъ проникла туда латинская богослужебная письменность, и слабые начатки языческой грамотности должны были притаиться, изчезнуть до поры, до времени. Чуждый языкъ сталъ символомъ всего святаго, языкъ народный въ письменности могъ быть только выраженіемъ отринутаго, языческаго. Письменность лишь изрѣдка снисходила до него,—на немъ писались глоссы, поясненія къ священному тексту. Въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій народный языкъ не пріобрѣталъ правъ на письменность,—и всѣ памятники церковные, юридическіе и историческіе, за рѣдкимъ исключеніемъ, писаны по латыни. Когда развилась рыцарская поэзія и проникла въ стѣны монастырей, то и монахи, бравшіеся за перо съ душеспасительною цѣлью, рѣшились занести на бумагу народную эпическую пѣсню, но предварительно перевели ее на латинскій языкъ. Въ то время, когда Гильдебрандова былина была записана монахомъ, враждебное отношеніе

латинскаго просвѣщенія къ языческой народности начало исчезать. Возникъ періодъ двоевѣрія: христіанскія вѣрованія получали народное значеніе, а народные обычаи миѳическаго происхожденія освящались авторитетомъ церкви. Но въ исторической литературѣ, по традиціи и обычаю, все еще господствовала латынь; однако, по самому складу своему, она напоминаетъ нѣмецкую рѣчь, тамъ и сямъ появляются нѣмецкіе эпиграфы, народныя изреченія. Предстояло сдѣлать лишь главный шагъ—излагать по нѣмецки все то, что́ не относится прямо къ церкви и не можетъ породить раскола въ ней, хотя вселенской по названію, но папской, слѣдовательно римской, по существу.

Наконецъ наступила пора, когда литература должна была раздѣлиться на церковную латинскую и на свѣтскую народную. Случилось это въ эпоху крестовыхъ походовъ—эпоху творчества, поэтической фантазіи. Матеріала было много; не забытая миѳологія воскресла при этомъ въ новой формѣ и переплелась съ идеалами христіанскаго міра и мусульманскаго востока. Богатый рыцарскій эпосъ сталъ потребностью общества: имъ жили, въ него вѣровали, имъ наслаждались и во имя его дѣйствовали. Поэзія сдѣлалась какъ-бы ремесломъ: караваны странствующихъ пѣвцовъ потянулись отъ замка къ замку. Чѣмъ обширнѣе была потребность пѣсенъ, чѣмъ обширнѣе кругъ сказаній, тѣмъ труднѣе было пѣвцамъ обойдтись безъ письменности. Образовались школы пѣвцовъ, собиравшихъ эпическіе циклы, обработывавшихъ ихъ письменно по складу и по содержанію. Подъ вліяніемъ поэтической литературы и историческая письменность теряла схоластическую форму, общее умозрительное, наблюдательное описаніе смѣнялось живымъ индивидуальнымъ разсказомъ. Самъ авторъ хроники стоитъ на первомъ планѣ въ своемъ произведеніи и увлекаетъ читателя, подобно странствующему пѣвцу, теплотой и занимательностью своего разсказа.

Не таковы судьбы нашей исторической литературы въ средніе вѣка. Мы получили готовую письменность на родственномъ языкѣ. Служа тѣмъ же цѣлямъ, какимъ служилъ на западѣ латинскій языкъ, церковно-славянское нарѣчіе охраняло нашу письменность отъ вторженія въ нее языческихъ народныхъ элементовъ. Но народной струѣ легче было проникнуть въ страницы, писанныя на языкѣ столь близкомъ къ народному. Точкой соприкосновенія двухъ элементовъ церковно-славянскаго и древне-русскаго служили лѣтописи.

Но лѣтописи наши развернулись въ повѣсть о былом̀ъ тогда,

когда духъ христіанскаго и монашескаго смиренія господствовалъ въ литературной школѣ. Внутреннія войны со всѣми ихъ дѣйствіями и нашествія племенъ варварскихъ поддерживали строгость аскетическаго взгляда. Столкновеніе живаго народнаго элемента съ церковнымъ на западѣ рѣшилось въ пользу перваго, на Руси же—въ пользу послѣдняго. Подслушивая народныя преданія, лѣтописецъ нашъ, на сколько могъ, пріурочивалъ ихъ къ своему книжному міросозерцанію, никогда не нисходилъ до бытовыхъ чертъ, никогда не вдавался въ живыя подробности о личности своей или даже своего героя. Скромный, грѣшный, худый,—онъ проситъ прощенія, если впалъ въ ошибку; имя свое вноситъ рѣдко на страницы лѣтописи,—да и то лишь для того, чтобы помянули его въ молитвахъ. Чаще же всего онъ не считаетъ нужнымъ не только повѣствовать о себѣ, но даже заявлять о своемъ существованіи. Г. Погодинъ припоминаетъ, что Шлецеръ отдавалъ преимущество нашимъ лѣтописямъ передъ западными за то, что въ нихъ не было ничего умышленнаго, невѣрнаго, что онѣ писаны просто, ясно, безъ украшеній. Но если такъ, то онѣ были бы наивны, не подчинены руководящей идеѣ и поэтому въ высшей степени поэтичны, поэтичны какъ безъискусственный эпосъ, а этого нѣтъ: лѣтописи наши отличаются простодушіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и искусственностью съ самыхъ раннихъ поръ. Ясностью и безъискусственностью отличаются Новгородскія лѣтописи, но онѣ уже чужды поэзіи. Это какія-то дѣловыя, правда, простодушныя, но крайне прозаическія записи. Безъ искусственности, безъ *школы* не возникаетъ письменность, и безъ руководящей идеи не возможно развиться въ ней творчеству. Поэзія проникаетъ въ наши лѣтописи въ цвѣтущую Кіевскую пору, и эта-то лѣтописная литература замѣняетъ намъ все, что уцѣлѣло отъ живыхъ народныхъ преданій. Она доноситъ до насъ идеалы, какими жила образованная часть общества.

Народная жизнь проникала въ лѣтопись на столько, на сколько лѣтописцы оставались вѣрны интересамъ своего города и земли, или даже партіи. Въ приговорахъ ихъ замѣтно пристрастіе къ тѣмъ или другимъ князьямъ, сочувствіе и несочувствіе къ городамъ и областнымъ землямъ русскимъ. Текстомъ изъ священнаго писанія авторъ подкрѣпляетъ свое личное воззрѣніе на событіе. Призываніе благословенія Божія и воззваніе къ его праведному суду часто находится въ связи съ личнымъ и пристрастнымъ воззрѣніемъ лѣтописателя.

Такимъ образомъ, древній русскій лѣтописецъ иногда выступалъ изъ области идеальнаго христіанскаго міросозерцанія и погружался въ страстныя волны житейскаго моря. Такія разнородныя свойства дѣлаютъ наши лѣтописи отголоскомъ людей, проникнутыхъ духовными воззрѣніями на событія грѣшнаго міра, съ другой же стороны,—отголоскомъ наблюдателей дѣйствительной жизни и интересовъ того города и той земли, гдѣ жилъ и дѣйствовалъ писатель. Лѣтописецъ русскій не всегда былъ затворникомъ, не покидавшимъ своей келліи; часто изъ оживленнаго разсказа его видно, что онъ присутствовалъ на вѣчевой сходкѣ, при спорѣ князя съ дружиной и гражданами; онъ участвовалъ въ походѣ, бывалъ очевидцемъ сѣчи, осады города, ликовалъ съ побѣдителемъ, сѣтовалъ съ побѣжденнымъ, слушалъ князей, договаривавшихся о мирѣ и присутствовалъ при обычномъ крестоцѣлованіи. Духовникъ княжескій, или пономарь, или свѣтскій человѣкъ, употреблявшійся княземъ для писанія крестоцѣловальныхъ, судныхъ и дарственныхъ грамотъ,—онъ писалъ свои замѣтки по большей части на досугѣ, и, принимаясь за перо, все-таки старался отрѣшиться отъ личныхъ интересовъ и усвоить себѣ роль безпристрастнаго судьи-христіанина, какъ того требовало литературное направленіе.

Сказанія, записанныя очевидцами, лицами, испытавшими непосредственное впечатлѣніе событія, составляютъ существенную и наиболѣе творческую часть нашихъ лѣтописныхъ сводовъ.

Монахъ-историкъ пользовался подобными отдѣльными сказаніями, приводилъ ихъ въ порядокъ, по годамъ; вставлялъ тамъ и сямъ свое наставленіе, свой молитвенный возгласъ, присоединялъ свою монастырскую лѣтопись, и такимъ образомъ создавался цѣлый лѣтописный сводъ, цѣлый *лѣтописецъ*. Отдѣльныя сказанія появились ранѣе сводовъ лѣтописныхъ и входили въ послѣдніе или цѣликомъ, или въ сокращеніи и передѣлкѣ. Самая же эпоха, въ которую стали чаще и чаще писаться отдѣльныя сказанія, и была эпохою появленія лѣтописныхъ сводовъ. Лѣтописатель перестаетъ довольствоваться лишь современнымъ: онъ хочетъ творить, возсоздавать былое, разсказывать о томъ, что́ не записано, подтверждать или отрицать преданія городскія, общенародныя, приноравливать къ своему своду готовыя сказанія и тутъ же вставлять готовыя поученія; во всемъ этомъ имъ двигаетъ желаніе *повѣдати* о старинѣ забытой: „*Се повѣсти* временныхъ лѣтъ“. Повѣствователь былаго становится историкомъ въ серьезномъ значеніи

слова, хочетъ сдѣлать извѣстнымъ забытое (*повѣдати*), отодвинутое въ даль событіе, и, излагая современныя происшествія, имѣетъ въ виду потомство. Творчество и вдохновеніе необходимы для *повѣсти* или *повѣданія*, и названія эти первоначально относятся къ разсказу о завѣтномъ быломъ, о чемъ звучала пѣсня и твердило народное преданіе.

Сказаніе отличается отъ повѣсти прежде всего правдивоотью, близостью автора къ событію и отсутствіемъ того вдохновенія, которое необходимо для повѣсти. Но и сказаніе не составляетъ первой ступени повѣствовательнаго творчества. Для появленія цѣлаго сказанія объ отдѣльномъ событіи необходимо, чтобъ авторъ былъ сильно заинтересованъ этимъ событіемъ, остановился бы на немъ, сосредоточился. И вотъ онъ обыкновенно вводитъ читателя въ такой особый разсказъ словами: „скажемъ вкратцѣ, скажемъ мало... се же хощю сказати яже слышахъ".

Такимъ образомъ, встрѣчающіяся въ лѣтописныхъ сводахъ *сказанія* представляютъ нѣчто среднее между повѣстью и бѣглымъ разсказомъ—записью, который и былъ первоначальною литературною формою лѣтописи. Остановимся нѣсколько на первоначальныхъ литературныхъ родахъ лѣтописнаго творчества—на записи и разсказѣ. Опредѣленіе этихъ послѣднихъ покажетъ относительную высоту сказанія и повѣсти.

Учеными нашими доказано, что мы воспользовались системою лѣтосчисленія отъ Византійцевъ [1]),—и это былъ первый шагъ нашего научнаго сближенія съ образованнымъ міромъ. Пасхальныя таблицы съ готовыми рядами годовыхъ цифръ были важнымъ подспорьемъ, которымъ воспользовалась наша юная грамотность для погоднаго записыванія событій. Первоначальныя лѣтописи наши велись, какъ видно, людьми не духовными. Въ тѣ времена, когда религія христіанская не была еще господствующею на Руси, княжьи люди стали записывать событія жизни ратной. Доказательствомъ тому, что древнѣйшія лѣтописи не были писаны духовными лицами, служитъ то, что въ нихъ не отмѣчены событія, важныя для успѣховъ христіанства [2]). Кратка и сжата форма первоначальныхъ лѣтописей. Онѣ состоятъ изъ упо-

---

[1]) *Сухомлиновъ:* О древней русской лѣтописи, какъ памятн. литерат., 30—45.

[2]) *Срезневскій:* Чтенія о древнихъ русскихъ лѣтописяхъ, стр. 17.

минаній о походахъ, о рожденіи или смерти князей, или о необычныхъ небесныхъ явленіяхъ [1]).

Но при простыхъ, сжатыхъ упоминаніяхъ можно и въ первоначальныхъ лѣтописяхъ встрѣтить стремленіе къ освѣщенію факта. Запись оживляется подробностью, которая уже не могла умѣститься въ клѣткѣ пасхальной таблицы [2]). „Подробности эти“ сохраняютъ намъ драгоцѣнныя черты быта, „бросаютъ свѣтъ на промыслы, образъ жизни, обычаи нашихъ предковъ, даютъ намъ представленія объ одеждѣ, вооруженіи, монетахъ“,—такъ говоритъ академикъ Срезневскій въ своихъ чтеніяхъ о первоначальныхъ лѣтописяхъ X вѣка, дошедшихъ до насъ въ Повѣсти временныхъ лѣтъ. Тоже можно сказать о лѣтописяхъ послѣдующихъ временъ, и здѣсь было бы неумѣстно подробно указывать на археологическіе, бытовые, юридическіе выводы о древней Руси, сдѣланные многими учеными на основаніи этихъ мелкихъ, случайныхъ подробностей въ лѣтописяхъ.

---

[1]) Такъ, напримѣръ: Въ лѣто 6419 явися звѣзда копѣйнымъ образомъ (временъ Олега). Въ лѣто 6423 пріидоша Печенѣзи первое на Русскую землю. Въ лѣто 6428 Игорь воеваше на Печенѣгы (лѣтопись временъ Игоря). Въ лѣто 6474 Вятичи побѣди Святославъ и дань на нихъ възложи. Въ лѣто 6491 иде Володимеръ на Ятвяги и побѣди Ятвяги и взя землю ихъ. Въ лѣто 6508 преставися Малъфрѣдь и т. п. Подобнаго рода записи помѣщались въ клѣточкахъ пасхальной таблицы. Такъ, въ пасхальной таблицѣ 1350 изъ Псаломника синодальной библіотеки, изданной г. Сухомлиновымъ, а потомъ г. Срезневскимъ въ приложеніяхъ къ „Памятн. древн. письма и языка“, встрѣчаемъ записи подъ разными годами, но по недостатку мѣста въ еще большей сжатости: „Олександръ князь преставися. Торжекъ взятъ“... Подобныя замѣтки встрѣчаются въ молитвенникахъ, псалтиряхъ, сборникахъ и ранѣе, и позднѣе XIV вѣка. Такъ, напримѣръ, въ сборникѣ молитвеннаго содержанія, конца XV вѣка (библ. Моск. Дух. Акад. № 515, л. 511), встрѣчаемъ краткую лѣтопись безъ полспеній съ характеромъ, свойственнымъ календарной замѣткѣ: „Лѣта 7017 преставися внукъ князь Димитрій. Лѣта 7038 гости приходили изъ' Ногаи с'товаромъ и с'коньми и пригону было 8.000. Лѣто 7042. Приходили гости Ногаи, коней 5.000. Преставися благовѣрный инокъ Варлаамъ. Шемячичеву княгиню съ 2 дщерьми постригли неволею въ Каргеполе“.

[2])—„Козари имаху на Полянѣхъ—по бѣлѣ вѣверицѣ отъ дыма.—Ноча Олегъ воевати Деревляны, и примучивъ я, имаше на нихъ дань по чернѣ кунѣ“.

Краткія свѣдѣнія о событіяхъ оживляются съ самыхъ раннихъ поръ разговорною рѣчью [1]). До сихъ поръ на сѣверѣ Россіи, гдѣ крѣпко хранится старина, замѣтна любовь къ вносимъ рѣчамъ. Слушая ново-или архангело-городскую рѣчь, по неволѣ замѣчаешь это безпрестанное: „онъ ска, она ска“. Сходно съ этимъ и реченіе: „молъ“.

Лѣтописи новгородскія или псковскія отличаются, какъ извѣстно, простотой и безыскусственностью. Онѣ свѣжи, народны, первообразны, кратки и правдивы въ непосредственной передачѣ впечатлѣній. Поэтому, онѣ и остаются на долго образцомъ первоначальной, литературной формы повѣствованія. Въ нихъ нѣтъ стремленія остановиться на былomъ, давно прошедшемъ, что́ уже составляетъ высшую степень историческаго творчества. Замѣчательно, что новградо-псковское лѣтописаніе, до XVII вѣка включительно, сохранило свой древній характеръ немногословнаго, скупаго на подробности изложенія, при языкѣ сжатомъ и выразительномъ. Разговорная форма составляетъ особенность этихъ лѣтописей. Одинъ изъ древнѣйшихъ разсказовъ служитъ тому доказательствомъ: „а вы плотници суще, а приставимъ вы хоромъ рубити“. Разговорная рѣчь часто нарушаетъ теченіе разсказа, едва начавшагося. Новогородцы, разсказываетъ лѣтописатель, задумавъ изгнать Всеволода, „въсадиша его въ епископль дворъ съ женою и съ дѣтьми... а се вины его творяху: 1, не блюдеть смердъ. 2“—но тутъ форма разсказа нарушается безъ всякихъ оговорокъ личнымъ обращеніемъ къ князю: „чему хотѣлъ еси сѣсти Переяславли. 3, ѣхалъ еси съ пълку переди всѣхъ“... Сжатый разсказъ, оживленный вносною рѣчью, свидѣтельствуетъ о свѣжести событія въ то время, когда оно описано.

Разговорная форма и молитвенные возгласы и восклицанія—вотъ тѣ стихіи, которыми оживилась погодная запись.

Отъ записи или сжатаго разсказа, писаннаго подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ событія, слѣдуетъ отличать разсказъ, составленный по прошествіи нѣкотораго времени, когда лѣтописатель оглядывается назадъ и группируетъ событія извѣстнаго года. Тутъ требуется умѣнье представить пить событій и объединить ихъ по возможности.

---

[1]) Уже въ извѣстіи о походѣ Олега на Сѣверянъ встрѣчается разговорная форма, и она-же еще полнѣе обрисовываетъ его отношеніе къ Радимичамъ: „Кому дань даете? Они же рѣша: Козаромъ. И рече имъ Олегъ: не дайте Козаромъ, но мнѣ дайте“ и т. д.

Оглядываясь назадъ, лѣтъ за десять или болѣе, при сведеніи въ одно различныхъ лѣтописныхъ замѣтокъ одного года, лѣтописатель прибавляетъ къ сему матеріалу свои собственныя воспоминанія и даетъ нѣчто цѣльное, оконченное. Въ сжатыхъ, немногословныхъ разсказахъ новгородскихъ лѣтописей замѣтно умѣнье точно очерчивать событія многихъ мѣсяцевъ, а иногда и годовъ. Такъ, напримѣръ, подъ 6675 годомъ (Новгор. 1-я, 14 стр.) встрѣчаемъ нѣсколько разнородныхъ извѣстій. Изъ нихъ одни кратки, и по всей вѣроятности, переписаны изъ погодныхъ, какъ-бы календарныхъ, помѣтокъ. Мы ихъ находимъ въ началѣ и въ концѣ статьи, помѣченной годовою цифрою. Въ началѣ мы читаемъ: „сѣде Мстиславъ Изяславиць Кыевѣ на столѣ. На ту же весну заложи Съдко Сытиниць церковь камяну святую мученику Бориса и Глѣба, при князи Святославѣ Ростиславицѣ, при архіепископѣ Иліи". Въ концѣ: „па ту же зиму ходи Мстиславъ на Половцы... Преставися раба Божія Анпа игумепія святыя Варвары и поставиша на мѣсто ея Маремьяну". Но средина посвящена разсказу объ усобицѣ Новогорода съ княземъ Святославомъ Ростиславичемъ. Разсказъ этотъ обнимаетъ событіе отъ начала до конца. Усобица началась лѣтомъ и отъ Семенова дня (1-го сентября) до Пасхи Новгородцы сидѣли безъ князя. Очевидно, разсказъ лѣтописи писанъ не прежде Пасхи, то-есть, онъ писанъ по вокняженіи Романа Мстиславича, который сѣлъ на столѣ 14-го апрѣля, во вторую недѣлю по Пасхѣ, слѣдовательно, по наступленіи новаго мартовскаго года,—и лѣтописатель отложилъ говорить объ этомъ до новой рубрики: до 6676 года. Вникая въ группировку событій, описанныхъ подъ 6675 годомъ, мы видимъ, что лѣтописатель имѣлъ въ виду ихъ послѣдовательность по времени. Въ началѣ мартовскаго года, вскорѣ послѣ смерти дяди своего Ростислава, умершаго 21-го марта, вокняжился Мстиславъ Изяславичъ (правнукъ Мономаха) въ Кіевѣ. Весною была совершена закладка церкви Бориса и Глѣба въ Новгородѣ. Лѣтомъ Новгородцы извѣстились о пріѣздѣ митрополита Константина въ Кіевъ, и тутъ же вскорѣ князь Святославъ отправился въ Луки, съ чего и началась усобица, продолжавшаяся до Семенова дня. Зимою, къ концу года, кіевскій князь, какъ слышалъ Новогородецъ, одержалъ побѣду надъ Половцами, а въ Новгородѣ отмѣчена была перемѣна игуменьи въ монастырѣ св. Варвары.

Группировка событій по годамъ и есть собственно трудъ и заслуга

составителя лѣтописи. Такимъ образомъ, лѣтописи состоятъ а) изъ помѣтокъ о только-что случившемся происшествіи и b) изъ разсказовъ по воспоминанію лица пишущаго, которое иногда пользовалось и немногословными помѣтками пасхальныхъ таблицъ. Разсказы преобладаютъ надъ помѣтками, ими полны лѣтописи,—и вездѣ видно, что они ведутся спустя долгое время послѣ того года, о которомъ идетъ рѣчь. За это говорятъ многіе признаки. Такъ, напримѣръ, при извѣстіяхъ о смерти князей или духовныхъ лицъ по большей части не означено числа и мѣсяца. О событіяхъ, совершившихся въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ и даже годовъ, разказывается такъ точно и опредѣленно, какъ это возможно по прошествіи нѣкотораго времени, когда исчезнутъ слѣды перваго горячаго впечатлѣнія. Наконецъ, части разсказа связываются между собою частицею *тогда* (тъгда же родися у князя сынъ у Ярослава).

Но во всякомъ случаѣ краткіе погодные разсказы нашихъ лѣтописей писаны не потомками современниковъ, а самими современниками событій, хотя и не по слѣдамъ первыхъ живыхъ впечатлѣній, а по воспоминанію. Не современное событію лицо не могло бы знать подробности, не освѣщенныя никакою поэзіей, и слѣдовательно, не прочныя для преданія, какъ напримѣръ: „и иде въ городъ воевода поимя съ собою попа, Ивапа Легена“ (Нов. 1, П. С. Р. Л. III, стр. 21). Иногда нельзя не видѣть въ этихъ погодныхъ разсказахъ и личныхъ впечатлѣній автора.

Лѣтописные разсказы, въ которыхъ группируются факты и характеризуются современныя автору, но уже давно минувшія событія, составляютъ, послѣ записи, вторую ступень повѣствовательнаго искусства. Погодные разсказы оживляются: а) впосными рѣчами дѣйствующихъ лицъ и b) религіознымъ воодушевленіемъ, когда событіе наводитъ лѣтописателя на разсужденіе о неправдѣ людской, когда онъ, ища оправданія въ Богѣ, умиляется, вздыхаетъ, кается въ грѣхахъ своихъ, поучаетъ, обличаетъ и грозитъ Божіимъ судомъ.

Въ бѣгломъ описаніи событій цѣлаго года мы замѣчаемъ большее или меньшее умѣнье очертить ихъ, и отъ этого бѣглаго описанія съ высоты птичьяго полета, съ высоты хроникера-наблюдателя, отличаемъ *сказаніе*, которымъ воскрешается одно какое-нибудь событіе, и на немъ повѣствователь сосредоточивается, черпая свои свѣдѣнія изъ самаго

перваго источника: онъ или самъ видѣлъ очима своими, или слышалъ отъ очевидцевъ.

Только съ появленіемъ отдѣльныхъ сказаній, цѣльныхъ и сосредоточенныхъ, образовалась и литература повѣстей. Сперва сказанія, а потомъ повѣсти составляютъ высшую ступень творчества, какъ мы уже сказали выше.

XI вѣкъ представляетъ довольно большое развитіе письменности на Руси. Вѣкъ Ярослава, насадившаго вспаханное отцомъ поле книжными словесы, вѣкъ Всеволода, владѣвшаго пятью иностранными языками, вѣкъ Янки Всеволодовны—вѣкъ молодости и мужества Мономаха, вѣкъ митрополита Иларіона, Ѳеодосія, Іакова Мниха и Нестора, Луки Жидяты и другихъ, имѣлъ тѣ данныя, при которыхъ повѣствовательная литература могла получить развитіе, и она дѣйствительно развилась до такой степени, что составителю Повѣсти временныхъ лѣтъ пришлось воспользоваться многими готовыми письменными сказаніями, какъ-то: сказаніемъ о принятіи Ольгою вѣры Христовой, о крещеніи Владиміра, повѣстью объ убіеніи Бориса и Глѣба, сказаніемъ Василя и другими.

Приступая къ разбору одного изъ этихъ сказаній, а именно сказанія о Васильке Теребовльскомъ, мы остановимся нѣсколько на томъ, что въ Повѣсти временныхъ лѣтъ предшествуетъ этому сказанію.

Слѣдя за лѣтописными разсказами Повѣсти временныхъ лѣтъ въ эпоху дѣтей и внуковъ Ярослава, мы видимъ такіе же бѣглые погодные разсказы, какъ и въ лѣтописяхъ новгородскихъ, но только кругозоръ лѣтописателя шире. Рѣже и рѣже попадаются частныя городскія или монастырскія замѣтки. Все вниманіе сосредоточено на князьяхъ, множившихся и распространявшихъ свои удѣлы на широкомъ пространствѣ отъ Галича Краснаго до Мурома, Ростова, и съ новгородскимъ ополченіемъ доходившихъ до Чуди и Югры. Характеризуя событія своимъ приговоромъ, легкимъ словомъ осужденія или похвалы, лѣтописатель имѣетъ главною задачей свить нить событій вокругъ даннаго года. Живы и образны эти разсказы. Они передаютъ слова князей, посыльныя ихъ рѣчи, обрисовываютъ подробности побѣдъ. Но иногда одно событіе среди всѣхъ остальныхъ блеститъ подробностями. Таковъ, напримѣръ, разсказъ объ убійствѣ Итларя, писанный или переданный лѣтописателю однимъ изъ дружинниковъ Владиміра или знатнаго княжого мужа Ратибора. Разсказъ передаетъ всѣ

подробности, всѣ имена; знаетъ не только числа, но дни недѣли и часы происшествій.

Въ событіяхъ слѣдующаго затѣмъ года (6604) появляется разсказъ о нашествіи Боняка съ Половцами на Кіевъ и монастырь Печерскій, писанный монахомъ Печерскаго монастыря.

Авторъ отличается взглядомъ, отреченнымъ отъ мірскихъ событій. Раздраженный прямымъ столкновеніемъ съ Половцами и разграбленіемъ своего монастыря, лѣтописатель мѣняетъ свой спокойный топъ на страстный и оживленный. Это мы въ правѣ сказать тогда, когда согласимся принять, что всѣ событія одного и того же года на этотъ разъ переданы однимъ и тѣмъ же писателемъ. И вотъ, заживо затронутый погромомъ своей обители, монахъ передаетъ то, чему былъ очевидцемъ. „И 20-го того же мѣсяца приде второе Бонякъ безбожный, шелудивый, отай, хищникъ къ Кыеву впезапу.... и придоша въ монастырь Печерскій, намъ сущимъ по кельямъ, почивающимъ по заутренѣ, и кликнуша около монастыря и поставиша стяга два предъ враты монастырьскими....“ Одни изъ насъ припрятались за домъ монастыря, другіе взбѣжали на самыя зданія; безбожные же сыны Измаиловы вырубили монастырскія ворота и пошли по келліямъ. Высѣкали двери и выносили все, что находили въ келліи; потомъ зажгли домъ Святыя Владычицы нашея Богородицы; пришли къ церкви, зажгли двери, устроенныя на югъ и другія на сѣверъ. Влѣзли въ притворъ у гроба Ѳеодосьева, брали иконы, зажигали двери и укоряли Бога и законъ нашъ и говорили: „гдѣ есть Богъ ихъ? да поможетъ имъ и ина словеса хульная глаголаху“. Видимо, Богъ не помогъ христіанамъ. Самъ разскащикъ въ молитвѣ къ Богу-отмстителю говоритъ, что поганые осквернили домъ Его и монастырь Матери Его, и трупы рабовъ Его, ибо они убили—поясняетъ онъ читателю—нѣсколькихъ отъ братіи нашей. Но эта-то покорность волѣ Божіей и сознаніе труднаго пути, по которому Богъ ведетъ рабовъ своихъ, даетъ возможность возвыситься надъ временными бѣдами, этимъ-то исповѣданіемъ духовнаго преимущества христіанъ передъ язычниками разсказъ возвышается до искренняго молитвеннаго воодушевленія и оканчивается объясненіемъ происхожденія Половцевъ на основаніи библейскихъ преданій.

Обыкновенно несчастная битва и погромъ давали поводъ къ возгласамъ о грѣхахъ и беззаконіяхъ полуязыческаго общества. Здѣсь же въ сказаніи о Бонякѣ нѣтъ обличительнаго элемента: въ немъ видѣнъ

человѣкъ, живущій въ средѣ чисто христіанской, то-есть, въ монастырѣ, каковъ былъ Печерскій. Онъ принимаетъ Божью кару скорѣе какъ испытаніе, чѣмъ какъ угрозу. Впечатлѣнію, произведенному на монаха разграбленіемъ монастыря Половцами, мы обязаны цѣлому разсужденію о происхожденіи ихъ. Это книжное мудрствованіе свое авторъ подкрѣпляетъ свѣдѣніемъ о другомъ таинственномъ, заклепанномъ въ горахъ Александромъ Македонскимъ, народѣ Югрѣ, который, какъ онъ слышалъ отъ Новгородца Гюряты Роговича, мѣняетъ Новгородцамъ звѣриныя шкуры на желѣзо. Но, прервавъ такимъ сказаніемъ о Половцахъ свой разсказъ, лѣтописатель возвращается къ событіямъ года, за которыми онъ зорко слѣдитъ изъ келліи Печерской обители, куда очевидецъ-богомолецъ принесъ ему изъ недалекаго Переяслава подробный разсказъ объ убіеніи Итларя.

Слѣдующій затѣмъ годъ посвященъ борьбѣ Олега Святославича сперва съ однимъ, потомъ съ другимъ сыномъ Мономаха. Подробности, какъ напримѣръ, стягъ Мономаха, который Мстиславъ отдалъ пѣхотѣ подъ начальствомъ половца Кунуя, и самое движеніе войскъ въ битвѣ съ трудомъ можно было записать въ монастырѣ. Но составитель повѣсти воспользовался сказаніемъ о борьбѣ Олега Святославича съ сыновьями Мономаха и тѣмъ окончилъ 6604 годъ.

Слѣдующій годъ былъ памятенъ устроеніемъ мира въ Любечѣ и ослѣпленіемъ Василька.

О первомъ событіи сохранилось краткое лѣтописное извѣстіе, вѣрное, точное, живое, писанное не въ Любечѣ, не на мѣстѣ, а въ Кіевѣ, гдѣ вслась лѣтопись. „И приде Святополкъ съ Давыдомъ Кіеву, и ради быша людье вси, но токмо дьяволъ печаленъ бяше о любви сей, и влѣзе сатана въ сердце нѣкоторымъ мужемъ и начаша глаголати къ Давыдови Игоревичю, рекуще сице: яко Володимеръ сложился есть съ Васильковъ на Святополка и на тя“.... Здѣсь начинается подробное *сказаніе* о судьбѣ князя Василька [1]). Сперва мы

---

[1]) Профессоръ *Бестужевъ-Рюминъ* (О составѣ русск. лѣтоп. до конца XIV вѣка, стр. 48) называетъ этотъ памятникъ *сказаніемъ* объ ослѣпленіи Василька. Академикъ *Срезневскій* называетъ его же лѣтописными *сказаніями* Василія, но вслѣдъ затѣмъ какъ-бы склоняется къ мысли, что это не *сказанія*, а *сказаніе* объ ослѣпленіи Василька и о событіяхъ затѣмъ послѣдовавшихъ (Древн. памятн. русск. письма и языка, стр. 20). Назвать это ска-

слышимъ, какъ Давидъ смущаетъ Святополка, какъ Святополкъ понемногу убѣждается Давидомъ и рѣшается взять Василька. Потомъ взятіе князя въ плѣнъ обманомъ.

Ослѣпленіе Василька разсказано съ такою живостью и съ такими подробностями бытовыми, какія не часто встрѣчаются въ нашихъ памятникахъ. Разсказъ быстро переходитъ къ послѣдствіямъ ослѣпленія, къ справедливому гнѣву князей на Святополка и Давида, къ миру подъ Кіевомъ, заключенному при содѣйствіи мачихи Мономаха,—миру, условіемъ котораго сдѣлано нападеніе Святополка на Давида. Это послѣднее событіе ярко высказываетъ сочувствіе автора къ личности Мономаха. Онъ говоритъ о его слезахъ, называетъ его добрымъ, говоритъ, какъ князь этотъ уважалъ отца и чтилъ мачиху, каковъ былъ до духовенства и бѣдныхъ. Потребность отдохнуть на Мономахѣ, послѣ разсказа о гнусномъ дѣлѣ, потребность представить Владиміра защитникомъ праваго дѣла,—вотъ что̀ заставило автора прямо съ осени перенестись къ событію весеннему и потомъ возвратиться къ продолженію своего разсказа. Такое отступленіе отъ хронологіи ясно говоритъ за то, что сказаніе было вполнѣ независимо отъ лѣтописи.

Возвращаясь къ тому, что̀ случилось во Владимірѣ, гдѣ всю зиму просидѣлъ въ заключеніи ослѣпленный Василько, стерегомый двумя отроками Давида, авторъ впервые говоритъ о себѣ: „Василькови же сущю Володимери, на прежерѣченномъ мѣстѣ, и яко приближися постъ великій и мнѣ ту сущу Володимери, во едину нощь присла по мя князь Давидъ“...

Послѣ разсказа о переговорахъ между Василькомъ и Давидомъ, которые не привели князей ни къ какому соглашенію, и которыхъ проводникомъ былъ самъ авторъ, онъ переходитъ къ послѣдующимъ событіямъ: къ столкновенію Давида съ братомъ Василька, слѣдствіемъ котораго было освобожденіе Василька и возвращеніе его въ свой удѣлъ. Это случилось около Святой, а весною Василько и Володарь пошли ратью на Давида. Авторъ повѣствуетъ и объ этой рати, о мщеніи Василька и затѣмъ послѣдовательно переходитъ къ войнѣ Святополка

заніе Василія сказаніемъ объ ослѣпленіи Василька трудно, потому что оно не ограничивается однимъ этимъ событіемъ. Между тѣмъ нѣтъ и повода отдѣлить разсказъ объ ослѣпленіи отъ разсказа о дальнѣйшихъ событіяхъ, гдѣ собственно и является авторъ Василій.

съ Давидомъ, которая, послѣ перваго бѣгства этого послѣдняго князя, обратилась въ войну Святополка съ Володаремъ. Къ Володарю впослѣдствіи примкнулъ Давидъ, подкрѣпленный Бонякомъ. На помощь къ Святополку пришли Угры. Счастье склонилось на сторону Давида; Святополкъ потерялъ сына, убитаго на заборолѣхъ Владиміра-Волынскаго; городъ этотъ, послѣ войны, возвратилъ себѣ Давидъ Игоревичъ „и сѣде въ немъ“. Но на второе лѣто, заключаетъ повѣствователь, Святополкъ, Володимеръ, Давидъ (Святославичъ) и Олегъ не дали ему Владиміра, но дали ему Дорогобужъ, гдѣ онъ и умеръ: „въ немъ же и умре; а Святополкъ перея Володимеръ и посади въ немъ сына своего Ярослава“.

Тутъ оканчивается сказаніе о смутахъ на Волыни, главною причиною которыхъ было ослѣпленіе Василька.

Сказаніе обнимаетъ событія отъ осени 6605 (1097) до 30-го августа 6608 года, слѣдовательно, событія трехъ лѣтъ. Событія эти составляютъ послѣдовательность историческую. Автору хотѣлось разсказать, чѣмъ кончилась крамола Давида, и не прерывалъ онъ своей повѣсти до тѣхъ поръ, пока не довелъ ее до конца, пока не свелъ Давида со стола Владимірскаго въ ничтожный удѣлъ, гдѣ онъ уже потерялъ всякое значеніе до самой смерти.

Авторъ сказанія, Василій, какъ онъ себя называетъ устами Давида Игоревича, былъ Волынецъ. Онъ, какъ самъ говоритъ, жилъ зимою 6605 въ Володимірѣ-Волынскомъ, когда однажды, ночью послалъ за нимъ Давидъ Игоревичъ. Князь этотъ зналъ его лично и довѣрялъ ему. Изъ этого можно заключить, что онъ былъ не только Волынецъ, но и Владимірецъ. Онъ слѣдитъ за судьбою Владиміра-Волынскаго и оканчиваетъ сказаніе тѣмъ, что городъ этотъ достался сыну Святополкову, а Давидъ такъ и умеръ въ Дорогобужѣ. Володимірцы не любили Давида,—это ясно изъ того, что они крѣпко стояли за Мстислава Святополчича противъ своего природнаго князя и, по убіеніи Мстислава, они сами по себѣ держались противъ осаждавшаго ихъ Давида, къ Святополку же посылали вѣсть, чтобы скорѣе шелъ, а то голодъ принудитъ ихъ сдаться. Лишь только подошелъ къ городу воевода кіевскій Путята, Володимірцы выскочили изъ города „и почаша сѣчи воѣ Давыдовы“. Такъ передаетъ самъ Василь въ своемъ сказаніи. Сказаніе это получаетъ нѣсколько болѣе опредѣленную хронологію при томъ обстоятельствѣ, что авторъ его зналъ, что Давидъ

Игоревичъ умеръ въ Дорогобужѣ, а что Володиміръ-Волынскій все еще въ рукахъ Ярослава Святополчича. Сказаніе писано послѣ 25-го мая 6620 года и до лѣта 6625 года, то-есть, въ пятилѣтіе между 1112 и 1117 годами, слѣдовательно, въ началѣ XII-го столѣтія, спустя болѣе 15 лѣтъ послѣ ослѣпленія Василька.

Вспоминая о событіяхъ, которыхъ былъ свидѣтелемъ, Василь пересказалъ ихъ съ точностью современника. Разсказъ его чуждъ всякой искусственности, онъ говоритъ о томъ, что знаетъ близко, и не нуждается ни въ какихъ постороннихъ письменныхъ источникахъ и ни въ чьей помощи.

Разсказъ его, дышащій правдою; производитъ тѣмъ самымъ сильное впечатлѣніе. Авторъ чуждъ всякаго лиризма, онъ не останавливается надъ тѣмъ, что передалъ, не восклицаетъ и не передаетъ своихъ соболѣзнованій, воспроизводя сцену ослѣпленія. Съ этой стороны онъ рѣзко отличается отъ другихъ своихъ собратій по перу, какъ напримѣръ, отъ лѣтописца, разсказывавшаго о нашествіи Половцевъ. Сверхъ того, онъ не вдается и въ религіозный лиризмъ, не сѣтуетъ о грѣхахъ и не превращаетъ разсказа своего въ поученіе. Онъ отчетливо и подробно говоритъ о частностяхъ, и въ томъ собственно цѣль его сказанія: передать то, чему былъ свидѣтелемъ. Въ томъ, что составляетъ продолженіе его разсказа, въ военныхъ событіяхъ, онъ точенъ, правдивъ и вмѣстѣ быстръ, скоръ, какъ и другіе лѣтописатели, пересказывавшіе не эпизоды войнъ, а самыя войны и ихъ послѣдствія. Но и тутъ въ одномъ эпизодѣ, когда онъ говоритъ о борьбѣ Угровъ съ Половцами, талантъ его далъ себя знать однимъ выраженіемъ. Человѣкъ, умѣвшій талантливо изображать дѣйствительную жизнь, не могъ не быть чуткимъ къ живому народному поэтическому слову—*и сбиша Угры акы въ мячь, яко се соколъ сбиваетъ галиць.*

Въ другомъ мѣстѣ этотъ человѣкъ не могъ не откликнуться на другое, живое, поэтическое значеніе, слухъ о которомъ прошелъ почти на самомъ мѣстѣ дѣйствія.

Святополкъ, ослѣпившій Василька, давшій обѣщанія Мономаху и другимъ братьямъ-князьямъ идти за Василька на Давида и тѣмъ изгладить вину свою, цѣловалъ крестъ Василько и Володарю на томъ, что хочетъ имѣть съ ними миръ и любовь. И вотъ онъ, послѣ того какъ справился съ Давидомъ и прогналъ его въ Ляхи, идетъ со всѣмъ войскомъ на Володаря и Василька; тѣ напоминаютъ ему его клятву, его

крестоцѣлованіе, но онъ преступаетъ крестъ, „надѣяся на множество вои“. Приготовились къ бою, сошлись на полѣ Рожни, и Василько, возвысивъ крестъ, произнесъ: ты цѣловалъ его; сначала ты отнялъ у меня зрѣніе, а теперь хочешь взять душу,—да будетъ между нами крестъ сей. И когда сошлись полки, „мнози человѣци благовѣрніи видѣша крестъ надъ Васильковы вои, возвышься вельми“.

Разсказъ Василя простой, живой и образный, чуждъ, какъ мы сказали, лиризма. Онъ только разъ приводитъ текстъ пророка, который былъ въ то время на устахъ у лицъ духовныхъ, какъ противодѣйствіе мести; язычество, всегда согласное съ природными инстинктами человѣка, покровительствовало этому чувству, возводило его въ добродѣтель; учители новой вѣры твердили, что Богъ—отместникъ, и мщенье надо возложить на Него,—по слову пророка: „вздасть месть врагомъ и ненавидящимъ его“. Это-то изреченіе приводитъ Василь послѣ того, какъ упомянулъ о казни Василькомъ тѣхъ совѣтниковъ Давида, которые дали ему мысль ослѣпить Василька: „Се же второе мученіе створи (Василько) его же не бяше лѣпо створити, дабы Богъ отместникъ былъ—якоже рече пророкъ“ и т. д. Василь-авторъ поражаетъ своимъ безпристрастіемъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, стоитъ на нравственной высотѣ практическаго христіанина. Онъ ни разу ие произноситъ отъ себя суда надъ злодѣйскимъ поступкомъ Святополка и Давида, что не преминулъ бы сдѣлать другой повѣствователь его же времени, но судъ этотъ въ рукахъ читателя, передъ которымъ такъ подробно и ясно очерчены крамола и клятвопреступленіе. Къ одному Василько онъ нѣсколько строже, но и то потому, что онъ требуетъ отъ него большаго, какъ отъ невинно пострадавшаго. По его понятію, такому страдальцу не подобало мстить. Тѣмъ не менѣе, личности князей въ разсказѣ Василя необыкновенно полно очерчены съ нравственной стороны. Василько является въ привлекательномъ свѣтѣ. Объясняя автору свои ратныя намѣренія, подавшія поводъ опасаться его, онъ говоритъ откровенно о своихъ благородныхъ замыслахъ и вмѣстѣ самъ изрекаетъ себѣ осужденіе за самонадѣянность, за упоеніе этими замыслами: „Но се повѣдаю ти: по истинѣ яко на мя Богъ наведе за мое возвышеніе, яко приде ми вѣсть, яко идуть ко мнѣ Берендичи и Печенѣзи и Торци, и рекохъ въ умѣ своемъ: оже ми будутъ Берендичи и Печенѣзи и Торци, реку брату своему Володареви и Давыдови: дайти ми дружину свою молодшюю, а сама пійта и веселитася. И помыслихъ:

на землю Лядьскую наступлю на зиму—и мыщю Русьскую землю. И посемъ хотяхъ проситися у Святополка и у Володимера ити на Половци, да любо налѣзу собѣ славу, а любо голову свою сложю за Русскую землю.—И се кленуся Богомъ и его пришествіемъ, яко не помыслилъ зла братьи своей ни въ чемъ же, но за мое възнесенье низложи мя Богъ и смири".

Повторяя такія слова Василька, авторъ видимо сочувствуетъ ему и здѣсь, и при разсказѣ о его страданіи. Но нигдѣ не выражаетъ ему похвалы своей. Во всемъ сказаніи выражено сочувствіе только къ одному Владиміру Мономаху.

Былъ ли Василь очевидцемъ ослѣпленія? Конечно, не былъ. А если былъ свидѣтелемъ ослѣпленія, то былъ и свидѣтелемъ поимки князя и сопровождалъ его до Здвиженья, и видѣлъ попадью, мывшую окровавленную сорочку князя. Но это не изъ чего не видно. Изо всего этого онъ знаетъ, то что Василько ему могъ разсказать. Да онъ не могъ никакъ быть свидѣтелемъ всего этого. Василько былъ пойманъ безъ людей своихъ, да и онъ не былъ его человѣкомъ. Иди къ *тезу* своему, а не къ господину своему, говоритъ ему Давидъ, посылая его къ Василько, съ которымъ онъ и сблизился на Вакѣевѣ дворѣ во Владимірѣ и впервые узналъ о замыслахъ Василька. Ни Святополкъ, ни Давидъ не могли его послать съ палачами, онъ не былъ изъ числа людей, подобныхъ Сновиду-ослѣпителю. Такъ откуда же онъ взялъ всѣ эти подробности?

Склоняя Василька возложить мщеніе на Бога, онъ могъ успокоить мстительную душу князя обѣщаніемъ описать злодѣяніе, чтобы случившееся было извѣстно всѣмъ князьямъ-братьямъ и всѣмъ Русскимъ людямъ. Съ этою цѣлью Василько и могъ разсказать ему всѣ впечатлѣнія свои съ тѣхъ поръ, какъ прислали въ Выдубицкій монастырь звать его къ Святополку на имянины.

Никто, кромѣ самого страдальца, не могъ съ такою точностью передать всѣ обстоятельства событія. Слѣпцу памятна была минута, когда въ его глазахъ Торчинъ острилъ ножъ, и какъ притиснули его досками передъ страшною пыткой. Взывая къ праведному суду, Василько постарался узнать всѣхъ людей Святополковыхъ во время пути: онъ еще до ослѣпленія десять верстъ проѣхалъ съ ними и могъ узнать, что Торчина звали Беренди; остальныхъ мужей Святополковыхъ онъ и прежде могъ знать.

Послѣ первой мучительной боли, Василько лишился чувствъ и очнулся только въ другомъ городѣ, Здвижени. И мы ничего не знаемъ, что происходило въ этотъ промежутокъ времени. Съ тѣхъ поръ, какъ очнулся князь, мы опять знаемъ все то, что онъ чувствовалъ, слышалъ, говорилъ, требуя окровавленную сорочку, которую отдали мыть, и въ которой онъ хотѣлъ предстать передъ Всевышнимъ Судіею. Василько помнилъ и трудный путь по замерзлой грязи вплоть до Владиміра-Волынскаго.

Такимъ образомъ, живымъ источникомъ Василя былъ разсказъ самого Василька Ростиславича. Эпизодъ о перемиріи въ Кіевѣ, гдѣ авторъ приводитъ слова Мономаха, онъ скорѣе всего узналъ въ Кіевѣ. Онъ не постоянно жилъ во Владимірѣ—это очевидно изъ его словъ: „мнѣ сущу тогда во Владимірѣ". Объ остальныхъ событіяхъ, связанныхъ съ ослѣпленіемъ Василька, авторъ разсказываетъ какъ всѣ лѣтописцы. Подробности при осадѣ Владиміра-Волынскаго указываютъ на то, что все, касавшееся этого города, было близко извѣстно автору. Онъ тамъ живалъ. Подробнѣе извѣстны автору событія въ лагерѣ волынскихъ и галицкихъ князей, чѣмъ событія въ лагерѣ Святополка-Михаила.

Склонность къ Мономаху и пребываніе въ Кіевѣ во время Мономахова пришествія, несочувствіе къ Святополку-Михаилу показываютъ, что авторъ не чуждъ былъ дому Всеволода, и быть можетъ, и монастырю Всеволожу—Выдубицкому. Монастырь этотъ, куда заѣзжалъ помолиться Василько, и былъ, можетъ быть, первою связью между теребовльскимъ княземъ и авторомъ сказанія о немъ, уроженцемъ земли Волынской.

Сильвестръ, игуменъ Выдубицкій, включилъ повѣсть Василя въ лѣтописецъ, переписанный имъ. Вѣроятно, постриженникъ Печерскаго монастыря, Сильвестръ,—въ монастырѣ, куда призвало его игуменство,—могъ встрѣтить Василево сказаніе или даже самого Василя, который передалъ ему свой трудъ.

Повѣствователь Василь принадлежитъ къ одному разряду повѣствователей съ Вильгардуиномъ. О немъ мы можемъ сказать то же, что Французы говорятъ о своемъ хроникерѣ-разскащикѣ: онъ христіанинъ, хотя и не богословъ, онъ проникнутъ чистою вѣрой и простотой христіанина, онъ искренно разсказываетъ о томъ, что видѣлъ

и слышалъ. Его основное убѣжденіе—то, что Богъ наказываетъ за грѣхи. Онъ—не глубоко вдумывающійся въ событія историкъ, а правдивый и практическій сказатель. Вѣра въ Бога у него идетъ рука объ руку съ жизненнымъ интересомъ рати. Онъ чутокъ къ нравственному злу, какъ чутокъ и къ жизни военной—въ подробности и въ мелочахъ. Онъ сынъ своего вѣка—вѣка междоусобій и первоученія христіанской религіи.

Мѣстныя преданія о Куликовской битвѣ.

Чтеніе П. П. Розанова.

Въ Рязанской губерніи, въ 7-ми верстахъ къ югу отъ г. Скопина и въ 45 верстахъ къ сѣверо-востоку отъ поля Куликова, на лѣвомъ берегу р. Верды, есть гора „Дмитріевская". Она такъ называется потому, что на ней стоитъ монастырь „Дмитріевъ", и подлѣ него небольшая деревня—„Дмитріевка". Гора имѣетъ въ окружности около 3-хъ верстъ, надъ уровнемъ рѣки возвышается болѣе чѣмъ на 50 саженей и господствуетъ надъ всею окрестностью. Къ западу, югу и востоку съ нея видны мѣстности верстъ на 20-ть. Въ монастырѣ, расположенномъ на вершинѣ этой горы, двѣ церкви каменныя: одна—главная во имя Димитрія Солунскаго, а другая—небольшая во имя преподобнаго Сергія. Въ монастырскомъ архивѣ, который не древнѣе конца прошедшаго столѣтія, есть только документы, свидѣтельствующіе о построеніи Сергіевской церкви. По этимъ документамъ построеніе ея относится къ 1799 году; но въ нихъ же говорится, что она построена вмѣсто деревянной церкви, которая къ тому времени крайне обветшала, вросла въ землю и разваливалась. Преосвященный Симонъ рязанскій, когда при объѣздѣ епархіи посѣтилъ Дмитріевъ монастырь, приказалъ было эту деревянную церковь совсѣмъ уничтожить, такъ какъ монастырь рѣшительно не имѣлъ средствъ для возобновленія ея; но одинъ изъ ближнихъ помѣщиковъ, нѣкто Кирѣевъ, вызвался вновь перестроить ее и построилъ на мѣстѣ ея теперешнюю каменную церковь. Что же касается до времени построенія главной церкви во имя Димитрія Солунскаго, то ни въ записяхъ монастырскихъ, ни въ мѣстномъ преданіи

не сохранилось объ этомъ никакихъ свидѣтельствъ. На антиминсѣ этой церкви означенъ 1740 годъ; но, принимая во вниманіе чрезвычайную массивность ея стѣнъ, простоту и грубость архитектуры, а также сходство ея по наружному виду съ нѣкоторыми весьма древними церквами Рязанской епархіи, можно заключить, что она построена раньше прошедшаго столѣтія.

Въ этой церкви хранится вещь, замѣчательная по своей древности,—это „костыль“ Александра Пересвѣта. Онъ сдѣланъ изъ яблоноваго дерева четырехлѣтней поросли, вырваннаго съ корнемъ. Верхушка его, въ видѣ буквы Т, образовалась изъ отраслей корня. Длина костыля два аршина; но прежде, какъ видно изъ монастырской описи, длина его была въ два аршина и шесть вершковъ; толщина около верхушки—четыре вершка съ четвертью въ окружности, а внизу—три вершка съ половиною. Искусственной отдѣлки на немъ нѣтъ никакой. Это—палка въ натуральномъ своемъ видѣ, суковатая, по мѣстамъ потрескавшаяся и не совсѣмъ ровная. Вѣсу въ костылѣ, какъ показано въ монастырской описи, семь фунтовъ. Судя по величинѣ и тяжести его, если онъ дѣйствительно принадлежалъ Пересвѣту, нужно думать, что Пересвѣтъ былъ весьма рослый и сильный муцина. Окрестные поселяне хорошо знаютъ про этотъ костыль, имѣютъ понятіе и о Пересвѣтѣ, хотя къ воспоминаніямъ о немъ примѣшиваютъ не мало баснословнаго. Приходя въ монастырь на богомолье, они всегда просили монаховъ показать имъ костыль Пересвѣта, а нѣкоторые отгрызали отъ него частицы, какъ предохранительное средство отъ зубной болѣзни, отъ чего верхушка его сильно попорчена. Прежде онъ хранился въ алтарѣ и тамъ нарочито сдѣлана для него въ алтарной стѣнѣ съ правой стороны царскихъ врать глубокая ниша; но лѣтъ 11-ть назадъ монахи, чтобы каждый разъ не выносить его изъ алтаря богомольцамъ, сочли за лучшее поставить его у праваго клироса; а чтобы народъ его не портилъ, заказали для него футляръ съ замкомъ. Случилось, что мастеръ ошибся мѣркой и сдѣлалъ футляръ много короче; настоятель монастыря по этому случаю распорядился урѣзать костыль на шесть вершковъ.

Какъ попалъ костыль Пересвѣта въ Дмитріевъ монастырь, объ этомъ въ монастырѣ и у окрестныхъ жителей сохранилось слѣдующее, довольно подробное преданіе. Князь Дмитрій Ивановичъ, когда съ войсками шелъ отъ Коломны къ берегамъ Дона, не проходилъ около этой мѣстности; хотя здѣсь лежалъ прямой и кратчайшій путь, онъ

держался западныхъ границъ Рязанскаго княжества, что и необходимо было для предупрежденія соединенія великаго князя Литовскаго съ Мамаемъ. Но легкіе отряды московскаго войска, избравъ кратчайшій путь, проходили около этой мѣстности. Съ этими отрядами шли Пересвѣтъ и Ослябь. Въ 2-хъ верстахъ отъ того мѣста, гдѣ теперь стоитъ г. Скопинъ, оба инока съ своими дружинами останавливались на нѣсколько времени для отдыха. Здѣсь между ними изъ-за чего-то произошло несогласіе и они отсюда пошли разными дорогами [1]). Пересвѣтъ направилъ путь къ горѣ, на которой теперь стоитъ Дмитріевъ монастырь. На этой горѣ въ то время жилъ отшельникъ, славившійся по всей окрестности. Пересвѣтъ у него ночевалъ, вмѣстѣ они молились и долго дружески бесѣдовали, въ его кельѣ Пересвѣтъ надѣлъ на себя латы и другія принадлежности воинскія, а ему подарилъ на память свой дорожный костыль.

Когда и кѣмъ на этомъ мѣстѣ основанъ Дмитріевъ монастырь? Преосвященный Амвросій въ своей Исторіи іерархіи упоминаетъ о Дмитріевомъ монастырѣ; но когда и кѣмъ основанъ онъ, объ этомъ не говоритъ ни слова. Въ записяхъ монастырскаго архива, которыя всѣ позднѣйшаго происхожденія, прямо говорится, что монастырь основанъ Дмитріемъ Ивановичемъ Донскимъ. Окрестные жители также вполнѣ убѣждены, что основателемъ его былъ Дмитрій Донской, и сохранившееся у нихъ преданіе объясняетъ дѣло такимъ образомъ: Дмитрій Донской съ береговъ Дона возвращался въ Коломну уже прямою дорогою. Прошедши 45 верстъ отъ поля Куликова, онъ расположилъ войска на обширной возвышенной равнинѣ, по правому берегу р. Верды, около этой горы; а свой шатеръ поставилъ на самой горѣ. Здѣсь онъ праздновалъ побѣду и дѣлалъ нѣкоторыя приготовленія на случай непріязненныхъ дѣйствій со стороны Олега Рязанскаго. На эту гору явились къ нему рязанскіе бояре съ выраженіемъ радостныхъ чувствъ о побѣдѣ надъ общимъ врагомъ и принесли ему хлѣбъ-соль. Дмитрій Донской очень обрадованъ былъ, что устраняется междоусобіе съ рязанцами, принесъ благодареніе Богу и приказалъ устроить на этой горѣ монастырь и церковь во имя своего ангела—Димитрія Солунскаго.

[1]) Мѣсто, на которомъ отдыхали они, получило названіе отъ Ослябя, и теперь на этомъ мѣстѣ стоитъ село „Вослебо“.

Въ лѣтописяхъ нѣтъ ничего, чтобы оправдывало достовѣрность этого преданія, но оно не заключаетъ въ себѣ противорѣчія лѣтописнымъ сказаніямъ. Дмитріевская гора находится не въ дальнемъ разстояніи отъ Куликова поля. Прямой путь къ г. Коломнѣ лежитъ близъ этой горы. По сказанію лѣтописей, Димитрій 21-го сентября прибылъ въ Коломну, стало быть, послѣ 8-го сентября, въ которое была Куликовская битва, имѣлъ достаточно времени для отдыха на дорогѣ съ войскамй и для празднованія побѣды. Мѣстность около горы, состоящая изъ цѣпи невысокихъ холмовъ, очень удобна для привала большаго войска; а самая гора изъ всей окрестности наилучшее мѣсто для шатра великокняжескаго. Естественно было Дмитрію опасаться непріязненныхъ дѣйствій со стороны Олега, который, какъ извѣстно, продолжалъ враждовать и послѣ Куликовской побѣды и вредилъ нѣкоторымъ московскимъ отрядамъ, возвращавшимся чрезъ его княжество. Послѣдовавшій спустя нѣсколько времени договоръ рязанцевъ съ Донскимъ показываетъ, что они не сочувствовали враждѣ Олега къ Дмитрію, и слѣдовательно сдѣланное ими привѣтствіе побѣдителю не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго [1]). Противъ монастыря къ югозападу, на скатѣ одного холма, въ XVII столѣтіи, какъ видно изъ писцовыхъ книгъ, находилась слобода, извѣстная подъ названіемъ— „Воскресенское,—Побѣдное тожъ“, и теперь на этомъ мѣстѣ находится село „Побѣдинка“. И то самое, что въ монастырѣ одна церковь освящена во имя Димитрія Солунскаго, а другая во имя преподобнаго Сергія, придаетъ нѣкоторую долю вѣроятности сохранившемуся преданію.

Самымъ лучшимъ оправданіемъ преданія конечно должна служить древность этого монастыря. Къ сожалѣнію, въ монастырѣ не сохранилось никакихъ письменныхъ документовъ, по которымъ можно былобы прослѣдить всю исторію его; но есть ясные слѣды, указывающіе на существованіе его во времена, если не близкія ко времени Дмитрія Донскаго, то и не слишкомъ далекія отъ этого времени.

Въ монастырской печатной постной тріоди есть подпись по листамъ, которая показываетъ, что эта книга пріобрѣтена въ Москвѣ для Дмитріева монастыря въ 1689 году, при игуменѣ Геронтіѣ.

---

[1]) У Карамзина говорится: шествіе отъ поля Куликова до вратъ Кремлевскихъ было непрерывнымъ торжествомъ; вездѣ народъ встрѣчалъ побѣдителя съ весельемъ и благодарностью. (Кар. Т. V. гл. 1).

На колокольнѣ два большихъ старинныхъ колокола. На одномъ изъ нихъ написано, что онъ пріобрѣтенъ игуменомъ Герасимомъ съ братіею для Дмитріева монастыря, на казенныя монастырскія деньги, въ 1693 году; а на другомъ надпись показываетъ, что онъ приложенъ къ Дмитріеву монастырю въ 1684 году.

Въ 1867 году, когда собирали матеріалы для историко-статистическаго описанія города Скопина, въ Ряжскихъ архивахъ отыскали два древнихъ документа, относящихся къ Дмитріеву монастырю. Одинъ изъ нихъ есть выписка изъ писцовыхъ книгъ Ряжскаго уѣзда, именно: изъ книги за 1627, 1628 и 1629 годы письма и мѣры и межеванія Григорія Кирѣевскаго. Въ ней изложена подробная опись монастыря Дмитріева,—вещей, находящихся въ церкви, штата монастырскаго и принадлежащихъ монастырю крестьянскихъ дворовъ и земли [1]).

Такимъ образомъ изъ надписей, находящихся на постной тріоди и колоколахъ монастырскихъ, а также изъ древней описи монастырской видно, что Дмитріевъ монастырь существовалъ въ продолженіе всего XVII столѣтія.

Другой документъ заключаетъ въ себѣ довольно подробное описаніе продолжительной тяжбы, которая была у монастыря съ рязанцемъ Ѳедоромъ Голицынымъ изъ-за земли, захваченной симъ послѣд-

---

[1]) Монастырь Димитрія Селунскаго на р. Вердѣ, а въ немъ церковь во имя Димитрія Селунскаго древяна съ крылцами и папертью, а въ церкви образъ мѣстный Димитрія Селунскаго, да образъ Пресвятой Богородицы запрестольный, двери церкви всѣ въ прозеленѣ, крестъ воздвижной древянный, сосуды церковные древяные, ризы полотняныя, оплечье бархатное; да книгъ: Евангеліе на престолѣ печатное, евангелисты мѣдные, два октоя, апостолъ, минея, служебникъ, тріодь цвѣтная—всѣ печатныя, тріодь постная, псалтырь съ слѣдованіемъ письменныя, да предъ церковію колокольница, а на ней два колокола пуда въ два. Да въ монастырѣ жъ, въ кельяхъ: игуменъ Ефимій, старецъ Аѳанасій, да старецъ Митрофанъ, да въ кельи пономарь Ѳедька Семеновъ, да на монастырѣ жъ святыя ворота, а на нихъ „деiисусъ“. За тѣмъ подробно здѣсь описывается окружность монастыря, приписанныя къ нему деревни, въ которыхъ 39-ть дворовъ крестьянскихъ и 19-ть дворовъ бобыльихъ. Наконецъ перечисляются принадлежащія монастырю земли пахатныя и лѣса. О церкви преподобнаго Сергія въ этой описи не упоминается.

нимъ, и которая окончилась въ 1678 году [1]). Для рѣшенія тяжбы предписано было на мѣстѣ произвести повальный обыскъ. Въ показаніяхъ при обыскѣ сказано, что спорная земля встарину была заселена крестьянами Дмитріева монастыря и что они сошли съ нея. *когда минулъ приходъ воинскихъ людей—татаръ.* Эта послѣдняя замѣтка свидѣтельствуетъ о существованіи Дмитріева монастыря въ XVI столѣтіи. Приходомъ воинскихъ людей—татаръ конечно называются здѣсь набѣги

---

[1]) Содержаніе этого документа таково: Рязанцу Ѳедору Голицыну въ 1634 году царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ пожаловано помѣстье близъ Дмитріева монастыря по р. Вердѣ; но онъ, основываясь на нѣкоторыхъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ жалованной грамоты, присвоилъ себѣ и землю, принадлежавшую Дмитріеву монастырю, такъ называемую „Шилину поляну", находящуюся на возвышенности противъ монастыря съ южной стороны; намостилъ къ этой полянѣ мостъ чрезъ р. Верду, прочистилъ дорогу и косилъ на полянѣ сѣно; но монастырскіе крестьяне 1083 копны накошеннаго сѣна, стоимостью въ 32 руб. съ полтиной, свезли частію по своимъ дворамъ, частію въ монастырь. Рязанецъ Ѳедоръ Голицынъ по этому случаю завелъ тяжбу съ монастыремъ. Настоятель монастыря доказывалъ, что захваченная земля изстари принадлежала монастырю и ссылался при этомъ на другой судебный процессъ, который заведенъ былъ монастыремъ объ этой же землѣ съ однимъ мѣстнымъ жителемъ Наумомъ Свиридовымъ въ началѣ XVII столѣтія. Въ 1623 году, говорилъ настоятель, Наумъ Свиридовъ захватилъ было эту землю; но когда монастыремъ подана была на него жалоба, скоро возвратилъ ее и помирился съ монастырскою братіею. Такъ какъ въ Москвѣ въ Судномъ Приказѣ никакихъ свѣдѣній объ этомъ процессѣ не отыскано, а въ писцовыхъ книгахъ Ряжскаго уѣзда писцомъ Григоріемъ Кирѣевскимъ, въ числѣ монастырскихъ земель, Шилина поляна ясно не обозначена: то царь Ѳедоръ Алексѣевичъ грамотою повелѣлъ воеводѣ Скопинскому Козьмѣ Лопухину сдѣлать дознаніе о Шилиной полянѣ большимъ повальнымъ обыскомъ, именно: спросить людей, которые живутъ по рѣкѣ Вердѣ, верстъ по пяти, и по шести, и больше, до самаго Скопина, о принадлежности этой поляны монастырю. При повальномъ обыскѣ, окрестные жители, стрѣльцы, посадскіе люди, волостные крестьяне и засѣчные сторожа показали, что та земля изстари монастырская; къ этому показанію они еще присовокупили, что въ старину на самой полянѣ жили монастырскіе крестьяне, и хлѣбъ сѣвали и огороды имѣли, и что эти крестьяне сошли съ поляны въ деревню Ермолово, близъ монастыря, *когда минулъ приходъ воинскихъ людей—татаръ.*

крымскаго хана, которые часто бывали въ продолженіе XVI столѣтія, и къ концу этого столѣтія прекратились, по крайней мѣрѣ въ этой мѣстности.

Имѣя въ виду эти слѣды весьма древняго существованія монастыря, нельзя оставить безъ вниманія еще одно монастырское преданіе. На юго-восточной сторонѣ отъ церкви Димитрія Солунскаго, за оградой монастырской, растетъ необыкновенно высокая сосна. Надобно замѣтить, что во всѣхъ мѣстностяхъ вокругъ монастыря, на разстояніи 50 верстъ во всѣ стороны, нигдѣ нѣтъ въ лѣсахъ ни сосны ни ели. Это такъ называемое „чернолѣсье“. Сосна и ель попадаются только въ садахъ и составляютъ большую рѣдкость, притомъ достигаютъ незначительнаго роста. Но сосна, за оградою Дмитріева монастыря, имѣетъ въ окружности около четырехъ аршинъ, слѣдов., въ поперечникѣ болѣе 5 четвертей аршина. Верхушка ея значительно возвышается надъ церковью; притомъ, еще лѣтъ восемь тому назадъ, верхняя часть сосны сбита молніей. Для того, чтобы достигнуть такого громаднаго роста на почвѣ, не сродной этимъ деревьямъ, нужна не одна сотня лѣтъ. По разсказамъ братіи монастыря, въ деревнѣ Дмитровкѣ, лѣтъ восемь назадъ, умерла женщина, которой было 90 лѣтъ. Женщина эта говаривала, что ея дѣдъ зналъ монастырскую сосну, какъ громадную изъ всѣхъ окрестныхъ деревьевъ. Монастырь тщательно бережетъ эту сосну, и хотя она за оградой монастырской, но огорожена заборомъ. Въ монастырѣ сохраняется преданіе, будто эта сосна современна основанію монастыря при Дмитріѣ Донскомъ, и предполагаютъ, что она посажена на могилѣ одного изъ героевъ Куликовской битвы, здѣсь погребеннаго.

О памятникахъ, прославившихъ Куликовскую битву.

Чтеніе **И. П. Хрущова.**

Литературные памятники, прославившіе Куликовскую битву, состоятъ изъ видоизмѣненныхъ въ нѣкоторыхъ частностяхъ трехъ самостоятельныхъ произведеній: 1) сказанія, вошедшаго въ лѣтописные своды; 2) поэтическаго сказанія, приписываемаго іерею Софоніи и 3) открытой и изданной Ундольскимъ „Задонщины". Въ исторіяхъ литературы обыкновенно не упоминается о лѣтописномъ сказаніи, а разбираются послѣднія два. Карамзинъ основалъ свой разсказъ на лѣтописномъ сказаніи; онъ съ недовѣріемъ отнесся къ Софоніеву, какъ къ сказкѣ, и возмущался его анахронизмами. Шевыревъ подъ впечатлѣніемъ Карамзина тоже недружелюбно отнесся къ этому сказанію, хотя и отыскивалъ въ немъ поэзію.

Костомаровъ, какъ историкъ, повѣдалъ о Дмитріѣ Донскомъ на основаніи поэтическаго, такъ называемаго Софоніева, сказанія, довѣряя ему болѣе, чѣмъ лѣтописному. Послѣ того какъ стала извѣстна „Задонщина", академикъ Срезневскій, издавая новый текстъ Задонщины, отмѣтилъ въ такъ называемомъ Софоніевомъ сказаніи всѣ мѣста, отличающіяся своимъ гусельнымъ складомъ и задумался надъ вопросомъ: не было-ли особыхъ, не записанныхъ пѣсенъ, которыми славили Дмитрія и Куликовскую битву?

Вотъ вкратцѣ исторія судьбы этихъ сказаній въ наукѣ.

Вниманію и суду членовъ Общества я позволю себѣ подвергнуть мой взглядъ на эти памятники, имѣвшіе большое значеніе въ нашей литературѣ, за что говоритъ безчисленное множество списковъ обоихъ

сказаній. Ихъ переписывали, слегка измѣняя, въ теченіи трехъ столѣтій. Сказанія о Куликовской битвѣ были чѣмъ-то въ родѣ народной излюбленной героической поэмы для нашихъ книжниковъ и, не смотря на варіанты, они сохранили цѣльность и неприкосновенность своей первоначальной письменной обработки. Всѣ извѣстныя намъ во множествѣ списковъ повѣствованія о Задонскомъ бою, всѣ безъ исключенія, представляютъ каждое только редакцію или такъ называемаго Софоніевскаго повѣданія, или рѣже лѣтописнаго, или еще рѣже Задонщины. По мнѣнію моему эти три особыхъ произведенія независимы одно отъ другаго и принадлежатъ каждое особой литературной школѣ, или обработкѣ.

Первая школа—это сѣверно-русское лѣтописаніе. Школа эта произвела нѣсколько лѣтописныхъ повѣстей, какъ напр. объ Александрѣ Невскомъ, о нашествіи Тохтамыша. Школа эта отличается слишкомъ большою исскуственностью, строгою книжностью, оффиціальностью, общими мѣстами. Событіе Задонской битвы получило въ этой школѣ свою обработку.

Оффиціальный разскащикъ, какъ видно, описалъ въ Москвѣ, спустя нѣсколько времени по возвращеніи туда Дмитрія Ивановича, великое событіе. Отсутствіе подробностей въ описаніи похода и битвы ясно говоритъ за то, что онъ не только не былъ очевидцемъ, но мало и вслушался въ разсказы свидѣтелей и участниковъ похода. Авторъ воодушевляется текстами священнаго писанія, и въ бранныхъ приговорахъ Олегу Рязанскому и Мамаю (враже, измѣнниче Ольже) видѣнъ тотъ же оффиціальный тонъ, съ которымъ черезъ столѣтіе будутъ писать „о благочестивомъ дѣлателѣ Иванѣ III и объ окаянной Марѳѣ“. Сказаніе это, блѣдное, какъ и всѣ подобныя сказанія, писано однако при жизни великаго князя—героя дѣла и чуждо анахронизмовъ. При отсутствіи живыхъ подробностей есть однако точность въ опредѣленіи дней и часовъ битвы.

Дмитрій представленъ главнымъ лицомъ, героемъ, одухотвореннымъ и сознающимъ свой подвигъ. Въ его уста влагаются молитвы, которыми обрисовывается его отвага и упованіе на Бога. Дмитрій все дѣлаетъ самъ и Богъ помогаетъ ему и черезъ него русскимъ. О преп. Сергіѣ сказано вскользь—въ одномъ мѣстѣ, что отъ него пришла грамота.

Не смотря на сухость и извѣстную искусственность, въ этомъ па-

мятникѣ есть черты, указывающія намъ на то, что прежде всего въ Москвѣ прозвучала пѣсня славы о Куликовской битвѣ и что въ этой пѣснѣ пролитая кровь сравнивалась съ дождемъ, какъ въ словѣ о полку Игоревѣ, и говорилось, что Мамай бѣжалъ *неготовыми дорогами*. Не смотря на приверженность къ своей школѣ, авторъ сказанія не могъ оставаться совершенно чуждымъ тѣхъ поэтическимъ выраженіямъ, въ которыхъ не перомъ, а голосомъ славился подвигъ русскихъ, не допустившихъ Мамая повторить Батыево нашествіе. Въ первоначальныя словесныя похвалы входилъ разсказъ объ отбытіи великаго князя изъ Москвы и плачъ великой княгини и боярынь занималъ въ нихъ видное мѣсто. Не желая пропустить этого плача, авторъ лѣтописнаго сказанія переложилъ его на свой ладъ: „и бысть въ градѣ Москвѣ плачь горекъ и гласъ рыданія... Рахиль плачущися чадъ своихъ съ великимъ рыданіемъ и въздыханіемъ, не хотяше утѣшитися, занеже пошли съ великимъ княземъ за всю землю Русьскую на острая копія..... Увы намъ, убогая наша чадца“ и т. д.

Второе сочиненіе о Куликовской битвѣ есть наиболѣе пространное и наиболѣе распространенное. Преосв. Филаретъ, на основаніи Карамзина, приписалъ его Рязанцу Софоніи или Софронію. Соловьевъ принялъ это положеніе и оно стало общепринятымъ.

Открытіе автора въ лицѣ Софоніи прежде всего основалось на томъ, что только въ одномъ изъ многочисленныхъ списковъ и самомъ позднѣйшемъ сказаніе это встрѣчается съ слѣдующимъ написаніемъ: „исторія, или повѣсть о нашествіи безбожнаго царя Мамая съ безчисленными Агаряны, Рязанца, іерея Софонія“. Карамзинъ поправилъ: Софронія; Строевъ остался при Софоніи, передѣлавъ его въ Софонію. Снегиревъ въ 1838 въ Русскомъ Историческомъ Сборникѣ Общ. Ист. и Древн. издалъ этотъ памятникъ, сличивъ многіе списки. И такъ какъ нигдѣ онъ не нашелъ имени Софронія или Софоніи, то счелъ этого Рязанца за переписчика или даже владѣтеля рукописи. Снегиревъ отрицалъ эту авторскую личность еще и потому, что Рязанецъ иначе бы отзывался о своей землѣ и о князѣ Олегѣ, и что іерей не могъ бы сохранить подробности въ описаніи битвы и доспѣховъ ратныхъ.

Открытіе Ундольскимъ третьяго рода описанія Куликовской битвы, гдѣ поминается Рязанецъ Софонія какъ лицо, прославлявшее это событіе, окончательно утвердило авторскія права Рязанца Софоніи, какъ сочинителя пространнаго поэтическаго сказанія, дошедшаго до насъ

въ многочисленныхъ спискахъ, изъ которыхъ одинъ, XVI в. (прекрасный списокъ) принадлежащій преосв. Порфирію находился на археол. выставкѣ въ Кіевѣ. Бѣляевъ, въ предисловіи къ изданной Ундольскимъ Задонщинѣ (Временникъ М. Общ. и Древн. кн. 14), утверждаетъ, что Софонія былъ современникомъ событія,—и въ этомъ онъ совершенно правъ. Онъ и преосв. Филаретъ всѣ анахронизмы, встрѣчающіеся въ поэтическомъ сказаніи, считаютъ за искаженія перепищиковъ. Но съ этимъ нельзя согласиться.

По изданіи XV т. П. С. Р. Л., гдѣ вновь встрѣчается имя Софонія Рязанца, еще къ тому же брянскаго боярина, писавшаго на похвалу великому князю Дмитрію Ивановичу, споръ о томъ, кто былъ авторомъ поэтическаго сказанія прекратился; сомнѣнія исчезли.

Но авторомъ поэтическаго сказанія не былъ приснопоминаемый Рязанецъ и оно несомнѣнно писано въ XV столѣтіи, слѣдовательно не современно событію. Задонщина древнѣе его, а Софоній былъ однимъ изъ первыхъ прославителей Задонской побѣды. Его произведеніе не дошло до насъ всецѣло, а только въ отголоскахъ, въ занесенныхъ по памяти въ сказанія, въ мѣняющихся, колеблющихся поэтическихъ эпизодахъ.

Второй памятникъ, послѣ лѣтописнаго сказанія: „поэтическое сказаніе“ проникнуто духомъ поэзіи религіозной, монашеской и представляетъ собою округленное цѣлое. XV-й вѣкъ былъ золотымъ вѣкомъ монашества. Въ лѣсистыхъ пустыняхъ появились монастыри. Сила духа, смирявшаяся подъ ударами судьбы, въ первую половину татарскаго ига, стала силою дѣятельною, созидающею, устрояющею спасеніе братіи. Изъ народа выдѣлились дружины, сомкнутыя около мужественныхъ игуменовъ и пошли онѣ на встрѣчу подвигу, опастностямъ, трудностямъ всякаго рода. Но только цѣль ихъ была отличная отъ цѣли богатырей—защитниковъ отечества. Польза душевная, спасеніе души—вотъ побужденіе, для котораго твердымъ, непреклоннымъ подвижникамъ прежде всего нужно было смиреніе. Этимъ-то духомъ смиренія и проникнуто наше сказаніе. Главнымъ героемъ его является Сергій. Его благословеніемъ и молитвами совершается великое дѣло. Опоэтизированная личность Радонежскаго игумена, отца новаго сѣвернаго русскаго монашества, только въ XV в. могла явиться въ такомъ блескѣ и съ такимъ значеніемъ.

Повѣсть эта—религіозная поэма, съ живымъ. отчасти народнымъ

характеромъ. Это въ своемъ родѣ Лузіада московскаго творчества, гдѣ элементъ профанный, народный мирится съ монашескимъ воззрѣніемъ. Анахронизмы, о которыхъ говорятъ ученые—будто бы они вставлены перепищиками, составляютъ существенную часть въ организмѣ сказанія и тѣмъ свидѣтельствуютъ, что сказаніе несовременно событію. Но анахронизмы эти естественны, ихъ легко можно объяснить. Для полноты автору необходимо было очертить отношенія смиреннаго великаго князя къ его отцу—митрополиту всея Руси. Память о Кипріанѣ въ XV в. была свѣжа, его помнили, какъ учительнаго пастыря и помнили, что онъ былъ современникомъ Дмитрія Ивановича. Этого было довольно, чтобы личность его поставить въ Москвѣ во время проводовъ Димитрія, хотя Кипріанъ не былъ митрополитомъ во время Задонскаго похода. Тоже случилось и съ литовскимъ великимъ княземъ. Ягайла не могли такъ помнить, какъ Ольгерда, который велъ долгую и упорную войну съ Москвою. Авторъ повѣсти не справился въ лѣтописи съ годомъ смерти Ольгерда. Онъ помнилъ Ольгерда, какъ врага Дмитріева. Третій анахронизмъ—это молитва великаго князя передъ образомъ Богородицы, перенесеннымъ изъ Владиміра уже при сынѣ его. Во время написанія сказанія образъ Владимірской Богородицы былъ неотъемлемой и первостепенной святыней Москвы, и авторъ, водя князя изъ церкви въ церковь, воодушевлялся поочередно святынями Кремля подъ собственными впечатлѣніями. Онъ не помнилъ торжественнаго перенесенія иконы изъ Владиміра въ Москву. Еще доказательство тому, что памятникъ писанъ не прежде XV вѣка.

Согласно идеалу князя благочестиваго и смиреннаго, покорнаго судьбамъ, Дмитрій не дерзаетъ идти противъ Татаръ. Не тѣ тексты, не тѣ молитвы произноситъ онъ, что въ лѣтописномъ сказаніи. Молитвы его проникнуты смиреніемъ и въ нихъ не видно духа отваги и рѣшимости. Усиленно, настойчиво сказаніе наше говоритъ о томъ, какъ упорно Дмитрій отклонялъ отъ себя борьбу съ Мамаемъ и старался склонить гнѣвъ хана на милость. Вотъ наконецъ собрался великій князь съ духомъ—и пошелъ на совѣщаніе съ митрополитомъ. Въ этой бесѣдѣ авторъ испытываетъ словами митрополита чистоту намѣреній великаго князя въ войнѣ съ Мамаемъ и правоту его по отношенію къ великимъ князьямъ *Литовскому и Рязанскому*. Война съ Мамаемъ получаетъ характеръ религіозный. Ханъ хочетъ искоренить вѣру православную и разорить церкви. Для священной борьбы

должна быть и помощь свыше. Орудіемъ Божьей помощи является Сергій, обитель котораго посѣщаетъ великій князь. На такомъ воззрѣніи на монастырь народная поэзія сошлась съ нашимъ сказаніемъ. Въ былинахъ позднѣйшаго времени объяснено куда дѣвалось богатырство: оно ушло въ келліи монастырскія. Въ одной былинѣ воспроизведенъ пиръ Владиміра: вѣчно юный князь смущенъ вѣстью о нашествіи враговъ. Сила черная узнала—провѣдала, что богатыри ушли въ честные монастыри и обступила стольный Кіевъ градъ. Князь вызываетъ охотника на силу невѣрную, но большой богатырь хоронится за средняго, средній за младшаго, а отъ младшаго отвѣта нѣтъ. Въ концѣ концовъ, послѣ третьяго призыва, появился богатырь, но его сила никому неизвѣстна, онъ

И разумомъ глупешенекъ
И ростомъ малешенекъ.

Откуда же этотъ новичекъ почерпнетъ силы богатырской? изъ своего чудеснаго бѣла горюча камня не дохнетъ на него богатырь стараго времени: камень отжилъ свое; онъ нѣмъ и ничего не говоритъ новому времени.

Поворачиваетъ онъ коня къ монастырю пречестному
Да ко тѣмъ ли ко кельямъ монастырскимъ;
Да въ ту пору мать сыра земля сколыбалася,
Старчище черничище въ землѣ засовалося.

Богатырь—инокъ благословляетъ своего юнаго преемника и посылаетъ его отъискивать въ чистомъ полѣ коня богатырскаго. Бурушка косматый прибѣгаетъ на богатырскій свистъ. По указанію того же старца выкапывается изъ земли глубоко зарытая въ нее богатырская сбруя и палица булатная, и новый богатырь во вссоружіи летитъ на встрѣчу невѣрной силы. И вотъ въ сказаніи являются богатыри схимники. Сказаніе (и житіе Сергія) подробно говоритъ о томъ какъ Сергій напутствовалъ Пересвѣта и Ослябу. Первому предоставляется подвигъ единоборства съ Телябугою, а при Ослябѣ былъ юный сынъ его Іаковъ Ослябятинъ, о которомъ знаетъ лѣтописное сказаніе и о которомъ упоминали первоначальныя пѣсни славы, какъ это видно изъ Задонщины. Проводы великаго князя, его молитвы въ различныхъ храмахъ, видѣнія передъ битвою, новыя молитвы и наконецъ возвращеніе въ Москву и благодарственное путешествіе къ Сергію, гдѣ преп. старецъ уже заранѣе извѣстилъ братію о счастливомъ исходѣ битвы,—все

это составляетъ органическое цѣлое со стороны основной идеи автора. У Троицы завязка и развязка всего и тамъ прощаются съ Дмитріемъ его пособники, Ольгердовичи, безкорыстно приходившіе защищать вѣру Христову. Такимъ образомъ все въ этой повѣсти подчинено религіозной идеѣ. Повѣсть округлена и закончена.—Но могъ ли авторъ не современный событіямъ, при составленіи такого обширнаго сказанія, обойтись безъ источниковъ? Конечно они у него нашлись: то были вѣроятно записки о походѣ, доставившія ему числа дней, собственныя имена, подробности пути и сраженія, такъ что по его произведенію возможно начертить планъ Куликовской битвы. Но болѣе всего послужили автору дошедшія до него преданія и гусельныя слова, былины и Софоніевы складки о Задонщинѣ. Многое онъ старался передѣлывать, но въ передѣлкѣ видна первоначальная основа. По нѣкоторымъ признакамъ можно возстановить эпическій источникъ. Такъ напримѣръ, была былина о томъ, какъ Дмитрій узнаетъ о нахожденіи Мамая. Пѣсня эта начиналась пиромъ у тысяцкаго Микулы. Среди пира возговорилъ великій князь и сталъ вызывать охотниковъ идти къ татарамъ добывать языка. Вызвались крѣпкіе юноши, крѣпкіе оружники: Родіонъ Ржевкій, Андрей Волосатый (усатый) и Василій Тупикъ, и ихъ то посылаетъ князь великій на Быструю Сосну. Стража замедлила въ полѣ, послали трехъ другихъ, имена которыхъ въ различныхъ спискахъ сказанія не точны и колеблются по созвучью. Они встрѣтились съ Тупикомъ и онъ несъ недобрыя вѣсти и такое слово Мамая: „пойдемъ на Русь, обогатимся русскимъ златомъ и пусть никто изъ васъ не пашетъ хлѣба, будьте готовы на русскіе хлѣба“. Послышалъ это князь великій и проговорилъ своимъ князьямъ и воеводамъ: братья князи русскіе! мы гнѣздо великаго князя Ивана Даниловича, постраждемъ за вѣру до смерти. И отвѣчалъ ему князь Владиміръ Андреевичъ и всѣ князи русскіе и воеводы: готовы умерсть съ тобою, готовы головы положить за твою великую обиду.

Въ плачѣ княгини, не смотря на книжный характеръ его, видна эпическая основа. „Господи Боже, сподоби мя видѣти своего государя... азъ же имѣю двѣ отрасли малыя Василія да Юрія; еда поразить ихъ солнце сіяющи или вѣтръ ихъ подвѣваетъ противу запада—обое не могутъ терпѣти“. Тутъ видна распространенная передѣлка обычнаго въ былинахъ выраженія: ихъ солнышко не опекетъ и буйные вѣтры не обвѣютъ. Не буду приводить извѣстныхъ мѣстъ, совершенно схожихъ

съ гусельными словесы Задонщины. Скажу только, что мѣста эти имѣютъ множество варіантовъ, что несомнѣнно говоритъ за то, что они вносились перепищиками въ памятникъ по памяти, а не съ грамоты. Оставляя въ неприкосновенномъ видѣ все религіозное, всю основу сказанія, перепищики переиначивали гусельныя выраженія, измѣняли собственныя имена начальниковъ отрядовъ, соглядатаевъ и вносили не рѣдко имена своихъ земляковъ, на самомъ дѣлѣ не принимавшихъ никакого участія въ знаменитомъ походѣ. Такъ въ нѣкоторыхъ, весьма рѣдкихъ, спискахъ тѣмъ же вольнымъ складомъ описано участіе новгородцевъ въ Донскомъ бою. Книжная, городская, оффиціальная литературная школа была дальше отъ народа, чѣмъ монастырская, возникшая въ сердцѣ народа.

Эпизодъ гаданья не на столько чуждъ религіозности XV вѣка, какъ это кажется на первый разъ. Испытаніе явленій природы граничило близко съ христіанскою религіозностью. И если иные говорили, что „не наше есть разумѣти тайны Божіи“, то другіе въ своихъ каноникахъ и молитвословахъ отмѣчали счастливые и несчастливые дни, по лунѣ, или зодѣямъ.

Много можно найти мѣстъ въ „сказаніи“, которыя составляютъ одно цѣлое, уцѣлѣвшее въ обломкахъ и въ Задонщинѣ. Это-то цѣлое въ своей первоначальной словесной обработкѣ принадлежитъ творчеству Рязанца Софоніи. Задонщина вспоминаетъ этаго Бояна временъ Куликовской битвы и старается воспроизвести его складныя похвалы. Тверская лѣтопись сохранила начало и конецъ Софоніева произведенія, которое она приписываютъ Софоніи Рязанцу, брянскому боярину. „А се писаніе Софонія Рязанца Брянскаго боярина на похвалу великому князю Димитрію Ивановичу: Вѣдомо ли вамъ русскимъ государямъ царь Мамай пришелъ изъ Заволжья...“ Перепищикъ не захотѣлъ переписывать памятникъ, но, приведя его начало, привелъ и заключительныя слова: „чести себѣ добыли и славнаго имени“.

Изо всѣхъ ошибокъ и искаженій, попадающихся въ многочисленныхъ спискахъ поэтическаго сказанія, самою крупною ошибкою оказывается приписаніе этаго произведенія Рязанцу Софоніи. Ошибка эта повела къ другимъ ложнымъ заключеніямъ и между прочими къ тому, что авторъ Задонщины (произведенія древнѣйшаго) подражалъ автору сказанія (памятника позднѣйшаго).

Задонщина представляетъ если не прямой источникъ, то образецъ источниковъ сказанія и несомнѣнно древнѣе этаго послѣдняго, полнаго анахронизмовъ.

Задонщина принадлежитъ къ третьей литературной школѣ, самой бѣдной у насъ по количеству произведеній: къ письменной обработкѣ пѣсней славы или гусельныхъ словесъ. Произведеніе же рязанскаго поэта не дошло до насъ въ цѣлости, если только оно было сполна записано современниками.

Двѣ надгробныя надписи конца XVII вѣка Константину Ивановичу и Константину Константиновичу князьямъ Острожскимъ.

Чтеніе **Н. И. Петрова.**

Въ одномъ рукописномъ сборникѣ Кіево-Софійской библіотеки, подъ № 362-мъ, между стихотворными эпиграммами кіевскихъ ученыхъ конца XVII в., мы нашли двѣ эпитафіи князьямъ Острожскимъ Константину Ивановичу и Константину Константиновичу. Хотя первая изъ нихъ написана или переписана, съ нѣкоторыми добавленіями, въ 1693 году; но она вѣрнѣе передаетъ хронологію Константина Ивановича, чѣмъ эпитафія ему въ Тератургимѣ Кальнофойскаго, 1638 года. Эпитафія же Константину Константиновичу доселѣ была неизвѣстна. Обѣ онѣ указываютъ нѣкоторыя черты жизни князей Острожскихъ и потому могутъ имѣть значеніе для біографіи этихъ князей, имѣвшихъ близкое отношеніе къ Кіеву.

I.

Епитафіонъ (Константину Ивановичу).

Богъ нашъ Тройца Отецъ и Сынъ и Св. Духъ, во единствѣ покланяемый, о немже живемъ и движемся и есмы.

В лѣто отъ созданія миру 7023 (читай: 7034 [1]), а отъ рождества

---

[1]) Мы возстановляемъ это чтеніе въ соотвѣтствіе ниже означенному 1526 году по Р. Христовѣ. Этотъ годъ, какъ годъ смерти Константина Ивановича, подтверждается и нижеслѣдующими вычисленіями эпитафіи, и изслѣдованіемъ г. Романовскаго, сообщеннымъ на III Археологическомъ съѣздѣ.

Сына Божія 1526 преставися благовѣрный и христолюбивый, ясне освѣцоный и велможный князь Константинъ Ивановичъ Острозкій, во всей Русси славенъ, сый роду князей русскихъ, воевода Троцкій, гетманъ великаго княжества Литовскаго, сый во мужествѣ храбро слывучій и преодолѣлъ и побѣдилъ помощію всесильнаго Бога супостатъ кролевства польскаго. Онъ же отъ млада и до старости с вѣрою служащи, немало великихъ битвъ побивалъ, всѣхъ 60, а болшихъ три: на Бѣлой Церквы, у Орши, у Днѣпрѣ и Голшаницѣ рѣцѣ. Еще и въ вязеню великомъ 7 лѣтъ сидѣлъ; потомъ отъ государя отцемъ былъ названъ. Животъ свой окончалъ у 70 лѣтъ з великою жалостю и плачемъ людскимъ. Здѣ же бысть погребено тѣло его в лаврѣ преподобныхъ отецъ нашихъ Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ.

Гробъ же сей выбіенъ бысть сыномъ его благовѣрнымъ княземъ Константиномъ во св. крещеніи Василіемъ Острозкимъ, воеводою кіевскимъ, маршалкомъ земли Волынской, старостою Володимерскимъ, и на память его поставися року 1579, мѣсяца августа 7. Якъ преставися, до сего року 1693 чинитъ лѣтъ 167, а нагробку лѣтъ 114, по смерти въ лѣтъ 50 и три поставися.

II.

Нагробокъ ясне освѣцоному Константину Константиновичу Князю Острозкому.

Ясне освѣцоное Константинъ Константиновичъ во св крещеніи нареченный Василіе

Княжа Острозкій.

Въ житии и по одходѣ зъ свѣта сего ради его святобливости заисте годно есть именовати

Мужъ божій.

Отъ государей-Королей воевода Кіевскій, маршалокъ землѣ Волинское, староста Володимерскій

Именованъ.

Во благочестіи же св. каѳолическія соборныя апостольскія церкви яко столпъ непоколебимъ отъ всѣхъ

Свѣдѣтельствованъ.

Славнаго роду росийскаго греческаго закону вѣру, въ нейже и родися, соблюде до конца.

Надежду имѣя въ день заплаты отъ Господа вышняго сподобитися нетлѣннаго вѣнца.

Ревнуя бо поревнова великому Константину цару. Онъ же всѣхъ обще ходатай бысть крещенія.

Сице и сей Константинъ божественными писмени славенскими и книгами подвиги и скорбы своими роду росийскому зычилъ просвѣщенія.

Въ Острозѣ Богоспасаемомъ градѣ отчизнѣ свой преставися, успе о Господѣ въ церкви великой замковой.

И положенъ;

До зготованныхъ обителей вѣрнымъ Божіимъ отыйде, минуючого вѣка сего есть

Свобоженъ.

Родися во градѣ своемъ Турове лѣта Божія нароженя 1527, преставися лета Божія нароженя 1608, имѣя житія своего лѣтъ 81.

Новые матеріалы для исторіи Юго-Западной Россіи и въ частности г. Кіева.

Чтеніе **Н. И. Петрова.**

Въ концѣ 1873 года, управляющій кіевскою казенною палатою П. Д. Перевощиковъ, обративъ просвѣщенное вниманіе свое на архивъ старыхъ дѣлъ кіевской казенной палаты, предложилъ Обществу лѣт. Нестора обозрѣть этотъ архивъ и извлечь изъ него болѣе или менѣе важные въ историческомъ отношеніи документы. Вслѣдствіе сего предложенія назначена была Обществомъ особая коммиссія для обзора помянутаго архива.

Изъ описи старыхъ документовъ кіевской казенной палаты видно, что этихъ документовъ здѣсь значится 1583 №№, между коими есть довольно объемистые, заключающіе до 1070 перепумерованныхъ листовъ. При первомъ взглядѣ на эту опись оказывается, что въ ней значатся дѣла съ 1748 по 1811 годъ включительно. По внутреннему содержанію своему эти дѣла касаются государственнаго хозяйства и разныхъ мѣръ и реформъ по его управленію. Но такъ какъ государственное хозяйство входитъ въ близкія соприкосновенія съ экономическимъ положеніемъ сельской промышленности, мануфактуры, торговли, городоваго управленія, духовныхъ и помѣщичьихъ владѣній; то означенныя дѣла обнимаютъ собою разнообразныя стороны экономическаго положенія Кіевской губерніи и г. Кіева за послѣднюю половину прошлаго и первое десятилѣтіе нынѣшняго вѣка. Здѣсь есть свѣдѣнія и о колонизаціи края, какъ-то: о водворившихся въ г. Нѣжинѣ грекахъ (№ 629), о колонистахъ въ с. Братской Борщаговкѣ (№ 277), о поселившихся въ Кіевской губерніи меннонитахъ (№ 685). Здѣсь вы

найдете свѣдѣнія о состояніи казенныхъ лѣсовъ (№ 694), пасѣкъ (№ 510), садовъ и огородовъ (№ 1054; 963), о казенныхъ и партикулярныхъ винокуренныхъ заводахъ (№ 949); запросы о томъ, нѣтъ ли по Кіевской губерніи фабрикъ и мануфактуръ (№ 691), по какимъ рѣчкамъ и озерамъ ходятъ суда (№ 759 и др.). Такъ какъ Кіевская губернія въ прошломъ вѣкѣ была пограничною губернію, то кіевская казенная палата завѣдывала нѣсколькими пограничными таможнями. Изъ представленій начальниковъ этихъ таможенъ въ казенную палату можно видѣть, сколько привозилось изъ за-границы и вывозилось за границу товаровъ, и какихъ именно (№№ 221, 230, 341 и др.), сколько выѣзжало за границу и пріѣзжало оттуда купцовъ (№№ 225—226), и проч.

Что касается города Кіева, то и о немъ въ архивѣ кіевской казенной палаты есть нѣсколько дѣлъ, касающихся внѣшней его исторіи и топографіи. Таковы напр. дѣла: о постройкѣ Андреевской церкви (№№ 2—4); о постройкѣ въ Кіевѣ государскаго дворца (№№ 5 и 639); объ утвержденіи плана г. Кіева (№ 400); о взятіи мѣръ къ отвращенію опасности жительствующимъ повыше мельницы во время весны и осени (№ 1125) и др.

Но что всего важнѣе для насъ, въ архивѣ кіевской казенной палаты есть такіе документы, которые существовали гораздо раньше ея самой. Эти документы обыкновенно составляютъ приложенія къ болѣе позднимъ дѣламъ, возникшимъ во второй половинѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго вѣка. Таковы напр. дѣла: объ отысканіи свѣдѣній о старостинскихъ земляхъ и лѣсахъ (№ 799), нерѣдко съ приложеніемъ самыхъ документовъ на эти староства (№№ 800—801, 804, 809, 981, 999); объ отысканіи чрезъ кого слѣдуетъ свѣдѣній о войтовствѣ (№ 682); объ отобраніи имѣній отъ уніатскаго митрополита (№ 790); о документахъ на имѣнія бискупскія (№ 806); объ отобраніи имуществъ у православныхъ монастырей въ казенное вѣдомство, и проч. Предпринимая рѣшительныя мѣры и крутыя преобразованія по извѣстнымъ пунктамъ, наше правительство желало сначала познакомиться съ исторіей извѣстнаго предмета и узнать основанія извѣстнаго учрежденія, напр. войтовства, чтобы успѣшнѣе достигать своихъ цѣлей. Съ другой стороны, отобравъ отъ уніатскаго митрополита и православныхъ монастырей ихъ имущества, правительство не имѣло никакихъ побужденій оставлять документы на эти имѣнія у прежнихъ ихъ владѣль-

цевъ; напротивъ оно нуждалось въ этихъ документахъ для оправданія и подтвержденія своихъ новыхъ имуществевныхъ правъ. Такъ, по нашему мнѣнію, появились старинные документы въ архивѣ кіевской казенной палаты. Были кромѣ того, и другія причины появленія въ этомъ архивѣ старыхъ документовъ или копій съ нихъ. Причины эти заключались въ спорахъ мѣстныхъ монастырей объ имуществахъ, какъ между собою, такъ и съ другими учрежденіями и лицами. Такихъ спорныхъ дѣлъ въ архивѣ кіевской казенной палаты есть нѣсколько (№№ 6—7, 278, 380, 305, 1079—1084, 1086 и др.). Доказывая свои прааа, спорившія стороны представляли и документы въ подтвержденіе своихъ правъ.

Мы съ своей стороны познакомились съ двумя группами документовъ изъ архива кіевской казенной палаты, а именно: съ документами на нѣкоторыя монастырскія имущества и документами на нѣкоторыя староства.

Монастырскіе документы подтверждаютъ имущественныя права монастырей: Пустынно-Николаевскаго, Выдубицкаго, Кіево-Печерскаго и Кіево-Софійскаго. Такихъ документовъ пока найдено болѣе 200. Старѣйшіе изъ нихъ относятся почти къ началу XVI вѣка, а позднѣйшія—къ половинѣ XVIII в. и даже къ болѣе позднему времени. Рядъ этихъ документовъ на имущества, не безъинтересный самъ по себѣ, становится для насъ болѣе интереснымъ тогда, когда онъ, проходя черезъ два съ половиною столѣтія, соприкасается съ вопросами иного характера. А такихъ случаевъ въ разсматриваемыхъ документахъ мы находимъ нѣсколько. Есть напр. документы, свидѣтельствующіе о томъ, что кіевское монашествующее духовенство, не желая подчиненія московскому правительству, было у него „въ плѣну въ Кіевѣ“ въ 1663 году, и ходатайствовало за свои вотчины, чрезъ уполномоченныхъ лицъ, въ овручскомъ замкѣ, а не въ Кіевѣ. Подъ 1636 годомъ значится запись иноковъ никольскаго монастыря и представителей монашескаго духовенства кіевскаго о выборѣ въ никольскіе игумены Филоѳея Кизаревича съ собственноручными подписями избирателей. Подъ 1644 годомъ значатся два письма Самуила Казимира Зенковича къ Петру Могилѣ, изъ коихъ одно извѣстно только по оглавленію, а другое сохранилось въ цѣлости. Въ послѣднемъ Зенковичъ, извѣщая Петра Могилу объ отдачѣ Нестановскими жителями дани въ пользу церкви Божіей съ острова Сельца, проситъ митропо-

лита прислать документы на этотъ островъ и приноситъ свою жалобу на нестановскаго священника и др. Изъ этого письма видно, что Могила не обращалъ вниманія на просьбу и жалобы Зенковича.

Документовъ на староства или старостинскія имѣнія отобрано пока около ста тридцати. Старѣйшіе изъ нихъ относятся къ 1714 году, а позднѣйшіе къ 1802 году. Всѣ они почти исключительно касаются старостъ звиногродскаго и лисянскаго. Эти старостинскія имѣнія, составляя собственность короны польской и будучи раздаваемы въ пожизненное владѣніе лицамъ, оказавшимъ заслуги польской націи, были могущественнымъ средствомъ къ ополяченію здѣшняго края. Полный составъ ихъ въ здѣшнемъ краѣ указывается описью имѣніямъ Рѣчи Посполитой, находящимся въ воеводствахъ кіевскомъ, брацлавскомъ и подольскомъ 1781 года. И документы на эти староства раскрываютъ передъ нами постепенный процессъ ополяченія края. Мы видимъ отсюда, какія именно лица польскаго происхожденія преемственно владѣли извѣстнымъ староствомъ, какъ захватывали они имущества русскихъ вельможъ, напр. Выговскихъ, и упрочивали ихъ за собою. Здѣсь видимъ мы также цѣлый рядъ споровъ владѣльцевъ старостъ съ сосѣдями,—споровъ, сопровождавшихся иногда насильственными нападеніями. Эти споры, повидимому, происходили изъ за границъ; но можно заключать, что они мотивировались иногда и другими оппозиціонными побужденіями казаковъ. Есть напр. нѣсколько документовъ, свидѣтельствующихъ о насиліяхъ, произведенныхъ Смилянскими и др. жителями и казаками около 1774, 1780 и 1790 годовъ.

Въ текущемъ году общество св. Нестора слилось съ предполагавшимся при Кіевскомъ Университетѣ другимъ историческимъ обществомъ. Желательно было бы, чтобы соединенныя такимъ образомъ силы и средства этихъ двухъ обществъ направлены были на отысканіе, изслѣдованіе и обнародованіе памятниковъ мѣстной исторіи, таящихся въ разныхъ архивахъ г. Кіева. Тогда и архивъ кіевской казенной палаты представилъ бы обществу матеріалы для нѣсколькихъ не безъинтересныхъ страницъ мѣстной исторіи.

Біографическія свѣдѣнія о Петрѣ Могилѣ до посвященія его въ санъ Кіево-Печерскаго Архимандрита.

Чтеніе **С. Т. Голубева.**

Въ XVI и XVII столѣтіяхъ *старожитность* и *родовитость* были весьма цѣнными качествами въ глазахъ западно-европейскаго дворянства, польской шляхты и литовско-русской аристократіи. Поэтому всѣ болѣе или менѣе замѣчательныя лица того времени любили возводить начало своей родословной (часто вопреки здравому смыслу и исторіи) ко временамъ самымъ отдаленнымъ,—временамъ Римской имперіи, Александра Македонскаго, Ноя и даже Адама. Подобное же стремленіе мы замѣчаемъ и въ фамиліи Могилъ. Изъ дошедшихъ до нашего времени польскихъ гербовниковъ, имѣвшихъ прямою своею задачею удовлетворять честолюбію знати, и изъ книгъ, посвященныхъ Петру Могилѣ, мы узнаемъ, что означенная фамилія считала прямымъ своимъ родоначальникомъ Муція Сцеволу, потомки котораго будто бы перешли изъ Рима въ Грецію, а отсюда въ молдовлахійскія земли, гдѣ окончательно и поселились [1]).—Фамильный гербъ Могилы—двѣ обнаженныя,

---

[1]) **Orbis Polonus, S. Okolskiego,** изд. въ Краковѣ 1641 г. т. II, стр. 229. **Herb. Niesieckiego, wyd. Bobrowicza,** т. VI, стр. 448—449. Изъ посвященныхъ П. Могилѣ книгъ, гдѣ начало его родословной возводится къ Муцію Сцеволѣ, особенно замѣчателенъ „Εὐχαριστήριον, албо вдячность“. Въ этомъ панегирикѣ, поднесенномъ Могилѣ *студеями* основаннаго имъ гимназіума, изображены двѣ горы—Геликонъ и Парнасъ. На первой представленъ стоящимъ въ архимандричьемъ облаченіи самъ Могила, а на второй его родо-

крестообразно сложенныя сабли,—по мнѣнію Окольскаго [1]), есть видоименный клейнодъ Муціевъ, имѣвшихъ гербовою эмблемою двѣ булавы. Названіе же Могилъ эта фамилія, по свидѣтельству гербовниковъ, пріобрѣла своею воинскою храбростію: „bo jeden z nich (изъ сей фамиліи) wielki wojownik brzegi Dunaju gęstemi *mogiłami* trupów nieprzyjacielskich obsypał“ [2])... Гораздо правдоподобнѣе другое преданіе о родоначальникѣ Могилъ, относящее возвышеніе сей фамиліи къ концу XV столѣтія, именно ко времени молдавскаго воеводы Стефана IV, который будто бы за услугу, оказанную ему однимъ изъ его герольдовъ *Пуригомъ*, одарилъ его вотчинами, возвелъ въ боярское достоинство, сдѣлалъ великимъ армашемъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, далъ новое фамильное прозваніе *Могилы*, т. е. холма [3]).

начальникъ *M. Сцевола*. Онъ въ римской одеждѣ, въ шлемѣ и съ мечемъ; правая его рука въ огнѣ, а лице обращено къ небу, откуда двѣ руки изъ облаковъ подаютъ крестъ, скипетръ и корону. Пекарскій, въ статьѣ „Представители кіевской учености XVII вѣка“, говоритъ, что извѣстенъ только одинъ экземпляръ Евхаристиріона, именно въ библіотекѣ Академіи наукъ; мы можемъ указать на другой, весьма хорошо сохранившійся, экземпляръ этой брошюры, находящійся въ музеѣ при Кіевск. Дух. акад., подъ № 111, 4, 1.

[1]) **Orb. Polonus.** т. II, 229.

[2]) **Herbarz Niesieckiego VI, 449.**

[3]) Объ услугѣ, оказанной Стефану IV его герольдомъ, и наградѣ за нее преданіе говоритъ слѣдующее: во время битвы между молдаванами и венгерцами (6-го марта 1486 г.) подъ Стефаномъ, лично распоряжавшимся войскомъ, была убита лошадь. Герольдъ Пуригъ, находившійся во все время сраженія вблизи воеводы, первый предложилъ Стефану своего коня и, желая облегчить сѣсть на него (Стефанъ былъ не высокаго роста), сталъ на колѣно, говоря: „позвольте, господарь, служить мнѣ вмѣсто *горки*“. Стефанъ, ставши одною ногою на колѣно Пурига и вскочивъ на коня, отвѣтилъ своему герольду: „изъ горки я сдѣлаю тебя *холмомъ*“. Во время битвы Пуригъ ни на шагъ не отставалъ отъ своего господина. Ему удалось сразиться съ самимъ вождемъ венгерскаго войска Краіутомъ, убить его и принести голову Стефану. Возвратившись въ Сучаву воевода призвалъ Пурига и, въ присутствіи всего своего двора, сказалъ ему: „ты временно былъ для меня *горкою;* я возвышаю тебя въ *могилу* (т. е. холмъ) и отнынѣ ты будешь называться этимъ именемъ. Во время бытвы ты отдалъ мнѣ своего

Что касается до строго историческихъ свидѣтельствъ о фамиліи Могилъ, то они не восходятъ далѣе половины XVI столѣтія и притомъ не отличаются особенною полнотою. Изъ памятниковъ того времени мы узнаемъ, что дѣдъ Петра Могилы Іоаннъ (въ монашествѣ Іоанникій) былъ логоѳетомъ земли молдавской [1]), отличался воинскою храбростію и состоялъ въ супружествѣ съ дочерью господаря Маріею, отъ которой имѣлъ троихъ сыновей: Іеремію, Гавріила и Симеона. Первый изъ нихъ былъ довольно долго господаремъ молдавскимъ [2]), второй молдавскимъ митрополитомъ [3]), а третій, Симеонъ, сначала полководцемъ и около года воеводою волошскимъ, а затѣмъ нѣкоторое время господаремъ молдавскимъ [4]). Нашъ знаменитый митрополитъ Петръ Могила былъ однимъ изъ пятерыхъ сыновей послѣдняго [5]).

коня, я вознаграждаю тебя за это пятью вотчинами. Ты принесъ мнѣ голову Краіута, я поздравляю тебя съ должностью великаго армаша и даю тебѣ въ замужество дочь *пырколаби* (коменданта) румынскаго, котораго убили венгерцы". (См. „Румынскія господ. Молдавія и Валахія въ историко-полит. отнош." изд. 1859 г. стр. 76).

[1]) Высокопреосв. Евгеній (Описаніе кіево-соф. собора, изд. 1825 г. стр. 166), а вслѣдъ за нимъ и другіе (Кіевъ, Аскоченскаго т. I, стр. 108) называютъ дѣда Петра Могилы волошскимъ княземъ или воеводою. Это не вѣрно. Іоаннъ былъ только администраторомъ, правителемъ волошскаго княжества, (całą wołoską prowincię trzymał w administracij—Niesiec. Herb. VI). или, по мѣстному названію, *логоѳетомъ*. Дядя П. Могилы молдавскій воевода Іеремія въ грамотѣ, данной Окульскому монастырю, перечисляя родичей, о своемъ отцѣ говоритъ слѣдующее: „Іоан. Могила Логофетъ иже въ иночествѣм житіе Іоанникіе наречень" (Chronica Romonului, de Episc. Dunôreî dê sosû Melchisedek, изд. Bucuresci 1874 г. стр. 25).

[2]) Іеремія Могила былъ молдавскимъ воеводою съ 1595 по 1606 г.; хотя, вслѣдствіе политическихъ смутъ, и непостоянно: въ 1602 г. на господарскомъ престолѣ Молдавіи мы видимъ Стефана *Томзу*.

[3]) Былъ митрополитомъ въ 1587—1589 гг. Извѣстенъ въ исторіи, какъ сторонникъ религіозной уніи съ Римомъ (см. Herb. Niesieckiego t. VI, Тейнера Monumenta т. III, стр. 46—50, Голубинскаго Очеркъ истор. прав. церквей, стр. 379).

[4]) Симеонъ Могила былъ господаремъ Валахіи съ конца 1601 и Молдавіи въ 1607 гг.

[5]) Нѣкоторые считаютъ отцемъ П. Могилы Іеремію (Maciejowski, Piśmiennictwo polskie т. III) и даже Іоанна (Опис. кіево-печерск. лавры, изд. 1847 г.

Время рожденія Петра Могилы обыкновенно всѣми его біографами относится къ 1597 году [1]). Намъ кажется, что это не совсѣмъ точно. Если принять во вниманіе съ одной стороны свидѣтельство Іерлича, на которое обыкновенно принято опираться при опредѣленіи времени рожденія Могилы,—свидѣтельство, что „митрополитъ жилъ нашъ на семъ свѣтѣ полныя пятьдесятъ лѣтъ“ [2]), а съ другой дошедшіе до насъ панегирики, поднесенные П. Могилѣ во дни его имянинъ, *бывшихъ не задолго до праздника Рождества Христова*,—то день рожденія нашего митрополита, скончавшагося въ ночь на 1-е января 1647 года, долженъ быть отодвинутъ къ двадцатымъ числамъ декабря 1596 года [3]).

стр. 142). Все это можетъ свидѣтельствовать только о крайней неопредѣленности свѣдѣній о нашемъ митрополитѣ. Замѣтимъ здѣсь, что П. Могила самъ въ собственноручныхъ запискахъ называетъ Іоанна своимъ *дѣдомъ*, а Іеремію *стрыемъ* (дядею).—Что касается до братьевъ Могилы, то они перечисляются у Нѣсецкаго въ слѣдующемъ порядкѣ: Михаилъ и Гавріилъ молдавскіе воеводы, нашъ митрополитъ, Іоаннъ, проводившій свою рыцарскую жизнь въ Венгріи, и Моисей, два раза всходившій на господарскій столъ Молдавіи.

[1]) Митр. Евгеній, Аскоченскій, Закревскій, Костомаровъ и другіе.

[2]) Latopisiec jerlicza, wyd. Wojcickiego, 1853 r., t. I, стр. 59.

[3]) Нѣсколько панегириковъ, поднесенныхъ Петру Могилѣ въ день его имянинъ, а также въ день Рождества Христова, находится въ библіотекѣ при кіево-соф. соборѣ, гдѣ они переплетены въ одну книгу съ другими старопечатными брошюрами. По своей напыщенности и витіеватости особенно замѣчательны—**Felix cometa post natalem diem illustrissimi Domini et Reverendissimi Patris D. Petri Mohila Archiep. mitropolitae kijowiensis et caet.** изд. 1633 г., и панегирикъ на польскомъ и латинскомъ языкѣ, безъ начальныхъ листовъ. Въ этихъ панегирикахъ, между прочимъ, говорится, что комета, явившаяся предъ Рожд. Христовымъ и спустя нѣсколько дней *послѣ рожденія* П. Могилы, есть истинный благопріятный вѣстникъ счастія. Объяснивши, въ чемъ заключается это счастіе, панегиристы задаются такимъ вопросомъ—почему рожденіе восхваляемаго ими митрополита случилось не въ одинъ день съ Рождествомъ Спасителя, а *нѣсколько прежде*,—и рѣшаютъ его слѣдующимъ образомъ: Петръ Могила долженъ былъ бы родиться въ одинъ день со Христомъ; но самыя свѣтила своимъ рукоплесканіемъ не могли удовлетворить обоимъ вмѣстѣ; земля не въ состояніи была достаточно дивиться двумъ великимъ чудамъ природы; небеса не пожелали сливать во

Несравненно важнѣе точнаго опредѣленія времени рожденія рѣшеніе другихъ вопросовъ, естественно возникающихъ при желаніи ближе познакомиться съ замѣчательною личностію Петра Могилы,—именно: какъ былъ проведенъ имъ юношескій возрастъ, гдѣ онъ воспитывался, какое получилъ образованіе?—Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ почти никакихъ положительныхъ свѣдѣній о первоначальной жизни и тѣхъ обстоятельствахъ, среди которыхъ воспитывался нашъ знаменитый митрополитъ. Изъ дошедшихъ до насъ памятниковъ того времени только въ духовномъ завѣщаніи Петра Могилы находится одинъ, и то выраженный въ самыхъ общихъ чертахъ, намекъ относительно означеннаго предмета; это заявленіе Могилы, что онъ „родился и воспитывался въ вѣрѣ святой (православной), въ которой желаетъ предстать предъ величіе самого Господа“ [1]). Также скудны и вмѣстѣ съ тѣмъ неопредѣленны свѣдѣнія о первоначальной жизни П. Могилы и въ біографическихъ о немъ очеркахъ. Такъ, по сказанію однихъ біографовъ, онъ обучался греческому и латинскому языкамъ, словеснымъ наукамъ и богословію, неизвѣстно въ какихъ училищахъ [2]), другіе говорятъ, что онъ отправленъ былъ отцемъ для образованія въ *парижскій и прочіе иностранные университеты* [3]); третьи, наконецъ, считаютъ мѣстомъ воспитанія Могилы *львовскую братскую школу* [4]).

Мы не знаемъ, откуда заимствованы два послѣднія извѣстія о мѣстѣ образованія П. Могилы; въ дошедшихъ до нашего времени современныхъ памятникахъ, какъ мы замѣтили, относительно этого нѣтъ никакихъ указаній. Тѣмъ не менѣе намъ кажется, что оба означенныя извѣстія имѣютъ много данныхъ въ пользу своей достовѣрности и при этомъ другъ друга не исключаютъ.

едино двойной радости; они раздѣлили ее на нѣсколько дней и опредѣлили Петру родиться прежде Христа, чтобы, испытавши и одобривши свои гимны на первомъ, пропѣть ихъ второму; опредѣлили однако такъ, что Петръ долженъ былъ родиться *не задолго* до Рождества Христова, дабы и Петръ и Христосъ могли принять небесныя, приличныя каждому рукоплесканія.

[1]) Памят., изд. времен. кіев. коммис. 1846 г. т. II, от. I, № 12.

[2]) Кіевъ съ древн. его училищемъ—академіею. В. Аскоченскаго ч. 1, стр. 108.

[3]) Кіевскій каталогъ митрополитовъ. Encyklopedyja powszechna t. XVIII, str. 746.

[4]) Описс. кіево-соф. соб., изд. 1825 г. стр. 160.

Городъ Львовъ, по своему географическому положенію, находился въ недалекомъ разстояніи отъ молдовлахійскихъ земель; поэтому православное львовское братство, очень часто нуждавшееся въ матеріальныхъ средствахъ, нерѣдко обращалось къ единовѣрнымъ господарямъ сихъ земель съ просьбою о денежныхъ пособіяхъ и почти всегда получало ихъ. Въ такихъ же дружественныхъ отношеніяхъ къ львовскому братству была и фамилія Могилъ, занимавшая, какъ мы видѣли, въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтія господарскіе престолы Молдавіи и Валахіи. Дядя Петра Могилы Іеремія, еще будучи маршалкомъ земли молдавской, посылалъ денежное вспомоществованіе львовскому братству, по случаю предстоявшей постройки церкви и изъявлялъ готовность оказывать матеріальную поддержку въ этомъ дѣлѣ и на будущее время [1]). Сдѣлавшись молдавскимъ господаремъ, Іеремія свято исполнялъ свое обѣщаніе. Великолѣпная церковь Успенія пресвятой Богородицы, начатая львовскимъ братствомъ въ 1591 году, воздвигалась почти исключительно на его средства. Такъ онъ оказалъ братству значительное денежное пособіе въ 1595 году [2]), прислалъ 500 червонцевъ въ 1599 г. [3]), 600 злотыхъ и 200 червонцевъ въ 1601 г. [4]), 2000 злотыхъ въ 1604 [5]) и 1600 злотыхъ въ 1605 гг. [6]).—Кромѣ денежныхъ пособій Іеремія оказывалъ львовскому братству и другаго рода услуги; такъ, напримѣръ, находясь въ хорошихъ отношеніяхъ съ Сигизмундомъ III и очень многими вліятельными польскими магнатами, онъ, не смотря на господство въ то время при королевскомъ дворѣ ультра-католической партіи, не разъ выпрашивалъ у короля привилегіи, ограждавшія львовскихъ братчиковъ отъ притѣсненія со стороны поляковъ [7]). Изъ лѣтописи извѣстно также, что непріязненныя отношенія между львовскимъ братствомъ и епископомъ Гедеономъ Ба-

---

[1]) Лѣтопись львовскаго братства, составл. *Зубрицкимъ*, въ Журн. Минист. Народ. Просвѣщ., 1849 г. часть LXII, подъ 1590 г.

[2]) Лѣтоп. львовск. братства подъ 1595 г.

[3]) Акты, отн. къ истор. юж. и зап. Рос. т. 1 № 222. Лѣтоп. львов. братства, подъ 1599 г.

[4]) Лѣтоп. львов. братства, подъ 1601 г. А. Ю. и З. Р. т. 1 № 222.

[5]) Лѣтоп. львов. братства, подъ 1604 г.

[6]) Ibid. подъ 1605 г.

[7]) Ibid. подъ 1593 и 1598 гг.

лабаномъ, причинившія такъ много зла обѣимъ враждующимъ сторонамъ и служившія большимъ соблазномъ для православныхъ,—прекращены были при живомъ участіи Іереміи [1]). Въ подобныхъ же дружественныхъ отношеніяхъ къ львовскому братству состояли и другіе члены изъ фамиліи Могилъ. *Отецъ* Петра Могилы Симеонъ, вступивши по смерти Іереміи на престолъ Молдавіи, по просьбѣ львовскихъ братчиковъ, прислалъ имъ 1000 злотыхъ и письмомъ отъ 15 іюня 1607 года увѣдомилъ, что онъ, подобно своему брату (Іереміи), будетъ содѣйствовать храмоздателямъ въ ихъ богоугодномъ дѣлѣ и на будущее время [2]). Въ лѣтописи Зубрицкаго, актахъ, относящихся къ исторіи южной и зап. Россіи и въ Supplementum ad histor. Russiae monumenta можно найти много и другихъ фактовъ благотворительности Могилъ, оказанной львовскому братству въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтій [3]).—Въ свою очередь и львовскіе братчики старались оказывать покровительствующей имъ фамиліи посильныя услуги. Такъ, напримѣръ, во время политическихъ смутъ, бывшихъ въ молдо-влахійскихъ земляхъ, они сохраняли въ своихъ церковныхъ погребахъ имущество волошскаго господаря Моисея Могилы [4]). Свое расположеніе къ фамиліи Могилъ братсво выражало и другими знаками дружелюбія, принятыми въ обществѣ [5]).

Теперь, если примемъ во вниманіе съ одной стороны низкій уровень образованія въ Молдавіи и Валахіи въ разсматриваемое время, а съ другой то обстоятельство, что г. Львовъ въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтія былъ центромъ просвѣщенія въ юго-западной Руси, при чемъ львовская братская школа служила источникомъ наукъ не только для православнаго южно-русскаго народонаселенія, но и для сосѣднихъ, единовѣрныхъ съ нимъ народностей,—то извѣстіе о воспитаніи молдавскаго воеводича въ средѣ дружественно расположеннаго къ его фамиліи львовскаго братства должно быть признано за весьма

---

[1]) Ibid. подъ 1602 г.

[2]) Ibid. подъ 1607 г.

[3]) См. Лѣтоп. львов. братства подъ 1609, 1610, 1613 и 1627 гг. Supplement. ad Historiae Russiae monumenta №№ CLXXXIX—CXCII, Акты, относящ. къ исторіи южн. и зап. Россіи т. I, № 222.

[4]) Лѣтоп. львов. братст. подъ 1624 г.

[5]) Ibid. подъ 1613 г.

правдоподобное. И это тѣмъ болѣе, что послѣдующія отношенія Петра Могилы къ львовскому братству были самыя пріязненныя и къ братской школѣ онъ (какъ и подобаетъ воспитаннику) питалъ глубокое уваженіе, особенно рельефно выразившееся при основаніи имъ собственной коллегіи: извѣстно, что первыми учителями сей коллегіи были вызваные изъ Львова братскіе ученые педагоги [1]).

Но, признавая такимъ образомъ извѣстіе о воспитаніи Петра Могилы въ львовской братской школѣ весьма правдоподобнымъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ не можемъ отрицать достовѣрности и другаго извѣстія, приписывающаго митрополиту образованіе западно-европейское. Если первое извѣстіе находитъ достаточную опору для своего признанія въ дружественныхъ отношеніяхъ фамиліи Могилъ къ львовскому братству, то не менѣе вѣскія данныя могутъ быть представлены въ защиту достовѣрности и другаго.

Хотя въ половинѣ XVI столѣтія въ юго-западной Россіи существовало уже достаточное количество школъ, и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ (какъ, напримѣръ, львовской) кругъ преподаваемыхъ предметовъ былъ довольно обширенъ; но такъ какъ школы эти, будучи основаны на иныхъ началахъ, чѣмъ коллегіи польскія и западно-европейскія, не имѣли того внѣшняго блеска, а отсюда и той популярности, какими славились послѣднія,—то южно-русскіе аристократы, подъ вліяніемъ западно-европейской цивилизаціи, считали образованіе, получаемое на родинѣ, не вполнѣ соотвѣтствующимъ требованіямъ времени. Поэтому они хотя и отдавали своихъ дѣтей для первоначальнаго обученія въ свои родныя школы, но дѣло ихъ образованія этимъ не ограничивали. Всякій знатный панъ того времени считалъ какъ бы непремѣнною, своею обязанностію, по выходѣ сына изъ школы мѣстной, посылать его, для довершенія образованія, въ коллегіи и университеты заграничные. Правда, нѣкоторые изъ строгихъ ревнителей православія сильно вооружались противъ такого обычая, утверждая, что лакомство на латинскую мудрость простоту и буюю премудрость Божію безчеститъ, что хитрорѣчіе, поганскій, красномовный Аристотель, вавилонскія страсти музыки и вообще все, исходящее изъ тлетворнаго запада, отъ благочестія устраняетъ, ересями отравляетъ и отступниками отъ право-

[1]) Опис. кіево-соф. собора; Лѣтопись львов. братства Зубрицкаго подъ 1631 г.

славныя вѣры содѣлываетъ; а потому вмѣсто лживыхъ діалектовъ, философскаго киченія и прочаго цвѣтнорастущаго зелія (чѣмъ, по ихъ мнѣнію, былъ такъ обиленъ западъ), предлагали свои православные цвѣточки, разумѣя подъ ними кругъ церковно-богослужебныхъ книгъ [1]). Но трудно было бороться противъ духа времени. Въ самыя южно-русскія школы начали понемногу проникать порядки коллегій западно-европейскихъ. Само южно-русское православное духовенство стало считать поѣздки за границу съ цѣлію научною дѣломъ необходимымъ..... Поэтому, даже на основаніи только сказаннаго, трудно отказать въ достовѣрности извѣстію о посѣщеніи П. Могилою западно-европейскихъ университетовъ, трудно допустить, чтобы сынъ молдавскаго воеводича не выполнилъ общепринятыхъ между знатными лицами условій въ дѣлѣ такой первостепенной важности, каково образованіе. Но еще болѣе говоритъ за достовѣрность означеннаго извѣстія самый складъ образованія П. Могилы и вытекавшій отсюда характеръ его дѣятельности. Мы не будемъ здѣсь останавливаться на томъ, что нашъ митрополитъ, по отзыву современниковъ, у polacinie y pogrecku uczył się [2]), такъ какъ эти языки преподавались и въ львовской школѣ [3]); для подтвержденія сказаннаго нами достаточно указать на то, что П. Могила былъ знатокомъ западно-европейской литературы, весьма высоко цѣнилъ образованіе, получаемое въ школахъ заграничныхъ, и, сознавая, что въ Малороссіи, по причинѣ неученості духовенства и необученія юношества, происходитъ великій ущербъ для православія,— самымъ радикальнымъ средствомъ къ пресѣченію этого зла призналъ перенесеніе на русскую почву *западной науки*,—и затѣмъ, водворивши ее въ основанныхъ имъ школахъ, самою лучшею похвалою для сихъ послѣднихъ считалъ то, что *въ нихъ такъ же хорошо идетъ ученіе, какъ и въ коллегіумахъ заграничныхъ*.

Принимая во вниманіе все сказанное мы приходимъ къ слѣдующему, какъ намъ кажется, не лишенному основаній заключенію: первоначальное образованіе П. Могила получилъ въ львовской школѣ, въ

---

[1]) См. зачапку мудраго латинника съ глупымъ русиномъ въ диспутацію, рукоп. библіот. Кіев. Дух. академіи № R, 213.

[2]) См. письмо М. Смотрицкаго къ Рутскому, отпечат. въ Литов. церков. уніи *Кояловича*, т. II, прим. 216.

[3]) Лѣтоп. львов. братства Зубрицкаго, А. З. Р. т. IV.

средѣ дружественно расположеннаго къ его фамиліи львовскаго братства, а окончательное—въ заграничныхъ университетахъ, слушаніе лекцій въ которыхъ вошло въ моду, сдѣлалось всеобщимъ обычаемъ въ средѣ польской и южно-русской аристократіи разсматриваемаго нами времени.

Первое (по времени) опредѣленное свѣдѣніе о Петрѣ Могилѣ, встрѣчающееся въ современныхъ ему памятникахъ, состоитъ въ извѣстіи объ его участіи въ хотинской битвѣ (1621 г.), гдѣ онъ, въ рядахъ польской арміи, „охоту до услуги Рѣчи Посполитое противко Солтанови Османови, царови турецкому, головному непріятеловѣ тое *Рѣчи Посполитое и всего христіанства* освѣдчалъ [1])".

Поступленіе молдавскаго воеводича на службу Польской Коронѣ, представляющееся на первый взглядъ явленіемъ нѣсколько страннымъ, легко можетъ быть объяснено съ одной стороны тѣми неудачами, какія постигли его фамилію на родинѣ, а съ другой особенными отношеніями сей фамиліи къ польскому правительству и польской аристократіи.

Въ разсматриваемое нами время не было ни одного государства, политическая жизнь котораго представляла бы большія неурядицы, чѣмъ какія мы видимъ въ Молдавіи и Валахіи. Принятая этими странами избирательная система правленія, допуская совмѣстничество при достиженіи господарскаго престола, открывала широкій просторъ интригамъ и кровавымъ схваткамъ между знатными боярскими родами, желавшими захватить въ свои руки верховную власть. Вассальныя отношенія молдо-влахійскихъ господарей къ корыстолюбивому турецкому правительству, присвоившему право утвержденія, а впослѣдствіи и самаго избранія воеводъ, еще болѣе увеличивали означенное зло. Всегдашняя возможность покупки господарской власти у вліятельныхъ лицъ турецкаго дивана вызывала не только изъ среды мѣстной аристократіи,

---

[1]) Археографич. Сбор. докум. Сѣверо-Зап. Руси т. II, № 36. Указаніе на участіе Петра Могилы въ хотинской битвѣ встрѣчается и въ другихъ памятникахъ того времени. Такъ напр. въ *Мнемозинѣ*, панегирикѣ, поднесенномъ П. Могилѣ вскорѣ послѣ вступленія его на митрополію, находится, между прочимъ, изображеніе руки съ воинскимъ знаменемъ, образующимъ вензелевую букву Р. (т. е. Piotr), по случаю чего панегиристъ говоритъ: „Что ты дѣлаешь рыцарь?.. я вижу въ рукѣ твоей марсово знамя!... *здѣсь не Хотинъ, Петръ, не турецкая брань*".

но даже изъ сторонніхъ иногда малоизвѣстныхъ личностей цѣлыя толпы соискателей, которые старались отбить вакантное господарское мѣсто другъ у друга, или даже купить его подъ живымъ воеводою. Вслѣдствіе этого положеніе молдо-влахійскихъ господарей было крайне скользкое. Они, по выраженію одного изслѣдователя, являлись и исчезали подобно метеорамъ, приводя часто въ удивленіе сосѣднія государства, заставляя иногда опасаться даже турокъ за власть свою въ этихъ легко воспламеняющихся княжествахъ [1]). До безобразія длинные перечни молдо-влахійскихъ воеводъ XVI столѣтія, приводимые Палаузовымъ [2]) и Голубинскимъ [3]), весьма краснорѣчиво подтверждаютъ это. Такъ въ Молдавіи во второй половинѣ XVI столѣтія, менѣе чѣмъ въ 45 лѣтъ (съ 1552 по 1595 г.) смѣнилось *десять* воеводъ; а въ Валахіи со смерти Раду IV и до вступленія на господарство Михаила Храбраго, съ 1508 по 1592 г. перемѣнилось *девятнадцать* господарей, при чемъ только одинъ Александръ II (1567—1574 гг.), умеръ, нося княжеское достоинство; остальные же *восемнадцать* погибли или отъ яда, или въ изгнаніи, или въ заточеніи [4]).—Сравнительно нѣсколько счастливѣе предшествующихъ господарскихъ родовъ начала княжить въ молдо-влахійскихъ земляхъ, или точнѣе въ Молдавіи, фамилія Могилъ. Почти въ теченіи 17 лѣтъ (съ 1595 по 1612 гг.) Порта, довольная покорностію Могилъ, мало тревожила управляемую ими страну своимъ вмѣшательствомъ въ ея политическія дѣла, и хотя нельзя сказать, чтобы въ означенное время Могилы совершенно спокойно сидѣли на господарскомъ престолѣ [5]), тѣмъ не менѣе княжеская власть оставалась въ ихъ рукахъ. Но къ концу означеннаго времени и фамилію Могилъ постигла общая участь всѣхъ молдо-влахійскихъ господарей. Трансильванскій воевода Сигизмундъ Баторій, преслѣдуя нѣкоторыя своекорыстныя цѣли, донесъ султану, что молдавскій господарь Константинъ Могила глубоко

---

[1]) *Палаузова*, Румынскія господарства въ историко-политическомъ отношеніи, въ Отеч. Запис. за 1859 г. № 9—12.

[2]) Румын. господарства.

[3]) Краткій очеркъ исторіи правосл. церквей болгарской, сербской и румынской, стр. 340—343.

[4]) Румынск. господарства.

[5]) См. *Голубинскаго*, Очеркъ прав. церквей бол. и проч. стр. 343, примѣч. 8.

преданъ его врагамъ—полякамъ и удѣляетъ своему тестю Стефану Потоцкому часть государственныхъ доходовъ. Султана это взорвало и онъ, смѣнивъ Константина Могилу, предоставилъ молдавское господарство нѣкоему искателю приключеній Стефану Томзѣ [1]). Константинъ Могила рѣшился было оружіемъ отстаивать свои права и, поддерживаемый Польшею, предпринялъ походъ противъ Оттоманской Порты, но въ сраженіи былъ разбитъ на голову и взятъ въ плѣнъ [2]). Правда, фамилія Могилъ и послѣ этого не отказывалась отъ своихъ владѣльческихъ правъ на молдо-влахійскія земли и не теряла надежды снова занять въ нихъ господарскій престолъ, но усиливавшееся нерасположеніе къ этой фамиліи Порты дѣлало подобное желаніе трудно осуществимымъ.

Но если фамиліи Могилъ перестало улыбаться счастіе на родинѣ, то въ годину бѣдствій она нигдѣ не могла встрѣтить такого радушнаго привѣта и пріема, какъ въ сосѣдственной Польшѣ. Тѣсныя узы связывали Могилъ съ этою страною.

Родъ Могилъ всегда отличался особенною преданностію Польской Коронѣ и за это пользовался взаимнымъ расположеніемъ со стороны польскаго правительства. Іеремія Могила, еще до вступленія своего на господарство, въ 1593 году, z osobliwszego ku Polakom affektu, получилъ отъ Сигизмунда III *индигенатъ*, т. е. привилегію, сравнивавшую его (Іеремію) съ дворянами, рожденными въ Польшѣ [3]). Затѣмъ, когда

---

[1]) Румынс. господарства.

[2]) Лѣтопись Львов. Братства. Въ лѣтописи говорится, что Константинъ Могила въ плѣну кончилъ и жизнь свою. Но это невѣрно. Ему удалось убѣжать отъ турокъ въ Польшу, гдѣ онъ купилъ себѣ помѣстье (въ Подоліи), въ которомъ и жилъ до самой смерти (Encyklop. powszechna, t. XVIII, str. 746).

[3]) Herb. Niesieckiego t. VI, str. 449. Orb. pol. Okols. t. II, pag. 229. *Шмиттъ*, Исторія польскаго народа. При этомъ фамилія Могилъ получила отъ коннаго польскаго канцлера Яна Замойскаго позволеніе принять въ свой гербъ его фамильную эмблему (три крестообразно сложенныхъ копья), „Добродѣйствъ ясневельможнаго Яна Замойскаго,—писалъ въ 1631 г. Могила, посвящая изданный имъ Тріодіонъ одному изъ Замойскихъ,—найпервѣй продкове и родичове мои въ тымъ дознали, кгды подъ часъ пріймованя *индігенату* въ коронѣ кролевства польскаго до своего клейноту припустить зезволилъ".

поляки, пользуясь политическою неурядицею въ Молдавіи, рѣшились утвердить свое вліяніе въ этой странѣ, то канцлеръ Янъ Замойскій, вторгнувшись съ войскомъ въ молдо-влахійскія земли и нанесши пораженіе находившимся въ нихъ туркамъ, посадилъ на господарскій престолъ Іеремію Могилу [1]). Послѣдній, принимая предложенную ему власть, далъ Сигизмунду III письменное обѣщаніе сохранять вѣрность и послушаніе по отношенію къ Польшѣ и даже, если король согласится, подчинить ей Молдавію въ качествѣ провинціи [2]). Іеремія свято исполнялъ данное обѣщаніе. Во все время своего господарства онъ былъ вѣрнымъ союзникомъ польскаго правительства. Любовь его къ Польской Коронѣ простиралась до того, что онъ главное начальство надъ своими войсками всегда довѣрялъ однимъ только полякамъ [3]). Польскій дворъ не могъ не цѣнить такого человѣка. Поэтому, когда въ 1599 году валахскій воевода Михаилъ Храбрый вторгнулся съ многочисленнымъ войскомъ въ Молдавію и, одержавши подъ Сучавою побѣду надъ Іереміею Могилою, овладѣлъ управляемою имъ страною,— Польша выставила сильные отряды на помощь Могилѣ и, послѣ пораженія Михаила, возвративъ Молдавію Іереміи, на престолъ Валахіи посадила брата его Симеона [4]). Кромѣ того, король Сигизмундъ III далъ Іереміи обѣщаніе, что польское правительство будетъ содѣйствовать не только къ утвержденію его личныхъ правъ на молдавское государство, но и правъ его потомства [5]). Въ памятникахъ того времени можно найти много и другихъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о пріяз-

---

[1]) Румын. господ., **Herb. Niesieckiego.** Въ предмовѣ къ упомянутому нами Тріодіону, П. Могила говоритъ, что Янъ Замойскій, „мудрою радою своею, и отвагою, и отцевскимъ промысломъ и ратункомъ яко власный отецъ во всемъ ласкове и зычливе (для фимиліи Могилъ) ставился на каждомъ мѣстцу, где того потреба и слушность вытягала; *на панство дедичное впровожаючи и противко каждого непріятеля помочи додаваючи*“.

[2]) **Oswiadczenie czyli przysięga Jeremiego Mohily, woewody multanskiego na wierność królowi polskiemu**, въ IV т. **Pamiętników o dawney Polszcze J. *Niemcewicza* str. 147—148.**

[3]) **Herbarz Niesieckiego t. III, 449.**

[4]) Исторія польскаго народа Шмитта т. II, 150.

[5]) См. грамоту, данную Сигизмундомъ III Іереміи Могилѣ во II т. **Orb. polon. Okolskiego**, стр. 229—230.

ненныхъ отношеніяхъ польскаго правительства къ фамиліи Могилъ [1]).— Но кромѣ этихъ отношеній были еще другія не менѣе крѣпкія узы, связывавшія означенную фимилію съ Польскою Короною. Это узы родства.

У Іереміи Могилы было четыре дочери,—и всѣ они были выданы въ замужество въ Польшу за туземныхъ аристократовъ: *Регина* за князя Михаила Вишневецкаго, бывшаго овруцкимъ старостою, *Марія* за Стефана Потоцкаго, брацлавского воеводу [2]), *Катерина* за князя Самуила Корецкаго, *Анна* въ первый разъ за Максимиліана Пжерембскаго, ленчинскаго воеводу, а потомъ въ слѣдующіе три брака была за Яномъ Чарнковскимъ ленчинскимъ каштеляномъ, Владиславомъ Мышковскимъ, краковскимъ воеводою, и наконецъ за короннымъ гетманомъ Станиславомъ Потоцкимъ [3]).

И пріязненныя отношенія польскаго правительства къ Могилам и родственныя ихъ связи съ польскою аристократіею, дѣлали Польшу для этой фамиліи какъ бы вторымъ отечествомъ. Неудивительно поэтому, что Польская корона, по преимуществу, была мѣстомъ пріюта для тѣхъ членовъ изъ рода Могилъ, которымъ почему либо не везло на родинѣ. Такъ, когда Константинъ Могила былъ свергнутъ турецкимъ дворомъ съ престола Молдавіи и попытка его возвратить княжескую власть кончилась неудачно,—онъ отправляется въ Польшу, покупаетъ въ Подоліи имѣніе Усце (Uście) и до самой смерти живетъ въ немъ съ своею старшею сестрою [4]). Также точно поступилъ впослѣдствіи и братъ Петра Могилы Моисей, потерпѣвшій большія неудачи на родинѣ [5]). Безъ сомнѣнія, такія же причины заставили поселиться въ Польшѣ и самого Петра Могилу.... Въ самомъ дѣлѣ, что могъ онъ найти на родинѣ?—Отецъ его былъ свергнутъ съ господарскаго престола Валахіи и уже умеръ; дяди тоже не было въ живыхъ; попытки двоюродныхъ братьевъ возвратить княжескую власть окончились неудач-

---

[1]) См. лѣтоп. Зубрицкаго и гербовники Окольскаго и Несецкаго.

[2]) Послѣ смерти Потоцкаго Марія вступила во второй бракъ съ Николаемъ Фирлеемъ, сендомирскимъ воеводою.

[3]) Encykl. Powszechna t. XVIII, str. 746. Herbarz Niesieckiego VI. 449—450.

[4]) Herb. Niesieckiego VI. 450.

[5]) Ibid.

но. Только Польша радушно принимала терпѣвшихъ неудачи молдавскихъ воеводичей—и Петру Могилѣ весьма естественно было воспользоваться ея радушіемъ....

Послѣ извѣстія объ участіи Петра Могилы въ хотинской битвѣ, біографическія свѣдѣнія о немъ до посвященія въ санъ кіево-печерскаго архимандрита почти совершенно прекращаются. Можно привести не болѣе двухъ-трехъ отрывочныхъ указаній, могущихъ служить нѣкоторыми данными къ уясненію дѣятельности нашего митрополита за этотъ періодъ времени. Сюда мы относимъ—въ 1-хъ, духовное завѣщаніе Петра Могилы, гдѣ онъ отказываетъ своему брату Моисею три имѣнія въ Бѣльжскомъ воеводствѣ (Великія очи, Зміевиско и Вольку), пріобрѣтенныя митрополитомъ, когда онъ былъ еще въ свѣтскомъ званіи [1]); во 2-хъ, замѣтки, находящіяся въ собственноручныхъ запискахъ Петра Могилы, о неоднократномъ посѣщеніи имъ Кіева,—именно въ срединѣ великаго поста того года, въ которомъ умеръ Сагайдачный (1622 г.) и на праздники Успенія Пресвятой Богородицы въ 1625, 1626 и 1627 гг. [2]) и, въ 3-хъ, протестацію и письма Смотрицкаго, гдѣ есть указанія на то, что Могила, еще будучи въ свѣтскомъ званіи, принималъ дѣятельное участіе въ замыслѣ Мелетія Смотрицкаго склонить православную церковь къ соглашенію съ уніатскою [3])... Что можно извлечь изъ этихъ данныхъ для характеристики нашего митрополита?—Пріобрѣтеніе имѣній показываетъ, что онъ думалъ прочно осѣсться въ Польской Коронѣ; посѣщеніе Кіева въ 1622 году, во время тяжкой болѣзни гетмана Сагайдачнаго, можетъ служить указаніемъ на дружественныя отношенія Могилы къ сему ревнителю православія; ежегодныя поѣздки въ печерскую лавру, бывшую въ то время главною опорою православ-

---

[1]) Пам. кіев. коммис. т. II, от. I, стр. 163.

[2]) Собственноручныя записки П. Могилы, о потерѣ которыхъ жалѣлъ Митрополитъ Евгеній (Описаніе кіево-соф. соб. стр. 182) въ 1850 г. были отысканы и въ настоящее время хранятся въ Кіево-Софійской библіотекѣ. Нѣкоторыя выдержки изъ сихъ записокъ были напечат. въ Кіев. Епар. вѣдом. за 1861 и 1862 г., но большая часть ихъ и доселѣ остается неизданною.

[3]) Protestacya, изд. 1628 года, и письма Смотрицкаго, отпеч. во II т. Литовской церк. Уніи Кояловича.

вія, свидѣтельствуютъ о ревности Могилы къ вѣрѣ своихъ отцевъ, и желаніи крѣпкаго союза съ защитниками этой вѣры..... Тѣ связи митрополита съ М. Смотрицкимъ, на которыя мы указали выше не могутъ противорѣчить этому. Добрыя цѣли преслѣдовалъ Могила входя въ сношенія съ Мелетіемъ. Причины, побудившія П. Могилу принять на себя званіе кіево-печерскаго архимандрита и затѣмъ вся послѣдующая его дѣятельность какъ въ семъ званіи, такъ впослѣдствіи и въ санѣ митрополита,—вполнѣ убѣждаютъ насъ въ этомъ.

Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій.

Чтеніе **В. С. Иконникова.**

I.

Вѣтвь Скопиныхъ-Шуйскихъ была не велика. Она началась съ прадѣда кн. Михайла Васильевича, прозваннаго Скопою, и прекратилась съ героемъ смутнаго времени (см. родосл. табл. къ Ист. Соловьева, табл. VI; Родосл. книга кн. П. Долгорукова, I, 234) [1]). Дѣдъ послѣдняго, Ѳедоръ Ивановичъ, вмѣстѣ съ прочими Шуйскими, принималъ участіе въ правленіи во время малолѣтства Ивана Грознаго, содѣйствовалъ удаленію любимца царскаго, Воронцова, потерпѣлъ ссылку вмѣстѣ съ своими родственниками отъ Глинскихъ и явился мстителемъ ихъ во время страшныхъ московскихъ пожаровъ 1547 г.

---

[1]) Иванъ Скопа происходилъ въ прямой линіи отъ князя Дм. Константиновича Нижегородскаго (Родосл. книга во Времен. Моск. общ. исторіи, X, 44). Скопа́—хищная птица изъ рода орловъ (Словарь церк. слав. яз. изд. Ак. Наукъ и Областн. Словарь Даля). Родовая вотчина Никиты Романова—Острожокъ—въ цар. Алексѣя Михайловича принимаетъ названіе Скопинской слободы (потомъ городъ Скопинъ), отъ водившейся въ ея окрестностяхъ птицы Скопы. И теперь эта птица, изображенная на голубомъ полѣ летящею, служитъ гербомъ гор. Скопина (Статист. опис. Рязан. губ. Барановича, 512; Географ. Слов. Семенова, IV, 621). Есть указаніе, что большая часть Скопинскихъ волостей принадлежала роду Скопиныхъ-Шуйскихъ. (Замѣч. о земл. Рязан. въ Чтен. Моск. общ. исторіи, годъ I, кн. I, 23; ср. Отеч. Зап. 1829, ч. XL, Археологич. и статистич. обозр. города Скопина, 412—413).

Вмѣстѣ съ царскимъ духовникомъ, Ѳедоромъ Барминымъ, онъ увѣрялъ молодаго Ивана въ виновности Глинскихъ, и народная кара, постигшая послѣднихъ, по всей вѣроятности, не была чужда этихъ внушеній (Карамзинъ, изд. Эйнерл., VIII, 47, 51, 61—64; Соловьевъ, VI, 42—57; ср. Сказ. кн. Курбскаго и перепис. его съ Іоан., изд. 2, 185) [1]. Тѣмъ не менѣе, сынъ его, Василій, спустя 20 лѣтъ, встрѣчается между дворянами первой статьи (Собр. госуд. грам. I, 550), а затѣмъ (съ 1577 г.) бояриномъ при дворѣ Ивана Грознаго во все время его царствованія (Послужн. списокъ, Древ. Рос. Вивл., XX, 55, 59). Ему была ввѣрена главная рать, собиравшаяся противъ Баторія въ Новгородѣ (Разряды въ Древн. Рос. Вивл., XIV, 349—352), и вмѣстѣ съ кн. Ив. Петр. Шуйскимъ онъ былъ главнымъ защитникомъ Пскова (Карамзинъ, IX, примѣч. 567).

Царствованіе Ѳедора Ивановича застало кн. Василія Скопина намѣстникомъ Новгорода (ib., X, 30); но, какъ первый намѣстникъ и бояринъ, онъ жилъ въ Москвѣ, а въ Новгородѣ управлялъ младшій намѣстникъ, кн. Михаилъ Петровичъ Катыревъ (ib. пр. 418). Впрочемъ, на первыхъ же порахъ непримиримость двухъ партій, Шуйскихъ и Годуновыхъ, стала очевидною. Сначала однако, при посредствѣ митр. Діонисія, удалось было устроить между ними миръ (1585 г.), но непрочность его вскорѣ обнаружилась въ полной силѣ: всему, чего добивалась одна партія, противилась другая, и Шуйскіе ни въ чемъ не хотѣли уступить Годуновымъ (Никон. лѣт. годъ 1585; Латух. степ. книга; Карамз. X, пр. 143). Борисъ Годуновъ былъ въ страшномъ гнѣвѣ противъ нихъ. Тогда Шуйскіе, въ союзѣ съ митрополитомъ и московскими торговыми людьми, рѣшились окончательно поколебать авторитетъ Бориса. Они стали убѣждать царя развестись съ женою (сестрою Бориса), по причинѣ ея бездѣтства, и уже прочили ему новую жену въ сестрѣ кн. Ѳед. Ив. Мстиславскаго [2]. Но Борисъ во время узналъ объ этомъ, разру-

[1]) Передъ смертію онъ принялъ схиму съ именемъ Ѳеодосія. Фамильная усыпальница князей Скопиныхъ-Шуйскихъ находится въ Суздалѣ, въ соборной церкви Рождества Богородицы (Историч. собраніе о градѣ Суждалѣ. Временникъ Моск. общ. ист. кн. XXII, стр. 154, 202).

Жена кн. Ѳедора Скопина похоронена въ сузд. Покров. дѣвич. монаст. ib. 182.

[2]) Современники говорятъ, что сестра Бориса, Ирина, отличалась вліятельнымъ характеромъ и имѣла вліяніе на своего брата (Флетчеръ, гл. VII; Горсей у Гаклюйта, I, 529).

шилъ ихъ замыслы и пристыдилъ митрополита, обѣщавъ впрочемъ никого не преслѣдовать; только предполагавшаяся невѣста царя была пострижена. Однако, вскорѣ, подъ предлогомъ измѣны, начались преслѣдованія Шуйскихъ и ихъ партіи: однихъ сослали, другихъ казнили; митрополита Діоносія заточили въ Хутынскій монастырь; Шуйскіе были разосланы въ дальнія мѣста, а кн. Василій Ѳедоровичъ Скопинъ-Шуйскій лишился своего пожалованья Каргополя; но его оставили въ Москвѣ [1]). Этотъ погромъ до того былъ страшенъ для самаго правительства, что оно считало нужнымъ смягчить его значеніе передъ иностранными державами. Указывая на царскія милости къ Шуйскимъ, послы должны были говорить, что хотя кара постигла виновныхъ за измѣну, но царь помиловалъ ихъ, разославъ только по деревнямъ. А о князѣ В. Ѳ. Скопинѣ-Шуйскомъ въ наказѣ посламъ прибавлено: „до князя В. Ѳ. слово не дошло, и онъ предъ государемъ живетъ по старому; нынѣ съѣхалъ съ государева жалованья, съ Каргополя". Такъ дипломатически было выражено лишеніе его послѣдняго! (Дѣла польскія, у Карамзина, X, примѣч. 148; ср. также Латух. степен. книгу, ib. примѣч. 147; Никон. лѣт. годъ 1587; Морозовск. лѣт. г. 1587 ib. примѣч. 148).

Въ годъ этого погрома у князя Вас. Ѳедоровича родился сынъ, Михаилъ, будущій дѣятель смутнаго времени [2]).

Жизнь князя М. В. Скопина-Шуйскаго представляется историкамъ не богатою біографическими данными. Отъ него самого до насъ не дошло ни одного слова, ни одного письма; точно также какъ не дошло ни писемъ, ни записокъ и отъ лицъ, близкихъ къ нему. Еще С. М. Соловьевъ замѣтилъ: „Живыхъ людей, съ рѣзко опредѣленнымъ образомъ, мы не найдемъ ни въ Скопинѣ, ни въ Ляпуновѣ, ни въ Пожарскомъ, ни въ Мининѣ, какъ они представляются въ лѣтописяхъ

---

[1]) Въ 1586 г. новгородскимъ намѣстникомъ былъ уже Дмитрій Ив. Годуновъ (Карамзинъ, X, примѣч. 418).

[2]) Въ статьѣ „О рожденіи кн. Михаила Васильевича", помѣщенной въ хронографѣ, принадлежавшемъ древлехранилищу Погодина, замѣчено: „родился убо сей вел. воинъ и воевода князь М. В. Шуйской въ лѣта 7095 и. наречено бысть имя его на память сѳбора св. арханг. Михаила мѣс. ноября въ 8 день". (Изборникъ славян. и рус. сочин., внесен. въ хронографы, А. Попова, стр. 379).

и сказаніяхъ. Разсказываются ихъ внѣшніе подвиги, произносятся похвальные отзывы въ общихъ, неопредѣленныхъ выраженіяхъ, идущихъ ко всякому другому хорошему человѣку". Въ слѣдствіе этого и фигура Скопина представляется историку „покрытою съ головы до ногъ пеленою: можно догадываться, что это что-нибудь величественное, но что именно—не знаемъ" (IX, 472—73). Статья Н. И. Костомарова: „Личности смутнаго времени" (Вѣстн. Европы, 1871, іюнь) представляетъ только болѣе подробное развитіе этой главной мысли. О Скопинѣ онъ говоритъ: „Въ повѣствованіяхъ о его дѣяніяхъ нѣтъ ни одного мѣста, гдѣ бы онъ явился съ свойственнымъ ему одному, отличнымъ отъ другихъ, образомъ взглядовъ, чувствъ и пріемовъ; нѣтъ ни одного случая, гдѣ бы высказалась его индивидуальность". Авторъ этихъ словъ затрудняется опредѣлить даже, какая черта въ характерѣ Скопина была преобладающею, руководящею: разсудительность или юношеское увлеченіе, предусмотрительность или хитрость, нравственныя побужденія или честолюбіе (стр. 499—501). Но такой общій приговоръ о дѣятеляхъ смутнаго времени встрѣтилъ возраженіе со стороны И. Е. Забѣлина. „Намъ говорятъ,—замѣчаетъ онъ,—что источники нашей исторіи очень скудны и потому всѣ наши историческія личности неясны, тусклы, освѣщены неправильнымъ, фальшивымъ свѣтомъ, при помощи уже нашего воображенія... Мы вообще убѣждены, что источники тутъ не причина. Если можетъ что затруднить дѣло, такъ это только самая работа надъ источниками, тяжелая, мелочная, до крайности скучная, въ которой сохнетъ умъ, вянетъ воображеніе, но за то выростаетъ достовѣрность" (Прямые и кривые въ смутное время. Рус. Арх. 1872, I, 367—68). Само собою понятно, что трудность мелочной работы еще болѣе усложняется при разборѣ такихъ данныхъ, которыя представляютъ массу неумышленныхъ противорѣчій и умышленныхъ недомолвокъ, къ какимъ безъ сомнѣнія принадлежатъ матеріалы, относящіеся къ біографіи Скопина-Шуйскаго. Постараемся однако воспользоваться этими данными, чтобы возстановить, по возможности, полный образъ одного изъ главныхъ дѣятелей смутной эпохи, часто привлекающаго къ себѣ вниманіе по одной только загадочности своей судьбы.

Лишившись отца на восьмомъ году М. В. Скопинъ остался на рукахъ матери (7103, т. е. въ 1595. Сказаніе о рож. 379 и послужн. спис. старин. чиновн. въ Древ. Рос. Вивліоѳ. XX, 65)[1]. Послѣ

[1]) Передъ смертію онъ также принялъ схиму, подъ именемъ Іоны. Его

7-ми лѣтъ, по обычаю того времени, его стали учить грамотѣ. Біографъ Скопина хвалитъ „быстроту его разума", въ слѣдствіе чего ученіе далось ему легко, а вскорѣ затѣмъ онъ былъ зачисленъ „въ царскіе жильцы" [1]). Замѣтка біографа Скопина объ его грамотности имѣетъ нѣкоторое значеніе, такъ какъ въ то время были князья и бояре, которые, по неграмотности, не могли подписать своихъ именъ (Собр. госуд. грам., I, № 192 и 203) [2]). Но Скопинъ принадлежалъ уже къ новому поколѣнію. То было время умственнаго возбужденія въ Московскомъ государствѣ: правительство заботилось о книгопечатаніи, о заведеніи высшихъ школъ, о посылкѣ молодыхъ людей за границу (одинъ изъ которыхъ и оказалъ потомъ услугу Скопину), хотя эти

похоронили въ Суздалѣ, въ фамильной усыпальницѣ (О градѣ Суждалѣ, стр. 202 и повѣсть о рож. Скоп., 379).

Мать М. В. была изъ рода Татевыхъ (Елена Петровна, ib.), дочь боярина Петра Ивановича Татева, въ монашествѣ Пимена (Списокъ надгробій Троицкой лавры, Чтен. Моск. общ. ист., 1846, II, 37 и послуж. спис. XX, 59).

[1]) Это были отборные изъ дѣтей боярскихъ. Съ царевичемъ Дмитріемъ въ Угличѣ забавлялись „маленькіе робятки жильцы" (Собр. госуд. грам., II, 103—116). Въ Царств. книгѣ читаемъ: „жильцы выборомъ дѣти боярскія" (Карамзинъ, VIII, примѣч. 272). У Котошихина о жильцахъ говорится: „Чинъ ихъ таковъ: для походу и для всякаго дѣла спятъ на царскомъ дворѣ, человѣкъ по 40 и больше, и посылаютъ ихъ во всякія посылки; а дѣти они боярскіе-жъ, и дьячьи, и подъяческіе. И изъ того чину бываютъ въ стряпчихъ, и въ стольникахъ, и въ думныхъ людяхъ, да они-жъ бываютъ въ начальныхъ людехъ у конницы и у пѣхоты, и въ рейтарехъ, и въ солдатехъ, и будетъ ихъ числомъ до 2000 чел. Да и всѣмъ боярскимъ, и окольничихъ, и думныхъ людей дѣтемъ первая служба бываетъ при царскомъ дворѣ таковажъ только по породѣ своей одни за другими неравны" (Котошихинъ, 2-е изд., 21). Въ 1664 г. ихъ было до 3000 чел. Они находились въ вѣдѣніи Разряда. При пожалованіи ихъ говорилось, что такой-то пожалованъ изъ жилья въ дворяне, стряпчіе и т. д. При Петрѣ Вел. ими комплектовались гвардейскіе полки. Въ 1710 г., ихъ было всего 300 чел., послѣ чего это званіе прекратилось. (Древ. Рос. Впвл., XX, 169—170).

[2]) Извѣстный дѣятель смутнаго времени и претендентъ на престолъ, кн. В. Б. Голицынъ такъ говоритъ о себѣ: „Самъ я только немножко читаю, писать не умѣю..." Соловьевъ, X, дополненія, стр. III, (изъ польской рукоп. Имп. Публ. библ., № 229).

планы встрѣчали еще весьма серьезное сопротивленіе и не удались вполнѣ. Книжность Ивана Грознаго, заботы Бориса Годунова объ образованіи говорятъ, что потребность болѣе широкаго образованія, по крайней мѣрѣ въ высшемъ кругу, стала уже сознаваться. Правда, изъ описанія рукописей и библіотекъ того времени видно, что тогда еще вполнѣ господствовала духовная литература, но въ тоже время дѣлаются попытки и въ другомъ родѣ. Не говоря уже объ опытахъ въ обработкѣ историческаго матеріала и стремленіи къ изученію общей исторіи, въ XVI вѣкѣ появляются въ Москвѣ переводы польскихъ хроникъ и космографій [1]).

Біографъ Скопина отмѣчаетъ и черты его поведенія въ бытность на службѣ при дворѣ. Не смотря на свою юность, онъ отличался „многолѣтнимъ разумомъ“: не гордился передъ низшими, не хвалился своимъ происхожденіемъ, не клеветалъ на своихъ товарищей, но былъ тихъ и скроменъ, отчего, по замѣчанію того же современника, онъ прожилъ „въ тишинѣ“, въ столь „страстивое и нужное время“; между тѣмъ то было время Годуновскаго террора, наводившаго общій страхъ; время, когда было такъ легко выслужиться за клевету на своихъ близкихъ, пашедшую себѣ надежный притонъ въ стѣнахъ дворца. Съ этими чертами характера Скопина намъ придется встрѣтиться далѣе, гдѣ мы приведемъ свидѣтельства не однихъ панегиристовъ.

Конечно Борисъ не могъ быть спокоенъ на счетъ Шуйскихъ. Есть извѣстіе, что въ то время, когда онъ разыгрывалъ комедію съ избраніемъ на царство, притворно отказываясь отъ предлагаемаго вѣнца, Шуйскіе стали убѣждать другихъ, что непристойно долѣе упрашивать его, а слѣдуетъ приступить къ избранію новаго лица, и это ускорило согласіе Бориса (Татищев. бумаги въ портфелѣ Миллера, № 7, въ Моск. арх. мин. иностр. дѣлъ, см. Ист. Соловьева, VIII, примѣч. 12). Въ царствованіе-же Василія Шуйскаго князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ по-

---

[1]) Въ описи царскаго архива 1575—84 гг. упоминается, что въ ящикѣ 217 хранится между прочимъ переводъ лѣтописца польскаго и космографіи, причемъ замѣчено: „отданъ къ государю“ (Акт. Арх. Экспед., I, 353). Полагаютъ, что это былъ переводъ хроники Бѣльскаго и его космографіи. (Обз. русск. хроногр. А. Попова, II 95). Въ описи имущества новгор. воеводы Татищева называется: „Книга землемѣрья, космографія тожъ, печатная велика; цѣна 10 рублей“. (Времен. Моск. общ. ист. VIII, смѣсь, 34).

далъ челобитную на князя Дм. Пожарскаго, въ которой жаловался, что послѣдній доносилъ царю Борису, что онъ, князь Лыковъ, съ князьями Голицыными и Татевымъ имѣютъ противъ царя враждебные замыслы; а мать князя Пожарскаго доносила въ тоже время женѣ Бориса, что мать Лыкова съѣзжается съ женою князя Вас. Ѳед. Шуйскаго и ведетъ съ нею злыя рѣчи про царицу и ея дочь Ксенію. Лыковъ заявлялъ, что по этому поводу онъ и его мать подверглись опалѣ Бориса (Русск. истор. сбор. II, 265). Отсюда мы въ правѣ заключать, что и семья Скопина-Шуйскаго не пользовалась расположеніемъ царя [1]).

Борисъ нѣсколько разъ удалялъ Шуйскихъ отъ двора и снова приближалъ; но подозрѣніе противъ нихъ все-таки оставалось: лица, посѣщавшія ихъ даже въ дни милости, подвергались пыткѣ и допросамъ (Маржеретъ, 286, 292) [2]). Старшій изъ фамиліи Шуйскихъ, князь Василій Ивановичъ, вмѣстѣ съ представителемъ другой знатной фамиліи, княземъ Ѳед. Ив. Мстиславскимъ, былъ лишенъ самаго обыкновеннаго права—брака. Если онъ и уцѣлѣлъ во время общей переборки своей фамиліи, и даже сослужилъ Борису услугу въ дѣлѣ царевича Дмитрія, то безъ сомнѣнія въ этомъ помогла ему изворотливость его характера, отличавшагося двуличностью. Но въ минуту опасности, когда познаются истинные друзья, князья Мстиславскій и оба Шуйскіе (Василій и Дмитрій) своимъ бездѣйствіемъ доставили торжество самозванцу; а показаніе Вас. Шуйскаго въ пользу послѣдняго на Лобномъ мѣстѣ рѣшило и участь сына Годунова на престолѣ.

Понятно, что Дмитрій Самозванецъ долженъ былъ оказать покровительство врагамъ Бориса [3]): но измѣна Вас. Шуйскаго, распускавшаго слухи о самозванствѣ Дмитрія, повредила на первыхъ порахъ его семьѣ: за это онъ поплатился съ братьями временною ссылкою. Но князь Скопинъ-Шуйскій, вскорѣ по прибытіи Дмитрія Самозванца

[1]) Князь М. В. Скопинъ встрѣчается однако при Борисѣ въ стольникахъ. На пріемѣ персидскаго посла 4-го сент. 1604 г. онъ былъ назначенъ „смотрѣть и сказывать въ большой столъ“.. (Разрядн. книга въ Симбирс. сборникѣ, стр. 153).

[2]) Въ интересахъ сближенія, Борисъ женилъ Дм. Ив. Шуйскаго на сестрѣ своей жены, Екатеринѣ Григорьевнѣ Скуратовой.

[3]) Напротивъ, родственники и приверженцы Бориса (въ числѣ 74 семействъ) поплатились ссылкою (Соловьевъ, VIII, 118).

въ Москву, былъ пожалованъ въ великіе мечники, новое придворное званіе, учрежденное тогда по образцу польскому, а вслѣдъ за тѣмъ получилъ порученіе привезти изъ Выксинской пустыни царицу Марѳу, которая, какъ мать царевича Дмитрія, должна была теперь засвидѣтельствовать истинное происхожденіе московскаго царя. Такъ началось возвышеніе Скопина. Самозванецъ безъ сомнѣнія, могъ разсчитывать, что это довѣріе къ одному изъ Шуйскихъ послужитъ въ его пользу, а послѣ прощенія самихъ виновныхъ еще болѣе выкажетъ его безпристрастіе.

18-го іюня (1605 г.), Скопинъ привезъ Марѳу, и она признала Самозванца своимъ сыномъ. Но потомъ, по избраніи на царство Вас. Шуйскаго, когда разсылали противъ Самозванца обличительныя грамоты, Марѳа увѣряла уже, что послѣдній присылалъ за нею своихъ совѣтниковъ, которые должны были никого не допускать къ ней и никому не позволять говор ть съ нею (Собр. госуд. грам., II, 307). Правда, вмѣстѣ съ Скопинымъ были посланы за нею и другіе бояре (Наерле въ изд. Устрялова, I, 174); но самое дѣло было поручено ему, на что обращали потомъ вниманіе москвитянъ даже поляки (Карамзинъ, XI, 127, примѣч. 381). Какъ племянникъ Василія Шуйскаго, который не разъ выступалъ противъ Самозванца, чуть не поплатился за свой протестъ головою и наконецъ сталъ во главѣ заговора противъ него, Скопинъ болѣе другихъ рисковалъ своимъ именемъ, выполняя тайные совѣты поручителя. Съ другой стороны, объявляя о подсылкѣ тайныхъ совѣтниковъ къ царицѣ Марѳѣ, царь Василій бросалъ тѣнь подозрѣнія на своего племянника, такъ какъ никому до тѣхъ поръ не были извѣстны другіе совѣтники, а, напротивъ, всѣ знали, что въ Москву сопровождалъ царицу Скопинъ-Шуйскій. Между тѣмъ съ воцареніемъ Василія, послѣдній ничѣмъ не поплатился за свою услугу Самозванцу и вскорѣ достигъ даже высшихъ и честей. Эти противорѣчія, непримиримыя сами по себѣ, находятъ объясненіе въ духѣ смутной эпохи. Въ самомъ дѣлѣ, духъ противорѣчія составляетъ отличительную черту правительственныхъ актовъ того времени. И въ царствованіе Василія Шуйскаго, правительство спѣшило дать желаемое объясненіе въ данную минуту, не заботясь о послѣдующемъ шагѣ, на который его наталкивали событія. Эта фальшь проникла и въ окружающую среду: таковы всѣ заявленія и клятвы о смерти царевича и личности Самозванца (Бориса, Василія Шуйскаго, царицы Марѳы, патр. Іова,

кн. В. Голицына и многихъ другихъ). То, что вчера выдавалось за непреложную истину, сегодня отвергалось, какъ наглый обманъ; а, потерявъ разъ довѣріе къ своимъ представителямъ, общество должно было потерять и самую вѣру въ ихъ нравственную силу: въ этомъ, безъ сомнѣнія, лежитъ корень политической смуты.

Какъ бы то ни было, но возвышеніе Скопина относится къ этому времени. Въ проектѣ новой думы, которую Дмитрій Самозванецъ предполагалъ устроить по образцу польскаго сената, въ числѣ бояръ первой статьи было отведено мѣсто и великому мечнику, кн. М. В. Скопину-Шуйскому [1]). Въ это время ему было всего 18 лѣтъ. Такимъ образомъ, когда вступилъ на престолъ его дядя, положеніе Скопина было уже вполнѣ обезпечено.

Во все предъидущее время, Шуйскіе крѣпко держались другъ друга; они вмѣстѣ раздѣляли печальную участь за смѣлый поступокъ брата противъ Самозванца [2]); съ восшествіемъ на престолъ Василія Шуйскаго

---

[1]) Роспись московскимъ сенаторамъ (изъ особъ духовныхъ, бояръ первой статьи, окольничихъ и нѣкоторыхъ дворянъ) писана въ іюнѣ 1605 г., рукою секретаря Дмитрія Самозванца (по-польски) Яна Бучинскаго; но едва-ли она была вполнѣ приведена въ исполненіе. Она помѣщена въ Собр. госуд. грамотъ, II, 207—210; у Бутурлина, Ист. смут. времени, I, прилож. X; ср. Устрялова, Сказанія иностр. о Дм. Самозв., I, 380—381.— Карамзинъ (XI, стр. 126), Устряловъ (ibid) и Костомаровъ (Ист. смут. врем. I, 227—228) признаютъ проектъ состоявшимся; Соловьевъ обходитъ этотъ вопросъ (VIII, 118). Едва-ли не справедливѣе мнѣніе Бутурлина, что такъ какъ о такой реформѣ не говорятъ русскіе лѣтописцы и даже въ 1606 г. указы писались отъ имени бояръ, то поэтому роспись была собственно проектомъ, и если Беръ (Буссовъ) называетъ бояръ сенаторами, то въ слѣдствіе подражанія полякамъ, которые такъ переводили званіе членовъ боярской думы (Ист. смут. врем. I, 152). Мнѣніе это подтверждается послужнымъ спискомъ чиновниковъ того времени (Древ. Рос. Вивліоѳ. XX, 74—83). Имя Скопина-Шуйскаго при Самозванцѣ въ числѣ бояръ не встрѣчается, а онъ возведенъ въ бояре при царѣ Шуйскомъ (въ 1607 г.); но поляки постоянно употребляютъ выраженія: „сенаторы и думные бояре“, какъ однозначущія и замѣняютъ одно другимъ. См. Historica Russiae Monumenta, II, 118—119, 172.

[2]) Буссовъ выражается: „Три брата Шуйскихъ, имѣя тайныя сношенія съ попами и монахами во всемъ государствѣ, затѣяли свергнуть Дмитрія съ престола“ (изд. Устрялова, стр. 52).

нмъ предстояло раздѣлить и его власть. Но онъ не забылъ и остальной родни. Волости, бывшія прежде за Годуновыми, Чаранда и Вага, достались теперь его племяннику М. В. Скопину и брату царя, Дм. Шуйскому. Волость Вага обыкновенно предоставлялась лицамъ, близкимъ къ власти: при Ѳедорѣ Ивановичѣ ею владѣлъ Борисъ Годуновъ, при Борисѣ—Григорій Годуновъ, при Шуйскомъ—Дм. Шуйскій и М. Скопинъ; потомъ она также доставалась лицамъ, успѣвшимъ воспользоваться властью, какъ Мих. Салтыковъ, Заруцкій и Трубецкой (Соловьевъ, VIII, 374; Забѣлинъ въ стат. Мининъ и Пожарскій, Рус. Арх. 1872, I, 885, примѣч.) [1]).

При царѣ Василіѣ Скопинъ-Шуйскій имѣлъ счетное дѣло съ кн. Петромъ Урусовымъ. О содержаніи его мы можемъ заключать по слѣдующему случаю, бывшему въ началѣ царствованія Михаила Ѳедоровича. На пріемѣ персидскаго посла (18 сент. 1613 г.) рындами были назначены стольники: кн. Юрій Еншеевичъ Сулешевъ, Ив. Петр. Шереметевъ, кн. Юрій Дм. Хворостининъ и кн. Алексѣй Мих. Львовъ. Шереметевъ билъ челомъ на Сулешева, Львовъ на Хворостина. Царь велѣлъ отставить всѣхъ четырехъ и замѣнить другими. Но новое назначеніе повело къ новымъ столкновеніямъ, сопровождавшимся побѣгомъ отъ безчестья, насильнымъ приводомъ и мнимою болѣзнью, которые повлекли за собою наказаніе батогами и выдачу головою. Не касаясь этихъ подробностей, не относящихся къ нашему изложенію, замѣтимъ только, что притязанія Ив. Шереметева вызвали въ свою очередь челобитье Сулешева. Шереметевъ ссылался на то, что кн. Сулешевъ иноземецъ и меньше его изъ Шереметевыхъ никто не бывалъ. Тогда на Шереметева стали бить челомъ Васил. Ив. Бутурлинъ, Матв. Ив. Плещеевъ-Колоткинъ и кн. Ив. Ѳедоровичъ Троекуровъ. Они доказы-

[1]) О судьбѣ Важско-Двинской области, Этнографич. сборникъ, изд. Геогр. Общ. V, отд. 1.

О совмѣстномъ владѣніи Вагою, Чарандою, Тотьмою и Рѣшмою—Д. Шуйскимъ и Скопинымъ упоминается въ письмѣ Мих. Салтыкова къ Сапѣгѣ, въ которомъ онъ сообщаетъ, что въ хорошее время онѣ давали доходу 9000 р. („когда были кабаки и тамги"), а въ смутное время едва 3000 р. Но такъ говоритъ Салтыковъ въ свое оправданіе; другіе насчитывали доходъ съ нихъ, кромѣ хлѣбныхъ запасовъ, болѣе 60,000 р. (Ак. истор. II, 364). По Флетчеру, Вага приносила Борису Годунову 32,000 р., а по Горсею 35,000 р. ежегоднаго дохода.

вали, что Ив. Шереметевъ просилъ не дѣломъ, что они бывали съ кн. Сулешевымъ, а честью они не хуже Шереметева, который своимъ челобитьемъ безчеститъ ихъ. Сулешевъ съ своей стороны заявилъ, что „не только Бутурлину или Шереметеву, но хотя бы кто и лучше, а по государевой милости и моему отечеству можно быть со мною безсловно; князя Петра Урусова царь Василій развелъ (сдѣлалъ равнымъ) съ бояриномъ кн. Мих. Вас. Скопинымъ-Шуйскимъ, а наши родители въ Крыму гораздо честнѣе Урусовыхъ, а потому, государь, Ивану Шереметеву не пришлось на меня холопа твоего въ отечествѣ бить челомъ". Шереметевъ возражалъ, что „кн. П. Урусовъ и князь Юрій Сулешевъ роды крымскіе въ московскомъ государствѣ, отечество ихъ невѣдомо, а кто кого больше или меньше, то въ его государевой волѣ, хочетъ онъ государь иноземцевъ учинить у себя честна и велика, онъ государь учинитъ, а до сихъ поръ съ кн. Юріемъ никто въ его версту не бывалъ". Выслушавъ эти челобитья, царь указалъ объявить Шереметеву, что ему можно быть съ Сулешевымъ „по его иноземству". Въ другомъ же спискѣ этой сказки выражено еще опредѣленнѣе: „князю Юрію Еншину больше быть Ивана Шереметева и въ разрядѣ велѣлъ государь то записать" (Дворц. разряды, I, 109—113).

Такимъ образомъ дѣло Урусова со Скопинымъ-Шуйскимъ послужило примѣромъ въ рѣшеніи другаго дѣла, но съ тою разницею, что въ первомъ случаѣ значеніе Скопина не было умалено „иноземствомъ" его противника.

На 21 году, Скопинъ женился, съ согласія царя, на Александрѣ Васильевнѣ Головиной [1]); но онъ не прожилъ съ нею и трехъ мѣсяцевъ, какъ долженъ былъ отправиться для заключенія союза съ Карломъ IX шведскимъ на защиту Россіи (сказаніе о Скопинѣ въ Изборн. Попова, 381). Это было въ 1608 году. Тогдашнія мѣстническія права

[1]) Отецъ Александры Васильевны, Василій Петровичъ Головинъ, былъ казначеемъ при Дмитріѣ Самозванцѣ и царѣ Шуйскомъ, въ званіи окольничаго, а въ 1609 г. возведенъ въ санъ боярина (Послужной списокъ въ Древ. Рос. Вивл. XX, 76, 80, 83). Въ памятной запискѣ, веденной неизвѣстнымъ полякомъ въ Москвѣ, онъ отмѣченъ въ числѣ „пріятелей" Шуйскаго (Памят. XVII вѣка, изд. Мухановымъ, 263—64). Умеръ 12 янв. 1612 г., принявъ монашество (Долгоруковъ, III, 106).

и родство съ царемъ были достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы доставить Скопину видное мѣсто въ служебной іерархіи. Но въ его пользу было также самое время—смутная эпоха въ Московскомъ государствѣ, а извѣстно, какъ выростаютъ событія, среди общей опасности, въ глазахъ современниковъ, и какъ нерѣдко первая удача, среди длиннаго ряда неудачъ, становится фортуною человѣка, если онъ успѣлъ выдвинуться впередъ въ тяжкое время всеобщихъ ожиданій и внезапно слѣдующихъ за ними разочарованій. Такъ было въ настоящемъ случаѣ со Скопинымъ. Между тѣмъ какъ главные воеводы терпѣли неудачи, юный Скопинъ вышелъ съ успѣхомъ въ началѣ, а затѣмъ онъ не терпѣлъ по крайней мѣрѣ такихъ неудачъ, которыя заставляютъ забывать о прежнихъ успѣхахъ.

Вступивъ на царство, Василій Шуйскій достигъ давно желанной цѣли, къ которой онъ стремился посредствомъ происковъ и интриги [1]); но положеніе его еще болѣе, чѣмъ Бориса Годунова, не могло быть прочно [2]). Новый царь, на первыхъ же порахъ, встрѣтилъ крамолу вокругъ себя и открытыхъ враговъ, выступившихъ подъ знаменемъ новаго Самозванца, въ центрѣ государства. Уже болѣе двадцати городовъ отпали отъ правительства; на Волгѣ и въ сѣверской Украйнѣ поднялись крестьяне и холопы, нашедшіе поддержку въ инородцахъ. Во главѣ этого движенія сталъ Болотниковъ, бывшій самъ нѣкогда холопомъ, а потомъ галернымъ невольникомъ въ Турціи. Понятно, какой ужасъ долженъ былъ навести на населеніе такой вождь возстанія: всѣмъ, готовымъ содѣйствовать ему, были обѣщаны воля и богатство. На этотъ призывъ нашлось множество искателей счастья и уже первые шаги ихъ на этомъ поприщѣ ознаменовались насиліемъ и разореніемъ, жертвою которыхъ сдѣлались ихъ господа и воеводы. Но Болотниковъ нашелъ еще поддержку въ такихъ рѣшительныхъ вождяхъ

---

[1]) Самый престолъ достался ему такъ-же, какъ и Борису: „отъ того же болярина кн. Василья многіе друзи и совѣтницы посланы въ народъ, и заповѣдано имъ быть, да изберутъ на царство его кн. Василья. Тѣже люди наустѣша народы... и на томъ утвердиша слово“ (Хроногр. Кубасова. Изборн. Попова, 294).

[2]) Интересно слѣдующее замѣчаніе лѣтописца: „И сѣде царствовати кн. В. Шуйскій безъ избранія земскаго, того ради многимъ бысть не возлюбленъ“ (Полн. собр. рус. лѣт. IV, 321).

движенія, какъ Истома Пашковъ, поднявшій Тулу, какъ Ляпуновы и Григ. Сунбуловъ, поднявшіе рязанское населеніе. Борьба противъ бояръ была главною цѣлью этихъ лицъ, не имѣвшихъ, по своему происхожденію, права на первенствующее значеніе. Осенью 1606 г., Болотниковъ, въ союзѣ съ ними, уже занялъ и опустошилъ Коломну. Но на рѣкѣ Пахрѣ отрядъ московскихъ войскъ, состоявшій подъ начальствомъ Скопина, одержалъ верхъ надъ войскомъ Болотникова, между тѣмъ какъ главная рать, находившаяся подъ начальствомъ кн. Мстиславскаго и другихъ бояръ (Дм. Шуйскаго, Воротынскаго, Голицыныхъ, Нагихъ), была разбита при Троицкомъ селѣ, въ 70 вер. отъ Москвы. Преслѣдуя побѣжденныхъ, Болотниковъ дошелъ до Москвы и расположился въ селѣ Коломенскомъ (въ октябрѣ). Такимъ образомъ, Москвѣ грозило разореніе, а Василію Шуйскому низложеніе съ престола, и только слишкомъ демагогическія стремленія Болотникова, поселившія раздоръ въ его лагерѣ и заставившія болѣе умѣренныхъ перейти на сторону правительства (тульскіе и рязанскіе отряды подъ начальствомъ Сунбулова и Ляпунова), измѣнили исходъ настоящаго пораженія. Готовилась новая битва (у деревни Котловъ, въ декабрѣ), въ которой со стороны Москвы предводительствовалъ уже кн. Скопинъ-Шуйскій. Новая измѣна въ непріятельскомъ лагерѣ (Пашкова съ дворянами и дѣтьми боярскими) передала и эту побѣду въ его руки, послѣ чего Болотниковъ бѣжалъ къ Серпухову. Понятно, что съ этого времени значеніе Скопина на ратномъ поприщѣ было упрочено [1]). Но эти успѣхи мало помогли общему положенію дѣлъ. Получивъ отказъ въ Серпуховѣ, Болотниковъ сосредоточилъ свои силы подъ Калугою; а здѣсь дѣйствія главныхъ воеводъ были неудачны (кн. Ив. Ив. Шуйскаго, Мстиславскаго и др.). Замѣчательно однако, что нѣкоторые лѣтописцы выдѣляютъ при этомъ отрядъ Скопина и Пашкова, которые мужественно отбивались отъ непріятеля и въ порядкѣ отступили съ поля битвы (Латухин. Степен. книга, у Карамзина, XII, примѣч. 124).

Ни средства религіозныя (какъ разрѣшительная грамота патріарховъ, въ которой Іовъ, согласно съ желаніемъ царя, заявлялъ уже о

---

[1]) Карамзинъ (XII, 25) къ этой побѣдѣ относитъ пожалованіе Скопина въ бояре, основываясь на послужномъ спискѣ, напеч. въ Древн. Рос. Вивл. т. XX. Но тамъ только сказано, что боярство пожаловано Скопину въ 1607 году (стр. 81).

погибели царевича Дмитрія отъ рукъ измѣнниковъ, не смотря на то, что оба они свидѣтельствовали совсѣмъ другое при Борисѣ), ни насильственныя средства (какъ подсылка яда Болотникову) не могли совершить нравственнаго переворота въ пользу правительства, а только компрометировали его. Измѣна продолжала колебать общество. Взятіе Тулы, подъ предводительствомъ самого царя, должно было убѣдить, что только превосходство силъ (какъ 100,000 войско) и помощь искусства (затопленіе города) могли вырвать мятежъ съ корнемъ и предать въ руки правительства коноводовъ смуты (Болотникова, Шаховскаго, Лжепетра и Телятевскаго) [1]); но Шуйскій рано думалъ воспользоваться результатами успѣха. Вскорѣ послѣ этого, онъ возвратился въ Москву и распустилъ войско по домамъ, которое, по тогдашнимъ военнымъ порядкамъ, въ виду наступленія зимы, нуждалось въ отдыхѣ. Между тѣмъ Лжедимитрій, не смотря на свое критическое положеніе, успѣлъ утвердиться въ Орлѣ, куда снова стали стекаться къ нему отряды изъ Польши и окрестностей. Въ то же время въ степи появились новые самозванцы, выдававшіе себя за сыновей Ивана Грознаго и Ѳедора Ивановича. Самозванство, не смотря на свои пораженія, находило постоянно свѣжія силы въ соціальномъ движеніи. Стоило самозванцу объявить крестьянамъ, чтобы тѣ изъ нихъ, господа которыхъ находились на службѣ у Шуйскаго, брали себѣ ихъ помѣстья и вотчины и женились на ихъ дочеряхъ—и охотниковъ служить у него являлось множество. Такимъ образомъ, по словамъ одного современника, многіе слуги сдѣлались теперь господами, а господа должны были терпѣть голодъ въ Москвѣ (Буссовъ, 94).

Въ такое-то время царь задумалъ отпраздновать свою свадьбу (17 янв. 1608 г.) съ княж. Маріей Петровной Буйносовой-Ростовской, а за тѣмъ и свадьбу своего племянника—Скопина. Между тѣмъ царское войско, подъ начальствомъ нелюбимаго имъ Дмитрія Шуйскаго и кн. Василія Голицына, знаменитаго своими интригами и измѣнами, потерпѣло отъ Самозванца и гетм. Рожинскаго пораженіе подъ Болховомъ (10 и 11 мая), открывшее Самозванцу путь къ Москвѣ. Повидимому исчезло и прежнее довѣріе къ успѣху Скопина. Въ войскѣ, назначенномъ подъ начальствомъ его и Ив. Ник. Романова дѣйствовать противъ Самозванца подъ Москвою (на р. Незнани), открылась измѣна

[1]) Только 10 окт. 1607 г. Тула сдалась. Въ дѣйствіяхъ подъ нею участвовалъ и Скопинъ-Шуйскій (Карамзинъ, XII, 34, прим. 133).

и оно было возвращено, а изъ виновниковъ ея одни поплатились ссылкою (кн. Ив. Катыревъ, Юр. Трубецкой, Ив. Троекуровъ), другихъ казнили (Лѣт. о мятеж. 130). Дальнѣйшія дѣйствія подъ начальствомъ уже самого царя, ни къ чему не привели: Самозванецъ спокойно утвердился въ Тушинѣ. Ни къ чему не привелъ и договоръ (25 іюля 1608 г.), заключенный между царемъ и польскимъ правительствомъ, обезпечивавшій границы обоихъ государствъ и выводъ поляковъ изъ Россіи, такъ какъ послѣдніе теперь вполнѣ разсчитывали на успѣхъ. То была пора страшнаго политическаго разложенія въ Московскомъ государствѣ: за обѣдами и пирами родственники условливались между собою, кому—служить царю, а кому—царику, и затѣмъ разъѣзжались, чтобы въ случаѣ торжества одного изъ нихъ, имѣть защиту и здѣсь, и тамъ; они переѣзжали изъ одного лагеря въ другой, слывя подъ именемъ перелетовъ. Получивъ жалованье въ Москвѣ, они снова требовали его въ Тушинѣ; ихъ терпѣли, хотя и поляки, и казаки имъ не вѣрили. Дворяне и купцы за деньги доставляли въ Тушино все необходимое, а кто доносилъ на нихъ царю—слылъ наушникомъ. Вельможи, окружавшіе царя, отличались двоедушіемъ: служили ему языкомъ, а не душею и тѣломъ,—говоритъ современникъ; измѣна въ клятвѣ и словѣ повторялась на каждомъ шагу (Сказаніе объ осадѣ Троицкаго монастыря, Палицына, глава VI).

Конечно, при такомъ настроеніи общества, ожидать благопріятнаго поворота для Шуйскаго было трудно—и онъ долженъ былъ обратиться къ посторонней помощи. Уже не разъ предлагалъ ему свое содѣйствіе Карлъ IX, лично враждебный Польшѣ; но московское правительство не только не выражало своего согласія на это, но даже оскорблялось подобнымъ предложеніямъ, заявляя, что въ его государствѣ „смуты нѣтъ никакой“, а мутятъ только воры и разбойники, которыхъ уже побили. Если же случится вражда съ какимъ нибудь недругомъ, то „у царскаго величества есть несчетныя русскія и татарскія рати и просить помощи государь не станетъ ни у кого, кромѣ Бога“ (Дѣла шведскія, у Соловьева, VIII, 220—223). Но теперь Шуйскій рѣшился послать въ Новгородъ Скопина, для заключенія союза съ Швеціей. Въ тоже время онъ извѣщалъ императора и королей англійскаго и датскаго о вѣроломствѣ Сигизмунда и просилъ у нихъ защиты (Палицынъ, 67). Уѣзжая въ Новгородъ, Скопинъ взялъ съ собою своего шурина, окольничаго Сем. Вас. Головина. Но въ то время, какъ они вели переговоры

съ новымъ союзникомъ, шла уже упорная осада Троицкой лавры поляками (Сапѣга и Лисовскій).

Не легкое дѣло предстояло Скопину на сѣверѣ. Если Шуйскій могъ разсчитывать на помощь новгородцевъ, въ силу ихъ исторической связи съ фамиліей Шуйскихъ (со временъ Грознаго) и нерасположенія къ Самозванцу (плѣнныхъ его въ Новгородѣ топили въ Волховѣ), то во Псковѣ и его пригородахъ было совершенно противоположное настроеніе. Вскорѣ послѣ вступленія своего на престолъ, Шуйскій просилъ во Псковѣ денегъ и ему послали 900 р.; но „большіе“ люди и богатые гости нашли въ этомъ случаѣ поводъ погубить своихъ противниковъ—меньшихъ людей, написавъ въ Москву, что меньшіе враждебны царю, а посланные съ деньгами—главные измѣнники. Послѣднихъ посадили въ тюрьму и только псковскіе стрѣльцы, находившіеся въ Москвѣ, освободили ихъ отъ дальнѣйшихъ бѣдствій. Это обстоятельство сильно возмутило народъ во Псковѣ, откуда враждебное настроеніе распространилось и на пригороды. Притомъ московскій воевода во Псковѣ (Петръ Шереметевъ) и дьякъ его (Грамотинъ) [1]) присвоили себѣ дворцовыя помѣстья и притѣсняли жителей, настроивъ крѣпкихъ тюремъ, какихъ прежде не бывало. Между тѣмъ изъ Новгорода пришло приглашеніе соединиться съ нимъ и нѣмцами, которые должны были вскорѣ придти на помощь противъ поляковъ и Самозванца. Вѣковая борьба Пскова съ нѣмцами и старинное соперничество съ Новгородомъ высказались и теперь—въ отказѣ содѣйствовать общему дѣлу; а 2 сент. 1608 г., Псковъ отворилъ уже ворота тушинскому воеводѣ, Ѳед. Плещееву, выпустивъ при этомъ болѣе 400 чел., содержавшихся въ тюрьмѣ, и снарядивъ свой отрядъ подъ Москву. Враждебное движеніе распространилось и далѣе: Ивангородъ присягнулъ Самозванцу, а въ Орѣшкѣ не впустили даже Скопина, когда тотъ хотѣлъ занять городъ (Полн. собр. рус. лѣт. IV, псков. 1-я лѣт. 322—26; лѣт. о мятеж. 144). Во Псковѣ „большіе“ люди вступили въ сношенія съ Новгородомъ, за что ихъ подвергали жестокимъ пыткамъ и казнямъ (Псков. лѣт. 326). Но, въ тоже время, и демократическое движеніе изъ Пскова сообщилось Новгороду, гдѣ чернь уже готовила измѣну Скопину, который, по совѣту начальствовавшаго въ Новгородѣ воеводы, Мих. Игн. Татищева (другимъ былъ кн.

[1]) Біографія Грамотина помѣщена недавно въ Древ. и Нов. Рос. 1878, № 6.

Андр. Куракинъ), вышелъ оттуда и, не будучи впущенъ въ Орѣшекъ, находился въ самомъ критическомъ положеніи, такъ какъ, не смотря на завязавшіеся переговоры съ нѣмцами, онъ не могъ разсчитывать пока на ихъ помощь (Лѣт. о мятежахъ, 144, 147). Имѣя это въ виду, понятно, почему Скопинъ старался скрывать передъ шведскимъ правительствомъ настоящее положеніе Россіи, указывая только на частную смуту въ ней, поддерживаемую не болѣе какъ 10,000 измѣнниковъ и 6,000 поляковъ, и убѣждая шведскаго короля подать помощь, такъ какъ успѣхъ Самозванца заставитъ поляковъ обратить всѣ свои силы на Швецію, съ цѣлью распространенія въ ней католицизма, о чемъ хлопотали уже іезуиты и папа (Videkind, Hist. belli succo-moskov. decennal. MDCLXXII, 46, 63).

Вскорѣ однако обстоятельства измѣнились и дѣла Скопина получили иной оборотъ. Митрополиту Исидору удалось убѣдить новгородцевъ возвратить Скопина, за которымъ они послали даже почетную депутацію. Скопинъ возвратился въ городъ и заключилъ съ королевскимъ секретаремъ Мартензономъ условіе, что Швеція выставитъ 5,000-ный вспомогательный отрядъ за 100,000 еф. [1]) въ мѣсяцъ, окончательное утвержденіе котораго должно было состояться на съѣздѣ въ Выборгѣ (Лѣт. о мятеж. 145; дѣла швед. у Соловьева, VIII, 227). Положеніе вещей было однако таково (въ особенности если принять во вниманіе тѣ козни и интриги, которыя происходили въ самыхъ стѣнахъ Троицкаго монастыря), что даже когда Скопинъ сообщилъ въ Москву о своемъ первомъ успѣхѣ на сѣверѣ, то этому болѣе не повѣрили (Лѣт. о мятеж. 145, 147). Обстоятельство это касается нападенія на Новгородъ отряда запорожцевъ, высланнаго изъ Тушина подъ начальствомъ Кернозицкаго. Мы должны коснуться нѣсколько подробнѣе этого дѣла, такъ какъ въ немъ окончательно обрисовываются отношенія Скопина и Татищева.

Узнавъ о высылкѣ изъ Тушина отряда Кернозицкаго, Скопинъ хотѣлъ не допустить его къ Новгороду и распорядился выслать противъ него отрядъ въ Бронницы. Начальникомъ его вызвался быть Татищевъ. Но, когда все уже было готово къ выступленію, новгородцы донесли Скопину, что Татищевъ собирается измѣнить правительству и сдать Новгородъ Кернозицкому. Тогда Скопинъ, собравъ ратныхъ лю-

[1]) 140,000 руб. сер.

дей, объявилъ имъ объ этомъ въ присутствіи Татищева; а они, въ порывѣ негодованія, немедленно умертвили послѣдняго. Поэтому передовой отрядъ не былъ высланъ противъ Кернозицкаго; многіе же изъ дворянъ перешли къ послѣднему, что поставило Скопина въ весьма затруднительное положеніе, и только отрядъ, собравшійся въ окрестностяхъ Новгорода, и слухъ о сборѣ большаго войска подъ Грузиномъ заставили Кернозицкаго поспѣшно удалиться отъ Новгорода. Такой исходъ чрезвычайно обрадовалъ Скопина, митрополита и новгородцевъ (Лѣтоп. о мятеж. 146—147). Татищевъ, по распоряженію Скопина, былъ похороненъ въ Антоніевомъ монастырѣ. Карамзинъ, называя Татищева „лукавымъ царедворцемъ“, объясняетъ исходъ этого дѣла неопытностью Скопина, не съумѣвшаго удержать страсти противъ человѣка „едва-ли виновнаго“ (XII, 90). С. М. Соловьевъ видитъ въ обвиненіи Татищева доносъ, которымъ думали только заподозрить его и удалить (VIII, 269). Н. И. Костомаровъ объясняетъ этотъ фактъ подозрительностью того времени и нелюбовью къ Татищеву въ Новгородѣ, но не входитъ въ разборъ самыхъ мотивовъ (Ист. смутн. врем. II, 172); а въ своихъ характеристикахъ лицъ смутной эпохи, онъ замѣчаетъ: „Событіе съ Татищевымъ въ жизни Скопина представляется чѣмъ-то страннымъ, набрасываетъ какъ-бы тѣнь на безупречность его поступковъ, но, по неясности своей и неполнотѣ сообщаемыхъ извѣстій, все таки не можетъ повести къ заключеніямъ о личности замѣчательнаго человѣка“. И, судя по прежнимъ дѣйствіямъ Татищева, г. Костомаровъ не допускаетъ въ этомъ случаѣ исключенія, то есть измѣны (Вѣст. Евр. 1871, іюнь, 501). Постараемся объяснить это дѣло.

Татищевъ, извѣстный при Борисѣ Годуновѣ по дипломатическимъ порученіямъ (въ Литву, Грузію, для пріема швед. принца Густава. Карамзинъ, XI, 20, 38—42, прим. 38 и 47) и пожалованный имъ въ думные дворяне (Послуж. списокъ въ Древ. Рос. Вивл. XX, 70), успѣлъ удержаться въ этомъ званіи при Дмитріѣ Самозванцѣ (ib. 75) и даже былъ нѣкоторое время его любимцемъ (Маржеретъ, 300). Но онъ былъ поклонникъ старины и потому не могъ вынести нарушенія московскихъ обычаевъ при Самозванцѣ; въ спорѣ съ нимъ о жареной телятинѣ, Татищевъ поддерживалъ князя Василія Шуйскаго, за что ему грозила ссылка въ Вятку, но, благодаря заступничеству Басманова, онъ былъ прощенъ (ib. 300—301; Сказ. еже содѣяся, въ Чтен. Моск. общ.

ист. 1847, № 9, стр. 20) [1]). Впрочемъ, Татищевъ „отличался злымъ сердцемъ, не забывавшимъ обиды“ (Марж. 301). Онъ вошелъ въ близкія отношенія къ Василію Шуйскому и вмѣстѣ съ нимъ руководилъ возстаніемъ противъ Самозванца (ib. 303 и дневн. Марины въ изд. Устрялова, 168. Hist. Rus. Monum. II, 118). Любимецъ послѣдняго, Басмановъ, не смотря на оказанную недавно услугу Татищеву, палъ подъ ударомъ его ножа (Буссовъ, 60, Марж. 303). Въ переговорахъ съ поляками, веденіе которыхъ было ему поручено при Самозванцѣ и Шуйскомъ, онъ отличался дерзкими рѣчами (Historica Russiae Monumenta, II, Dyaryusz dziejow Moskiewskich i legacyi Poslow etc. 127—130, 133—135). Заговоръ противъ Самозванца сблизилъ Татищева съ Шуйскимъ: послѣдній поручилъ ему вмѣстѣ съ своимъ братомъ, Дмитріемъ Шуйскимъ, перенесеніе мощей Дмитрія Углицкаго (Маржер. 304), а затѣмъ мы встрѣчаемъ Татищева воеводою въ Новгородѣ (Карамз. XII, 89), важномъ въ то время по своему пограничному положенію. И такъ, что могло быть причиною неудовольствія противъ человѣка, отличающагося такими крайними проявленіями патріотическаго чувства и можетъ-ли онъ быть заподозрѣнъ въ настоящемъ случаѣ въ измѣнѣ?

Татищевъ былъ человѣкъ книжный и религіозный, преданный до фанатизма, достойнаго впрочемъ лучшаго дѣла, своимъ убѣжденіямъ [2]). Но ни патріотизмъ, ни религіозность не спасли его отъ того насильственнаго способа дѣйствій, которымъ отличалась тогдашняя русская администрація, особенно въ областяхъ. У людей, подобныхъ Татищеву, эти крайности часто примиряются очень удобно и даже прикрываютъ тѣ недостатки, которые у другихъ прямо бросаются въ глаза. Однако сохранилась опись его имущества, занимающая 40 печатныхъ страницъ, начало которой, къ сожалѣнію, утрачено. Изъ нея видно, что Татищевъ былъ человѣкъ зажиточный: въ ней перечислены богатыя одежды, золотныя, шитыя жемчугомъ, часто шелковыя или бархатныя, на мѣхахъ; мѣха, бѣлье и полотно; оружіе и сбруя, выложенныя се-

---

[1]) Въ означенномъ сказаніи Татищевъ называется „добрымъ православія поборникомъ“, 20.

[2]) Въ описи его имущества мы встрѣчаемъ слѣдующія книги: Шестодневъ, Псалтирь, Трефолой, Космографію. Въ ней-же значатся 65 образовъ и 2 пары четокъ (Врем. Моск. общ. ист. VIII, 34).

ребромъ и вызолоченныя; много хорошихъ верховыхъ лошадей, большой табунъ простыхъ лошадей; серебряная и вызолоченная утварь; разная посуда; собраніе драгоцѣнныхъ камней и ожерельевъ; запасы яствъ и питья, впрочемъ незначительные (Времен. Моск. общ. ист. VIII, смѣсь, 1—40); по показаніямъ же людей Татищева „мало запасовъ осталось потому, что вновь ихъ изъ помѣстій не бывало; такъ какъ помѣстья Татищева были всѣ за ворами, а въ Новгородѣ запасовъ себѣ не запасалъ, потому что службы себѣ никуда не ожидалъ“ (ib. 21). Въ числѣ имущества была найдена также „заемная память“, выданная имъ митр. Исидору на сто рублей, подъ залогъ платья (32—33), и свидѣтельствующая, что Татищевъ иногда нуждался въ деньгахъ. Но не всегда онъ прибѣгалъ къ такому мирному средству. Въ той-же описи читаемъ: „Саадакъ кованъ серебромъ, съ чернью, лукъ писанъ золотомъ, и взялъ саадакъ Матьяшъ Доморацкій, билъ челомъ кн. Михаилу Васильевичу (Скопину) и сказалъ, что тотъ саадакъ взяли у него новгородцы съ двора грабежемъ съ рухлядью его сына, въ ту пору какъ приходили грабить ихъ дворы“ (ib. 9). „Столъ писанъ красками; по приказу боярина и воеводы кн. Скопина Шуйскаго отданъ тотъ столъ по челобитью подъячему Медвѣдеву безъ денегъ; сказалъ: взялъ тотъ столъ у него Татищевъ на подержанье, да не отдалъ“. Имѣя большое число лошадей, онъ взялъ однако коураго мерина у митрополита и денегъ ему не заплатилъ. У Григорія Шорина онъ взялъ посмотрѣть 3 пары самопаловъ—и не возвратилъ ихъ (25 и 10). Служилымъ людямъ была назначена теперь часть его имущества, въ вознагражденіе за невыдачу имъ ржи во время осады (ib. 16). Эти отдѣльные факты показываютъ, что Татищевъ позволялъ себѣ въ Новгородѣ такія же дѣйствія, какъ другіе воеводы во Псковѣ. Отсюда можетъ быть объяснено и неудовольстіе противъ него въ Новгородѣ. Вотъ почему, вѣроятно, онъ присовѣтовалъ Скопину выйти изъ Новгорода во время обнаружившагося тамъ движенія и самъ удалился изъ города вмѣстѣ съ нимъ [1]). Вслѣдствіе этого, главнымъ дѣятелемъ въ усмиреніи вол-

[1]) Въ Лѣтописи о мятежахъ объ этомъ говорится такъ: „князь Михайло жъ, совѣтовавъ съ Михайломъ Татищевымъ, да изъ дьяковъ съ Ефимомъ Телепневымъ, и, побоясь отъ новгородцевъ измѣны, пойдоша изъ Новогорода тайно къ Ивану-городу не съ великими людьми“. 144. Въ томъ-же видѣ передается и въ другой редакціи этой лѣтописи, помѣщенной въ Никон. лѣт. VIII, 107.

ненія въ Новгородѣ оказался митроп. Исидоръ; а между тѣмъ усмирить мятежъ было такъ легко (Лѣт. о мятеж. 145; Нов. лѣт. 99). Есть основаніе даже полагать, что одною изъ причинъ его былъ самъ Татищевъ. Дѣйствительно, какъ только возвратился въ Новгородъ Скопинъ, неудовольствіе противъ Татищева снова повторилось. Мы знаемъ уже, какъ счастливо вышелъ Скопинъ изъ дѣла съ Кернозицкимъ; но подобный исходъ трудно было предполагать. Вотъ почему мы считаемъ вѣроятнымъ, что Татищевъ, видя передачу Пскова, Ивангорода и Орѣшка на сторону Самозванца, успѣхъ Кернозицкаго на пути къ Новгороду (онъ занялъ Торжокъ и Тверь), занятіе еще до того его помѣстій тушинцами, нерасположеніе къ нему въ Новгородѣ,—рѣшился и самъ передаться на сторону Самозванца [1]). Такъ поступали многіе тогда; такъ было и на глазахъ Татищева: во Псковѣ, въ Орѣшкѣ (гдѣ передался М. Салтыковъ) [2]). Дѣйствіямъ Скопина въ Москвѣ пока не давали „никакой вѣры, многаго ради междоусобія и великой нужды“ (Нов. лѣт. 99); власть Шуйскаго висѣла почти на волоскѣ; а между тѣмъ переходъ изъ одного лагеря въ другой былъ такъ легокъ. Правда, Скопинъ отдалъ послѣдній долгъ Татищеву, похоронивъ его въ Антоніевомъ монастырѣ; но негодованіе противъ Татищева было такъ сильно, что онъ не могъ даже изслѣдовать его дѣла, и, какъ видно, не старался о томъ: онъ только заявилъ о его поступкѣ [3]). Замѣчательно,

---

Въ Новомъ лѣтописцѣ, который считаютъ первоначальною редакціею двухъ предъидущихъ изводовъ, выражено: „и побѣже (Скопинъ) изъ вел. Новаграда тайно къ Ивану-граду, взявъ съ собою Михаила Татищева, да дьяка Евфима Телепнева и иныхъ дворянъ, которые съ нимъ посланы съ Москвы“ (Времен. Моск. общ. ист. XVII, 98). Видно, что Скопинъ взялъ съ собою Татищева, какъ и дворянъ московскихъ, боясь неудовольствія противъ нихъ, а при этомъ совѣтъ Татищева выйти изъ города получаетъ опредѣленный смыслъ.

[1]) Въ Новомъ лѣт. сказано прямо, что Скопину сообщили, „что Михайло Тат. просится у него не для послуги, но хощетъ измѣнити и Новградъ сдати“. 99. Въ Лѣт. о мятеж. объ этомъ читаемъ: „что идетъ для того, что хощетъ ц. Василію измѣнить и Новъгородъ сдать“ 146.

[2]) Объ общемъ отпаденіи новгородскихъ пятинъ въ концѣ 1608 г. свидѣтельствуетъ отписка Вербышева къ Вычегодцамъ о вѣстяхъ про кн. Мих. Васильевича (Акты Экспед. II, № 99).

[3]) Въ Нов. лѣт. „Кн. Мих. Вас., собравъ всѣхъ ратныхъ людей, из-

что о существованіи замысла Татищева сообщили Скопину „многіе новгородцы“ (Нов. лѣт. 99) и они же являются на первомъ планѣ въ рѣшеніи участи виновнаго. Съ другой стороны заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что Скопинъ, послѣ удовлетворенія гнѣва толпы, не послалъ уже отряда противъ Кернозицкаго, опасаясь, какъ видно, измѣны, а когда Кернозицкій подошелъ къ Хутынскому монастырю и сталъ опустошать Новгородскій уѣздъ, то „многіе дворяне измѣнили и отъѣхали въ литовскіе полки“ (ib.), слѣдовательно заговоръ дѣйствительно существовалъ. Новгородъ былъ освобожденъ не собственными силами, а стараніемъ „уѣздныхъ людей“.

Но опись имущества Татищева обрисовываетъ намъ и другую сторону Татищевской исторіи. Скопинъ распорядился о продажѣ имущества съ публичнаго торга безъ указа изъ Москвы, причемъ даже родственники Татищева, оказавшіеся въ то время въ Новгородѣ, не получили ничего, кромѣ своихъ вещей (Временникъ, VIII, 3, 11, 12, 15, 30). Отсюда можно заключать, что продажа имущества была сдѣлана съ цѣлью уплаты долговъ и удовлетворенія претензій, заявленныхъ на Татищева въ Новгородѣ, а съ другой стороны она подтверждаетъ фактъ самой измѣны, такъ какъ часть имущества Татищева пошла на удовлетвореніе общественныхъ потребностей. Изъ этого источника Скопинъ угощалъ и дарилъ шведовъ. Шуринъ Скопина, Головинъ, получилъ на съѣздъ съ шведами лучшее платье, оружіе, сбрую, посуду (11—13, 15—22, 35). Князь Андрей Петровичъ Куракинъ, начальствовавшій въ Новгородѣ вмѣстѣ съ Татищевымъ, также означенъ въ числѣ покупщиковъ, но онъ не уплатилъ всѣхъ денегъ (15, 27—32). Для себя Скопинъ взялъ безденежно нѣсколько штукъ холста и сукна на шатры, скатерти, 500 копенъ сѣна, а съ дороги прислалъ за серебряными кубками и персидскою саблею въ 50 руб., которые оставилъ

вѣсти имъ Михайлово умышленіе, еже слыша; новгородцы же вси возопили на Михаила и, нерасспрося его, убиша вси міромъ и погребенъ въ монаст. Антоніевѣ“ (99). Въ Лѣт. о мятежахъ: „Кн. Мих. Вас., слышавъ такое дѣло, собра всѣхъ ратныхъ людей и возвѣсти имъ про Михайла. Они же вси возопиша и не разпросивъ убиша его міромъ. Князь Михайло повелѣ его погрести въ Ант. монастырѣ“ (146). Попытки со стороны Скопина разсудить самое дѣло не видно; а о погребеніи Татищева по его повелѣнію является въ позднѣйшемъ изводѣ.

у себя (4, 7, 8, 21, 24, 35, 40). Біографъ Скопина говоритъ, что послѣдній ѣхалъ въ Новгородъ „на четырехъ подъяремныхъ мщатехъ“ (Изборн. Попова, 380) [1]). Изъ Новгорода же онъ велъ съ собою сѣраго грузинскаго жеребца въ 65 р., бураго жеребца въ 40 р. и сѣраго литовскаго мерина въ 18 руб. (Опись имущ. Тат. 40), а также везъ подлинныя книги и описи вещей Татищева.

Такъ закончилась новгородская драма—прелюдія драмы самого Скопина Шуйскаго.

II.

Еще въ декабрѣ 1608 г., Скопинъ увѣдомлялъ сѣверные города о скорой помощи изъ Швеціи и своихъ первыхъ успѣхахъ подъ Новгородомъ. (Собр. госуд. грам. и догов. II, 343, № 166). Безъ сомнѣнія и въ этомъ случаѣ онъ дѣйствовалъ также, какъ и въ отношеніи шведскаго правительства, представляя свое положеніе въ болѣе привлекательномъ свѣтѣ, чѣмъ то было на самомъ дѣлѣ [2]). Въ этомъ былъ прямой его разсчетъ.

Только въ концѣ февраля 1609 г. Головину и дьяку Сыдавному-Зиновьеву удалось заключить договоръ съ шведскимъ правительствомъ. На основаніи его, Шуйскій отказывался за себя и своихъ наслѣдниковъ отъ правъ на Ливонію и уступалъ Корельскій уѣздъ Швеціи; обѣ стороны обязывались не заключать отдѣльнаго мира и быть общими врагами противъ Польши. Шведы, воюя въ Россіи, должны были щадить русскіе города и даже плѣнныхъ русскаго происхожденія. Карлъ IX обязался выставить на помощь Шуйскому 2,000 конницы, 3,000 пѣхоты и неопредѣленное число волонтеровъ (Акты истор. II, №№ 158, 159, 160, 189, 196). Но еще позже исполнились обѣщанія Скопина о скоромъ выступленіи изъ Новгорода: только 14 апрѣля 1609 г. шведская рать прибыла къ Новгороду. Она состояла изъ 12,000 человѣкъ, подъ начальствомъ Якова Понтуса Делагарди и генераловъ: Аксель Курка, Андрея Бойе, Еверта Горна и Христіерна Зоме (Сумъ

---

[1]) Мща—молодой мескъ, осленокъ.

[2]) До прихода шведскихъ войскъ Скопинъ пытался взять Псковъ, но дѣйствія посланнаго имъ отряда были неудачны, и онъ отозвалъ его обратно. Лѣт. о мятеж. 158—159. Никон. лѣт. VIII, 118. Впрочемъ въ полѣ новгородцы одержали перевѣсъ.

въ Акт. истор. II, 227, и Крестенъ Шуръ въ Акт. Экспед. II, 226). 25 апрѣля прибыло вновь 3,643 чел. конницы; но Скопинъ надѣялся еще на прибытіе 2,000 чел. Это былъ самый пестрый контингентъ, состоявшій изъ шведовъ, шотландцевъ, датчанъ, англичанъ, нѣмцевъ и французовъ. Такъ доносилъ о вспомогательномъ войскѣ царю Шуйскому самъ Скопинъ въ маѣ 1609 г. (Ак. Экспед. II, 226) [1]). Медленность въ движеніи шведскаго войска (оно вступило въ русскіе предѣлы уже 26 марта,—Видекиндъ, 60) [2]) объясняется какъ тѣмъ, что, по времени года, оно должно было обойти Ботническій заливъ, такъ и тѣмъ, что для шведовъ желательно было соединиться съ Скопинымъ не ранѣе срока, назначеннаго для полученія отъ него подтвержденія договора—объ уступкѣ Корелы. Понятно, что излишнее промедленіе только усиливало необходимость во вспомогательномъ войскѣ. Одно уже появленіе шведовъ заставило Салтыкова бѣжать изъ Орѣшка въ тушинскій лагерь, вслѣдствіе чего Орѣшекъ немедленно призналъ власть Шуйскаго; между тѣмъ какъ московскіе воины, по замѣчанію шведовъ,

---

[1]) Время прибытія къ Новгороду шведскаго войска не всегда обозначается съ точностью (Карамзинъ, XII, 91—93; Соловьевъ. VIII, 268—271). Бутурлинъ полагаетъ, что самъ Делагарди прибылъ въ Новгородъ 14 апрѣля, размѣстивъ свое войско въ Тесовѣ (Ист. смут. врем. II, 250—252), число котораго, согласно съ нѣкоторыми польскими и шведскими писателями, онъ признаетъ нѣсколько менѣе указаннаго. Н. И. Костомаровъ днемъ прибытія войска считаетъ 30 марта, когда имѣлъ въѣздъ въ Новгородъ самъ Делагарди (II, 248—251). Дѣйствительно, въ отпискѣ вологодцамъ, Скопинъ извѣщаетъ о прибытіи 30 марта 15,000 ратныхъ людей вмѣстѣ съ Делагарди, которые стояли въ Тесовѣ (Ак. Экспед. II, 219—220). Но это извѣстіе было сообщено на основаніи свѣдѣній, полученныхъ имъ отъ Делагарди и Головина, прибывшихъ тогда въ Новгородъ съ передовымъ отрядомъ. Изъ представленнаго-же нами въ текстѣ оффиціальнаго донесенія, сдѣланнаго уже въ маѣ 1609 г., оказывается, что шведское войско прибыло только 14 апрѣля и то не сразу. Вотъ почему первая утвердительная грамота Скопина (отъ 5 апрѣля 1609 г.) была выдана лишь на имя Якова Делагарди (Акты историч. II, 219); вторая-же (отъ 15 апр.) на имя Делагарди и прочихъ шведскихъ воеводъ (Акты историч. II, 227), только-что прибывшихъ къ мѣсту назначенія.

[2]) Отъ границы до Тесова ему пришлось пройти всего 380 верстъ (Бутурлинъ, II, 251).

казались болѣе годными къ сохѣ, чѣмъ къ войнѣ. На встрѣчу Делагарди Скопинъ выслалъ русскій отрядъ, а при въѣздѣ его въ городъ самъ вышелъ къ нему и поклонился до земли, прикоснувшись къ ней рукою. Онъ изображалъ передъ Делагарди положеніе дѣлъ въ такомъ видѣ, какъ-будто одно появленіе шведовъ заставитъ сразу покориться ничтожное число русскихъ мятежниковъ и разбойниковъ (Видек. 62—64). Тѣмъ не менѣе онъ не могъ въ Новгородѣ удовлетворить шведовъ въ самой существенной части договора—въ уплатѣ жалованья войску за первый мѣсяцъ, не будучи въ состояніи собрать и пятой части требуемаго. Теперь пригодился и съѣстной запасъ Татищева: всѣ пряныя зелья, моченые фрукты, пиво, вино, рыбный и мясной запасъ, были отданы „въ расходъ про нѣмецкихъ людей"; они пили и ѣли изъ сосудовъ Татищева (Опись имущ. 17—20). А „большому воеводѣ Пунтусову" Скопинъ подарилъ его булатный хонжаръ въ 25 р. и серебряную, золоченую узду въ 4 р. (10, 12).

Оба полководца привлекали общее вниманіе, а ихъ способности ручались за полный успѣхъ. Скопинъ произвелъ на шведовъ самое благопріятное впечатлѣніе. „Имѣя отъ роду всего 23 года, онъ отличался статнымъ видомъ, умомъ, зрѣлымъ не по лѣтамъ, силою духа, привѣтливостью, воинскимъ искусствомъ и умѣньемъ обходиться съ иностранцами" (Видек. 62) [1])—такъ отзывается о немъ современный шведскій историкъ. Делагарди былъ всего на три года старше Скопина. Онъ былъ сынъ незаконной дочери короля Іоанна, племянницы Карла IX, и французскаго выходца, реформатскаго исповѣданія, знатнаго происхожденія [2]). Онъ становится извѣстнымъ въ 1601 году, послѣ участія вмѣстѣ съ Гилленгіельмомъ въ защитѣ Вольмара противъ поляковъ. Пробывъ въ плѣну пять лѣтъ, онъ былъ размѣненъ, а потомъ служилъ

[1]) Въ Львов. лѣт. сказано: „Сильно разумѣлъ какъ съ пограничными чужестранными людьми честное обхожденіе имѣть". III, стр. 249. Въ переводчики Делагарди швед. король далъ одного изъ тѣхъ русскихъ (по имени Дмитрія), которые были посланы Борисомъ учиться за границу. (Буссовъ, стр. 18).

[2]) Отецъ его Понтусъ Делагарди, бывшій эстонскимъ намѣстникомъ, прославился своими завоеваніями въ Ливоніи и Эстоніи въ концѣ царств. Ивана Грознаго. Онъ участвовалъ и въ переговорахъ о мирѣ при Ѳедорѣ Ивановичѣ, во время которыхъ утонулъ въ Наровѣ (Далинъ, гл. XV; дѣла швед. у Карамзина, X, примѣч. 90). Въ Ист. смутн. времени Бутурлина

въ Нидерландахъ, подъ начальствомъ лучшаго полководца того времени, принца Морица Нассаускаго (Далинъ и Бутурлинъ). Такой полководецъ явился теперь сотрудникомъ Скопина [1]).

Изъ опасенія, однако, Скопинъ допустилъ въ Новгородъ только часть шведскаго войска (3,600 человѣкъ), а остальные отряды расположились въ Тесовѣ (Фриксель, у Бутурлина II, 253). Делагарди хотѣлъ подождать съ походомъ до прекращенія весенней распутицы, но

(II, 250) неправильно сказано: „Яковъ Делагарди былъ незаконнорожденный сынъ дочери кор. Іоанна". Бракъ Понтуса Делагарди съ Софіею Гилленгіельмъ былъ заключенъ въ началѣ 1580 года (Далинъ, ч. III, т. I. гл. 9, § 14, примѣч.). Мать Якова Делагарди умерла въ 1585 г.

[1]) Яковъ Делагарди родился въ іюнѣ 1583 г. (Pierer's Univers. Lexic. VI, 926; Diction. génér. de biographie et d'histoire, par Dezobry et Bachelet, II, p. 1518), а не въ 1580 году, какъ сказано въ Родосл. книгѣ кн. П. Долгорукова (III, 91). Въ такомъ случаѣ показаніе Далина, что въ 1609—10 гг. Делагарди шелъ 27 годъ—вполнѣ вѣрно (Ист. швед. госуд. Олофа Далина, ч. III, т. II, 796). Отъ отца Яковъ Делагарди наслѣдовалъ титулъ барона Колькскаго и Рунзскаго (Родосл. Долгор., 90; ср. Петрея Ист. Моск. княж. 9); а въ 1615 г., за свои подвиги, онъ былъ возведенъ королемъ Густавомъ-Адольфомъ въ графское достоинство (у Петрея онъ названъ графомъ Лекскимъ)—это было единственное пожалованье за все царствованіе Густава-Адольфа. Высшею похвалою военнаго таланта Делагарди служитъ то, что подъ руководствомъ его и Еверта Горна—„двухъ лучшихъ полководцевъ сѣвера"—образовался самъ Густавъ-Адольфъ (Шлоссеръ, Всемір. исторія, XIV, 164, 173—174). Яковъ Делагарди занималъ должности: рейхсрата, государственнаго маршала, президента военной коллегіи и генералъ-губернатора Лифляндіи и Эстляндіи, а по кончинѣ Густава-Адольфа находился въ числѣ государственныхъ опекуновъ во время малолѣтства королевы Христины. Онъ былъ женатъ на Еввѣ Браге, дочери графа Магнуса Браге. Одинъ изъ сыновей ихъ, Магнусъ-Гавріилъ Делагарди, участвовалъ въ званіи шведскаго посла на Оливскомъ конгрессѣ и состоялъ государственнымъ канцлеромъ, членомъ правительствующаго совѣта въ малолѣтство Карла XII и генералъ-директоромъ юстиціи Шведскаго королевства. Графъ Яковъ Делагарди умеръ 12 августа 1652 г. (Долгоруковъ, Родосл. III, 91, Далинъ, 659 и Dezobry et Bachelet, 1518). По взятіи Новгорода, онъ вывезъ большія богатства въ Швецію, на которыя построилъ великолѣпныя палаты въ Стокгольмѣ, а возлѣ него замокъ (Ядро Рос. Ист. Манкіева, 354 и слѣд.).

Скопинъ спѣшилъ съ выступленіемъ. Дѣйствительно, передовой отрядъ изъ шведскихъ (Горнъ) и русскихъ войскъ (Чулковъ и Головинъ) вскорѣ выступилъ противъ Кернозицкаго, стоявшаго въ Старой Русѣ (Акты Экспед. II, 226). Его вытѣснили оттуда, а затѣмъ подъ селомъ Каменками соединенныя войска нанесли ему окончательное пораженіе (5 мая. Видек. 68; Никон. лѣт. 118). Это значительно содѣйствовало подчиненію сѣверныхъ городовъ Москвѣ. Впрочемъ, главная рать выступила изъ Новгорода только 10 мая (грам. ц. Василія Скопину. Чтен. Моск. общ. ист. 1847, годъ 3, II, смѣсь, 11), причемъ Скопинъ могъ вывести съ собою едва 3,000 чел. (Видек. 89); но русскія силы постоянно увеличивались на пути, благодаря отпаденію городовъ отъ тушинскаго царика; только Псковъ по прежнему упорствовалъ [1]). Еще до прихода шведовъ Скопинъ завязалъ сношенія съ сѣверными городами о помощи противъ тушинцевъ и поляковъ; теперь эти взаимныя сношенія городовъ все болѣе крѣпнутъ и, благодаря успѣху союзнаго войска, содѣйствуютъ самому объединенію Россіи [2]). Такимъ образомъ осажденный царь смотрѣлъ уже на Скопина, какъ на спасителя самаго престола, призывая его поспѣшить на помощь и обѣщая ему великія милости (грам. отъ 2 іюня 1609 г. ibid.).

Мы не станемъ слѣдить за всѣми переходами и перемѣнами въ участи союзнаго войска, а ограничимся лишь главнѣйшими чертами его дѣйствій на пути въ Москву. Но, прежде чѣмъ мы скажемъ объ этомъ, считаемъ необходимымъ сдѣлать одну существенную оговорку въ интересахъ историческаго безпристрастія. Еще въ началѣ царствованія Шуйскаго, когда обнаружилось всеобщее распаденіе областей, чтобы удержать въ повиновеніи восточную Украйну, былъ посланъ въ Астрахань бояр. Θед. Ив. Шереметевъ. Онъ успѣшно дѣйствовалъ тамъ противъ враждебныхъ бандъ и, прежде чѣмъ началъ свое наступательное движеніе Скопинъ, Шереметевъ успѣлъ уже объединить силы низовыхъ городовъ и прочно утвердиться въ Нижнемъ-Новгородѣ. Его успѣхъ имѣлъ громадное вліяніе на возстановленіе нравственнаго духа

---

[1]) Тамъ дѣйствовали Зоме и кн. Мещерскій.

[2]) Переписка объ этомъ въ Акт. Экспед. II, гг. 1608 и 1609. О сношеніяхъ Скопина съ сѣверными городами подробно разсказывается въ сказаніи о нашествіи поляковъ на Устюжну Желѣзопольскую. Рус. Историч. Библіот. II, 793—804.

въ потрясенномъ государствѣ. „Узнавъ объ этомъ, говоритъ лѣтописецъ, на Москвѣ людіе наипаче начаша крѣпитися“ (Лѣт. о мятеж. 153). Уже въ началѣ 1609 г. все Поволжье (Арзамасъ, Муромъ, Владиміръ) ждало только прихода Шереметева, чтобы соединиться съ его войсками (Ак. Экспед. II, 205), и его движеніе вплоть до Владиміра было вполнѣ успѣшно (Лѣт. о мятеж. 156, 164). Вотъ почему и царь Шуйскій, и самъ Скопинъ смотрѣли на Шереметева, какъ на избавителя. Послѣдній указывалъ городамъ на необходимость держаться его; царь Шуйскій имя его ставитъ рядомъ съ именемъ Скопина (Акты Экспед. II, 182, 189, 205, 225, 235—38). Такимъ образомъ нельзя не признать, что Шереметевъ совершилъ это важное дѣло, такъ много способствовавшее объединенію городовъ, благодаря однѣмъ собственнымъ силамъ и распорядительности. Но только въ Александровской слободѣ (11 ноября) онъ могъ соединиться со Скопинымъ (Ник. лѣт. 124; Латух. степ. кн., Карамз. XII, примѣч. 429). Что-же дѣлалъ въ это время послѣдній? Дѣла его шли далеко не такъ удачно, какъ отъ него ожидали сначала, но это можно было предвидѣть по тѣмъ недоразумѣніямъ, какія возникли еще въ Новгородѣ въ шведскомъ войскѣ, которому однако въ значительной степени онъ обязанъ былъ потомъ своимъ успѣхомъ. И осажденный царь, подвергавшійся постоянно заговорамъ, указывалъ на Скопина и нѣмецкое войско, какъ на послѣднюю помощь; онъ готовъ былъ назначить даже день своего отреченія, если она не принесетъ съ собою желаннаго результата.

Въ то время, какъ Скопинъ стремился неудержимо къ Москвѣ, шведскія войска предпочитали брать городъ за городомъ, и эта тактика иногда вполнѣ оправдывалась на дѣлѣ. Постепенно сѣверные города стали приносить повинныя. Только 6-го іюня Скопинъ соединился съ Делагарди, который одновременно съ нимъ вышелъ изъ Тесова (Видек. 71). Въ Торжкѣ къ Скопину подошло смоленское ополченіе. Видя постоянное возрастаніе силъ, тушинцы стали дѣйствовать сообща (это были отряды Кернозицкаго, Зборовскаго и Шаховскаго). Дѣйствительно, и подъ Торжкомъ, и подъ Тверью (въ іюнѣ), они долго могли удерживать за собою позиціи, такъ что обѣ побѣды дались союзникамъ не легко, а на счетъ дѣйствій подъ Торжкомъ даже высказывалось сомнѣніе—кто одержалъ верхъ (Лѣт. о мятеж. 160—162; Видек. 73; Marchoc. Hist. vojny Mosk. 49; Piasecki, 262) [1]. Но удача, стоившая

[1]) Петрей говоритъ, что Скопинъ хотѣлъ совсѣмъ отступить отъ Твери,

столькихъ усилій, послужила предлогомъ къ раздору. Выйдя изъ Твери, войско Делагарди потребовало уплаты денегъ. Делагарди грозилъ своимъ солдатамъ даже смертію, но это не помогло. Тогда онъ и самъ сталъ требовать выполненія условій и сдачи, по договору, Корелы. Только Христіернъ Зоме соединился со Скопинымъ и сталъ съ нимъ подъ Колязиномъ. Делагарди направился-было къ Новгороду, но вступилъ въ переговоры со Скопинымъ, взялъ съ него 6,000 р. деньгами, на 5,000 р. соболей и обязалъ его немедленною передачею гор. Корелы, уступить который согласился Скопинъ безъ утвержденія царя, что̀ ставили ему потомъ въ укоръ (Видек. 95, 98, Никон. 120, Карамз. XII, прим. 406) [1]). Послѣ этого Делагарди пошелъ къ Колязину [2]).

Теперь царю Шуйскому и его полководцу пришлось позаботиться о сборѣ денегъ на будущее время (грам. въ Солов. монастырь и въ Пермь, Ак. Экспед., II, № 134—137); а между тѣмъ Скопинъ хлопоталъ объ обученіи русскаго войска. „Ежедневно Зоме обучалъ его войска по бельгійскому образцу, какъ дѣйствовать въ походѣ и въ бою, копьемъ и мечемъ, дѣлать рвы и окопы, двигать орудія и дѣ-

---

но Делагарди убѣдилъ его дать второе сраженіе полякамъ и когда была одержана побѣда, то Скопинъ бросился на шею Делагарди и увѣрялъ его, что его дядя не забудетъ этой услуги шведовъ (Ист. Моск. княж. 274). Подъ Тверью Делагарди получилъ три раны.

Относительно дѣйствій подъ Торжкомъ лѣтописецъ замѣчаетъ: „нѣмцы-жъ пѣшіе пойдоша напередъ отыкався копіями, а конные сташа назади ихъ“ (Лѣт. о мятеж. 160). Изъ русскихъ воеводъ подъ Торжкомъ участвовали—Чоглоковъ и Головинъ, а со стороны шведовъ—Горнъ. Скопинъ и Делагарди подошли уже послѣ битвы (Ibid. 161 и Видекиндъ).

[1]) Договоры см. въ Собр. госуд. грам. и догов. II, № 188—193.

[2]) Есть основаніе полагать, что причиною отказа шведовъ подъ Тверью было распоряженіе Скопина снять осаду города. „Нѣмцы же, говоритъ лѣтописецъ, хотѣша приступати ко граду. Князь Мих. Васильевичъ пожалѣ людей, и не повелѣ имъ приступати ко граду, а самъ пошелъ на Городню, а нѣмецкіе люди, осердясь, поворотили назадъ, и пошли къ Новгороду“. (Лѣт. о мятеж. 162; Никон. 120). Не получая денегъ, наемныя войска конечно думали поживиться грабежемъ, но Скопинъ пожалѣлъ своихъ. На пути изъ подъ Твери шведскіе солдаты вознаградили себя за все; даже жены и дочери крестьянъ были въ полномъ ихъ распоряженіи (Brereton. Newes of the present miser. of Rushia, 1614, 37; Костомаровъ, II, 265).

лать нападенія. Скопинъ писалъ Делагарди, что безъ помощи этого полководца онъ не могъ-бы удержать въ порядкѣ и въ повиновеніи множество ратниковъ, собранныхъ изъ Ярославля, Костромы и приморскихъ городовъ" (Видек. 96). У шведовъ Скопинъ заимствовалъ устройство укрѣпленій въ видѣ башень, которыя были страшны для поляковъ, такъ какъ русскіе могли безпрепятственно дѣлать вылазки и подвигаться впередъ, избѣгая сраженія (Записки Жолкевскаго, 60); а подъ Москвою онъ устроилъ потомъ даже примѣрное сраженіе съ царскими войсками. (Истор. Библ. изд. Археогр. ком. т. I, днев. пох. Сиг. III, 579). Такъ старался Скопинъ воспользоваться знакомствомъ съ шведскимъ войскомъ и присутствіемъ въ русскомъ лагерѣ такихъ полководцевъ, какъ Делагарди и его сподвижники [1]).

Оба полководца, говоритъ Геркманъ, были способными военачальниками, и потому держали свои войска въ строгой дисциплинѣ (312).

Соединившись съ Делагарди, Скопинъ двинулся далѣе къ Александровской слободѣ [2]), гдѣ успѣлъ оттѣснить Сапѣгу, возвратившагося подъ Троицу. Одно уже извѣстіе объ этомъ успѣхѣ произвело въ Москвѣ магическое дѣйствіе. Въ то время, когда многіе въ Москвѣ снова замышляли отложиться и перейти въ Тушино, посольство съ письмомъ отъ Скопина немедленно успокоило волненіе и поддержало власть Шуйскаго (Лѣт. о мятеж. 165). Но успѣхъ Скопина, при помощи враждебнаго Польшѣ шведскаго короля, заставилъ Сигизмунда выйти изъ бездѣйствія: послѣ долгихъ настояній, онъ прибылъ наконецъ (21 сент.) подъ Смоленскъ, который становится теперь средоточнымъ пунктомъ новой, оппозиціонной власти. Въ самомъ Тушинѣ,

---

[1]) Заслуживаетъ вниманія, что еще въ 1607 г. въ Москвѣ былъ переведенъ съ нѣмецкаго и латинскаго языковъ „Уставъ дѣлъ ратныхъ", для ознакомленія русскихъ съ „новыми хитростями воинскими", какія были извѣстны въ Италіи, Франціи, Австріи, Испаніи, Голландіи, Англіи и Польшѣ, съ тою цѣлью, „чтобы ратные люди могли съ успѣхомъ противиться не только силѣ силою, но и смыслу смысломъ". Въ этомъ уставѣ излагаются правила военнаго строя, осады, похода, движеній конницы и пѣхоты, ружейной и пушечной стрѣльбы (Карамзинъ, XII, 42, примѣч. 166, 167).

[2]) Какъ Переяславль Залѣсскій, такъ и Александровская слобода, были заняты собственно передовыми отрядами, безъ участія главнаго войска. Подъ слободою былъ раненъ Зомме и отпущенъ въ отечество; но сюда прибыли новыя вспомогательныя войска изъ Швеціи (3,000 чел.).

въ слѣдствіе неудачъ и соперничества (Сапѣги и Рожинскаго) произошелъ разладъ, склонившій политическіе вѣсы въ пользу короля: Лжедимитрій, Марина и тушинцы разсыпались въ разныя стороны, а это значительно облегчило дѣло Скопина. 12 января Сапѣга снялъ осаду Троицкаго монастыря и расположился въ Дмитровѣ. Въ половинѣ февраля онъ потерпѣлъ здѣсь пораженіе, а затѣмъ вынужденъ былъ отойти къ Волоколамску. Противъ поляковъ Скопинъ успѣшно дѣйствовалъ засѣками; но въ слободѣ силы его значительно увеличились. Сюда явился Шереметевъ, а между тѣмъ подъ Москвою ему помогали дѣйствія отдѣльныхъ отрядовъ (кн. Пожарскаго и Лыкова). Такимъ образомъ дорога въ Москву стала открытою. Правда, союзному войску впереди предстояла еще едва-ли не болѣе трудная работа—очищеніе Смоленска, но пока главное дѣло было сдѣлано, и понятно съ какими чувствами ждали въ Москвѣ своего освободителя.

Нельзя конечно не замѣтить медленности въ движеніи союзниковъ (10 мѣсяцевъ); но она объясняется тогдашними условіями войны, когда осажденные могли долго держаться въ стѣнахъ города; постоянными стычками и осадами на пути, причемъ, какъ мы видѣли, противники не всегда легко уступали свои позиціи; несогласіями, существовавшими между союзниками, и, наконецъ, безпрестанными хлопотами о матеріальной поддержкѣ. Само собою разумѣется, что и значительное разстояніе, при тогдашнемъ состояніи дорогъ и условіяхъ продовольствія, въ особенности въ столь тяжелое время, должны имѣть мѣсто въ объясненіи этой стороны вопроса [1]). С. М. Соловьевъ справедливо замѣчаетъ, что, „въ теченіе всего похода, Скопинъ не ознаменовалъ себя ни одною изъ тѣхъ побѣдъ, которыя такъ поражаютъ воображеніе народа, такъ долго остаются въ его памяти“ (VIII, 307). На чемъ-же основывается слава его имени?—Она основывается опять на обстоятельствахъ самой эпохи. Общество искало человѣка, который соединилъ-бы необходимыя силы для общей цѣли. Каковы-бы ни были условія, сопровождавшія его стремленія, но дѣло Скопина дало извѣстный, очевидный результатъ. Притомъ его имя было постоянно у всѣхъ на устахъ. Достаточно прочесть одну переписку городовъ, чтобы видѣть, что все сосредоточивается въ ней на этомъ имени. Наконецъ, загадочная, не-

[1]) На это имѣются прямыя указанія (Хроногр. Кубасова въ Изборн. Попова, 300; пов. о роженіи Скоп. ib. 382; Геркманъ и Видекиндъ).

ожиданная участь, постигшая его, вскорѣ послѣ перваго обаянія славы, сдѣлала остальное—и онъ остался незапятнаннымъ героемъ въ краткомъ эпизодѣ цѣлой драмы. Но и скромные бытописатели, и летучія политическія извѣстія, оставили намъ свидѣтельства, что и этотъ краткій эпизодъ не былъ лишенъ такихъ-же бурныхъ страстей, какими богата вся эта эпоха.

Въ то самое время, когда совершилось распаденіе тушинскаго лагеря и борьба уже сводилась на борьбу Москвы съ королемъ, въ лагерѣ противника распространился слухъ, что между Скопинымъ и царемъ возникло несогласіе, которымъ можетъ воспользоваться Сигизмундъ III, чтобы склонить на свою сторону Скопина [1]). Слухъ этотъ основывался на томъ, что въ Александровскую слободу явились къ Скопину посланные отъ Ляпунова, который постоянно становился во главѣ всѣхъ кризисовъ смутной эпохи, и предложили Скопину престолъ. Письма, поданныя при этомъ послѣднему, были наполнены оскорбительными выраженіями противъ царя. Но Скопинъ, прочитавъ, разорвалъ ихъ, а посланныхъ съ ними велѣлъ схватить и отправить въ Москву. Однако, потомъ онъ далъ себя умилостивить и позволилъ имъ возвратиться въ Рязань [2]). Этотъ случай послужилъ сигналомъ къ неу-

---

[1]) Письмо Рожинскаго къ Сиг. III (Соловьевъ VIII, 305). И Сигизмундъ въ письмѣ отъ $^{2}/_{12}$ марта 1610 г. увѣдомлялъ своихъ сенаторовъ, что въ Москвѣ идутъ сильные раздоры, такъ какъ между царемъ Василіемъ и Скопинымъ возникли серьезныя недоразумѣнія (Niemcewicz, Dz. pan. Zyg., II, пр. № X).

[2]) Лѣтопись характеризуетъ при этомъ и способъ дѣйствій Прокофія Ляпунова. Посланные разсказали Скопину „Прокофьево житіе и къ себѣ насиліе его“ (Нов. лѣт. 108; Лѣт. о мятеж. 166; Ник. лѣт. VIII, 123—124).

Эта присылка имѣла видъ политической демонстраціи: Ляпуновъ прислалъ отъ себя цѣлую „станицу“ (отрядъ); въ грамотѣ онъ назвалъ Скопина „не княземъ, но царемъ“; а описывая въ дурныхъ чертахъ самого царя, онъ хотѣлъ „возбудить въ его племянникѣ гордость и вооружить его противъ царя Василія“ (Нов. лѣт. ib.).

Прощеніе посланцевъ лѣтопись объясняетъ такъ: „Онъ же милостивый бояринъ, не хотя ихъ крови, повелѣ отпустити ихъ опять на Рязань“. (Лѣт. о мятеж. и Никон. лѣт. ib.). Въ виду предстоявшаго подвига, Скопинъ могъ дѣйствительно не желать лишней „крови“; но, въ связи съ его условіемъ въ шведскомъ договорѣ щадить русскихъ плѣнныхъ противнаго

довольствію въ Москвѣ. Видно, что въ средѣ, окружавшей Скопина, были люди, враждебные ему, и быть можетъ даже приставленные для надзора за его дѣйствіями [1]), которые поспѣшили донести царю о Скопинѣ, выставляя на видъ, что онъ не прислалъ виновныхъ въ Москву. Съ этого времени царь Василій и братья его начали противъ Скопина „держать мнѣніе“ [2]) (Ник. лѣт.; Лѣт. о мятеж., Нов. лѣт.— Латух. степен. кн., у Карамз. XII, пр. 433). Но не одинъ Ляпуновъ былъ причиною такого „мнѣнія“. Есть извѣстіе, что еще въ походѣ воины называли Скопина „царемъ“, между тѣмъ какъ въ Москвѣ ненависть противъ царя Шуйскаго возрасла до крайности (янв. 1610 г.) (Днев. пох. Сигиз. III, 512, въ Истор. Библ.). Братья царя завидовали успѣху своего племянника, какъ Саулъ позавидовалъ Давиду, когда онъ поразилъ Голіаѳа, потому что, замѣчаетъ лѣтописецъ, Саулу „пѣли дѣвицы побѣду въ тысячахъ, а Давиду во тьмахъ“. „Мы слышали царь, говорили они, что племянникъ нашъ хочетъ быть царемъ вмѣсто тебя“, а они слышали, прибавляетъ лѣтописецъ, что „въ народѣ“ говорили: „этотъ князь, сильный и храбрый, достоинъ быть царемъ; онъ избавилъ насъ отъ нашествія латынъ, а городъ нашъ отъ осады и голода“. Такъ говорили въ Москвѣ, когда Скопинъ стоялъ еще въ Александровской слободѣ (Прибавл. къ псков. лѣт. въ Полн. собр. р. лѣт. V, 58.— Ср. также Рукопись Филарета, 23—25). Помня прошлогодніе заговоры (Сунбулова, въ которомъ участвовало до 300 чел. и Колычова) и недавнее волненіе въ Москвѣ (Лѣт. о мятеж. 165; Ник. 122; Нов. лѣт. 107), грозившее отпаденіемъ къ тушинскому вору (когда Скопинъ стоялъ въ Колязинѣ), Шуйскій, и безъ того подозрительный, и безъ того трепетавшій за свой престолъ и жизнь, долженъ былъ поддаться теперь самымъ сильнымъ сомнѣніямъ на счетъ племянника, какъ ни увѣряетъ лѣтописецъ, что послѣдній ничего даже не зналъ о всемъ этомъ („ничего же не вѣдущу“. Прибавл. къ псков. л. 58).

лагеря и нежеланіемъ подвергать Тверь результатамъ взятія на копье, эта черта можетъ служить прекрасною характеристикою „милостиваго боярина“.

[1]) „Злые человѣцы клеветники“ (Никон. л. и Лѣт. о мятеж.); „нѣцыи же клеветницы“ (Нов. лѣт.). Изъ слѣдующихъ ниже строкъ видно, что противъ Скопина уже могли быть подозрѣнія.

[2]) Въ Нов. лѣт. прибавлено: „чающи въ немъ, по воровскому письму Прокофья Ляпунова, яко желаетъ царемъ быти“ (108).

Между тѣмъ, положеніе Скопина въ настоящее время на столько уже улучшилось, что союзнымъ войскамъ оставалось только направить свои силы на короля и заставить его выйти изъ Россіи, пока онъ не успѣлъ еще усилиться. Приближеніе Скопина заставило тушинцевъ удалиться; у Скопина было своего войска 18,000, но къ нему присоединились войска Шереметева, московскіе отряды; у него было шведское войско. Московскіе отряды смѣло доходили до Калуги, гдѣ сосредоточивались силы Самозванца. Король чувствовалъ себя безсильнымъ въ чужой странѣ. Число-же осажденныхъ въ Смоленскѣ насчитывали до 70,000 человѣкъ (Соловьевъ, VIII, 286, 312; Карамзинъ, XII, 100—106). Одно приближеніе Скопина къ Москвѣ облегчило подвозъ припасовъ и немедленно понизило цѣны на хлѣбъ, разрѣшивъ до извѣстной степени существеннѣйшій вопросъ смуты во время обложенія столицы (Лѣт. о мятеж. 167—176; Нов. лѣт. 109—114; Никон. 124 и д.) [1]). Планъ похода противъ короля дѣйствительно существовалъ еще въ Александровской слободѣ; но, послѣ поступка Ляпунова, царь отправилъ письмо къ Скопину и требовалъ прибытія его въ Москву, чтобы воздать ему почести, приличныя побѣдителю [2]). Делагарди былъ на сторонѣ похода, какъ увидимъ далѣе. Жолкевскій также находитъ, что положеніе Скопина въ это время было столь выгодно, а поляки были до того стѣснены, что послѣднимъ оставалось одно средство—прекратить военныя дѣйствія и отступить съ честью, о чемъ вскорѣ и состоялось рѣшеніе въ польскомъ сенатѣ, постановившемъ приступить къ трактату съ Россіею

[1]) Бочка ржи, продававшаяся по 20 злот. (15 руб.), стоила теперь 3 злот. (2 р. 25 к.) (Жолкевскій, 43). „На Москвѣ быстъ дороговь великая, покупаху четверь ржи 7 руб.“ (Никон. 112), т. е. 23 1/3 нын. серебряныхъ.

[2]) „Ему же (Скопину) стоящу тогда съ вои, съ Нѣмцы и Русью, во Александровѣ слободѣ, хотящу итти на безбожнаго короля польскаго подъ Смоленскъ на испорученіе граду, Богу же тако изволившу всѣмъ злымъ на ны быти грѣхъ ради нашихъ, не сбыться его мысль: царь бо Василій посылаетъ посланіе къ нему и повелѣваетъ ему къ собѣ въ цар. градъ Москву пріити, дара ради и чести, и цѣлованія, и возвеселитися съ нимъ вкупѣ и воздати ему побѣдительная. Онъ же беззлобивый ни въ умѣ сего помысли еже о царствѣ, но токмо еже пострадати противу безбожныхъ за Божіи церкви, и за царя своего дядю, и за все православное христіанство; и не разумѣ дядина лукавства и злыя мысли, и не хотѣ преслушати царскаго повелѣнія, и пріиде къ царю“ (Прибавл. къ псков. л. 58).

о прекращеніи кровопролитія; а между тѣмъ вновь прибывшій отрядъ шведскаго войска успѣлъ на пути къ Москвѣ разсѣять польскія войска. Въ это самое время постигла смерть Скопина (Зап. Жолк. 1-е изд. 60—64; 2-е изд. 35—38). По другимъ, конечно, побужденіямъ желала исполненія того-же плана мать Скопина. Явившись въ Александровскую слободу, она убѣждала его не ѣздить въ Москву, зная безъ сомнѣнія тамошнее настроеніе умовъ [1]).

Тѣмъ не менѣе приказъ царя приходилось исполнить: 12 марта Скопинъ и Делагарди имѣли торжественный въѣздъ въ Москву (Видек. 130) [2]). Царь велѣлъ боярамъ встрѣтить ихъ съ должною честью; но народъ превзошелъ его желанія. Онъ высыпалъ за городъ [3]), падалъ ницъ передъ побѣдителемъ, называлъ Скопина отцомъ отечества, а Делагарди освободителемъ, и поднесъ имъ хлѣбъ-соль (Видек. ib., Ник. 131; сказаніе Палиц., П. с. р. лѣт. V, 58). Шуйскій плакалъ отъ радости и казалось искренно (Видек. ib.), но въ Москвѣ этимъ слезамъ никто не вѣрилъ [4]). Впрочемъ, Скопину, Делагарди и шведскому войску онъ раздалъ богатые подарки и жалованье [5]).

---

[1]) „И колко я тебѣ чадо во Александрови слободи приказывала не ездить во градъ Москву, что лихи въ Москвѣ звѣри лютые, а пышатъ ядомъ зміинымъ“, говорила ему мать послѣ катастрофы (О рожен. кн. Мих. Вас. въ Изборн. Попова, 383).

[2]) Въ Приб. къ псков. л. (58): „и не хотѣ преслушати царскаго повелѣнія, и пріиде ко царю“.

[3]) Въ Столяр. хронографѣ прибавлено: „За деревяннымъ городомъ, по Ярославской дорогѣ“. Карамз. XII, 513 примѣч. Скопина встрѣчали бояре, посадскіе и весь народъ (Днев. пох. Сигиз. 583 и Видекиндъ).

[4]) „Царь же Василій пріятъ его радостнымъ лицемъ и даде ему многіе дары, въ сердце же имяше на него злобу за присланныхъ отъ Прокофья Ляпунова, и имяше его въ подозрѣніи за оную честь, что воздали московскіе люди во время пріѣзду его къ Москвѣ“. (Нов. лѣт. 114; Никон. 131; Лѣт. о мятеж. 176).

[5]) „Шуйскій весьма ласково принялъ своихъ защитниковъ; часто угощалъ ихъ за царскимъ столомъ; одарилъ всѣхъ офицеровъ золотою и серебряною посудою; выплатилъ всему войску жалованье золотомъ, серебромъ, соболями. Эта щедрость такъ избаловала нѣмцевъ, что они дѣлали въ Москвѣ разныя безчинства, и москвитяне съ нетерпѣніемъ ожидали весны, чтобы выпроводить гостей противъ непріятеля“ (Буссовъ, 114).

Пріемъ, оказанный Скопину, сильно подѣйствовалъ на Шуйскихъ. Кн. Дм. Шуйскій, которому, по причинѣ его неудачныхъ дѣйствій, не было поручено начальство надъ войскомъ, надѣялся, что и Скопинъ потерпитъ неудачу въ своемъ предпріятіи и возвратится домой также, какъ онъ самъ возвратился изъ-подъ Калуги. Но, видя, что Скопину благопріятствуетъ счастіе и что онъ, благодаря своему благоразумному и осторожному управленію, всѣми уважаемъ, онъ сталъ ненавидѣть его и завидовать ему. Это обнаружилось уже во время вступленія Скопина и Делагарди въ Москву: стоя на валу города и завидѣвъ издали Скопина, Д. Шуйскій громко воскликнулъ: „вотъ идетъ мой соперникъ“. Многіе бояре, стоявшіе близъ Шуйскаго, услышали эти слова, обратили на нихъ вниманіе и предположили то, что случилось въ послѣдствіи. Отсюда видно, до какой степени сердце Дм. Шуйскаго было снѣдаемо злобною завистью. Онъ не только имѣлъ извѣстныя честолюбивыя намѣренія, но даже открыто высказывалъ ихъ, въ присутствіи лицъ, его окружавшихъ. Такъ передаетъ этотъ случай голландецъ Геркманъ, бывшій въ Россіи при Михаилѣ Ѳедоровичѣ и собиравшій свѣдѣнія у очевидцевъ (изд. Археогр. коммис. 313—314). Есть также извѣстіе, что самъ царь до того былъ пораженъ сценою встрѣчи Скопина, что даже выслалъ сказать ему, чтобы онъ, прежде чѣмъ отправится домой, заѣхалъ въ крѣпость, гдѣ, поблагодаривъ его за услугу, оказанную ему, упрекнулъ однако его за то, что онъ замышляетъ лишить его престола. Говорятъ еще, что, отказавшись отъ подобной мысли, въ пылу объясненія, Скопинъ все таки совѣтовалъ Василію оставить царство; такъ-какъ счастіе не благопріятствуетъ его правленію, а потому необходимо избрать другаго царя—царской крови, и царь Василій повидимому согласился съ нимъ (Днев. пох. кор. Сигизм. 583—84).

При такихъ обстоятельствахъ, въ Москвѣ наступилъ рядъ торжествъ и пировъ, въ честь побѣдителей. Царь, его братья и бояре, спѣшили выказать имъ—кто искреннюю, а кто мнимую признательность (Видек. 131; Псков. лѣт. 58). За то москвитяне выражали неподдѣльную радость (Сказ. Палицына, 230—31), которая вытекала какъ изъ признанія заслугъ Скопина, такъ и изъ общаго нерасположенія къ царской семьѣ. Антипатія къ царю вполнѣ понятна. Выкрикнутый на площади въ критическую минуту безначалія, толпою своихъ приверженцевъ, онъ не успѣлъ установить порядка и примирить враждующія партіи. Невзрач-

ный на видъ, онъ не могъ смягчить своихъ противниковъ даже внѣшнимъ обращеніемъ. Подозрительный по натурѣ, онъ легко поддавался постороннимъ навѣтамъ. Лживый въ своемъ словѣ (таковы его торжественныя увѣренія о смерти царевича Дмитрія и первомъ Самозванцѣ), онъ естественно не могъ возбудить къ себѣ довѣрія. Но давъ теперь доступъ наущеніямъ на Скопина, онъ повредилъ своему собственному дѣлу въ самую, можно сказать, счастливую минуту своего правленія. Правда, онъ соблюдалъ, по крайней мѣрѣ, внѣшнее приличіе въ отношеніи къ племяннику. Но его братъ, кн. Дмитрій, не умѣлъ сдерживать борьбы съ завистливымъ чувствомъ. Между тѣмъ, по своему характеру, онъ не могъ возбудить уваженія къ себѣ ни въ окружающихъ, ни въ своихъ подчиненныхъ. Спѣсивый въ отношеніяхъ къ послѣднимъ, малодушный на ратномъ полѣ, онъ утопалъ въ роскоши и удовольствіяхъ, которыя въ то время шли совершенно въ разрѣзъ съ тягостнымъ положеніемъ народа [1]). Третій изъ братьевъ Шуйскихъ, кн. Иванъ Ивановичъ, вмѣстѣ съ ними участвовалъ въ прежнихъ происках, также враждебно относился къ Скопину и вмѣстѣ съ ними раздѣлялъ нелюбовь народа.

Послѣ этого вполнѣ понятно, какъ въ глазахъ народа и войска долженъ былъ выигрывать Скопинъ.

По русскимъ извѣстіямъ, онъ былъ красивъ лицомъ; привѣтливъ въ обращеніи; заботливъ въ отношеніи къ подчиненнымъ; благодушенъ къ иностранцамъ (Прибавл. къ псков. лѣт. 59; Рукоп. Филар.; Хроногр. Ключарева у Карамз., XII, стр. 528). Конечно, въ этомъ изображеніи слышится витійство, свойственное историческимъ сказаніямъ конца XVI и XVII вѣка, но намъ извѣстенъ уже отзывъ о Скопинѣ Видекинда; а вотъ и отзывъ о немъ гетмана Жолкевскаго: „Скопинъ-Шуйскій, замѣчаетъ онъ, хотя былъ молодъ, но, какъ говорятъ люди, которые его знали, онъ былъ надѣленъ отличными дарованіями души и тѣла, разсудкомъ не по возрасту, мужественнымъ духомъ и прекрасною наружностью“ (Зап. 41—

---

[1]) „Вои ненавидиху его гордости, сего ради и не любезенъ бяше во очію ихъ“ (Сказ. Авр. Палицына, 232).

„Воевода сердца не храбраго, но женствующими обложенъ вещми, красоту и пищу любящій, а не луки натязати и копія приправляти хотящій“ (Иное сказ. о самозв. Времен. Моск. общ. ист. XVI, 66).

42). Даже Буссовъ, относящійся къ русскимъ вообще враждебно, дѣлаетъ изъ нихъ исключеніе только въ пользу Басманова, извѣстнаго покровительствомъ иностранцамъ, и Скопина, котораго онъ называетъ „героемъ и великимъ мужемъ“ (Сказ. о самозв. I, 98, 114). Общій плачъ шведскихъ воеводъ и войска по смерти Скопина служитъ лучшимъ подтвержденіемъ этихъ достоинствъ русскаго вождя, который, при всѣхъ препятствіяхъ на пути, съумѣлъ удержать ихъ въ повиновеніи, будучи всегда къ нимъ „добръ и ласковъ“, по словамъ современниковъ (Столяр. хрон. у Карамз. XII, прим. 530; въ Изборн. Попова, 344).

Весьма естественно, что, не любя Шуйскихъ, народъ и враждебная имъ партія, возлагали свои надежды на Скопина и, среди общихъ торжествъ, могли высказывать мысль о передачѣ престола Скопину, хотя лѣтописцы и въ этомъ случаѣ стараются оправдать послѣдняго (Сказ. Палиц. 230; Никон. 132; Нов. лѣт. 114). Но одно нисколько не противорѣчитъ другому. Безъ сомнѣнія, что, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, онъ не рѣшился-бы посягнуть на власть царя Василія; но царь отъ поздняго брака имѣлъ одну или двѣ дочери, которыя умерли въ младенчествѣ (Карамзинъ, т. XII, примѣч. 519), а въ такомъ случаѣ Скопинъ могъ разсчитывать на общее избраніе, какъ представитель, по первородству, правъ вѣтви дома Рюрика, ближайшей къ царской линіи (Бутурлинъ, Ист. смут. врем. III, 132), чего конечно не могли допустить братья царя, и въ особенности самолюбивый кн. Дмитрій. Между тѣмъ, при тогдашнихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ поляковъ, съ помощью шведовъ и сильнаго русскаго войска Скопину удалось-бы заставить короля снять осаду Смоленска и очистить Россію, а за тѣмъ онъ вернулся-бы при новыхъ знакахъ торжества въ Москву—перспектива весьма невыгодная для Шуйскихъ. Но народная партія не хотѣла ждать. Ея стремленія ясно выражены въ интересномъ сказаніи объ избраніи на царство Михаила Ѳедоровича [1]). Въ современной-же

---

[1]) „Егда же взяша Московское государство у поганыхъ польскихъ людей, собравше оставшіи отъ разоренія люди, всякихъ чиновъ московскіе жильцы и иныхъ градовъ Русскихъ начаша глаголати: „не возможно намъ пребыти безъ царя не единаго часа: по да изберемъ собѣ царя на царство“. И восхотѣша начальницы паки собѣ царя отъ иновѣрныхъ, народи же и ратніи не восхотѣша сему быти, но въ прежеречен-

депешѣ французскаго агента, бывшаго въ Москвѣ (находящейся въ сборникѣ рукописей, принадлежащемъ парижской національной библіотекѣ), читаемъ слѣдующее не менѣе интересное мѣсто: „говорятъ, что Шуйскій, будучи самъ весьма богатъ и могущъ, намѣренъ оставить власть и позволить чинамъ свободное избраніе, причемъ полагаютъ, что Скопинъ предпочтенъ будетъ всѣмъ“ (Записки Жолк., 2 изд., 47—56, въ прилож.) [1]).

Донесеніе это писано отъ 5 апр. (15 апр. нов. стиля), слѣдовательно спустя три съ половиною недѣли по вступленіи Скопина въ Москву (12 марта), и почти за три недѣли до его смерти (23 апр.), а такъ какъ при этомъ онъ проболѣлъ около двухъ недѣль, то и событія, о которыхъ сообщаетъ депеша, происходили всего за нѣсколько дней до болѣзни Скопина. Такимъ образомъ, не за долго до послѣдней, политическая агитація въ Москвѣ достигла уже крайняго предѣла, а слѣдовательно и сообщенное выше извѣстіе (Дневн. пох. Сигизм.) о бесѣдѣ, происходившей между царемъ и Скопинымъ, получаетъ нѣкоторое подтвержденіе. Но въ томъ-же источникѣ мы находимъ еще слѣдующее современное извѣстіе, сообщенное изъ Москвы королю, которое, въ связи съ указанными данными, получаетъ особенную важность. „Велижскій староста, читаемъ тамъ (стран. 579), далъ знать въ королевское войско, что изъ Ржева пришло извѣстіе, что Скопинъ и Василій Шуйскій дѣлали у столицы примѣрное сраженіе, что дѣло дошло до серьезной битвы и что съ обѣихъ сторонъ пало не мало людей“.

Все это убѣждаетъ насъ въ существованіи замысла въ пользу

наго мѣсто храбраго князя Михаила Скопина Богъ воздвиже втораго Михаила, нечаемаго, его же и самъ избра; и испаде на него жребій и поставиша и на царство“ (Приб. къ псков. лѣт. 63. Полн. соб. р. лѣт. т. V).

[1]) Депеша эта найдена Мухановымъ въ сборникѣ, озаглавленномъ: Bibliotheque Royale, section de manuscripts; missions étrangères, 277. На стр. 374: Nouvelles septentrionaux du moys d'avril 1610. На полѣ: Moscovie. 1610. Нунцій Симонетта отъ 16 апр. (6 апр.) писалъ изъ Вильны кард. Боргезе: „Era anco nuova, che duravano tuttavia l'emulationi, e dispareri tra il Suiski, et lo Scopino suo fratello, il che quando fosse vero, non potrebbe se non apportar giovamento alle cose di sua Maestà (sebbene anco si dice, che s'intendano insieme)“. Hist. Rus. Monum. II, 199.

Скопина. Тогда братья Шуйскіе съ своею партіею рѣшились окончательно разссорить царя съ племянникомъ [1]). Видя успѣхъ этой интриги, сторонники Скопина стали побуждать его выйти скорѣе изъ Москвы и заняться походомъ подъ Смоленскъ (Сказ. Палиц. 230 [2]). Самъ Делагарди неотступно („безпрестанно") требовалъ, чтобы онъ „вышелъ изъ Москвы, видя возраставшую противъ него ненависть" (Ник. 132; Нов. лѣт. 114; Лѣт. о мятеж. 177). Такъ систематически росла интрига противъ Скопина.

Можетъ, конечно, родиться вопросъ—почему-же онъ не вышелъ изъ Москвы, не смотря на столь сильныя настоянія и очевидную опасность? Но, совершивъ такой длинный переходъ, Скопинъ долженъ былъ дать отдыхъ войскамъ и выждать до болѣе благопріятнаго времени [3]). Притомъ и самая катастрофа постигла его вскорѣ по прибытіи въ Москву, а въ этотъ короткій промежутокъ онъ занимался приготовленіемъ къ

---

[1]) „Не увяжемый удъ въ человѣцѣхъ, бѣсящійся языкъ многихъ отъ сердецъ лукавыхъ подвижеся, съ клятвою подходятъ въ тайныхъ думѣхъ самодержца, яко вся земля Россійская почитаетъ кн. Михайла, паче тебе великій царю. Еще же и скиптроносца хотятъ его видѣти" (Сказ. Палицына, 230).

„Дядья же его кн. Дмитрій Ивановичъ Шуйской съ братіею и со княгинею велію злобу имяху на него, чающи того, якобы онъ желаетъ быти царемъ, въ немъ же сего никто не надѣяшеся быти" (Нов. лѣт. 114).

„Дядья-жъ князь Михаиловы кн. Дмитрій Ивановичъ Шуйской со княгинею великую держаху на кн. Мих. рень (ссора), чаяху, что онъ подыскиваетъ подъ царемъ Василіемъ царства, а про то убо и всей земли вѣдомо, что у него тово и въ умѣ не было" (Ник. лѣт. 132; Лѣт. о мятежахъ, 177).

„И сему кн. Михаилу позавидѣша три братія, а его дядья, его славѣ и чести, и оклеветаша его царю, глаголюще: „слышахомъ, царю, яко племянникъ нашъ хощетъ царемъ быти въ тебе мѣсто" (Приб. къ псков. лѣт. 58).

[2]) „Храбрый же той мужъ отъ многихъ молимъ бяше, дабы шелъ изгубити пути нечестивыхъ и дабы не престалъ отгонити волки отъ стада Христова".

[3]) Получено извѣстіе (27 апр. н. ст.), что Скопинъ съ Шереметевымъ находится въ столицѣ и что онъ распустилъ свое войско, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы все оно собралось, какъ только пойдетъ трава (Дневн. пох. Сиг., 577).

походу [1]) и военными упражненіями, во время которыхъ произошло столкновеніе его войска съ царскимъ отрядомъ, въ слѣдствіе крайняго раздраженія обѣихъ сторонъ.

Среди этихъ приготовленій и торжествъ рѣшилась участь Скопина. На пирѣ, бывшемъ въ день крестинъ сына кн. Ив. Михайловича Воротынскаго, при чемъ кн. Скопинъ былъ крестнымъ отцемъ, а жена кн. Дмитрія Ив. Шуйскаго (Екатерина, дочь знаменитаго злодѣяніями Малюты Скуратова) крестною матерью, онъ сильно заболѣлъ, на „перепиваньѣ", осушивъ чашу вина, поднесенную ему кумою. Въ такомъ состояніи его едва довели до ближайшаго монастыря. Обнаружилось кровотеченіе носомъ и ртомъ. Перенесенный домой, онъ проболѣлъ до двухъ недѣль, и, не смотря на помощь, оказанную ему докторами, присланными отъ Делагарди, скончался въ ночь съ 23 на 24 апрѣля (Рукоп. Филар. 22—23; Сказ. о рожд. Скоп. въ Изборн. Попова, 383; Псков. лѣт. 58; Нов. лѣт. 114; Никон. л. 132; Лѣт. о мятеж. 177) [2]).

Слухъ объ отравѣ быстро распространился по Москвѣ; на Дмитрія Шуйскаго указывали, какъ на виновника отравленія. Народъ хлынулъ въ домъ послѣдняго, и, если бы не войско, посланное на выручку, то ему трудно было бы избѣжать мести (Видек. 139—140) [3]).

---

[1]) „По приходѣ же (въ Москву) кн. Мих. Васильевича начаша нарежатися итти подъ Смоленскъ" (Никон. 132). „Та же (также) вскорѣ начаша совѣтовати о посылкѣ подъ Смоленскъ" (Нов. лѣт. 114).

[2]) Карамзинъ (XII, 126), основываясь на томъ, что вездѣ дѣйствующимъ лицомъ называется жена Дмитрія Шуйскаго (Псков., Никон.), а въ Псков. лѣт. и пиръ упоминается въ домѣ Шуйскихъ, принимаетъ мѣстомъ этого происшествія домъ кн. Дмитрія Шуйскаго; но въ болѣе оффиціальномъ источникѣ (Рукоп. Филар.) говорится ясно о крестинномъ пирѣ у Воротынскаго (какъ и въ Сказ. о Скоп.). Такъ принимаютъ этотъ фактъ и другіе историки (Бутурлинъ, III, 132; Соловьевъ, VIII, 312; Костомаровъ, II, 337).

[3]) Москвичи не хотѣли допустить Делагарди и шведовъ проститься съ мертвымъ, какъ неправославныхъ. Но Делагарди заявилъ, что онъ имѣетъ на это право, какъ товарищъ умершаго. Его впустили. Увидѣвъ Скопина мертвымъ, онъ горько заплакалъ и воскликнулъ: „Москвичи! Не только на Руси, но и въ земляхъ моего государя не видать мнѣ такого человѣка" (Изборн. Попова 384).

Скопинъ былъ такого громаднаго роста, что въ Москвѣ не могли найти подходящаго для него гроба: „Тогда убо посылаютъ во вся торги изы-

По приказанію царя, Скопина похоронили въ Архангельскомъ соборѣ, но не рядомъ съ царскими гробницами, а въ новомъ придѣлѣ (I. Предтечи. Ник. лѣт. 132; Нов. лѣт. и Лѣт. о мятеж.) [1]). Смерть Скопина вызвала общую печаль въ Москвѣ (Никон. лѣт. 132; Приб. къ псков. 59; Сказ. Палиц. 239); терзался и плакалъ и царь Шуйскій (Сказ. о Скоп. 387); но многіе не вѣрили въ искренность его печали (Видек. 140; Геркманъ 315) [2]). Далѣе мы увидимъ, что это было не совсѣмъ такъ. При общемъ недовѣріи между властью и народомъ и возбужденномъ состояніи народа и войска въ Москвѣ, смерть Скопина была роковымъ событіемъ для настоящаго порядка вещей.

Повидимому, это событіе не измѣнило плана дѣйствій: 48,000 русское и 8,000 шведское войско выступило къ Смоленску противъ поляковъ. Царь однако сомнѣвался, кого послать во главѣ его (Нов. лѣт. 115; Ник. 133); но все таки послалъ того же Дмитрія Шуйскаго вмѣстѣ съ Делагарди. 24 іюня поляки, подъ начальствомъ Жолкевскаго, нанесли пораженіе русскимъ подъ Клушинымъ, благодаря измѣнѣ нѣмцевъ и нераспорядительности русскаго полководца. Нѣмцамъ позволено было отступить къ границѣ, а русскіе бѣжали, преслѣдуемые поляками. Русскія и иностранныя свидѣтельства и въ этомъ дѣлѣ обвиняютъ Д.

скати колоду дубовую, еже есть гробъ, въ нюже положити тѣло его и мѣру вземше во вся торги ходивше, избравше величайшее всѣхъ и никако возможе вмѣстити тѣлеси его и тогда пристрогавше въ концехъ колоды тоя, и тако съ нужею полагаютъ въ колоду тѣло его, да изнесутъ тѣло его къ церкви, и тогда привезоша гробъ каменѣнъ великъ, но ни той довляше вмѣстити тѣло его, понеже великъ бѣ возрастомъ тѣлесъ своихъ по Давиду пророку паче сыновъ человѣческихъ. И тако устроивше въ древяномъ гробѣ понесше хотяху положити въ Чудовъ монастырь..." Ibid.

[1]) Въ этомъ придѣлѣ только одна гробница Скопина, сложенная, какъ и царскія, изъ кирпича. Надписи на ней нѣтъ, а на стѣнѣ помѣщенъ портретъ (9½ верш. вышины и 8 шир.), писанный на деревѣ старинными письмомъ (изъ яйца), на верху котораго находится образъ и надпись имени и фамиліи Скопина (см. 1-е изд. Зап. Жолк. въ началѣ и стр. 230—31). Впрочемъ есть сомнѣніе въ томъ, что это портретъ Скопина.

[2]) Тѣло Скопина предполагалось прежде отвезти въ фамильную усыпальницу, въ Суздаль, но, вслѣдствіе опасности отъ поляковъ и „воровъ", было сдѣлано распоряженіе поставить его до времени въ Чудовомъ монастырѣ. Это вызвало неудовольствіе въ народѣ, требовавшемъ похоронить его въ Арханг. соборѣ, и царь долженъ былъ уступить (Сказ. о Скоп. 385).

Шуйскаго, такъ какъ онъ не хотѣлъ дать денегъ наемному войску, когда деньги у него были, въ слѣдствіе чего нѣмцы измѣнили (Ник. 134; Нов. лѣт. 115; Жолк. 102) [1]).

Дмитрій Шуйскій остался вѣренъ себѣ и въ этой роковой битвѣ [2]). По словамъ Жолкевскаго, онъ бѣжалъ поспѣшно, хотя немногіе его преслѣдовали; его конь увязъ въ болотѣ, а онъ потерялъ обувь и босой, на тощей крестьянской клячѣ, пріѣхалъ въ монастырь подъ Можайскъ. Доставъ тамъ лошадей и обувь и посовѣтовавъ жителямъ Можайска просить у непріятеля пощады, онъ также поспѣшно отправился въ Москву (Зап. 103) [3]).

Между тѣмъ противъ царя Шуйскаго поднималась гроза съ другой стороны. Едва распространилась вѣсть о смерти Скопина, какъ Ляпуновъ завязалъ уже переговоры и съ калужскимъ царикомъ, и съ Вас. Вас.

---

[1]) „Пришедши жъ къ Клушину.... Нѣмцы у князя Дм. Ив. начаша просити денегъ по договору, чтобъ имъ далъ наемъ ихъ, что заслужили. У князя жъ Дм. Ив. была многая денежная казна въ то время, но Нѣмцомъ найма не даде, прошаше у нихъ сроку, творяся яко толико денегъ не имать у себя. Нѣмцы же озлобишася о семъ, и посла отъ себя Ивенгорь (Евертъ Горнъ) къ Жолкевскому, веляше ему приходить не мѣшкая на московскіе полки, обѣщася ему, что онъ Москвѣ помощи чинить не станетъ". И онъ исполнилъ свое обѣщаніе. Во время переговоровъ съ шведами въ 1616 г., Делагарди приписывалъ пораженіе измѣнѣ именно нѣмцевъ, бывшихъ въ отрядѣ его войска и признавалъ причиною измѣны неплатежъ денегъ Дм. Шуйскимъ, который ихъ имѣлъ. Что-же касается русскаго войска, то оно было истомлено большими переходами во время жары (Соловьевъ, IX, 104—106).

[2]) Видекиндъ говоритъ, что Д. Шуйскій во время битвы укрывался въ станѣ и, внѣ опасности, смотрѣлъ на все, происходившее передъ его глазами.

[3]) Не впервые бѣжалъ Д. Шуйскій, посрамленный, съ поля битвы. Изъ-подъ Калуги онъ бѣжалъ „въ одномъ лишь кафтанѣ" (Геркманъ, 297).

По словамъ Маскѣвича, Д. Шуйскій первый сѣлъ подъ Клушинымъ на лошадь и бѣжалъ съ поля битвы, а затѣмъ уже бросились бѣжать войска (Дневн. въ изд. Устрялова 41).

Въ походѣ съ Д. Шуйскимъ было множество дорогихъ кубковъ, мѣховъ и колясокъ, запряженныхъ лошадьми. Побѣдителямъ достались его вооруженіе, карета и бархатная съ золотомъ хоругвь (Зап. Жолкевскаго 102—103. Dz. Zyg. III, т. II, 603).

Голицынымъ о сверженіи царя, и съ городами, вѣрными Шуйскому, чтобы отклонить ихъ отъ послѣдняго. То была „месть“ съ его стороны ц. Шуйскому „за смерть Скопина“, встрѣтившая полное сочувствіе въ самой Москвѣ (Нов. лѣт. 118—119; Ник. 133; Лѣт. о мятеж. 179; Лат. степ. кн. у Карамз. XII, пр. 532); многіе же вступили въ переговоры съ сторонниками вора въ пользу Сигизмунда. Видя такой поворотъ дѣла, царь Шуйскій и самъ хотѣлъ завязать сношенія съ Жолкевскимъ и рѣшить свою участь посредствомъ переговоровъ. Но Ляпуновъ предупредилъ его. По его иниціативѣ, братъ его Захарій съ нѣсколькими единомышленниками начали дѣло низложенія Шуйскаго, и, послѣ приговора бояръ и народа, насильно совершили надъ нимъ постриженіе (19 іюля 1610 г.): такъ начался новый, послѣдній актъ смутной эпохи. Псковской лѣтописецъ паденіе Шуйскаго считаетъ прямымъ послѣдствіемъ смерти Скопина и неудачной битвы Д. Шуйскаго (59). И въ приговорѣ Думы, состоявшемся при низложеніи ц. Василія, было постановлено, чтобы братья его не присутствовали болѣе въ ней (Соб. госуд. грам. II, 390); но при этомъ, во избѣжаніе болѣе дурныхъ послѣдствій, сочли нужнымъ обезпечить какъ царю и его женѣ, такъ и обоимъ его братьямъ неприкосновенность жизни. Это было необходимо въ виду того, что, послѣ бѣгства Д. Шуйскаго въ Москву, народная партія прямо обвиняла Шуйскихъ въ разореніи государства, а его братьевъ въ погубленіи Скопина: „Тебя ради, говорили царю, кровь христіанская проливается и Земля раздѣлилась, потому что ты воцарился не по избранію всей Земли; твои же братья своего племянника, а нашего государя оборонителя и заступника, отравою окормили: къ кому теперь прибѣгнемъ? нѣтъ у насъ болѣе надежды; сойди съ царства, да соединится наша Земля“ (Псков. 59).

Заслуги Скопина, напротивъ, вызвали признаніе Земли. Въ приговорѣ 30 іюня 1611 г., въ которомъ былъ постановленъ пересмотръ вотчинъ и помѣстій, доставшихся въ смутное время, сподвижники Скопина были ограждены отъ всякаго посягательства на ихъ права.

Такимъ образомъ, роль Шуйскихъ была сыграна, а въ скоромъ времени имъ пришлось уже участвовать, въ числѣ трофеевъ, въ варшавскомъ тріумфѣ Жолкевскаго (29 окт. 1611 г.). Въ предѣлахъ Польши умерли одинъ за другимъ: бывшій царь Василій (12 сент. 1612 г.) и братъ его Дмитрій (1613); но тѣла ихъ были перенесены въ Москву въ 1635 г. Третій братъ, Иванъ, возвратившійся живымъ, занялъ со-

отвѣтствующее мѣсто при московскомъ дворѣ и умеръ въ 1638 году [1]). Съ нимъ прекратилась фамилія князей Шуйскихъ въ Россіи (Родосл. книга, кн. II. Долгор. I, 235—36).

Въ заключеніе скажемъ о нѣкоторыхъ спорныхъ вопросахъ, относящихся къ катастрофѣ, постигшей Скопина-Шуйскаго.

III.

Наши изслѣдователи расходятся въ опредѣленіи дня смерти князя Скопина. Сохранилась панихидная запись Архангельскаго собора, въ которой отмѣчено, что онъ умеръ 23 апрѣля [2]). Основываясь на этомъ указаніи и принимая во вниманіе, что въ нѣкоторыхъ источникахъ о смерти Скопина говорится такъ, какъ будто она послѣдовала въ тотъ же день, когда онъ заболѣлъ, кн. Щербатовъ (Исторія Россійская, VII, ч. II, 382), Карамзинъ (XII, 125), Бутурлинъ (Ист. смут. времени, III, 133) и Арцыбашевъ (Повѣств. о Россіи, III, 233) утверждаютъ, что онъ заболѣлъ и умеръ 23 апрѣля 1610 года [3]). Между тѣмъ существуютъ

---

[1]) У Карамзина (XII, 183) неправильно сказано, что онъ умеръ въ Польшѣ. Напротивъ, имя его встрѣчается въ числѣ бояръ, присутствовавшихъ при чтеніи обвинительной сказки Шеину (Соловьевъ, IX, 375). По смерти своей жены, скончавшейся 17 іюня 1634 г., кн. Иванъ принялъ схиму съ именемъ Іоны. Онъ погребенъ въ сузд. соборн. храмѣ Рожд. Богородицы, а жена его въ Покров. дѣвич. мон. О поминовеніи ихъ часто упоминается въ Столов. книгѣ монастыря. Ежегодн. Влад. Стат. Комит., 1877, I, вып. II, 112—122.

О женѣ царя Василія въ расход. книгѣ цар. казны 1613—14 г. записано: „Дѣлали шубу царя Васильевой царицѣ Марьѣ“. Опис. записн. книгъ дворц. приказовъ, А. Викторова, I, 67.

[2]) „Въ придѣлѣ Іоанна Предтечи опочиваетъ царя и вел. кн. Василья Іоанновича всея Руссіи племенникъ кн. Мих. Шуйскій—Скопинъ..... преставися въ лѣто 7118 (1610), апрѣля въ двадцать третій день, на память великомуч. Георгія, въ послѣдній часъ ночи“. Древ. Рос. Вивл., XI, 232. Съ этимъ опредѣленіемъ дня и часа вполнѣ согласно и Сказ. о рож. кн. Скопина.

[3]) „Разболѣся сей храбрый воевода на крестинномъ пиру... И тако едва дойде до монастырню пазуху, потомъ пустися руда.... и пребысть похищеніе смертное“ (Рукоп. Филарета, 25—26). У Авраамія Палицына: „Мало поболѣвъ, страшный юноша къ Господу отъиде“ (стр. 231. Псков. лѣт. 59; Никонов. и ей подобныя также не отдѣляютъ этихъ событій).

указанія, что болѣзнь Скопина продолжалась болѣе недѣли, даже до двухъ недѣль [1]). Поэтому другіе ученые держатся одного изъ этихъ свидѣтельствъ („нѣсколько дней“ у Костомарова, II, 337; „двѣ недѣли“ у Соловьева, VIII, 312—313), но относятъ къ 23 апрѣля начало болѣзни Скопина, на пиру у Воротынскаго.

Намъ кажется, что оба вывода невѣрны. Не подлежитъ сомнѣнію, что болѣзнь Скопина продолжалась до двухъ недѣль. Не говоря уже о слишкомъ общемъ выраженіи Палицына („мало поболѣвъ“), которое свидѣтельствуетъ скорѣе о продолжительности, нежели о быстромъ исходѣ ея, нельзя отвергать и другихъ, болѣе точныхъ показаній. Въ Дневникѣ Сигизмунда объ этомъ говорится весьма ясно; а Жолкевскій сообщаетъ, что болѣзнь Скопина сопровождалась лихорадкою (1 изд. 63, 2 изд. 38), слѣдовательно, симптомами также болѣе продолжительными. Лѣтописныя же данныя, приведенныя нами выше (примѣч.), выражены въ такой общей формѣ, что не даютъ права дѣлать заключеніе въ противномъ смыслѣ, а тѣмъ болѣе, что они не противорѣчатъ сейчасъ приведеннымъ извѣстіямъ.

При всемъ томъ, мы остаемся при указаніи, что смерть Скопина послѣдовала 23 апрѣля. Это подтверждается церковною записью и болѣе внимательнымъ объясненіемъ источниковъ. Въ Столяровскомъ хронографѣ, принадлежавшемъ Карамзину, вмѣсто указанія числа и мѣсяца смерти, замѣчено: „и судомъ Божіимъ въ животѣ его не стало послѣ велика дни вскорѣ“ (Изборн. Попова 344); а это можно сказать только о 23 апрѣля, а не о двухъ недѣляхъ спустя; такъ какъ первый день пасхи въ 1610 году приходился 8 апрѣля. Выраженіе лѣтописца („велика дни“) можетъ, конечно, относиться ко всей свѣтлой недѣлѣ, и тогда другое опредѣленіе („вскорѣ“) вполнѣ точно; но едва-ли лѣтописецъ позволилъ бы себѣ такъ выразиться, если бы Скопинъ умеръ спустя двѣ недѣли или даже недѣлю послѣ 23 апрѣля (т. е. 7 мая или 30 апрѣля) [2]). И эти соображенія вполнѣ под-

---

[1]) Напр., въ Дневникѣ похода Сигизмунда III, въ которомъ извѣстія записывались по мѣрѣ ихъ полученія въ лагерѣ, отмѣчено: „Сказали, что онъ болѣлъ двѣ недѣли и не могъ оправиться“ (584).

У Геркмана: „Болѣзнь его такъ усилилась, что черезъ 8 или 9 дней онъ умеръ“ (315).

[2]) Сказаніе о рожденіи Скопина говоритъ: „И по исходе дневныхъ

тверждаются Дневникомъ похода Сигизмунда. Извѣстіе о смерти Скопина было записоно въ немъ 13 мая новаго стиля, или 3 мая стараго, съ замѣчаніемъ, что онъ болѣлъ двѣ недѣли. Оно было получено подъ Смоленскомъ изъ Можайска (на основаніи показаній двухъ передавшихся бояръ), куда, по смерти Скопина, была прислана въ богадѣльные дома милостыня, на поминъ по его душѣ. Принимая во вниманіе время, необходимое для этихъ сношеній, продолжительность болѣзни Скопина и подтвержденіе сказаннаго извѣстія Слизнемъ (записанное подъ тѣмъ же числомъ), посланнымъ въ Москву отъ короля и сенаторовъ, для переговоровъ съ царемъ и боярами (объ отъѣздѣ его упоминается въ дневникѣ подъ 29 апр. нов. стиля, или 19 стар.), слѣдуетъ заключить, что смерть Скопина послѣдовала именно 23 апр., а катастрофа, случившаяся съ нимъ на пирѣ у Воротынскаго, должна быть отнесена за двѣ недѣли до того (Дневн. 585—86, 578).

Обращаемся къ извѣстіямъ и мнѣніямъ о смерти Скопина-Шуйскаго.

Наши изслѣдователи, съ большею или меньшею подробностью, касаются интригъ противъ Скопина и тѣхъ мнѣній, какія существовали относительно его смерти; но устраняютъ дальнѣйшіе выводы изъ этихъ данныхъ. Еще кн. Щербатовъ, со свойственною ему осторожностью, замѣтилъ: „Хотя лѣтописцы наши и повѣствуютъ, однако не инако какъ молву народную, якобы онъ отравленъ былъ супругою кн. Д. И. Шуйскаго; но, кажется, самые знаки его болѣзни, безпрестанное истеченіе крови изъ носа, является испровергать сіе мнѣніе; ибо едвали есть такая отрава, которая бы токмо сей знакъ болѣзни могла произвести; а въ естествѣ таковыя смерти случаются. И тако за должное почитаю сихъ сродственниковъ князя въ неосновательномъ обвиненіи оправдать“ (VII, ч. II, 383).

При описаніи этихъ событій кн. Щербатовъ пользовался Лѣтописью о мятежахъ, въ которой сказано: „По малѣ же времени грѣхъ ради нашихъ кн. Михайло Васильевичъ впаде въ тяжекъ недугъ, и бысть

часовъ мѣсяца апрѣля въ 23 день зайде сей воевода... Наутріе же свѣтящуся вторнику и восходящу солнцу слышно бысть по всему граду: отшедъ онъ сего свѣта, преставися кн. Мих. Васильевичъ“ (Изборникъ Попова, 384); а въ 1610 году 23 апрѣля дѣйствительно приходилось въ понедѣльникъ.

болѣзнь его зла, безпрестани идяше бо кровь изъ носа. Онъ же сподобися покаянія... предаде духъ свой.... Мнозижъ на Москвѣ говоряху то, что испортила его тетка его княгиня Катерина Дмитріева жена Шуйскова; а подлинноль то, единому Богу свѣдомо, мняху бо всѣ людіе по той ненависти, что грѣхъ ради нашихъ другъ друга ненавидяху и другъ другу завидоваху"... (177—178). Кн. Щербатовъ не пользовался другими матеріалами; ему неизвѣстна была и Рукопись Филарета, заслуживающая вниманія по своей оффиціальности.

Карамзинъ, разсказавъ, со свойственною ему картинностью, пріемъ Скопина-Шуйскаго на послѣднемъ пирѣ, замѣчаетъ: „Увѣряли народъ въ естественномъ концѣ, но не могли увѣрить. Видѣли или угадывали злорадство и винили оное въ злодѣйствѣ безъ доказательствъ: ибо одна скоропостижность, а не родъ смерти, утверждала подозрѣніе, бѣдственное для Василія и его ближнихъ" (XII, 126). Карамзинъ ссылается при этомъ на ту-же лѣтопись, на лѣтопись Псковскую, Сказаніе Палицына, хронографы (Столяр. и Ключар.), иностранныя извѣстія (Видекиндъ и Буссовъ) и важную въ этомъ отношеніи Рукопись Филарета. Приведенныхъ свидѣтельствъ мы коснемся далѣе, а здѣсь замѣтимъ только, что Рукопись Филарета была извѣстна Карамзину въ краткомъ извлеченіи, въ которомъ о настоящемъ фактѣ говорится такъ: „Разболѣся на крестинномъ пиру, у кн. Ив. Мих. Воротынскаго" и т. д. (см. выше въ примѣч.).

Мухановъ, издавшій въ 1835 г. Записки Жолкевскаго, въ приложеніи къ нимъ помѣстилъ разборъ показаній о смерти Скопина-Шуйскаго (304—310), которыми уже пользовался Карамзинъ, а въ томъ числѣ и Рукописи Филарета въ приведенномъ выше извлеченіи, прибавивъ отъ себя только свидѣтельство Жолкевскаго [1]); но въ своемъ разборѣ онъ ограничивается оправданіемъ царя Шуйскаго и признаетъ, что Скопинъ умеръ отъ сильнаго кровотеченія (Epistaxis, Haemorrhagia narium), котораго не умѣли тогда унять [2]). Въ подтвержденіе же своихъ доводовъ онъ ссы-

---

[1]) Въ этомъ изданіи Записокъ послѣдняго читаемъ: „Между тѣмъ Скопинъ, въ то время, когда онъ наилучшимъ образомъ велъ дѣла, умеръ отравленный (какъ сперва носились слухи) по извѣтамъ Шуйскаго, въ слѣдствіе ревности, бывшей между ними; послѣ же разспросовъ оказалось, что онъ умеръ отъ лихорадки" (63).

[2]) Быть можетъ не безъинтересный примѣръ въ этомъ отношеніи

лается на противорѣчія источниковъ. Впрочемъ для исторіи вопроса необходимо замѣтить, что Мухановъ пришелъ къ нѣсколько инымъ выводамъ, когда главные его источники (Рукопись Филарета и Записки Жолкевскаго) были изданы въ болѣе исправномъ видѣ и подвергнуты новому разбору.

Арцыбашевъ отмѣчаетъ только „несообразную съ болѣзнію Скопина нелѣпость извѣстія о порчѣ“ (III, 233).

Бутурлинъ говоритъ такъ: „Дѣйствительно ли Скопинъ отравленъ? Доказательствъ преступленія не было, да и быть не могло, ибо естественно, что никто не осмѣливался приступить къ изслѣдованію горестнаго происшествія, навлекшаго подозрѣнія на лица, столь приближенныя къ царю. Съ другой стороны, должно ли слѣпо вѣрить массѣ народной, всегда готовой приписывать насилію скоропостижную кончину знаменитыхъ мужей. Изъ современныхъ писателей только псковской лѣтописецъ и нѣмецъ Беръ (Буссовъ) обвиняютъ въ отравленіи Скопина, первый самого царя, а послѣдній супругу кн. Д. Шуйскаго. Но Беръ врагъ Василія и недоброжелатель русскихъ. Псковская лѣтопись, писанная въ замѣчательномъ духѣ ненависти ко всѣмъ высшимъ сословіямъ Россіи и царю, также не должна была усумниться дать вѣру клеветамъ“. Авторъ этихъ словъ, опровергая оба свидѣтельства записками Жолкевскаго, тѣмъ не менѣе прибавляетъ: „Но если дѣйствительно Василій самъ не чуждъ былъ коварнаго замысла на погубленіе Скопина, то судъ божій не замедлилъ совершиться надъ преступнымъ вѣнценосцемъ“ (Ист. смут. врем. III, 133—35). Однако въ Псковской лѣтописи, при всемъ нерасположеніи ея къ царю Василію, заявляется, что виною смерти Скопина былъ не онъ, а его братья, противъ которыхъ и направлено было негодованіе народа (Полн. собр. лѣт. V,

---

представляетъ описаніе болѣзни сына кн. Никиты Ив. Одоевскаго, находящееся въ письмѣ ц. Алексѣя Михайловича къ послѣднему: „И какъ отошло вечернее кушанье, пишетъ царь, а онъ всталъ изъ-за стола и почелъ стонать головою: голова де безмѣрно болитъ; и почелъ бить челомъ, чтобъ къ Москвѣ отпустить, для головной болѣзни. Да и пошелъ домой... да той ночи хотѣлъ ѣхать къ Москвѣ поутру, а болѣзнь та ево почела разжигать, да и объявилася огневая... да почела кровь итить (на 18 день болѣзни) изъ носа безпрестани... ведра съ три вышло... и отшелъ отъ сея прелестныя жизни“..... Записки Рус. и Славян. Археол., II, 703—704.

58—59). Такимъ образомъ безусловной вражды къ царю Василію въ авторѣ этого повѣствованія не видно [1]).

С. М. Соловьевъ ограничивается тѣми же доводами противъ обвиненія, дѣлая при этомъ поправку псковскаго лѣтописца, который послѣдній пиръ относитъ къ Шуйскимъ и хотя роль отравительницы оставляетъ за женою Д. Шуйскаго, но называетъ ее не Екатериною, а Христиною. Авторъ Исторіи Россіи полагаетъ, что здѣсь произошло искаженіе слова крестины, на которыхъ занемогъ Скопинъ (VIII, 313). Если это вѣрно, то подобное искаженіе показываетъ, что ошибка псковскаго лѣтописца произошла въ слѣдствіе его собственнаго недосмотра, а роль жены Д. Шуйскаго заставила его отнести и самый пиръ къ Шуйскимъ. Но подобная метаморфоза могла произойти и другимъ путемъ. Въ первоначальномъ источникѣ, вмѣсто Катерины, лѣтописецъ могъ прочесть имя Христины, но онъ правильно называетъ ее дочерью Малюты Скуратова. Ошибку относительно мѣста пира дѣлаетъ и Геркманъ (315), основываясь на тѣхъ же соображеніяхъ.

Н. И. Костомаровъ пересказываетъ тогдашнія отношенія къ Скопину и мнѣнія современниковъ о его участи (Ист. смут. врем. II, 335—338), распространеніе которыхъ онъ приписываетъ въ другомъ мѣстѣ молвѣ народной (Рус. Ист. I, 675).

Таковы мнѣнія по данному вопросу. Разсмотримъ самыя извѣстія объ этомъ событіи.

Современныя свидѣтельства распадаются на двѣ группы: русскія и иностранныя.

Въ ряду русскихъ извѣстій на первомъ планѣ слѣдуетъ поставить Сказаніе Авр. Палицына, какъ лица, близкаго къ событіямъ, хорошо знавшаго московскія отношенія и притомъ извѣстнаго по своей дѣятельности. Онъ говоритъ:

„Грѣхъ же ради нашихъ, по двою мѣсяцу пришествія его (Скопина) къ Москвѣ, мало поболѣвъ, страшный юноша къ Господу отъиде, но не вѣмы убо, како рещи, Божій ли судъ насъ постиже, или злыхъ человѣкъ умышленіе совершися. Единый создавый насъ се вѣсть“.

---

[1]) По поводу дальнѣйшихъ событій онъ даже прибавляетъ: „А иже дерзнуша кои возложити руцѣ на царя, и поругашася ему, и предаша въ поганыя руки, отъ своихъ людей побіени быша послѣди“ (V, 61).

Можно согласиться съ Мухановымъ, что Палицынъ уклоняется отъ рѣшенія вопроса, какою смертію умеръ кн. Скопинъ. Но при этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что Палицынъ, пострадавшій при Ѳедорѣ Ивановичѣ вмѣстѣ съ противниками Годунова, партіей Шуйскихъ, возвысился при послѣднихъ, и, хотя онъ обвиняетъ царя Василія за отобраніе троицкой казны, какъ келарь этого монастыря, но сохраняетъ къ Шуйскому должное уваженіе, какъ къ благовѣрному царю. Палицынъ пользовался его покровительствомъ, находясь въ Москвѣ (ср. ист. Соловьева, VIII, 230), а, будучи облагодѣтельствованъ Шуйскимъ, онъ не могъ написать о немъ слишкомъ рѣзко даже и тогда, когда Шуйскій уже не былъ царемъ. Тѣмъ не менѣе, при такихъ отношеніяхъ и своей дипломатической уклончивости, онъ не скрылъ „ненависти“ къ „гордости“ Д. Шуйскаго, рѣзко выражается о его неудачѣ подъ Клушинымъ („изыде со множествомъ воинъ, но со срамомъ возвратися“) и откровенно разсказываетъ о симпатіи къ Скопину и интригѣ противъ него лицъ, близкихъ къ царю [1]): намеки весьма прозрачные на главныхъ враговъ Скопина. Поэтому нежеланіе Палицына сказать прямо, что Скопинъ умеръ обыкновенною смертію и даже неупоминаніе о томъ, что обвиненіе въ его смерти распространилось въ слѣдствіе народной молвы, какъ говорятъ другіе лѣтописцы („мнози говоряху то“), склоняютъ къ убѣжденію, что самъ Палицынъ былъ того мнѣнія, что „злыхъ человѣкъ умышленіе совершися“. Въ этомъ убѣждаетъ и слѣдующее размышленіе его по поводу смерти Скопина.

„Достойны убо похвалы въ Еллинѣхъ Экторъ и Ахиллесъ—пишетъ онъ—но не видѣша на себѣ попущаема стрѣлянія силы древле; убо смерть во бранѣхъ па мѣрилѣ совершашеся, и аще исполинскою крѣпостію вскорѣ многимъ бываше, но единымъ удареніемъ нигдѣ же слышашеся, еже бы полкъ народа въ мгновеніи ока погиблъ: нынѣ-же и горы основанія и стѣны градовныя, яко прахъ развѣваетъ, тогда же убо сила соблюдаше и храбрость многихъ, нынѣ же и умъ тоя бѣды постигнути не можетъ, и съ таковыми убо смертьми боряйся

[1]) Такъ слѣдуетъ понимать выраженіе: „съ клятвою подходятъ въ тайныхъ думѣхъ самодержца, яко вся земля Россійская почитаетъ кн. Михаила паче тебе великій царю“ (230).

мужъ зайде подъ землю.... О горе намъ живущимъ на земли"! (231—32) [1]).

Не менѣе заслуживаетъ вниманія такъ называемая „Рукопись Филарета". Она почти современна событіямъ и написана въ оффиціальномъ духѣ, съ цѣлью установить извѣстный взглядъ на событія прошлаго, по утвержденіи новаго порядка вещей. Будучи составлена по разнымъ источникамъ, проникнутымъ разными взглядами на дѣятельность и отношенія лицъ смутной эпохи, она обращаетъ на себя вниманіе по сдѣланнымъ въ ней поправкамъ, которыя приписываются патр. Филарету [2]). Изъ нихъ видно, какой текстъ служилъ основаніемъ и

---

[1]) Размышленіе это не было вызвано какимъ либо фактомъ, непосредственно къ нему относящимся, а потому и буквальное объясненіе этого мѣста, какъ указывающаго на разные способы войны въ древности и въ новое время, не исключаетъ принятаго въ текстѣ смысла.

Сочиненіе Палицына было окончательно редактировано и сдѣлалось извѣстнымъ въ 1620 г. Замѣч. объ осадѣ Троиц. мон. Д. Голохвастова, Москвитянинъ, 1842, IV, 126—128.

[2]) Въ примѣчаніяхъ ко 2-му изданію Рукописи Филарета (Сборникъ Муханова, 1866), по сличеніи поправокъ Рукописи съ письмами Филарета, изданными княз. Оболенскимъ (въ Письмахъ рус. государей, гдѣ приложены списки съ отпусковъ или черновыхъ писемъ, въ которыхъ, впрочемъ, только незначительная часть писана его рукою, а все остальное его дьяками), издатель замѣчаетъ: „Въ почеркѣ поправщика, котораго мы называемъ первымъ, находится нѣкоторое сходство съ почеркомъ Филарета. Говоримъ нѣкоторое, потому что въ совершенномъ сходствѣ мы утверждать не можемъ. Поправки приходилось дѣлать на поляхъ или между строками и въ обоихъ случаяхъ мѣста было мало, а это заставляло писать мелкимъ шрифтомъ; Филаретъ же обыкновенно писалъ крупными буквами, что́ не могло не отразиться на измѣненіи почерка. Между тѣмъ именно первому поправщику принадлежитъ бо́льшее участіе въ исправленіи рукописи и притомъ самыхъ важныхъ мѣстъ ея, напр. о смерти Скопина-Шуйскаго (листы 22 и 23), о клушинскомъ сраженіи (листъ 26). Это обстоятельство тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что поправки его прерываются на 31 листѣ, послѣ чего говорится объ отъѣздѣ изъ Москвы въ Смоленскъ митроп. Филарета и другихъ пословъ" (стр. XXXIII—XXXIV примѣчаній 2-го изданія и предисл. къ 1-му изд.).

Недавно (въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1878, сент., 22—83, статья г. А. Кондратьева: О такъ назыв. Рук. Филарета) этотъ взглядъ на озна-

чѣмъ онъ былъ замѣненъ послѣ просмотра. Въ копіи ея, которую имѣлъ Карамзинъ, поправки были опущены, а въ томъ числѣ и весьма важныя мѣста о смерти Скопина-Шуйскаго. И Мухановъ пользовавшійся въ 1-мъ изд. Записокъ Жолкевскаго тѣмъ же извлеченіемъ, сдѣлалъ поспѣшный выводъ, сказавъ, что ни авторъ, ни поправщикъ, ничего не говорятъ объ отравленіи Скопина. Но спустя два года (въ 1837) онъ самъ издалъ Рукопись и долженъ былъ разубѣдиться въ такомъ заключеніи. „То, что разсказываетъ лѣтописецъ, о смерти Скопина,— говоритъ въ изданіи ея Мухановъ,—особенно замѣчательно и едва-ли не послужитъ къ разрѣшенію вопроса: естественною-ли смертію умеръ Скопинъ-Шуйскій, или отъ яда“ (предисл. стр. V).

Вотъ полное изложеніе этого событія по Рукописи Филарета, причемъ зачеркнутыя въ ней мѣста мы отмѣчаемъ разрядкой:

„Царь же Василій исполнися зависти и гнѣва и не возлюби его (т. е. Скопина) за сію бывшую побѣду, якоже и древле

ченный памятникъ подвергся опроверженію. Но, отрицая участіе патр. Филарета въ составленіи или исправленіи Рукописи, авторъ тѣмъ не менѣе признаетъ ее оффиціальною лѣтописью и притомъ составленною въ его патріаршество (82—83). Нѣкоторыя изъ указаній автора (объ отношеніи Рукописи къ хронографу Кубасова, Новому лѣтописцу, оффиціальнымъ источникамъ и т. п.) можно признать весьма интересными и даже основательными (впрочемъ еще Мухановъ замѣтилъ, что источникомъ для Рук. Фил. вѣроятно послужили нѣкоторыя современныя хроники, хотя и не такъ поставилъ этотъ вопросъ); но сомнѣнія автора во вліяніи на составленіе Рукописи патр. Филарета, при указанной постановкѣ вопроса, не вполнѣ убѣдительны. Притомъ остается не выясненнымъ отношеніе составителя и поправщика Рукописи къ событіямъ цар. Василія Шуйскаго; такъ какъ источникомъ для нея служилъ весьма неблагосклонный къ Шуйскому хроногр. Кубасова, а между тѣмъ въ Рукописи взглядъ на него значительно смягченъ, не смотря даже на то, что составитель проникнутъ полнымъ сочувствіемъ къ Скопину. Иногда авторъ и самъ чувствуетъ какъ бы непримиримость нѣкоторыхъ противорѣчій (66 и 75). По отношенію къ Скопину онъ оспариваетъ фактъ насильственной смерти. Намъ же кажется, что въ изложеніи этихъ событій (302—303) самъ Кубасовъ приближается къ разсказу Палицына (202—205, 230—33), на что мы указали еще прежде въ нашемъ изслѣдованіи (Древ. и Нов. Рос. 1875, № 7, стр. 222).

Саулъ позавиде незлобивому Давыду, егда уби Голіаѳа... Оле зависти и рвенію, въ колико нечестіе и погибель пореваетъ душа благочестивыхъ и во адъ низводитъ и безконечному мученію предаетъ.

„Малу жъ времени минувшу, разболѣся сей храбрый и разсмотрительный воевода, князь Мих. Вас. Шуйскій, и умре глаголютъ убо нѣцыя, яко отравленъ бысть, на крестинномъ пиру, у князя Ив. Мих. Воротынскаго, егда крести сына своего Олексѣя, отъ князя Дмитреевы жены, Ивановича Шуйскаго, отъ княгини Екатерины, въ винѣ на перепиваньѣ. И тако едва доиде до монастырю пазуху, потомъ пустися руда изъ носа и изо рта и пребысть [1]).

„О сихъ же премудрый Соломонъ въ 5-й (4) главѣ глаголетъ: осудитъ же праведникъ умирая и живыхъ нечестивыхъ: узрятъ бо кончину его и не разумѣютъ, что совѣщаша о немъ, яко повержетъ ихъ Господь безгласницъ и поколеблетъ ихъ отъ основанія, и дажъ и до послѣдняго исчезнутъ въ болѣзни и память ихъ погибнетъ; придутъ въ помышленіи согрѣшеній своихъ ужасни и обличитъ ихъ совѣсть ихъ, сопротивъ беззаконіе ихъ.

„Въ той же главѣ глаголетъ:

„Тогда станетъ въ дерзновеніи мнозѣ праведникъ предъ лицемъ оскорбящимъ его и отмѣтающихъ трудовъ его; видѣвше жъ смятуетъ я страхомъ многимъ и ужаснетца о преславномъ спасеніи его, и рекутъ всѣ бѣ кающеся и въ тѣснотѣ духа воздохнутъ и рекутъ: *сей бѣ его же имѣхомъ нѣкогда въ поношеніе, кончину жъ его безчестну сотворихомъ*“. (Стр. 25—26).

Смыслъ приведеннаго размышленія по поводу смерти Скопина—вполнѣ ясенъ. Оно клонится къ признанію насильственной смерти послѣдняго. Даже замѣтивъ въ началѣ, что объ этомъ говорятъ „нѣцыя“, авторъ самъ открыто высказываетъ иное убѣжденіе, исключенное въ Рукописи, какъ и предъидущее. Мало того: такому же исключенію подверглись и прочія мѣста о смерти Скопина, которыя, какъ-бы на-

---

[1]) Здѣсь было оставлено мѣсто для одной строки, въ которой уже другою рукою приписано: похищеніе смертное. У Кубасова предъидущій разсказъ оканчивается словами: „и умре“ и нѣтъ примѣра о Саулѣ и Давидѣ (Изборн. Попова, стр. 303).

рочно, не разъ просились наружу: разъ авторъ написалъ и пребысть, а ему дописали: похищеніе смертное; въ другой разъ, высказавъ печаль о распаденіи государства вслѣдъ за смертью Скопина, лѣтописецъ говоритъ: „Король радъ бысть, видя въ Россіи великое возмятеніе, яко великаго воеводы", но снова оставляетъ пробѣлъ, въ которомъ вписано: „и крѣпчайшаго поборника кн. М. В. Скопина-Шуйскаго въ животѣ не стало" (25)—выраженіе двусмысленное, но въ связи съ пропускомъ для вставки оно опять показываетъ, что лѣтописецъ затруднялся занести этотъ фактъ. Какъ это напоминаетъ „выбывшихъ" бояръ царя Ивана Грознаго [1])!

Въ подтвержденіе того, какъ замѣнялись въ свое время одни мнѣнія другими, сообразно съ современными отношеніями, интересною параллелью для Рукописи Филарета можетъ служить „Иное сказаніе о самозванцахъ" [2]). Оно написано современникомъ и притомъ приверженцемъ царя Василія Шуйскаго, котораго авторъ постоянно называетъ „великимъ", „страдальцемъ" и даже „святымъ" (Времен. Моск. общ. ист. XVI, стр. 30, 34 и др.). Но, касаясь смерти кн. Скопина, онъ выражается, что „грѣховнаго ради терпія злобы нашея отъятъ отъ насъ Богъ такого звѣрогонителя добраго". Это фигуральное выраженіе избавило автора отъ необходимости высказаться категорически. Но въ томъ же самомъ сказаніи, передѣланномъ потомъ не въ пользу царя Шуйскаго, статья о Скопинѣ замѣнена другою, и замѣчательно, что она замѣнена статьею изъ Сказанія Палицына (Временникъ, 66 и 110). Въ хронографахъ того времени, статьи, относящіяся къ настоящему событію, обыкновенно брались или изъ „Иного сказанія" или изъ Сказанія Палицына (извлеч. изъ хрон. 2 редак. и хрон. Кубасова у Попова въ Изборн. стр. 197—98 и 303; ср. Опис. рукопис. Румянц. музея стр. 770, 772, 775).

Такъ называемый Новый лѣтописецъ, имѣющій три редакціи (1-я во Времен. Моск. общ. ист. т. XVII; 2-я въ VIII томѣ Никон. лѣтоп.

---

[1]) О смерти царевича Ивана, убитаго отцемъ своимъ Иваномъ Грознымъ, въ одной современной запискѣ (Извѣстіе историч. о послѣ отъ папы Ант. Поссевинѣ, Древ. Рос. Вивл. VI, 94) такъ выражено: „были въ смирномъ платьѣ, въ багровыхъ и въ черныхъ шубахъ, для того, что въ то время государя царевича Іоанна не стало".

[2]) Названное такъ потому, что въ одномъ рукопис. сборникѣ XVII вѣка оно помѣщено въ слѣдъ за Сказаніемъ Палицына.

и 3-я—Лѣтопись о мятежахъ и разор. Московск. госуд. 2-е изд. 1788 г.), представляетъ собственное изложеніе разсматриваемаго событія. Намъ извѣстны уже указанія его на вражду между Шуйскимъ и Скопинымъ, на подозрѣнія о стремленіяхъ Скопина къ престолу и на совѣтъ Делагарди Скопину, чтобы онъ поспѣшилъ выйти изъ Москвы. „Въ малѣмъ же времени, говорится далѣе въ 1-й ред., впаде въ недугъ тяжкій, таже пойде кровь изъ носа, оттого и преставися. Вси же сущіе на Москвѣ сотвориша о немъ плачь велій... Мнозіи же глаголаху, что онъ ядомъ напоенъ былъ отъ тетки своей Катерины князь Дмитріевой жены Ивановича Шуйскаго“ (Врем. 114). И такъ, начальный лѣтописецъ сообщаетъ только, что болѣзнь Скопина сопровождалась кровотеченіемъ („оттого и преставися“), и что въ Москвѣ многіе приписывали смерть отравѣ; отъ себя онъ ничего не прибавляетъ. Но передъ тѣмъ онъ намекнулъ на возможность такого исхода, указавъ на вражду Шуйскихъ къ своему племяннику. 2-я и 3-я редакціи согласны между собою, а выписку изъ послѣдней (Лѣтоп. о матежахъ) мы привели выше. Но, послѣ изложенія настоящаго событія, авторъ этого разсказа прибавляетъ уже отъ себя слѣдующее разсужденіе: „а подлинно-ль то, единому Богу свѣдомо, мняху бо всѣ людіе по той ненависти, что грѣхъ ради нашихъ другъ друга ненавидяху и другъ другу завидоваху, видяще кому Богъ даетъ храбрость и разумъ, и тѣхъ не любяще, силоюжъ у Бога никому не взять, всяко званье отъ Бога честь воспріиметъ, и власть даетъ Богъ, кому хощетъ“ (178, Никон. 132). Сначала какъ будто лѣтописецъ склоняется объяснить нареканіе на Шуйскихъ завистью къ нимъ; но предъидущія замѣчанія о происках послѣднихъ противъ Скопина, которыя мы также привели въ своемъ мѣстѣ, убѣждаютъ, что онъ вовсе не щадитъ Шуйскихъ, и дальнѣйшее заключеніе совершенно подтверждаетъ его расположеніе къ Скопину: „Такожъ и сему храброму князю Михайлу Васильевичу дано (то) отъ Бога бысть, а не отъ человѣкъ“. Ясно, что лѣтописецъ указываетъ на то, что уже одна вражда Д. Шуйскаго и Скопина служила для многихъ достаточнымъ основаніемъ къ обвиненію въ насильственномъ поступкѣ Шуйскихъ и, какъ-бы въ правоученіе тѣмъ, которые завидуютъ „кому Богъ даетъ храбрость и разумъ“, лѣтописецъ прибавляетъ: „силоюжъ у Бога никому не взять“. Такимъ образомъ, слава осталась за Скопинымъ, что хотѣлъ и имѣлъ право сказать лѣтописецъ, когда успѣлъ смѣниться рядъ событій, въ которыхъ на долю Шуйскихъ выпала столь

печальная роль: таковъ смыслъ этого нравоученія. Но, по своей религіозности, лѣтописецъ, рискнувшій приподнять таинственную завѣсу, долженъ былъ все-таки оградить свое сомнѣніе болѣе непогрѣшимымъ авторитетомъ: „а подлинно-ль то единому Богу свѣдомо“. Эта открытая бесѣда съ читателемъ выдаетъ автора, а условія вѣка объясняютъ намъ и его мотивы. Мы знаемъ уже, что къ такому способу самоочищенія прибѣгаетъ и келарь Троицкаго монастыря Палицынъ, выражаясь, что „единый создавый насъ вѣсть истину“; такъ утѣшаютъ себя и москвичи, убѣжденные въ насильственномъ поступкѣ („аще ли Божіе попущеніе, то воля Господня да будетъ“. Сказ. о Скопинѣ, Изборн. 387); точно также и патріархъ Іовъ объявлялъ на соборѣ, что царевичу Дмитрію „смерть учинилась Божіимъ судомъ“.

Въ Псковской лѣтописи объ отравленіи говорится положительно: „Не по мнозѣ же времени сотвориша пиръ дядія его, не яко любве ради желаху его, но убійства, и призваша и, ядоша и пиша. Послѣди же пріиде къ нему злаго корене злая отрасль, якоже древняя змія льстивая, подойде княгиня Дмитреева Шуйского Христина, Малютина дочь Скуратова, иже бысть наперспикъ и злый совѣтникъ и убійца при великомъ цари Иванѣ и гонитель роду христіанскому, той же и митр. Филиппа задуши, ходатайствуя отъ царя не благословившаго Новградъ плѣнити; сего злаго плода и лютаго варвара злыя отрасли, новыя Иродіады, иже бѣ сестра Борисовы жены Годуновы, иже отравою окорми праведнаго царя Ѳеодора, сія же злая діяволя совѣтница яко медъ на языцѣ пошаше, а въ сердцы мечъ скова и пронзе праведнаго мужа, пріиде къ нему съ лестію, нося чашу меду съ отравою. Онъ же незлобивый, не чая въ ней злаго совѣта по сродству, вземъ чашу и испитъ ю; въ томъ часѣ начатъ сердце его терзати, вземше его свои ему принесоша и въ домъ, и призвавъ отца своего духовнаго... и причастися, и предастъ духъ свой... И оттолѣ возгорѣшася злая горши первыхъ въ Руси, ихъ-же подробну немощи изрещи, что сотворися тѣма злыма убійцама, или како разорено бысть Московское государство отъ полскаго короля“. И послѣ клушинской битвы, по словамъ того же лѣтописца, москвитяне открыто обвиняли передъ царемъ его братьевъ въ отравленіи племянника (58—59). Правда, авторъ этого разсказа не распространяется о подробностяхъ болѣзни Скопина и не упоминаетъ о пирѣ у Воротынскихъ. Но и Палицынъ, лучше другихъ знавшій московскія дѣла, не сообщаетъ этихъ подробностей, а ограни-

чивается лишь самымъ общимъ изложеніемъ. Поэтому гораздо важнѣе другой вопросъ—откуда авторъ Псковской лѣтописи могъ почерпнуть свѣдѣнія о московскихъ событіяхъ, которыя (разумѣя здѣсь и приведенныя нами во 2-й главѣ) не встрѣчаются въ другихъ лѣтописяхъ? Извѣстно, что въ то время существовали постоянныя сношенія между Москвою и Псковомъ; во Псковѣ интересовались московскими дѣлами, а въ Москвѣ находились на службѣ псковскіе стрѣльцы, которымъ удалось передъ тѣмъ освободить изъ заключенія своихъ гражданъ. Изъ подобнаго источника, безъ сомнѣнія, идутъ свѣдѣнія Псковской лѣтописи о московскихъ дѣлахъ; такъ какъ сообщить о нихъ, съ очевидными чертами мѣстнаго разсказа, могли только лица, близко стоявшія къ событіямъ. Но имя жены Д. Шуйскаго, дочери Малюты Скуратова, напомнило лѣтописцу вліяніе ея отца при Ив. Грозномъ; наѣзды послѣдняго на Новгородъ и Псковъ; участь митр. Филиппа; Бориса Годунова, женатаго на другой дочери Малюты и считавшагося виновникомъ смуты,—и онъ приписалъ всѣ злодѣянія семьѣ опричника... Принимая же во вниманіе близкое знакомство лѣтописца съ событіями въ Москвѣ, едва ли можно утверждать (Мухановъ въ перв. изд. Запис. Жолкевскаго), что, не будучи самъ москвичъ, онъ довѣрился однимъ слухамъ. Повторяемъ, онъ даетъ болѣе частныхъ подробностей о нѣкоторыхъ событіяхъ, чѣмъ другіе современники, а это заставляетъ иначе смотрѣть и на источники автора извѣстій. С. М. Соловьевъ отвергаетъ его показаніе на основаніи вражды псковитянъ къ ц. Шуйскому; но мы уже привели возраженіе, относящееся сюда, въ разборѣ мнѣнія Бутурлина.

Въ Сказаніи о рожденіи князя М. В. Скопина (Изборникъ Попова, 379—388) обстоятельства его смерти разсказываются согласно съ Рукописью Филарета (пиръ у Воротынскаго и т. д.), съ тою лишь разницею, что жена Д. Шуйскаго называется здѣсь уже Маріею (быть можетъ авторъ смѣшалъ ея имя съ именемъ ея сестры, бывшей за Годуновымъ, или съ именемъ жены царя Василія Шуйскаго, Марію) и самый фактъ насильственной смерти признается безусловно (нѣтъ выраженія: „нѣцыя глаголютъ“ и т. п.). Но это сказаніе представляетъ соединеніе историческаго повѣствованія (точное указаніе чиселъ и событій, форма разсказа) съ поэтическимъ изложеніемъ (особенно стр. 383—87), имѣющимъ даже размѣръ (какъ въ отрывкѣ думы, напечат. въ Памят. старин. рус. литер., изд. Кушелевымъ-Безбор., подъ ред. Ко-

стомарова, т. II, 410—411) [1]), хотя историческія черты разсказа въ Сказаніи сохраняются [2]).

Переходимъ къ иностраннымъ извѣстіямъ:

Изъ нихъ Мухановъ и С. М. Соловьевъ опровергаютъ Буссова и придаютъ важное значеніе Жолкевскому. Буссовъ говоритъ: „Храбрый Скопинъ, спасшій Россію, при помощи нѣмцевъ, получилъ отъ Василія Шуйскаго въ награду—ядъ. Царь приказалъ отравить его, досадуя, что москвитяне уважали Скопина за умъ и мужество болѣе, чѣмъ его самого“ (Сказ. о Самозв. I, 114). Авторъ исторіи Россіи объясняетъ это показаніе нерасположеніемъ Буссова къ Шуйскому; Мухановъ—нерасположеніемъ Буссова къ русскимъ вообще, благосклонностью къ Скопину, опиравшемуся на иностранцевъ, и пребываніемъ автора внѣ Москвы. Но мы знаемъ изъ Дневника пох. Сигизмунда, что

---

[1]) Ср. еще сказаніе съ пѣснью о Скопинѣ въ Древ. Рос. стихотв. К. Данилова, № XXVII. Впрочемъ и у Палицына мѣстами встрѣчается риѳмованная проза (стр. 175—176, 183. Ср. также заключеніе въ Рукоп. Филарета).

[2]) Авторъ „Сказанія“ съ большимъ сочувствіемъ изображаетъ заботливость о Скопинѣ его матери и преданность его жены. Оно издано г. Поповымъ въ Изборникѣ статей, извлеченныхъ изъ русск. хронограф., въ 1869 г.; но Н. И. Костомаровъ пользовался имъ въ рукоп. Рум. музея (Ист. смутн. врем. II, 338). Между тѣмъ, не смотря на то, что и въ повѣсти, и въ отрывкѣ думы, помѣщенномъ въ Памят. стар. рус. лит. II т., изд. подъ его редакціею, жена Скопина-Шуйскаго постоянно называется Александрою Васильевною, въ своей Ист. смутн. врем. онъ называетъ ее Анастасіей Васильевною (ib. II, 245, вѣроятно въ слѣдъ за Родосл. книгою кн. Петра Долгорукова, III, 107). Анастасіей жена Скопина называлась уже въ монашествѣ, а въ мірѣ она носила имя Александры (см. Рус. родосл. книгу, изд. редак. Русской Старины, Спб. 1873, 34).

Мать Скопина, послѣ его смерти, также приняла монашество, причемъ названа была Анисіей. Она умерла въ 1631 года и погребена вмѣстѣ съ родомъ Татевыхъ въ Троицк. Серг. монастырѣ (списокъ надгробій Троицк. Серг. монаст. Чтен. Моск. общ. ист. годъ I, кн. II, 37). Въ спискѣ надгробій днемъ кончины А. И. Скопиной означено 19 іюля; но сохранилась „память“ ея въ село Иваново на мельницу суздальскаго Покровскаго монастыря (Владимір. Сборн., 140), которую желали взять по записи крестьяне, помѣченная 10 ноября 1631. Въ Покровскомъ монастырѣ похоронена жена кн. Дм. Шуйскаго, Екатерина, подъ своимъ мірскимъ именемъ (О градѣ Сужд. Времен. XXII, 182).

слухъ объ этомъ событіи вскорѣ распространился по Россіи и что о немъ сообщили сами русскіе, еще недавно служившіе Шуйскому, а разсмотрѣнныя выше извѣстія убѣждаютъ, что сообщеніе Буссова не было выдумано имъ лично, а вышло изъ среды, болѣе близкой къ происшествіямъ. Тоже слѣдуетъ сказать и на счетъ обвиненія въ этомъ дѣлѣ царя Василія; подобное подозрѣніе дѣйствительно существовало. Для многихъ оно было даже логически вѣрно: всѣ знали неудовольствіе, заявленное Скопину царемъ, предложеніе Ляпунова и т. п. факты. Буссовъ былъ отголоскомъ этихъ мнѣній и, по расположенію къ ц. Шуйскому, только придалъ своему извѣстію болѣе рѣзкій характеръ.

Жолкевскій не бьетъ на подобный эффектъ. Извѣстны вообще осторожность и умѣренность Жолкевскаго въ приговорахъ и мнѣніяхъ, придающія такую цѣну его Запискамъ о Россіи того времени. Противъ него, пожалуй, могъ бы существовать такой же доводъ, какъ и противъ Буссова, т. е., что онъ не былъ въ это время въ Москвѣ. Жолкевскій прибылъ туда только въ сентябрѣ 1610 г., когда толки о событіи до извѣстной степени улеглись. Но здѣсь является новое соображеніе. Мы знаемъ уже относящееся сюда мѣсто Записокъ Жолкевскаго по 1-му изданію Муханова. Изъ него можно заключить, что Жолкевскій отлично зналъ о подозрѣніяхъ противъ Шуйскаго; но другія данныя, полученныя имъ на мѣстѣ, въ Москвѣ, заставили его сказать, что смерть Скопина случилась отъ лихорадки. Извѣстно, что Скопинъ болѣлъ нѣкоторое время, а болѣзнь его должна была сопровождаться лихорадкою: вотъ мотивъ для объясненія. Но, кромѣ того, по пріѣздѣ въ Москву, Жолкевскій необходимо сталъ въ весьма близкія отношенія къ Шуйскимъ. Съ ними онъ отправился и въ Смоленскъ, и въ Варшаву: вотъ гдѣ и у кого была полная возможность для Жолкевскаго получить опредѣленныя свѣдѣнія о происшествіи, интересовавшемъ всѣхъ.

Но и съ такимъ важнымъ источникомъ, какъ Записки Жолкевскаго, произошла почти такая же трансформація, какъ и съ Рукоп. Филарета. Въ одномъ изъ списковъ ихъ (принадлежащемъ Спб. публ. библ., изъ библ. Залусскихъ) опущено даже извѣстіе Жолкевскаго о первоначальномъ показаніи (т. е. насильственной смерти Скопина), а говорится только: „умеръ отъ лихорадки“. Отсюда ясно, что рукопись подвергалась измѣненіямъ. Во второмъ изданіи Записокъ (Спб. 1871 г.) Муха-

новъ заявляетъ даже, что списокъ Спб. библ. есть собственно копія съ его списка, съ нѣкоторыми пропусками и измѣненіями, о которыхъ онъ говоритъ: „Можно безошибочно заключить, что эти измѣненія и пропуски сдѣланы Жолкевскимъ для смягченія нѣкоторыхъ выраженій, довольно жесткихъ“ (предисл. VIII). Въ этомъ изданіи Мухановъ уже иначе передаетъ переводъ приведеннаго нами мѣста, ближе къ подлиннику: „между тѣмъ, если начнешь разспрашивать, то выходитъ, что онъ умеръ отъ лихорадки“ (2-е изд. 38) [1]). Помѣщая же при этомъ подробное извлеченіе изъ Рукописи Филарета, Мухановъ заявляетъ, что, главнымъ образомъ, въ слѣдствіе неполноты текста означеннаго мѣста у Карамзина, онъ выразилъ сомнѣніе въ насильственной смерти Скопина, и, приведя извѣстную намъ депешу французскаго агента изъ Москвы (см. 2-ю главу), даже заключаетъ: „Въ семъ документѣ находимъ мы извѣстіе о высокой популярности, которою тогда пользовался въ Россіи князь Скопинъ-Шуйскій, а также о всеобщемъ мнѣніи, которое тогда было въ Россіи относительно предстоящаго возведенія его на престолъ; это послѣднее обстоятельство еще болѣе заставляетъ насъ думать, что смерть его была насильственна“ (прилож., стр. 49—50, 58). Такимъ образомъ, остальныя возраженія Муханова не имѣютъ болѣе мѣста.

Авторъ Дневника похода Сигизмунда III говоритъ: „жена Д. Шуйскаго отравила его на крестинахъ, какимъ образомъ—это еще неизвѣстно, но онъ болѣлъ двѣ недѣли и не могъ оправиться“ (584). Это извѣстіе записано прежде другихъ и современно самому событію. Оно заслуживаетъ вниманія по своему согласію съ тѣми извѣстіями о событіяхъ, сопровождавшихъ смерть Скопина (крестины, участіе жены Д. Шуйскаго, продолжительность болѣзни), которыя принимаются за достовѣрныя, а эти свѣдѣнія были получены въ лагерѣ короля отъ московскихъ бояръ, передавшихся полякамъ въ Можайскѣ, и подтверждены Слизнемъ, уже извѣстнымъ намъ по своимъ сношеніямъ съ Москвою (578, 585—86).

Шведы были также убѣждены въ насильственной смерти Скопина [2]);

---

[1]) Więc i to przypadło, że Skopin, kiedy naylepiey miał rzeczy popierać, umarł struty, iako zrazu udawano, z porozumieniem Szuyskiego, z emulacyi, która była między nimi; pytaiąc się iednak o tém, tak się nayduie, że febrą umarł (1-е изд. стр. 63; ср. 2-е изд. прилож. 59—60).

[2]) Procul dubio jussu Suisehii, cui ob excellentem virtutem invisus erat, clam veneno sublatus interiit. (Videk. 139).

а изъ „Сказанія о Скопинѣ“ видно, что, узнавъ о болѣзни послѣдняго, Делагарди присылалъ къ нему шведскихъ врачей, помощь которыхъ, къ ихъ общему сожалѣнію, оказалась безполезною (стр. 383).

Таковы извѣстія о смерти Скопина.

Геркманъ, бывшій въ Москвѣ при Михаилѣ Ѳедоровичѣ, сообщаетъ, что въ то время въ народѣ были распространены пѣсни о смерти Скопина. Одна изъ нихъ дошла до насъ въ собраніи пѣсенъ, записанныхъ для оксфордскаго баккалавра Ричарда Джемса, состоявшаго, въ качествѣ священника, при англійскомъ посольствѣ въ Россіи въ 1618—20 гг. (Гамель, Англичане въ Россіи въ XVI—XVII стол. 242—245). Въ этой пѣснѣ народной печали о кончинѣ героя противополагается злорадство бояръ: плачутъ не только москвитяне, но и „свейскіе нѣмцы“, а князья Мстиславскій и Воротынскій, подсмѣиваясь, приговариваютъ:

Высоко соколъ поднялся
И о сыру матеру землю ушибся.

Другая пѣсня посвящена самой катастрофѣ, постигшей Скопина. У князя Воротынскаго крестили сына: кумомъ былъ князь Скопинъ, „правитель царства Московскаго“, кумою жена Д. Шуйскаго. За обѣдомъ бояре расхвастались, кто силою, а кто богатствомъ. Скопинъ, не будучи впрочемъ сильно хмеленъ, похвастался, что онъ очистилъ Московское государство. Это обидѣло бояръ, и они подсыпали зелья въ стаканъ сладкаго меду, который поднесла Скопину жена Д. Шуйскаго, знавшая о томъ. Дальнѣйшій исходъ извѣстенъ. Но изъ этой пѣсни узнаемъ еще, что похвалы Скопину и его подвиги воспѣвались на пирахъ пѣвцами (см. Извѣст. Акад. Наукъ по 2 отд. т. I; Собр. пѣс. Кирши Данилова; ср. Буслаева, Очерки литерат. I, 519—525; Галахова, Ист. литер. I, 268; Полевого, Ист. литер. 209—210. Варіанты въ Лѣтоп. русск. литер. изд. Тихонравовымъ, IV, 23—27).

Такимъ образомъ въ обѣихъ пѣсняхъ вѣрно переданы нѣкоторыя историческія и бытовыя черты: расположеніе къ Скопину русскихъ и иностранцевъ, пиръ у Воротынскаго, похвалы на пирахъ Скопину.

Разсматривая историческія извѣстія о смерти Скопина, прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что въ нихъ не заключается такихъ противорѣчій, которыя могли бы быть противопоставлены одни другимъ. Существенное разногласіе состоитъ собственно въ томъ, что по однимъ послѣдній пиръ называется у Воротынскаго, по другимъ у Шуйскихъ.

Но это разногласіе понятно, если принять во вниманіе, что вездѣ главная роль придается послѣднимъ. Такъ и Лѣтоп. о мятежахъ (или Нов. лѣтоп.), вовсе не упоминающая о пирѣ, совершеніе дѣла все-таки приписываетъ женѣ Д. Шуйскаго. Съ другой стороны, Палицынъ, заявляющій о подозрѣніяхъ, существовавшихъ у Шуйскихъ противъ Скопина и передающій извѣстіе о его насильственной смерти, сильно говоритъ противъ нихъ уже тѣмъ, что обходитъ ихъ молчаніемъ при описаніи самой катастрофы, хотя и не жалѣетъ словъ на нравственныя разсужденія по этому поводу. Не странно ли въ самомъ дѣлѣ, что человѣкъ, близкій къ нимъ и такъ близко стоявшій у сцены дѣйствія, не скрывающій того, что были недоразумѣнія между Скопинымъ и Шуйскими, наконецъ, такъ рѣзко отзывающійся о Д. Шуйскомъ, не проронилъ ни одного слова въ защиту ихъ тамъ, гдѣ это было совершенно у мѣста? Между тѣмъ самый способъ выраженія его мнѣнія: „но не вѣмъ убо како рещи, Божій ли судъ насъ постиже, или злыхъ человѣкъ умышленіе совершися—единый создавый насъ вѣсть“—сомнительнаго свойства. Въ немъ нѣтъ даже того смягчающаго мотива, который можно допустить въ выраженіяхъ „нѣцыя“ или „мнози глаголютъ“. Палицынъ не рѣшается собственно „како рещи“; но мы знаемъ, что къ „Божьему суду“ относили тогда и такіе факты, какъ смерть царевича Дмитрія.

Въ нашей исторіи есть рядъ извѣстій о случаяхъ и попыткахъ насильственной смерти, и въ частности объ отравленіи, съ политическою цѣлью. Нѣкоторыя изъ нихъ принимаются безусловно, другія еще требуютъ разъясненія. Укажемъ на тѣ и на другія, ограничиваясь примѣрами болѣе близкими къ нашему вопросу. Такъ, князь Дмитрій Шемяка, извѣстный своими притязаніями на московскій престолъ, умеръ въ Новгородѣ, поѣвъ курицы, напитанной ядомъ, присланнымъ изъ Москвы великимъ княземъ, а подъячій Василій Бѣда, прискакавшій въ Москву съ этимъ извѣстіемъ, былъ пожалованъ въ дьяки. И хотя наши лѣтописи по большей части выражаются о Шемякѣ: „преставися“ (Новгор. 2-я, 141, годъ 1453; Псков. 2-я, 31; Псков. 1-я, 215; Твер. 495; Хроногр. 1-й ред. у Попова, 83); а нѣкоторыя изъ нихъ ограничиваются намекомъ „умре напрасною смертію“, съ указаніемъ на пожалованіе Бѣды (Соф. 2-я, 180; Никонов. V, 278; Воскресен. 144); тѣмъ не менѣе наши историки принимаютъ самый фактъ насильствен-

ной смерти (Карамзинъ, V, 201; Соловьевъ, IV, 83) [1]). Въ 1467 г. въ Москвѣ скончалась жена вел. кн. Ивана III, Марія Борисовна (дочь вел. кн. тверскаго), отъ смертнаго зелья, говоритъ одинъ лѣтописецъ (Соф. лѣт. въ Полн. собр. рус. л. VI, 186; ср. Лѣт. Рус. Львова, II, 363), въ слѣдствіе чего тѣло ея такъ распухло, что покровъ, который прежде былъ великъ и висѣлъ по краямъ, не могъ теперь прикрывать умершей. Это случилось въ отсутствіи князя (П. С. Р. Л. IV, 149, V, 272); а когда онъ узналъ, что жена дьяка Акексѣя Полуектова посылала передъ тѣмъ ея поясъ „къ бабѣ“, то сильно разгнѣвался на нихъ и шесть лѣтъ не пускалъ Полуектова на свои глаза (VI, 186). Въ этомъ случаѣ являлось конечно подозрѣніе въ порчѣ. Впрочемъ есть указаніе, что жена Ивана III еще въ отрочествѣ „была одержима зѣльною немощію“ (Сказ. о св. отцахъ, Іос. Волоц., Чтен. М. об. ист. 1847, № 7), для исцѣленія отъ которой прибѣгали къ старцу Евфросину въ Савватіевой пустынѣ. Въ смерти Дмитрія Ивановича, племянника велик. кн. Василія Ивановича, подозрѣвали злой умыселъ со стороны послѣдняго, такъ какъ нѣкогда они были соперниками на московскій престолъ. Лѣтопись говоритъ: „преставися (14 февраля 1509 г.) благов. князь Дмитрій Ивановичъ въ нуждѣ и въ турмѣ, и положиша тѣло его въ церкви Арханг. Михаила въ Москвѣ, возлѣ отца его велик. кн. Ивана Ивановича“ (Ивана Молодаго, Соф. 2-я, 249). Но Герберштейнъ, бывшій въ Москвѣ вскорѣ послѣ того, говоритъ прямо: „одни полагаютъ, что онъ погибъ отъ холоду и голоду, другіе, что онъ задушенъ дымомъ“ (Запис. о Московіи, 19). Не смотря на то, что болѣзнь и смерть вел. кн. Василія Ивановича весьма подробно описаны въ лѣтописи (VI, 267—276), однако

---

[1]) „Даша ему лютаго зелія“ (Арханг. лѣт. у Карамзина, V, 157).

Въ Русскомъ Лѣтописцѣ, издан. Львовымъ (Спб. 1792, II, 348), сообщаются слѣдующія подробности: „Тогожъ лѣта (1453 г.) послалъ вел. князь Стефана Бородатаго въ Новгородъ съ смертнымъ зельемъ уморить кн. Дмитрія; онъ же пріѣхалъ въ Новгородъ къ боярину Дмитреву, Ивану Котову, повѣда ему рѣчь великаго князя, онъ же обѣщася, яко глаголетъ Давыдъ: ядый хлѣбы моя возвеличи на мя лесть, призва повара на совѣтъ, бысть же князю Дмитрію по обычаю восхотѣвшу о полудни ясти, и повелѣ себѣ куря едино изготовить ко обѣду, они же окаянніи смертнымъ зеліемъ доспѣли ему и принесоша е предъ князя, онъ же невѣдый злаго ихъ умыслу яде, и вскорѣ тогдажъ разболѣся и лежалъ двѣнадцать дней и преставися, положенъ же бысть въ церкви св. мученика Георгія въ Новѣгородѣ“.

спустя полгода явилось подозрѣніе на Мих. Глинскаго въ томъ, что онъ давалъ вел. князю „пить зелье", отъ котораго будто бы онъ и умеръ. Глинскаго посадили въ тюрьму, въ которой онъ вскорѣ печально окончилъ свою жизнь (Полн. собр. р. лѣт. VIII, 287, II, 367). Арцыбашевъ (Повѣств. о Рос. II, 130) допускаетъ вѣроятность такого обвиненія; Карамзинъ же (VIII, 9) и Соловьевъ (VI, 8) справедливо видятъ въ этомъ дѣлѣ результатъ честолюбивыхъ стремленій, въ которыхъ Глинскому пришлось столкнуться съ Телепневымъ-Оболенскимъ, любимцемъ правительницы. Но Карамзинъ принимаетъ вѣроятность извѣстія одного Герберштейна объ отравленіи правительницы Елены въ малолѣтство Грознаго (VIII, 29—30), и Соловьевъ, повидимому допускаетъ это мнѣніе (VI, 38)[1]). Далѣе, говорятъ, что царевича Дмитрія въ Угличѣ хотѣли сначала отравить ядомъ[2]); что Борисъ думалъ отдѣлаться ядомъ отъ Самозванца, подославъ къ нему въ Путивль монаховъ съ сильно-дѣйствующимъ зельемъ; но его замыселъ открылся (Паерле, 168). Есть извѣстія, что и Борисъ, поставленный успѣхомъ Самозванца въ критическое положеніе, принялъ ядъ, или былъ отравленъ другими (Буссовъ, 42; Паерле, 173; Петрей 200; Лубѣнскій, у Карамз. XI, 305 примѣч.)[3]). Въ подкрестной записи Борису, присягавшій клялся

[1]) Правленіе Елены и бояръ въ малолѣтство Ивана IV сопровождалось насиліями. Такъ умерли въ заключеніи: кн. Юрій Ивановичъ дмитровскій отъ голода, кн. Андрей Ивановичъ старицкій—„страдальческою смертію"; Телепневъ—отъ недостатка пищи (Карамзинъ, VIII, прим. 15, 16; Соловьевъ, VI, 40).

[2]) „Ему же даваху смертоносное зелье, овогда въ ѣствѣ, овогда въ питье, Богъ же храни праведника... Борисъ же то слышавъ, яко ни во что его не вреди, и оскорбѣся о томъ зѣло" (Никон. лѣт. VIII, 16. Флетчеръ, глава 5-я).

[3]) Русскій лѣтоп. говоритъ: „И отъ печали великія Борисъ опився умре" (Псков. 1-я, 321). Другой лѣтоп. сообщаетъ подробнѣе: „Царь же Борисъ, слышавъ великую бѣду сію (приближеніе Самозванца) зѣло ужасеся и бысть прискорбенъ..... и смертоноснымъ зеліемъ упоивъ себя и бысть мертвъ" (Хроногр. 3-й ред. у Попова, 228; ср. ib. 415).

Авторъ Иного Сказ. говоритъ: „И тако вскорѣ отъ лютаго напоенія скончась горькою и нужною смертію, яко и образу его измѣнити отъ изломанія, и всему тѣлу во уголь почернѣвшу и виду его, ино и сказати невозможно каковъ бысть отъ лютости зелейной" (Времен. Моск. общ. ист. XVI, 22—23).

„Доктора, бывшіе на верху, тотчасъ же узнали, что онъ умеръ отъ яду", говоритъ Масса, находившійся въ то время въ Москвѣ (136). Обстоятельства, сопровождавшія смерть Бориса, были слѣдующія: послѣ сытнаго

не дѣлать зла царскому семейству, причемъ перечисляются самые разнообразные виды зла. Между ними многіе относятси къ тому роду посягательства на жизнь, который назывался тогда „порчею“, но здѣсь же упоминаются и такія средства, которыя ясно указываютъ на боязнь отравленія (Акты Экспед., II, № 10). Отсюда безъ сомнѣнія происходила благосклонность со стороны Бориса къ докторамъ, обратившая на себя вниманіе современниковъ: при немъ состояло нѣсколько медиковъ, которые жили такъ же роскошно, какъ бояре, но, безъ разрѣшенія царя, они не имѣли права лечить постороннихъ (Буссовъ, 19—21). Царь Шуйскій, видя опасность со стороны Болотникова, также прибѣгнулъ было къ насилію. Онъ принялъ предложеніе нѣмца Фидлера отравить Болотникова въ Калугѣ. Фидлеръ далъ клятву, что онъ погубитъ его тѣмъ ядомъ, которымъ обѣщалъ, причемъ онъ получилъ отъ царя лошадь и 100 руб., а въ случаѣ успѣха ему обѣщано было дать еще 100 душъ крестьянъ и 300 руб. ежегодной пенсіи. Но, пріѣхавъ въ Калугу, Фидлеръ открылъ все Болотникову и выдалъ ядъ. Въ послѣдствіи онъ попался въ руки Шуйскому и былъ сосланъ въ Сибирь (Буссовъ, 85—86).

Вообще, въ смутныя эпохи факты насильственной смерти становятся болѣе обыкновенными. Посмотримъ теперь на признаки болѣзни Скопина-Шуйскаго, какъ они описываются въ современныхъ извѣстіяхъ. О нихъ мы уже упоминали: это сильное кровотеченіе но-

обѣда онъ удалился на вышку, съ которой любилъ обозрѣвать Москву, а когда сошелъ внизъ, то немедленно почувствовалъ себя худо. Болѣзнь его сопровождалась конвульсіями („изломаніе“), и кровоизліяніемъ изъ носа и ушей, за которыми послѣдовала смерть съ сильнымъ измѣненіемъ тѣла („во уголь почернѣвшу“). Къ тремъ часамъ дня Бориса уже не стало. Маржеретъ говоритъ, что онъ умеръ отъ апоплексіи (295). Впрочемъ при апоплексіи отсутствіе сознанія наступаетъ вдругъ, тогда какъ при отравленіи сознаніе затмѣвается постепенно (Практич. токсикол. Вербера, 95). Борисъ успѣлъ распорядиться о своемъ постриженіи, а на вопросъ о судьбѣ Россіи отвѣчалъ: „какъ угодно Богу и земству“ (Масса, 136; Th. Smithes, Voyage and entert. in Ruschia, Lond. 1609, 25). О кровоизліяніи см. въ письмѣ Дм. Самозванца къ Мнишку, у Нѣмцевича, II, 530; Карамз. XI, примѣч. 304).

Борисъ отличался дородствомъ, будучи невысокаго роста, и страдалъ подагрою, мѣшавшею ему ходить (Масса, 137).

Эти данныя необходимо имѣть въ виду, при объясненіи рода смерти Бориса.

сомъ и ртомъ (Рукоп. Филар. 26; Никон. лѣт. 132; Лѣт. о мятеж. 177; Нов. лѣт. 114; въ послѣднихъ трехъ говорится только о кровотеченіи „изъ носа"), лихорадка (Жолкевскій), степень продолжительности болѣзни (8—14 дней), и, еслибы „Сказаніе о Скопинѣ" не было богато поэтическими красками, въ ущербъ историческому изложенію, то мы могли-бы присоединить еще нѣсколько чертъ, дополняющихъ эти данныя [1]).

Объ этихъ признакахъ можно сказать только, что они не противорѣчатъ нѣкоторымъ родамъ отравленія (Верберъ, Практич. токсикол. 33, 55, 77—78). Безъ сомнѣнія, нѣкоторыя изъ тогдашнихъ средствъ исчезли для изслѣдователя безвозвратно. Извѣстно однако, что въ составъ сильнѣйшихъ и наиболѣе распространенныхъ отравъ въ средніе вѣка и въ XVI и XVII столѣтіяхъ входилъ обыкновенно мышьякъ, нѣкоторые симптомы отравленія которымъ также соотвѣтствуютъ приведеннымъ нами (включая сюда и Epistaxis, какъ одно изъ явленій, и самую продолжительность болѣзни, за которою слѣдуетъ смерть). Есть даже примѣры, близко подходящіе къ настоящему (Tardieu, Étude médico-légale et clinique sur l'empoisonnement, Paris, 1867, 316—426). Для злонамѣренныхъ отравленій мышьякъ особенно удобенъ, благодаря почти отсутствію вкуса и запаха и дѣйствію въ малыхъ дозахъ. Употребленіе его было хорошо извѣстно и на Западѣ, и на Востокѣ. Замѣчательно также, что въ Италіи, въ вѣкъ наибольшаго распространенія подобныхъ преступленій, ихъ нерѣдко совершали за открытымъ столомъ, при посредствѣ вина и, въ случаѣ смерти, самому факту давали такое же объясненіе, какое мы встрѣчаемъ въ настоящемъ примѣрѣ въ Запискахъ Жолкевскаго (Шлоссеръ, XI, 169) [2]).

---

[1]) Сказаніе говоритъ, что послѣ питья у Скопина „очи ярко возмутилися, а лице его страшно кровью знаменуется, и начатъ утроба его лютѣ терзатися"; и далѣе: „онъ же на ложѣ своемъ въ тоскахъ мечущись и бьющеся и стонущу, крича зѣло лютѣ, аки звѣрь подъ землею" (Изборн. 383). Въ другомъ, современномъ разсказѣ, замѣчено: „и въ томъ часѣ начатъ сердце его терзати" (Прибавл. къ псков. лѣт. стр. 59).

По словамъ послѣдняго извѣстія Скопина принесли домой съ пира „свои"; но изъ Сказанія видно, что мать его не присутствовала на пирѣ. Это понятно, если принять во вниманіе ея предостереженіе, чтобы онъ не ходилъ въ Москву. Безъ сомнѣнія она была въ разладѣ съ Шуйскими.

[2]) „Подозрительные припадки пріобрѣтаютъ болѣе доказательную силу, когда они являются вскорѣ послѣ употребленія пищи" (Верберъ, 7).

Но если смерть Скопина могла возбуждать подозрѣнія у современниковъ и наводить на мысль о насильственности, то естественно раждался вопросъ, кто могъ нуждаться въ этой смерти и какія цѣли преслѣдовали его враги.

Мы уже видѣли, что и тѣ показанія, которыя мѣстомъ пира называютъ домъ князя Воротынскаго, и тѣ, которыя совершившійся фактъ относятъ непосредственно къ Шуйскимъ, обвиняютъ въ этомъ дѣлѣ послѣднихъ. Позднѣйшіе изслѣдователи, относясь скептически къ этимъ показаніямъ, имѣли въ виду собственно защиту ц. Шуйскаго. Но этимъ не исчерпывается весь вопросъ.

Дѣйствительно, царь Василій могъ завидовать племяннику, и, по своей подозрительности, долженъ былъ опасаться его вліянія на народъ. Но прямаго интереса въ подобномъ насиліи у него не могло быть. Чтобы посадить на престолъ Скопина, необходимо было низвести царя Василія, а на это едва ли рѣшился бы самъ Скопинъ, хотя бы только въ виду печальныхъ обстоятельствъ того времени. Соглашеніе въ такомъ дѣлѣ могло быть развѣ обоюдное и добровольное, а по извѣстію, въ которомъ сообщается, что царь Василій уже рѣшался уступить престолъ другому, видно, что онъ ставилъ при этомъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы Скопинъ очистилъ сначала Россію отъ поляковъ (Дневн. Сигизм. 584). Царю Василію былъ прямой разсчетъ держаться Скопина, именемъ котораго держалось все. Поэтому онъ старался скрывать свою зависть и открыто честилъ побѣдителя. Говорятъ, что онъ даже хотѣлъ

Въ старину „отравленіе“, „порча“ и „чаровство“ обыкновенно смѣшивались. Патр. Никонъ, считая себя „испорченнымъ“ или „отравленнымъ“, принималъ противуядія: „Безуемъ каменемъ и индроговымъ пескомъ отпился...; а старцы по три дни лежали; тѣмъ же, что я отпилися, и нынѣ велми животомъ скорбенъ“ (пис. къ Ник. Зюзину, Записки отдѣл. Рус. и Слав. Археол. II, 588). Безуй—животный камень, безоаръ. Его употребляли какъ потогонное (Акты истор. III, 387). Индроговый—изъ кости единорога. Рогъ единорога считался вѣрнымъ средствомъ противъ тяжкихъ болѣзней и для поддержанія цвѣтущаго здоровья. Утвержденію такого мнѣнія способствовали иностранцы, и царь Алексѣй Михаиловичъ за три такихъ рога готовъ былъ заплатить 10,000 руб. соболями и рухлядью (Акты истор. IV, 242).

Интересное дѣло о мышьякѣ (1630 г.) см. у Забѣлина, Бытъ царицъ, II, 531—538.

ударить палкою своего брата Дмитрія, когда тотъ продолжалъ надоѣдать ему доносами на племянника, и прогналъ его съ глазъ (Видек. 136) [1]). Притомъ у ц. Шуйскаго не было династическаго разсчета, такъ какъ онъ не имѣлъ дѣтей. Тѣ писатели, которые говорятъ о прямомъ интересѣ царя извести племянника, судятъ или по тѣмъ проявленіямъ его неудовольствія на послѣдняго, о которыхъ тогда ходили слухи, или по предрасположенію людей восходить къ болѣе отдаленному источнику, или, наконецъ, по общему нерасположенію къ царю Василію, котораго, подобно Годунову, стали считать виновникомъ всѣхъ бѣдъ.

Иными побужденіями долженъ былъ руководствоваться кн. Д. Шуйскій. Онъ лелѣялъ въ себѣ мысль о возможности, по смерти царя, занять его мѣсто, и она льстила его честолюбію. Но гордость Д. Шуйскаго не знала предѣловъ. Подчиненные ненавидѣли его за недоступность и презрительное отношеніе къ нимъ, онъ же заботился только объ удовлетвореніи своей страсти къ роскоши, между тѣмъ какъ общее положеніе дѣлъ требовало постоянныхъ жертвъ. Такъ отзываются о немъ писатели, лично расположенные къ царю Василію (Палицынъ и авторъ Иного сказанія). Голландецъ Геркманъ, писавшій свою записку со словъ очевидцевъ, ведетъ вражду Д. Шуйскаго къ Скопину со вре-

---

[1]) Русскій лѣтописецъ упоминаетъ о взаимной ненависти и зависти Скопина и кн. Дмитрія (Никон. лѣт. 132; Лѣт. о мятеж. 177—178). Конечно, осторожность Скопина не исключаетъ дѣятельной агитаціи его сторонниковъ, и мы уже знаемъ объ ея успѣхахъ. Въ такомъ конечно смыслѣ слѣдуетъ принимать и указаніе Подробн. лѣт., издан. Львовымъ, о видахъ Скопина на престолъ. Но тамъ же сообщается, что еще при жизни послѣдняго, изъ опасенія передъ нимъ, царь поручилъ начальство надъ войскомъ кн. Дмитрію Шуйскому, а Скопинъ принялъ это за обиду. Если въ сбивчивомъ изложеніи этой лѣтописи не смѣшано здѣсь назначеніе начальникомъ войска кн. Дмитрія по смерти Скопина, какъ говорятъ другіе источники, то въ приведенномъ фактѣ можно было бы видѣть всю силу вліянія на царя его брата (Лѣт. Львова, 1799, III, 249). Подозрительность не оставляла царя Василія и по смерти Скопина. Есть современное извѣстіе, что вскорѣ послѣ этого царь подвергъ преслѣдованіямъ и заключенію лицъ, служившихъ при Скопинѣ и его слугъ, быть можетъ съ цѣлью вывѣдать его замыслы (Дневн. похода Сигизм. 601). Но это не помѣшало Шуйскому заявлять свою печаль по смерти племянника...

мени порученія послѣднему главнаго начальства: успѣхъ Скопина только окончательно возбудилъ противъ него кн. Дмитрія. При вступленіи Скопина въ Москву, онъ издали слѣдилъ за нимъ, стоя на валу города, и при этомъ громко назвалъ его своимъ соперникомъ, такъ что всѣ обратили на это вниманіе (стр. 313—315). Еще со времени предложенія Ляпунова, царь и братья его стали „держать мнѣніе“ противъ Скопина (Ник. лѣт., Лѣт. о мятеж. Нов. лѣт. 108). Но за тѣмъ, по прибытіи его въ Москву, уже ясно обнаруживается давленіе на царя его братьевъ, а имена кн. Д. Шуйскаго и его жены постоянно упоминаются при описаніи этихъ несогласій (Ник. лѣт., Лѣт. о мятеж., Нов. лѣт. 115; Прибавл. къ псков. л. 58; Сказан. о Скоп. 383; Видек., Дневн. Сигизм., Рукоп. Филар. 25) [1]). Они обвиняли Скопина въ самовольной уступкѣ Кексгольма или Корелы (Видекиндъ, 139); они возбуждали царя, утверждая, что Скопинъ ищетъ царства, и они же являются дѣйствующими лицами на послѣднемъ пирѣ. Узнавъ о постигшей его катастрофѣ, народъ прямо бросается къ дому Д. Шуйскаго, чтобы покончить съ нимъ, и только отрядъ царскаго войска спасаетъ его отъ неистовства толпы [2]). Показанія писателей и лично расположенныхъ,

---

[1]) „Князь Дмитрей Ив. Шуйской съ братіею и со княгинею велію злобу имяху на него чающи того, яко онъ желаетъ быти царемъ“ (Нов. лѣт.) Никон. лѣт. говоритъ „о бывшеи рени (ссорѣ) между Скопинымъ и Дм. Шуйскимъ съ женою“ (132).

Жена Д. Шуйскаго (Екат. Григ.) была, какъ видно, женщина властолюбивая и имѣла вліяніе на мужа, подражая въ этомъ отношеніи своей сестрѣ, женѣ Бориса Годунова. Современники приписываютъ послѣдней даже утвержденіе въ Борисѣ мысли о завладѣніи престоломъ, и говорятъ, что ему самому приходилось сдерживать въ ней властолюбивыя замашки (Масса, 36, 134). По ея примѣру женщины при Борисѣ стали пользоваться большею свободою. Царица любила выѣзжать, окруженная женщинами, слѣдовавшими за ея каретою верхами (Маржер. 268). Дворъ Марины Мнишекъ сталъ еще свободнѣе. Боярыни гуляли по Москвѣ подъ руку съ мужьями (La Legende de la vie et de la mort de Demetrius, 1839. Moscou). Жена Д. Шуйскаго вращалась уже въ этой средѣ. Послѣ смутнаго времени реакція отразилась и на теремѣ.

[2]) Hinc suspicio rumorque per urbem sparsus, fraude Suischii periisse Scopinum... In authorem sceleris Demetrium Suischium maxime insurgere caepit impetus indignantium... adeo ut vix a direptione aedium ipsius se abstinuissent, nisi

и враждебныхъ къ ц. Шуйскому, также подтверждаютъ, что погибель Скопина могла быть дѣломъ только Д. Шуйскаго и его жены. Авраамій Палицынъ, по понятной причинѣ умалчивающій объ именахъ дѣйствующихъ лицъ, прямо говоритъ, что „языкъ многихъ отъ сердецъ лукавыхъ подвижеся и они съ клятвою подходятъ въ тайныхъ думѣхъ самодержца", толкуя ему, что „вся земля почитаетъ кн. Михаила паче тебе великій царю" (230); а по другимъ извѣстіямъ мы знаемъ, кто приступалъ къ царю Василію съ такими назойливыми наущеніями и на кого замахнулся палкою царь Василій. Понятно, почему Палицынъ, разсказывая далѣе о неудачѣ Дмитрія подъ Клушинымъ, уже позволяетъ себѣ не щадить его и выставляетъ на видъ общую ненависть къ нему (232). Но даже авторъ „Сказанія о Скопинѣ", подробно описывающій сцену у Воротынскаго и дѣло жены Д. Шуйскаго, говоритъ, что самъ царь, „возвратясь отъ погребенія въ свою палату, упалъ ницъ на столъ и горько плакалъ по умершемъ" (387). Еще важнѣе свидѣтельство другаго лѣтописца, который не щадитъ царя Василія, описываетъ дѣло жены Д. Шуйскаго, даже самый пиръ относитъ къ Шуйскимъ; но при этомъ передаетъ, что, послѣ клушинской битвы, народъ требовалъ у Василія Шуйскаго оставить престолъ, а въ смерти Скопина обвинялъ только его братьевъ („твоя братія своего племянника, а нашего государя... отравою окормиша". Полн. собр. рус. лѣт. V, 59) [1]).

Смерть Скопина передала власть въ руки Шуйскихъ. Но ихъ торжество было непродолжительно. Интрига, пустившая глубокіе корни

---

ipse Mag. Dux. Basilius vi manuque sua tumultum quidem invadentium, sed animorum motum non composuisset (Videkind, 139—140).

Этотъ отрядъ войска безъ сомнѣнія состоялъ изъ стрѣльцовъ, которыми начальствовалъ другой братъ Шуйскаго, князь Иванъ Ивановичъ (Жолкевскій, 157).

[1]) Въ другомъ сказаніи, помѣщенномъ тамъ же, эта мысль выражается еще яснѣе: „Тогда, грѣхъ ради нашихъ, въ Московскомъ государствѣ бысть раздоръ въ людехъ, царя Василія возненавидѣша за многое кровопролитіе, второе же братія его племянника своего возненавидѣша за храбрость его, князя Мих. Скопина, иже нѣмецъ наятъ и отгна вора съ Литвою, и вманивъ его къ Москвѣ отравою умориша" (Полн. собр. рус. лѣт. V, 71).

въ тогдашнемъ политическомъ строѣ русскаго общества, подрывала довѣріе и къ лицамъ, бравшимъ на себя иниціативу его умиротворенія, и оно снова бросилось въ водоворотъ борьбы, изъ который вышли новые люди, съумѣвшіе объединить враждебныя другъ другу стремленія повидимому распадавшагося общества.

Нѣсколько документовъ, относящихся къ преобразованію въ Войскѣ Донскомъ 1775 года.

Чтеніе **П. А. Лашкарева.**

15-го февраля 1775 года былъ Высочайше конфирмованъ докладъ военной коллегіи вице-президента, генералъ-аншефа, Новороссійской и Азовской губерній генералъ-губернатора Потемкина, которымъ „для правленія всѣхъ земскихъ дѣлъ“ въ предѣлахъ Войска Донскаго было предположено учредить „войсковое гражданское правительство“, подъ вѣдѣніемъ самого же Потемкина; а вмѣстѣ съ тѣмъ старшинъ, полковниковъ и прочіе чины Войска Донскаго уравнять въ правахъ съ чинами армейскими. Указывая основанія, по которымъ Потемкинъ находилъ необходимымъ отдѣлить гражданское управленіе Донскаго Войска отъ военнаго, докладъ излагалъ отчасти и тѣ побужденія, по которымъ вице-президентъ военной коллегіи ходатайствовалъ предъ государынею объ уравненіи правъ казачьей службы съ армейскою. „Къ сему же всеподданнѣйшему моему представленію, говорилъ Потемкинъ, дерзаю я, Всемилостивѣйшая Государыня, присовокупя, повергнуть правосудію Вашему всѣхъ Войска Донскаго главныхъ старшинъ и полковниковъ, во многихъ къ прославленію отечества походахъ и сраженіяхъ съ полками своими находившихся, которые, по образу ихъ легкой службы, побѣдоносному Вашему войску въ званіи своемъ стольже нужны и полезны суть, сколь и прочія военныя части необходимы. А какъ донынѣ, кромѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ, никакого съ установленными по табели военными чинами сравненія неимѣютъ, а чрезъ то самое, не взирая на многовременную свою въ званіи полковничьемъ службу, под-

чинены бываютъ несравненно младше ихъ по службѣ состоящимъ офицерамъ, противорѣча тѣмъ самому порядку оной, гдѣ каждому чину извѣстное число людей къ командованію назначено; и какъ казаки со всѣми прочими войскъ рядовыми никакой разности неимѣютъ: то и предосудительно пятисотное число, имѣющее званіе полка, ввѣрять неимѣющему штабъ-офицерскаго чина". Предлагая, поэтому, объявить старшинамъ, командовавшимъ въ походахъ полками, штабъ-офицерскіе чины, а тѣхъ, которые впредь будутъ командовать въ званіи полковниковъ, „считать заурядъ младшими предъ армейскими секундъ-майорами, а выше всякаго капитана", выдавая имъ притомъ и патенты на чины,—Потемкинъ касательно есауловъ и сотниковъ ходатайствовалъ: „въ должное уваженіе службы, Всемилостивѣйше повелѣть, во всѣхъ случаяхъ признавать и принимать ихъ прилично офицерскому чину (хотя они настоящихъ по арміи офицерскихъ чиновъ имѣть и не будутъ), и въ налагаемыхъ на нихъ за вины наказаніяхъ поступать такъ, какъ объ офицерахъ установлено". Утвердивъ эти предположенія Потемкина, Екатерина возложила на него же самого и приведеніе ихъ въ исполненіе; причемъ, согласно представленію Потемкина, наказнымъ атаманомъ, вмѣсто Сулина, повелѣла быть старшинѣ Иловайскому [1]).

Таковы извѣстныя данныя для уясненія преобразованія, имѣвшаго весьма важное значеніе въ судьбахъ знаменитаго Войска Донскаго. Броневскій, въ своей исторіи этаго Войска, дополняетъ ихъ только слѣдующимъ примѣчаніемъ: „Разсказываютъ, что поводомъ къ сему преобразованію отчасти послужилъ слѣдующій случай: князь Таврическій, однажды прогуливаясь по лагерю, увидѣлъ, что гусарскій корнетъ нагайками безщадно наказывалъ какого-то казака; и узнавъ, что то былъ старшина, т. е. полковой командиръ, рѣшился представить императрицѣ, чтобы ихъ по крайней мѣрѣ заурядъ на время похода сравнять съ армейскими майорами [2])".

Полагая, что всякое добавленіе новыхъ матеріаловъ для исторіи Екатерининскаго царствованія, равно и для характеристики такихъ дѣятелей этого царствованія, какимъ былъ Потемкинъ, имѣетъ свое значеніе, я предлагаю вниманію Историческаго общества четыре документа, относящіеся къ упомянутому выше преобразованію въ Войскѣ

---

[1]) П. С. З. т. XX, №№ 14,251 и 14,330.

[2]) Броневскій. Исторія Донскаго Войска, 1834 г. ч. 2, стр. 126, прим. а.

Донскомъ. Документы эти состоятъ: 1) изъ похвальной Войску Донскому грамоты графа Румянцова; 2) изъ похвальнаго же отзыва объ этомъ Войскѣ князя Василія Долгорукова, изложеннаго въ письмѣ къ Потемкину; 3) изъ похвальнаго листа тому же Войску, даннаго графомъ Панинымъ, и наконецъ, 4) изъ письма Потемкина къ одному изъ старшинъ Донскаго Войска, котораго Потемкинъ называетъ Алексѣемъ Ивановичемъ. Документы эти найдены мною въ библіотекѣ Кіевской Д. академіи въ сборникѣ указовъ и нѣкоторыхъ другихъ документовъ, относящихся къ царствованію Екатерины II [1]). Документы эти помѣщены тамъ въ копіи. Но что копія современна оригиналамъ, за это, кромѣ почерка, ручается а) самый сборникъ, составленный не позже конца 1782 года [2]), а главное б) помѣтка, сдѣланная старымъ же почеркомъ, на оборотѣ копіи: „Получены 1776 года генваря 1 дня при писмѣ 1775 года декабря отъ 20 дня подъ № 28“.

I.

Похвальная грамота Донскому Войску графа Румянцова.

Графъ Петръ Румянцовъ, Ея Императорскаго Величества Государыни моей Генералъ-Фельдмаршалъ, повелѣвающій арміею и корпусомъ, расположеннымъ къ сторонѣ при Малой Россіи, *(Малой Россіи)* Генералъ-Губернаторъ, Малороссійской Коллегіи президентъ, керасирскаго полку военнаго ордена полковникъ, орденовъ россійскихъ императорскихъ святыхъ: апостола Андрея, военнаго-великомученика и побѣдоносца Георгія перваго класса, Александра Невскаго, и голштинскаго святыя Анны, кавалеръ.

По Всевысочайшей довѣренности Ея Императорскаго Величества, я, будучи предводителемъ арміи въ послѣднюю войну съ турками, подтверждаю многократныя мои засвидѣтельствованія и симъ вообще удостовѣреніемъ о всѣхъ господахъ старшинахъ и казакахъ Войска Донскаго, находящихся въ теченіяхъ войны подъ моею командою, что подвиги ихъ противъ непріятеля отлично поспѣшествовали всеславнымъ

---

[1]) Отд. Н. № 67.

[2]) Сборникъ, уже въ настоящемъ его видѣ, поступилъ въ академическую библіотеку, какъ видно изъ надписи по листамъ его, 10-го января 1783 года.

успѣхамъ россійскаго оружія. Они составляли зимою и лѣтомъ передовую стражу арміи, неутомляясь ни нуждою, ни *(не)* выгодами, такому положенію свойственными въ мѣстахъ наипаче необитаемыхъ. Бдѣнію и врожденному въ нихъ военному искуству одолжены мы особливо, что непріятель нигдѣ немогъ во вредъ намъ скрыть своего движенія, но былъ часто чрезъ собственныя ихъ силы отбитъ и превозмогаемъ; а побуждаемы будучи доброю волею и рвеніемъ къ службѣ, во всякомъ случаѣ, гдѣ только было дѣло съ непріятелемъ, въ малыхъ и большихъ стычкахъ, и въ самыхъ генеральныхъ сраженіяхъ пускались они въ огонь первые, отличаяся храбростію чрезвычайною; повиновеніемъ власти и жертвованіемъ самой жизни обрѣтали премногія надъ непріятелемъ побѣды; и доводы ихъ мужества, военнаго искуства, раченія и послушанія въ дѣйствіяхъ, которыя отъ меня собственно, или отъ генераловъ отряженныхъ войскъ командировавшихъ, на нихъ возложены были, больше удивительно отъ нихъ содѣяны, нежели оные описать или довольно восхвалить есть удобно. И словомъ, заключаю мое свидѣтельство, что сіе храброе и полезное отечеству Донское Войско по отличнымъ своимъ заслугамъ, въ войнѣ оказаннымъ, достойно Высочайшаго благоволенія и милостей монаршихъ; еже даю за подписомъ и печатью моими. Малороссійскаго прилуцкаго полку въ селѣ Порфировкѣ іюня 4 дня 1775 году.

На подлинномъ подписано тако: Графъ Румянцовъ.

II.

Письмо князя В. Долгорукова къ Потемкину.

Милостивой государь мой Григорій Александровичь!

Не могу изобразить сколько пріятно мнѣ исполнить волю вашего высокопревосходительства засвидѣтельствованіемъ о похвальной службѣ, бывшихъ въ минувшую войну подъ моимъ предводительствомъ, казацкихъ полковъ Войска Донскаго, тѣмъ болѣе, что самая должность и справедливость меня къ тому обязываетъ. Изъ донесеній моихъ Ея Императорскому Величеству во все то время, которое по Всевысочайшей довѣренности имѣлъ я честь командовать арміею, о мужественныхъ подвигахъ при каждомъ дѣлѣ съ непріятелемъ, казаками сего войска оказываемыхъ, и изъ предстательства, которымъ всеподданнѣйше

испрашивалъ я Всемилостивѣйшаго награжденія ихъ начальникамъ, ваше высокопревосходительство заключить изволите о способахъ, коими достигали они къ пріобрѣтенію сея справедливости. Неустрашимая храбрость, труды неутомленные, ревностное усердіе и вѣрность ко Всеавгустѣйшей Монархинѣ были руководителями ихъ ко исполненію всего, на нихъ возложеннаго, и преодолѣнію самыя невозможности и презрѣнію всѣхъ опасностей, даже и смерти, гдѣ только долгъ ихъ, польза службы и слава отечества того требовала. Съ такимъ посредствомъ *(не)* могли и дѣла имъ препоручаемыя не быть увѣнчаны желаемыми успѣхами, коими заслуживая всеобщую хвалу, обращаютъ они на себя и Всемилостивѣйшее Монаршее воззрѣніе. Я, будучи увѣренъ, что ваше высокопревосходительство, яко справедливый начальникъ, неоставите употребить ходатайства вашего къ достойному сихъ заслуженныхъ людей уваженію, пользуюсь симъ случаемъ къ испрошенію вашего превосходительства милостивой протекціи и всѣмъ тѣмъ изъ бывшихъ моей команды, которые въ свое время за оказанныя ими службы были мною рекомендованы, ко умноженію всѣхъ благодарностей пребывающаго съ истиннымъ высокопочитаніемъ и неограниченною преданностію. Вашего высокопревосходительства покорнѣйшій слуга—

Князь Василѣй Долгоруковъ.

III.

Похвальный листъ Донскому Войску Графа Панина.

Я нижеподписавшійся, войскъ Ея Императорскаго Величества полный генералъ, далъ сей одобрительной и похвальной листъ Войска Донскаго тѣмъ полкамъ и командамъ, кои, подъ моимъ предводительствомъ побѣдоноснаго Ея Императорскаго Величества оружія, находились во второй арміи, подъ главнымъ начальствомъ сего войска походнаго атамана Грекова, въ двухъ компаніяхъ противу турокъ въ минувшихъ 1769 и 1770 годахъ, и которые были какъ отряженными ко усмиренію народнаго государственнымъ злодѣемъ Пугачевымъ возмущенія, такъ по приближенію онаго къ Царицыну сами къ преслѣдующимъ сего злодѣя отъ меня войскамъ явились,—свидѣтельствуя, что оныя донскія войска и ихъ начальники, при обоихъ тѣхъ моихъ предводительствахъ, отправляли должность службы своей со особливо

похвальными къ Ея Императорскому Величеству вѣрностію, усердіемъ, мужествомъ, и съ неутомленными трудами.

На подлинномъ пишетъ тако: Графъ Панинъ.

IV.

Письмо Потемкина къ одному изъ старшинъ Войска Донскаго.

Милостивой государь мой Алексѣй Ивановичь.

Радуюсь, что выполнены почти всѣ, дарованныя вамъ отъ Ея Императорскаго Величества наиполезнѣйшія основанія; а притомъ и сожалѣю, что сыскались нѣкоторые несмысленные люди, кои непоняли столь превосходныхъ всему Войску выгодъ. Возмите вы попеченіе, какъ начальникъ, истолковать имъ, что все для нихъ постановленное есть наивящшее подтвержденіе преимуществъ и обрядовъ прежнихъ, а не такъ, какъ они толкуютъ. Укажите имъ на то изображеніе Высочайшимъ конфирмованнымъ докладѣ, которыя точно гласятъ, что служба сія для нашего войска необходимо нужна, и несказанно облегчаетъ регулярную службу. Кому бы оберегать армію, колибъ не Донское Войско. Видѣли вы при томъ, сколь я отличалъ и содержалъ въ чести васъ господъ старшинъ, и для того первымъ почелъ стараніемъ ходатайствовать объ уравненіи съ другими. Грусно мнѣ было смотрѣть, въ какомъ презрѣніи, а паче въ гоненіи у нѣкоторыхъ командировъ вы были. Мартиновъ помнитъ, что въ первую конпанію, въ сатисфакцію гусарскаго порутчика Маргавича, чуть невысѣкли плѣтьми донскаго полковника, естлибъ я не подоспѣлъ. Онъ же помнитъ, что капитанъ Зоричь сѣчь хотѣлъ батожьемъ и самаго походнаго атамана Сулина; чтобъ было, естлибъ я неупросилъ. Ещежъ порутчикъ Фризель немного невысѣкъ полковника Голова; чтобъ и было, естлибъ генералъ-майоръ Сатинъ ему невоспрепятствовалъ. Часто армейскіе субалтеринъ-офицеры, а при томъ и чужестранные, никогда неслужившіе отечеству нашему, командовали по два полка донскихъ и болѣе; а у меня въ корпусѣ этова небыло, а теперь и нигдѣ небудетъ. Полковникъ донской знаетъ свое мѣсто,—посмѣлѣй будетъ заступать за бѣдныхъ казаковъ, которыхъ армейскіе командиры неугодно себѣ въ услугу употребляли. Есаула, и сотника, и хорунжева теперь и палкою ударить нельзя. Вы же знаете, что я и регулярными командовалъ несурово. Молите Бога вѣчно за Всемилостивѣйшую Государыню, она васъ утвердила навсегда

въ вашихъ обрядахъ и преимуществахъ. Теперь вы можете быть увѣрены, что вы ограждены отъ всякихъ перемѣнъ и новостей, обществу вашему вредныхъ. А что до меня касается, я, пока живъ, непрестану имѣть попеченіе о благѣ Войска вашего; желаю, требую только, чтобъ вы всѣ силы устремили ко отправленію возложенной на васъ должности со всею честностію и безпристрастіемъ. Вашъ вѣрный слуга

Г. Потемкинъ.

Очерки изъ исторіи Кіевской епархіи въ XVIII столѣтіи, на основаніи документовъ синодальнаго архива.

Чтенія **Ф. А. Терновскаго.**

I.

Письмо бывшаго тобольскаго митрополита Филовея Лещинскаго (въ схимонахахъ Ѳеодора) къ Ѳеофану Прокоповичу съ просьбою о позволеніи выѣхать изъ Сибири на обѣщаніе въ кіево-печерскую лавру.

Великому Государю Преосвященнѣйшему Ѳеофану
Архіепископу Великоновогородскому

смиреннаго архіерея схимонаха Ѳеодора

нижайшее поклоненіе.

Двадесять пятое зачинаю жити въ Сибѣри лѣто и не нажилемъ себѣ добраго ничего ни въ душевномъ, ни въ тѣлесномъ. И власне до моего смиренія пророческое служитъ слово: *сыне человѣчь! посредѣ скорпій ты живеши.* То въ тѣлесномъ. А что до душевнаго, то и близь не бывало, занеже мѣсто и нравъ украшаетъ, якоже человѣковъ старци. Лѣта минаютъ, смерть за плечима, а гдѣ грѣшникъ явится, когда праведный едва спасется. О бѣднѣй душѣ попеченіе имѣю и на обѣщаніе замышляю, но къ кому припàсти, дабы мя выдвигнулъ изъ Сибѣри, не знаю Положивъ на Бога надежду, дерзаю до Преосвященства вашего припасти. Пожалуй, пощади и помилуй, даждь душѣ скорбящой утѣшеніе, прикажи виехать зъ Сибѣри къ Москвѣ и явитися

лицу вашему. Что во мнѣ, уже старцу, и на Сибѣри? Нездужаю ѣздить и до иноземцевъ крестити; а крещенныхъ благодатію Божіею премногое множество, было бъ только кому пасти и охраняти. И тое требуетъ человѣка, которому надобно не скудну быти, а хотябъ бы и свой имъ былъ епископъ, чтобъ сидячи не бралъ по тысячи, какъ преосв. епископъ въ Китайское царство посланный, чрезъ пять лѣтъ и едного чи окрестилъ не знаю [1]). А я бѣднякъ многи з крещеніемъ прошолъ народы, а хлѣба ошонка не получилъ за труды.

А еще и то мя оскорбило до зѣла: ризницу мою власную келейную отнято напрасно. Въ убогого снято, да богатому отдано, преосвященному Антонію [2]).

Прошу преосвященства вашего, аще возможно, повелѣте ризничку мою возвратити мнѣ на памятку души моей. При семъ паки кланяюсь и о двоемъ прошеніи моемъ: о ризницѣ моей и о виѣздѣ з Сибѣри на обѣщаніе въ кіево-печерскую обитель прошу, молю благоутробія вашего резолюціи.

На оборотѣ: Великому Господину пр. Ѳеофану архіепископу Великоновгородскому и Великолуцкому моему премилостивому отцу и благодѣтелю.

З Свято-троицкія обители Тюменской. Декабря 25 дня 1727 г.

II.

Дѣло о предоставленіи кіевской каѳедрѣ прежняго титула митрополіи.

Въ 1589 г. учреждено патріаршество въ Россіи, и вмѣстѣ съ повышеніемъ московскаго первосвятителя въ санъ патріарха естественно должны были повыситься на іерархической лѣстницѣ и подвѣдомственные ему архіереи. На томъ же московскомъ соборѣ, на которомъ узаконено патріаршество, положено: быть въ вѣдѣніи патріарха 4 митрополитамъ,—и тогдаже митрополичьимъ саномъ почтены архіереи: новгородскій, казанскій, ростовскій и крутицкій. Въ 1686 г. мы находимъ

---

[1]) Рѣчь идетъ о св. Иннокентіѣ иркутскомъ, о которомъ м. Филоѳей, какъ видно, составилъ заочное и невѣрное представленіе.

[2]) Разумѣется Антоній Стаховскій, преемникъ м. Филоѳея на сибирской митрополіи.

въ вѣдѣніи московскаго патріарха уже 12 митрополитовъ; кромѣ четырехъ вышеуказанныхъ, еще:—кіевскаго, суздальскаго, смоленскаго, рязанскаго, астраханскаго, тверскаго, псковскаго и сибирскаго.

При Петрѣ I-мъ патріаршество было отмѣнено и замѣнено св. синодомъ, подъ предсѣдательствомъ сначала митрополита рязанскаго Стефана Яворскаго, а потомъ съ конца 1722 г. архіепископа новгородскаго Ѳеодосія Яновскаго. Понятно, что при этомъ должно было совершиться обратное движеніе въ іерархіи, т. е. пониженіе архіереевъ въ іерархическихъ степеняхъ. Когда первенствующій въ св. синодѣ архіерей носилъ званіе только архіепископа, то неумѣстно было бы другимъ не столь высоко поставленнымъ архіереямъ украшаться высшимъ саномъ. „Его Величество—пишетъ Татищевъ (въ своей Росс. ист. ч. 1-я М. 1768 г.) о проектахъ Петра относительно духовнаго штата,—„видя, что, хотя званіе архіереевъ на три степени раздѣлили, яко митрополиты, архіепископы и епископы, но разность ихъ ни въ чемъ иномъ, какъ въ предсѣданіи и одеждахъ состояла, въ правленіи же и власти каждый равную силу имѣлъ,... того ради чинъ митрополита, яко излишній, оставилъ,... и.. намѣрился учинить пять архіепископовъ, яко всликороссійскій, бѣлороссійскій, малороссійскій, болгарскій и сибирскій,—подъ ихъ смотрѣніемъ 38 епископовъ“,—и проч. Татищевъ прибавляетъ, что сію роспись съ собственноручною помѣткою государя видѣлъ онъ у архіепископа Прокоповича. Конечно смерть воспрепятствовала Петру I выполнить его предначертанія относительно іерархическаго дѣленія Россіи на пять архіепископій, но что касается до отмѣненія митрополичьяго достоинства, то Петръ успѣлъ сдѣлать нѣчто для этой цѣли. Еще въ 1711 г., давая м. Стефану Яворскому разрѣшеніе выбрать архіерея въ Ростовъ на мѣсто свято-почившаго Димитрія Ростовскаго, государь писалъ: *только быть епископу, а не митрополиту* [1]). Въ послѣдніе годы царствованія Петра I-го было два случая низведенія митрополитовъ съ ихъ степеней. Такъ митрополитъ сарскій и подонскій Игнатій Смола 1721 г. сент. 8 назначенъ епископомъ иркутскимъ; митрополитъ тверскій и кашинскій Сильвестръ Холмскій въ 1723 г. былъ переведенъ въ рязанскую епархію въ званіи епископа [2]). Конечно для архіереевъ, понижаемыхъ такимъ образомъ,

---

[1]) Соловьевъ, Ист. Росс. XVI, 353.

[2]) Списки архіереевъ Ю. Толстого Спб. 1872 г. 3, 4.

это было не особенно пріятно. Митр. Игнатій Смола не принялъ новаго назначенія и 1721 г. окт. 1 отошелъ на обѣщаніе въ Нилову пустынь. Митр. Сильвестръ Холмскій, хотя и перемѣстился въ Рязань въ званіи епископа, но горько сѣтовалъ на свое униженіе и на тѣхъ, кого считалъ виновниками онаго. На тетради, *писанной на подобіе исторіи о бѣломъ клобукѣ*, Сильвестръ написалъ: „только-де произникшій новый Ѳранцышко Ѳедосъ (т. е. Ѳеодосій Яновскій) съ праваго пути совратился и отъ онаго богоотступника вышереченное преданное и утвержденное св. отцы церковное благолѣпіе т. е. клобукъ бѣлый ругательно низринуша (Ѳеодосій съ Овсянниковымъ, оберъ-секретаремъ св. Синода) и оное древнее чрезъ ангелы Богомъ данное исполненіе чина нагло исказиша, и прочіи пакости они развращенніи безстрашно твориша и церковь св. напрасно ослезиша. И въ томъ онъ, отпадшій яко гнилый удъ, непрощенно согрѣшилъ, и св. церкви восточнѣй никто же тако согрубилъ“ [1]). „Каково пріятно будетъ,—писалъ еще Сильвестръ,—какъ пожалуютъ кого изъ генераловъ въ полковники, а въ духовномъ чинѣ изъ поповъ во діаконы, а изъ офицера въ солдаты? А кольми паче всякому терпѣть напрасныя обиды весьма горько“ [2]).

Если прежніе митрополиты были низводимы съ ихъ степеней, то тѣмъ паче достоинство митрополичье вновь никому не было даваемо. Въ началѣ 1722 г. признано нужнымъ замѣстить кіевскую каѳедру, оставшуюся праздною со смерти митр. Іосафа Кроковскаго, скончавшагося 1 іюля 1718 г. Было представлено четыре кандидата: 1) *Варлаамъ* Ванатовичъ, архимандритъ Тихвинскаго монастыря (родомъ изъ Ярославля польскаго, мѣщанскій сынъ, учился въ кіевскихъ школахъ 8 лѣтъ, до философіи), 2) *Леонидъ*, архимандритъ Петровскаго монастыря, совѣтникъ синодальный (родомъ изъ г. Мещовска, церковническій сынъ), 3) *Антоній*, архимандритъ Златоустовскаго монастыря (купеческій сынъ изъ Лукъ), 4) *Веніаминъ*, архимандритъ хутынскій (родомъ изъ г. Юрьевца Польскаго, отъ прародителей поповичь, и самъ на отцовскомъ мѣстѣ былъ попомъ)“ [3]). Жребій быть кіевскимъ первосвятителемъ палъ на Варлаама Ванатовича. Конечно этому много способствовало то обстоятельство, что Варлаамъ былъ духовникомъ

---

[1]) Прав. Обозр. 1863. № 1, стр. 76.

[2]) Чистовичъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ 708.

[3]) Описаніе документовъ св. синода. Т. I, стр. 767.

могучаго тогда вице-президента св. синода, архіепископа новгородскаго Ѳеодосія. Какъ бы то ни было, но 14 мая 1722 г. Варлаамъ Ванатовичъ былъ посвященъ въ санъ архіепископа кіевскаго. Скромный и непритязательный по натурѣ, Варлаамъ конечно былъ предоволенъ званіемъ архіепископа и не думалъ стоять по сану выше своего могущественнаго патрона. Но исторія кіевской каѳедры давала ея пастырю полное право желать сана митрополитскаго. Пятьдесятъ семь предшественниковъ Варлаама на кіевской каѳедрѣ—отъ св. Михаила до Іоасафа Кроковскаго—носили санъ митрополита. Мало того: кіевская каѳедра имѣла даже отъ московскаго правительства оффиціальное завѣреніе неприкосновенности своихъ правъ. Когда кіевская митрополія въ лицѣ Гедеона Святополка-Четвертинскаго переходила изъ подъ вѣдѣнія патріарха константинопольскаго въ вѣдѣніе патр. московскаго, то государи Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи и царевна Софья Алексѣевна грамотою, посланною въ Малую Россію въ сентябрѣ 1685 г., торжественно обѣщали, что кіевская митрополія будетъ *„въ такомже соблюденіи, въ каковъ она была до сего времени подъ благословеніемъ святѣйшаго вселенскаго константинопольскаго патріарха, какъ въ митрополичей чести, такъ и во исправленіи духовнаго чина и церковнаго начала и въ сохраненіи правъ и вольностей обычныхъ, обрѣтающихся по исконному обычаю“* [1]). Эти обѣщанія—во время Варлаама Ванатовича—были еще событіемъ недавнихъ дней. И если бы самъ Варлаамъ, какъ человѣкъ не честолюбивый, забылъ о правахъ своей каѳедры, то конечно напомнилъ бы ему о нихъ высшій кіевскій клиръ, всегда ревнивый къ соблюденію правъ малороссійской вольности.

Безъ сомнѣнія не въ царствованіе грознаго перваго императора было благовременно вспоминать объ этихъ правахъ. Лучшія въ этомъ отношеніи времена настали при внукѣ Петра I, Петрѣ II Алексѣевичѣ (1726—1730 г.)—„Въ то время—свидѣтельствуетъ авторъ монографіи о Варлаамѣ Ванатовичѣ Е. М. Крыжановскій (Труды к. Д. ак. 1861 № 2, 281)—въ Кіевѣ ожило недовольство на уничтоженіе въ немъ въ лицѣ Ванатовича титла митрополичьяго. Бѣглый игуменъ сорочинскаго монастыря Епифаній Ревуцкій добылъ себѣ именемъ этого недовольства санъ епископа отъ ясскаго митрополита Георгія, и былъ потомъ епископомъ вѣтковскихъ раскольниковъ“. Мы не знаемъ, на чемъ осно-

[1]) Архивъ Югозап. Россіи ч. 1, томъ V, стр. 99.

вывается свидѣтельство Е. М. Крыжановскаго, а также подробностей факта, имъ сообщаемаго. Но у насъ есть подъ руками документальное доказательство того, что при Петрѣ II-мъ дѣйствительно въ Кіевѣ ожила мысль о возстановленіи митрополіи. Это именно,—находящееся въ рукописи кіево-софійской библіотеки № 430, прошеніе имп. Петру II-му Варлаама Ванатовича съ подсудственнымъ ему духовенствомъ о возстановленіи въ Кіевѣ митрополіи,—прошеніе, которое отъ слова до слова читается такъ:

„Всепресвѣтлѣйшій державнѣйшій великій государь Императоръ и самодержецъ всероссійскій государь всемилостивѣйшій.

Изъ начала в Россіи благочестію возсіявшу при державѣ великаго князя Владимира и по немъ будучихъ князей Россійскихъ предковъ вашего Императорскаго величества престолъ кіевскій имѣлъ митрополію, на которой престолъ присланъ 988 года от воплощенія Господня патріархомъ цариградскимъ Николаемъ Хрисовергомъ первый митрополитъ преосвященный Михаилъ, пас же нововозрастную церковь Христову лѣтъ четыри и преставися; по Михаилѣ митрополитѣ Леонтій гречинъ поставленъ митрополитомъ кіевскимъ, по Леонтію Іона (а по московскому каталогу Іоанъ) посвященъ 1008 года отъ Сергія патріархи цареградскаго; по Іоаннѣ Ѳеопемтъ грекъ на митрополію кіевскую священъ бысть патріархомъ цариградскимъ Алѣксѣемъ студійскимъ и оной освятилъ престольную церковь святія Софіи 1036 ноемврія 4, пасъ церковь 12 лѣтъ; по Ѳеопемтѣ Іларіонъ отъ Россійскаго народа первій кіевскій митрополитъ насталъ 1051 года; по Іларіонѣ Георгій 1072 г. присланъ отъ патріархи цариградскаго Іоана Ксифилина; по Георгію Іоанъ 1080 года посвященъ патриархомъ Николаемъ грамматикомъ на престолъ кіевскій; по Іоанѣ другій Іоанъ грекъ прійде изъ Цариграда на митрополію кіевскую, отъ тогожъ патриархи Николая 1090 года поставленъ; по семъ Іоану Ефремъ 1062 года; по Ефрему Николай 1106; по Николаю Никифоръ 1111; по Никифору Никита 1121; по Никитѣ Климентъ 1147; по Климентѣ Константинъ 1155; по Константинѣ Ѳеодоръ грекъ 1160; по Ѳеодору Іоанъ третій 1194; по Іоанѣ Константинъ другій 1167; по Константинѣ Никифоръ другій; по Никифору Матѳей; по Матѳею Кириллъ 1224; по Кириллу другій Кириллъ 1230; по Кириллу Іосифъ грекъ 1237; по Іосифу Кириллъ Россіянинъ 1250; по Кириллѣ Максимъ грекъ 1283; по Максиму Петръ святый 1308; по Петрѣ святомъ Ѳеогностъ 1228; по Ѳеогностѣ

Алексѣй святій Россіанинъ 1354; по Алексѣю святомъ Киприянъ 1376; по Киприяну Фотій 1409; по Фотію Григорій Болгаринъ 1415; по Григорію Болгарину Герасимъ; по Герасиму Исидоръ Болгаринъ отступникъ отъ православія на соборѣ фліорентійскомъ; по Исидору Іона святій 1448, и отъ сего митрополити святаго Іони роздѣлися митрополія надвое на московскіе и на кіевскія митрополіи. На кіевской митрополіи престолъ не в довгомъ времени по Іонѣ святомъ епископъ смоленскій Мисаилъ освященіе пріятъ отъ патріарха константинопольскаго Симеона трапезунтина 1474 лѣта; по Мисаилѣ Сумеонъ 1477; по Сумеону Іона Глезна 1483; по Іонѣ Макарій Блаженній 1490; по Макарію Іосифъ 4497; по Іосифу Іона 1516; по Ионѣ другій Іосифъ 1526; по Иосифу Макарій другій 1538; по Макарію Сулвестръ Бѣлькович 1556; по Сулвестру Іона Протясовичъ 1568; по Іонѣ Илія Куча 1577; по Іліи Онисифорь 1578; по Онисифору от святѣйшаго патріархи Іеремѣи пріявши правленіе митрополіи кіевской Михаилъ Рогоза отторжеся отъ исконнаго патріярха цариградскаго природнаго Русѣ пастира и ко римскому папѣ прилѣпися. Тогда великое смятеніе и гоненіе от римлянъ церковь святая митрополіи кіевской утерпевала и не малое время без благочестиваго митрополити бѣднѣ удовствовала; по многомъ же унѣятскомъ гоненіи на благочестіе богомудрій православія рачитель преосвященній Іовъ Борецкій митрополитъ Кіевскій, монастиря свято-михаиловскаго златоверхо-кіевскаго обновитель, поставленъ Феофаномъ патріархомъ Іерусалимскимъ; по немъ же великаго благочестія поборникъ Петръ Могила, принявши престолъ митрополіи кіевской 1632 года от святѣйшаго патріархи цариградскаго блаженнаго Кирилла Лукарія, монастырѣ и церкви кіевскіе обновляя отъ римскаго и унѣятскаго злочестія оніе защищалъ, ученіемъ же своимъ паки благочестіе просвѣтилъ. За державы же великаго государя царя и великаго князя, блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Алексея Михаиловича всея Россіи самодержца, когда Богданъ Хмелницкій, древную прародительскую отчину вашего Императорскаго величества богоспасаемій градъ Кіевъ и всю малую Россію отъ ига полской работи свободивъ, подъ высокую Его царскаго величества подступилъ державу, тогда преосвященній Сулвестръ Косовъ принявши 1647 престолъ митрополіи кіевской отъ патріархи Парѳенія крѣпко отъ гоненія апостатовъ православіе святое сохраняше; по немъ же были митрополиты кіевскіе Дионисій Балабанъ патріярхомъ Парѳеніемъ 1657, Іосифъ Токалскій патріархомъ

Меѳодіемъ 1663 поставлени. По ныхъ же за позволеніемъ дѣдовъ вашего Императорскаго величества блаженныя и вѣчнодостойныя памяти великихъ государей царей и великихъ князей Іоапа Алексѣевича, Петра Алѣксѣевича всея Россіи самодержцевъ отъ всего причта епархіи кіевской мирскаго чина и духовнаго единогласно на оной престолъ кіевскій избранъ пастыремъ преосвященній Гедеонъ Святополкъ князь Четвертенскій отъ святѣйшаго Іоакима всероссійскаго патріарха московскаго по благословенію же патриярхи цариградскаго Дионисія посвященъ 1685 лѣта митрополитомъ. Іонъ преосвященій Гедеонъ митрополитъ кіевскій и по немъ будучіе митрополиты кіевскіе, именно: Варлаамъ Ясинскій 1690 лѣта святѣйшимъ Адріяномъ патріархомъ московскимъ, Іоасафъ Кроковскій 1608 преосвященнымъ митрополитомъ рязанскимъ и муромскимъ Стефаномъ Яворскимъ блюстителемъ и ексархою престола всероссійскаго патріяршаго посвящени, и отъ того времени уже были подъ благословеніемъ и послушаніемъ святѣйшихъ патріарховъ московскихъ, а до нихъ митрополитовъ кіевскихъ по прежнему належали монастыри благочестивія какъ в малой Россіи такъ и въ польской державѣ обрѣтающіяся и весь народъ благочестивый ихъ благословенію и послушанію подчиненъ былъ и оними толко защищался всегда отъ гоненія римскаго и уніятскаго. А когда я смиреній богомолецъ вашего Императорскаго величества 1722 году посвященъ архіепископомъ кіевскимъ на оной престолъ, тогда митрополія отъ опаго кіевскаго престола отставлена,—и нынѣ епископы униятскіе митрополіею кіевскою интитулуются, честь и достоинство престола кіевскаго себѣ похищаютъ. Да и монастыри благочестивіи и народъ благочестивій, въ польской державѣ обрѣтающіеся, таковымъ отъятіемъ чести митрополитанской нашея много смутилися, а противницы возрадовалися и колебаючихся, малодушныхъ в благочестіи и паче начали к своему благочестію наговорувать и насильно привлекать всякими образы.

Всемилостивѣйшій государь! Обще со всѣмъ духовенствомъ моей паствѣ подсудственнымъ прошу вашего Императорскаго величества, да повелитъ высокодержавство ваше милостивымъ своимъ указомъ, дабы паки по прежнему была митрополія при кіевскомъ престолѣ не моего ради смиренія, но славы ради Божія и славы ради вашего всеавгустѣйшаго величества и чести же ради и достоинства святого мѣста, на немъ же первѣе благодать Божія и вѣра святая возсія и отъ туду

во вся страны Россійскія распространися по пророченію издревле еще апостола Господня святаго Андрея первозваннаго на горахъ кіевскихъ бывшаго и тія водруженіемъ крестнымъ благословивша, на утвержденіе же въ правовѣріи и в полской державѣ обрѣтающимся христіаномъ благочестивымъ и монастыремъ тамошнимъ, на посрамленіе же злочестивымъ отступникомъ уніятомъ и прочіимъ гонителемъ православія святаго сіе прошеніе наше при доземномъ усугубляемъ всего духовенства епархіи моей подсудственнаго поклоненіи, всесмиренно молимъ, да повелитъ высокодержавство ваше по прежнему кіевскій престолъ митрополіею возобновить.

Вашего Императорскаго величества нижайшіе Богомольцы".

Подписей нѣтъ; очевидно эта копія, какъ и означено на верху ея, впрочемъ имѣвшая документальное значеніе, такъ какъ подъ нею стоитъ слѣдующая помѣтка: *свидѣтельствовалъ катедралной кіевскій канцеляристъ Іванъ Савусскій.*

Подъ прошеніемъ нѣтъ даты, но мы можемъ догадываться, что оно составлено въ 1727 г. Въ этомъ году оживились надежды малороссовъ на возстановленіе ихъ правъ и вольностей, такъ какъ отмѣнена малороссійская коллегія и дозволено малороссамъ по прежнему выбирать гетмана, каковымъ и выбранъ Даніилъ Апостолъ. Въ этомъ же году оживились и надежды іерархическія; митрополиты, низведенные съ своихъ степеней, снова возведены въ митрополитанское достоинство; 1727 г. март. 15 Сильвестръ Холмскій, пребывавшій на казанской каѳедрѣ, сдѣланъ вторично митрополитомъ, но съ чернымъ клобукомъ; 13 іюля 1727 г. Игнатій Смола, пребывавшій на покоѣ въ Ниловой пустыни, назначенъ митрополитомъ коломенскимъ. Все это были знаменія времени, благопріятныя для составленія вышеприведеннаго прошенія съ полною надеждою на успѣхъ.

Зная непритязательность и самозаключенность Варлаама Ванатовича, видя, что въ прошеніи дѣлается особое удареніе на желаніе подсудственнаго духовенства,—мы можемъ съ достовѣрностію полагать, что инициатива этого прошенія принадлежитъ не Варлааму. Отсутствіе подписей въ бывшей подъ руками у насъ копіи прошенія лишаетъ насъ возможности указать болѣе горячихъ участниковъ въ неудавшемся на тотъ разъ дѣлѣ возстановленія въ Кіевѣ митрополіи. Было ли подано это прошеніе на высочайшее имя, или нѣтъ, мы не знаемъ; несомнѣнно то, что оно осталось безъ послѣдствій. По всей вѣроятности

по поводу этого прошенія возбуждена нижеслѣдующая переписка между канцеляріею верховнаго тайнаго совѣта и канцеляріею св. синода, хранящаяся въ архивѣ синодальномъ. Эта переписка начинается требованіемъ верховнаго тайнаго совѣта, имѣющимъ тонъ начальнической резолюціи.

№ 188. Въ верховный тайный совѣтъ изъ синода подать вѣдомость немедленно: при кіевскомъ престолѣ митрополія прежь сего имѣлась ли, и буде имѣлась, по которой годъ и для чего ей быть не велено і по какому указу і въ которомъ году. Секретарь Иванъ Богдановъ.

Сентября 8 дня 1729 году.

На этомъ требованіи стоитъ слѣдующая помѣтка, очевидно сдѣланная въ синодальной канцеляріи:

Записавъ въ книгу сообщить въ повытье и о вышеписанномъ справясь выписать неукоснительно, а по выпискѣ учиня вѣдомость взнесть въ верховный тайный совѣтъ.

Далѣе слѣдуетъ болѣе обстоятельное распоряженіе, обозначившее собою дальнѣйшій канцелярскій ходъ дѣла:

Канцеляріи свят. правит. синода протоколисту, регистратору и канцеляристамъ подъ симъ справясь подлинно подписать, о кіевской митрополіи, чтобъ впредь не быть, точной Е. И. В. указъ имѣется-ль и буде имѣется, котораго года, мѣсяца и числа, понеже о томъ требуется нынѣ изъ верховнаго тайнаго совѣта вѣдомости.

Подканцелярист Иванъ Артемьевъ.

Сент. 9 дня 1729.

Затѣмъ слѣдуютъ собственноручныя росписки лицъ, служившихъ въ синодальной канцеляріи:

О вышеписанной кіевской митрополіи, чтобъ ей впредь не быть, точнаго указу въ протоколистскомъ повытьѣ не имѣется. Подписалъ протоколистъ Ермолай Пасторовъ.

О вышеписанной кіевской митрополіи, чтобъ ей не быть, точнаго указу не имѣется, а имѣется указъ 1722 г. о произведеніи въ ту епархію архим. Варлаама во архіепископа. Подписалъ регистраторъ Дмитрей Прокоѳьевъ.

У канцеляриста Петра Лодыгина помянутого указу не имѣется.

Точно также точнаго указу *о кіевской митрополіи, чтобъ ей не быть,* не оказалось у канцеляристовъ Стефана Яковлева, Николая Выр-

ковля, Василія Заводина, Ивана Лурикова, Петра Васильева, Стефана Иванова, Михаила Бѣляева, Дементья Кортышева.

На основаніи всего вышеписаннаго и былъ составленъ изъ синодальной канцеляріи въ верховный тайный совѣтъ отвѣтъ въ такомъ смыслѣ, что-де точнаго указу *о кіевской митрополіи, чтобъ ей не быть*, въ дѣлахъ св. синода не имѣется, а имѣется-де только указъ 1722 г. о произведеніи въ кіевскую епархію тихвинскаго архимандрита Варлаама Ванатовича во архіепископы.

По полученіи сего отвѣта въ послѣдніе три мѣсяца 1729 г., какъ видно, никакого движенія по дѣлу о кіевской митрополіи въ верх. тайномъ совѣтѣ не послѣдовало; а затѣмъ въ январѣ 1730 г. умеръ Петръ II-й, и наступило десятилѣтнее царствованіе Анны Іоанновны, когда часто поднимался вопросъ о лишеніи архіереевъ сана, но не время было думать и говорить объ умноженіи чести архіерейству.

Угасшій было вопросъ о возстановленіи кіевской митрополіи снова вспыхнулъ яркимъ свѣтомъ съ воцареніемъ императрицы Елисаветы. Благочестіе ли самой императрицы или вліяніе ея фаворита Алексѣя Гр. Разумовскаго подавало къ тому добрыя надежды,—какъ бы то ни было, но знатнѣйшія лица кіевскаго духовенства подали

Святѣйшему Правительствующему Синоду

ДОНОШЕНІЕ.

Понеже за премѣненіемъ въ каѳедрѣ кіево-софійской митрополіи епископи унѣяти зарубежніи польской области тимъ титуломъ *митрополитъ кіевскій*,—на котораго когда оный спадетъ—гордятся, съ немалою укоризною, посмѣяніемъ такъ Кіеву какъ и всѣмъ благочестивымъ, сказуя: *схизматики постерегшися, сами намъ гонору уступилы, еже-де не слушне себѣ того гонору узурпуютъ;* да кромѣ того понеже многія благочестивія монастырѣ и церквы, обрѣтаючіяся въ польской области, издревле принадлежатъ до метрополіи кіевской и тѣмъ именемъ себе защищаютъ, имѣя на то нѣкоторія и писменнія привилеіа съ тѣмъ яснимъ изображеніемъ, что имъ надлежатъ до метрополіи, а нынѣ за неимуществомъ той титли въ кіевской катедрѣ зарубежніи римляне и унѣяти проклятіи съ наруганіемъ говорятъ: „что-де въ Кіевѣ митрополіи нѣтъ, вамъ-де надобѣ належать до Львова, гдѣ митрополитъ кіевскій имѣется“; з чего тамошнимъ бѣднымъ благочестивымъ, какъ духовнымъ такъ и мірскимъ, не малая день отъ дне происходить уко-

ризна, гоненіе и озлобленіе, какъ неоднократные начальники монастырей благочестивихъ зарубежнихъ, пріѣзжая въ катедру, объявлялы.

Того ради просимъ всенижайше Вашего Святѣйшества, чтобы, ради пресѣченія отъ враговъ церквы нашея посмѣянія, укоризны и озлобленія благочестивимъ, по прежнему катедру кіево-софійскую—на что и граммата государственная имѣется—честію митрополитанскою всемилостивѣйше пожаловать. О сіе всепокорнѣйше просимъ

Вашего Святѣйшества

всенижайшіи послушники:

Монастыря Николаевскаго пустинно-кіевскаго архимандритъ Назарій.
Кіево-золотоверхо-михайловскаго монастыря архимандритъ Силвестръ.
Кіевобратскаго училищнаго монастыря архимандритъ и ректоръ Силвестръ.
Архимандритъ Платонъ.
Монастыря Михайловскаго Выдубыцкаго игуменъ Гавріилъ.
Кіево-Кирилловскаго монастыря игуменъ Германъ.
Каѳедральный намѣстникъ Іеронимъ.
Іеромонахъ Варсонофій Гуторовичъ, членъ консисторскій.
Кіево-софійской катедри архідіаконъ Викентій.

1742 года авг. 12 дня, Кіевъ.

Не очень обстоятельно было написано прошеніе представителей кіевскаго духовенства; гораздо менѣе обстоятельно, чѣмъ прошеніе, поданное при арх. Варлаамѣ Ванатовичѣ, но оно было подано въ добрую пору. Святѣйшій синодъ вошелъ отъ себя къ императрицѣ съ докладомъ отъ 25 окт. 1742 г., гдѣ, выписавъ все прошеніе, прибавлялъ отъ себя слѣдующее: „А по справкѣ въ синодъ: въ Россіи въ духовной іерархіи кіевской архіерейскій престолъ отъ апостольскаго иже въ Константинополѣ престолажь почтенъ титломъ митрополіи еще съ самаго того времени, какъ св. равноапостольный князь Владиміръ кіевскій, во св. крещеніи нареченный Василій, со всѣмъ своимъ сигклитомъ и вся Россія св. крещеніемъ просвѣтились. И въ Кіевѣ архіереи и титуловались митрополитами по 1722 годъ безперерывно. А съ того 1722 г. помянутый кіевскій архіерейскій престолъ титулуется архіепископіею. А какихъ ради причинъ того издревле даннаго титла нынѣ оному употреблять не дозволено, Сѵноду не извѣстно и имянныхъ... указовъ, чтобъ кіевскимъ архіереямъ впредь митрополитами не титуловаться, Синодъ не имѣетъ“.

Всемилостивѣйшая Государыня! Всеподданнѣйше Синодъ проситъ, не соблаговолитъ ли В. И. В... всемилостивѣйше повелѣть въ означенномъ градѣ Кіевѣ быть митрополіи по прежнему".

Подлинный подписали: Амвросій, арх. новгородскій, Стефанъ, е. псковскій, Симонъ, е. суждальскій, Митрофанъ, е. тверскій, Платонъ, архим. Рождественскій, Варлаамъ, архим. Чудовс. ій, Петръ протопопъ Благовѣщенскій.

Елизавета была медлительна въ рѣшеніяхъ. Цѣлыхъ 8 мѣсяцевъ она держала у себя докладъ Синода. Наконецъ послѣдовалъ такой *указъ святѣйшему Синоду*: „На поданный намъ отъ Синода докладъ октября 25 дня прошлаго 1742 года повелѣваемъ: въ градѣ Кіевѣ для представленныхъ резоновъ быть митрополіи по прежнему".

Елисавета.

Въ 11-е іюня 1745 года.

Въ Петергофѣ.

Послѣ этого святѣйшему синоду оставалось только циркулярно извѣстить о высочайшей волѣ правительствующій сенатъ, епархіальныхъ архіереевъ и самаго владыку кіевскаго Рафаила.

III.

Іерархическія перемѣны въ Кіевѣ по смерти митр. Рафаила Заборовскаго.

22 октября 1747 г. въ исходѣ 9-го часа по полудни скончался кіевскій митрополитъ Рафаилъ Заборовскій. Покойный оставилъ послѣ себя завѣщаніе, очень простое и краткое и очень хорошо свидѣтельствовавшее о его честности и нестяжательности. Вотъ оно:

„Слава святѣй и единосущнѣй и животворящей и нераздѣльнѣй Троицѣ всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь.

Завѣщаніе и опредѣленіе келейнымъ моимъ отъ доброхотныхъ подаятелей праведно собраннымъ червоннымъ таковое полагаю. По погребеніи многогрѣшнаго тѣла моего духовнымъ персонамъ на молитви роздати сто червонныхъ. Болѣе же въ мене никакихъ денегъ не имѣется. А протчые мои деньги и вещи собственные мною самымъ розданы за живота моего. Смиренный Рафаилъ митрополитъ кіевскій. 1747 года септемврія 12 дня".

Кіевская консисторія поспѣшила донести св. Синоду о кончинѣ митрополита и просила распоряженій. „Тѣло же его преосвященства христіанскимъ порядкомъ землѣ предать, такожь дѣла епаршескіе и собственно къ власти архіерейской надлежащіе и протчіе отправлять, кому повелено будетъ, просимъ Вашего Святѣйшества всенижайше резолюціи. А имѣется преосв. Макарій митрополитъ Ѳиваидскій, прибывшій къ его преосвященству съ писаніемъ святѣйшаго патріарха александрійскаго Матѳея для испрошенія милостыни, который еще отъ кіевогубернской канцеляріи въ С.-петербургъ не пропущенъ, коему блаженныя памяти преосвященнѣйшій нашъ архипастырь за болѣзнь свою позволилъ священнодѣйствовать и ставленниковъ рукополагать". 1747 окт. 23.

Святѣйшій Синодъ не замедлилъ отвѣтомъ. Похоронить тѣло митрополита Рафаила поручено было собору кіевскаго духовенства съ митрополитомъ Ѳиваидскимъ во главѣ собора: предложено было принять участіе въ погребальной церемоніи и сосѣднимъ архіереямъ Амвросію черниговскому и Никодиму переяславскому, но тѣ уклонились отъ этого приглашенія.—30 ноября почившій м. Рафаилъ былъ погребенъ въ каѳедральной кіевософійской церкви. *Тѣло его*—говоритъ каталогъ архіереевъ кіевскихъ, присланный въ св. Синодъ отъ 3 апрѣля 1780 г.,—*и доселѣ пребываетъ нетлѣнно*. Нетлѣннымъ пребывало оно и въ началѣ настоящаго столѣтія. Митр. Серапіонъ въ своемъ дневникѣ подъ 24 авг. 1805 г. писалъ: „Сходили (съ И. В. Лопухинымъ) въ склепъ, гдѣ стоятъ гробы митр. кіевскихъ и смотрѣли останки м. Рафаила. Составъ весь не разрушился, а облаченіе не только все цѣло, но и ново почти. Міга res! ибо 58 лѣтъ, какъ скончался". Впослѣдствіи входъ въ погребальный склепъ подъ Софійскимъ соборомъ былъ заложенъ по распоряженію митр. Евгенія.

Нужно было позаботиться о выборѣ преемника кіевскому митрополиту. Императрица Елисавета была медлительна въ производствѣ дѣлъ вообще, и въ частности въ замѣщеніи архіерейскихъ каѳедръ. Доклады о кандидатахъ на праздныя архіерейскія каѳедры по цѣлымъ годамъ лежали у нея безъ движенія. Но на этотъ разъ она измѣнила своей обычной медлительности, быть можетъ потому что Кіевъ, недавно посѣщенный ею, былъ близокъ ея сердцу и памяти. 6 ноября Импе-

ратрица поручила синоду представить кандидатовъ на кіевскую митрополію; 8 ноября въ своемъ зимнемъ дворцѣ на словахъ заявила синодальному оберъ-прокурору князю Я. П. Шаховскому, что она выбираетъ въ кіевскіе митрополиты кіевопечерскаго архимандрита Тимоѳея Щербацкаго, представленнаго однимъ изъ кандидатовъ на праздную московскую каѳедру; а на другой день (9 ноября) состоялся слѣдующій письменный

Указъ святѣйшему Синоду

„Хотя въ прошломъ 1745 году кіевопечерской лавры архимандритъ Тимоѳей между прочими представленъ былъ въ докладѣ св. Синода въ кандидатахъ для опредѣленія въ Московскую епархію: но нынѣ по воли Божіей Кіевскій митрополитъ Рафаилъ умре, того ради повелѣваемъ св. Синоду на мѣсто его въ митрополиты посвятить объявленнаго архімандрита Тимоѳея, и для того велѣть ему быть сюда немедленно".

„Елисаветъ".

Мы не будемъ распространяться о томъ, какъ синодальная канцелярія распоряжалась отправкою нарочнаго въ Кіевъ капрала Петра Обухова, давала ему инструкцію, высчитывала версты и прогонныя деньги въ количествѣ 18 р. 10 к. Перейдемъ къ тому, какое впечатлѣніе произвела вѣсть о новомъ назначеніи на самого архим. Тимоѳея и на высшее кіевское духовенство. Сверхъ ожиданія—впечатлѣніе на первый разъ было не особенно пріятное. Архим. Тимоѳею—быть можетъ по свойственной малороссамъ неподвижности—не хотѣлось ѣхать въ Петербургъ для посвященія, и образъ его мыслей раздѣляло и высшее кіевское духовенство. Кіевская консисторія осмѣлилась выступить съ слѣдующимъ доношеніемъ св. синоду: „Оной господинъ отецъ архимандритъ, какъ и намъ нижайшимъ не безъизвѣстно, по состоянію здравія своего нынѣ въ С.-петербургъ для посвященія во митрополита прибыть не можетъ, ибо оному и не очень далекій въ случаяхъ переѣздъ не безъ поврежденія здравія бываетъ. А дабы епархія кіевская долговременно безъ пастыря своего не стояла, и въ посвященіи іереевъ,—въ чемъ и нынѣ уже настоитъ нужда,—въ освященіи св. мура и къ нѣкоторымъ церквамъ антиминсовъ, такожъ и въ отправленіи разныхъ дѣлъ собственно до власти архіерейской принадлежащихъ крайней остановки не послѣдовало,—вашего святѣйшества именемъ всей епар-

хіи кіевской всенижайше просимъ: вышеозначеннаго господина отца архимандрита Тимоѳея отъ С.-петербургской поѣздки милостивно уволнить, а повелѣть онаго по ближнимъ по усмотрѣнію архіереомъ въ Кіевѣ въ митрополита освятить".

Самъ архимандритъ Тимоѳей нашелъ болѣе приличнымъ и умѣстнымъ придать нѣсколько иную форму выраженію своего недовольства и своихъ желаній. „Св. прав. Синоду всенижайше доношу",—писалъ а. Тимоѳей отъ 29 ноября 1747 г., „что я за жестокою во мнѣ внутрною почти повседневно бываемою слабостію для воспріятія Всемилостивѣйше ассигнованнаго мнѣ митрополіи кіевскія сана въ С.-петербургъ быть всячески не могу. Ибо какъ при той моей тяжкой слабости тую далечайшую поѣздку воспріять въ сіе зимнее время, то гдѣсь въ пути безвременно окончить жизнь свою прійдется. Того для всенижайше святѣйшества вашего молю, дабы я, нижайшій, ради означенной слабости моей отъ той высокой прерогативы всемилостивѣйше бъ былъ уволенъ, а остался бъ на прежнемъ моемъ мѣстѣ".

Но прошелъ съ небольшимъ мѣсяцъ и архим. Тимоѳей перемѣнилъ свои мысли. Быть можетъ санъ митрополичій сталъ казаться ему настолько привлекательнымъ, что ради его стоило претерпѣть трудности пути,—быть можетъ (и это вѣрнѣе) онъ опасался за ослушаніе потерять и прежнее архимандричье мѣсто, тѣмъ болѣе что вмѣстѣ съ указомъ о назначеніи его въ митрополиты, въ лавру былъ присланъ указъ о выборѣ кандидатовъ ему въ преемники,—какъ бы то ни было, 1 янв. 1748 а. Тимоѳей уже доносилъ св. синоду: „за силу всемилостивѣйшаго Ея Императорскаго Величества именнаго указа за Божіимъ поспѣшествомъ въ С.-петербургъ отсель выѣхать сего января 24 числа неотмѣнно намѣренъ".

Въ февралѣ 1748 г. архим. Тимоѳей прибылъ въ столицу; 28 февр. въ понедѣльникъ 2-й седмицы великаго поста императрица изустно повелѣла, чтобы посвященіе кіевскаго митрополита было въ ближайшій день воскресный; въ четвергъ 3 марта послѣдовало обычное нареченіе будущаго іерарха, а въ воскресенье 6 марта въ придворной церкви Срѣтенія Господня въ присутствіи императрицы, наслѣдника Петра Ѳедоровича и его супруги Екатерины Алексѣевны архимандритъ Тимоѳей хиротонисанъ по церковному чиноположенію въ кіевскую епархію въ митрополиты. Хиротонію совершали: Симонъ Тодорскій, архіепископъ псковскій и нарвскій, Арсеній Могилянскій, архіепископъ

переяславскій и дмитровскій, въ соприсутствіи Ѳеодосія Янковскаго, епископа петербургскаго и шлиссельбургскаго, и Варлаама Скамницкаго, епископа устюжскаго и тотемскаго. Новопоставленному митрополиту была выдана синодальная грамота на пергаминѣ и скоро онъ былъ отпущенъ во свояси.

Оставалось еще вакантнымъ мѣсто архимандрита кіевопечерской лавры. Св. синодъ, вызывая въ Петербургъ Тимоѳея Щербацкаго, вмѣстѣ съ тѣмъ предписалъ собору лавры представить кандидатовъ на архимандрію, желаемыхъ лаврскою братіею. Лаврская братія, какъ видно, не мало думала о кіево-печерской архимандріи, ибо представлены были кандидатами слѣдующіе лица: „преосвященные синодальный членъ Платонъ (Малиновскій), архіепископъ крутицкій, да Сильвестръ (Кулябка) епископъ костромскій, да Кіево-печерскія лавры изъ соборныхъ больницкаго тоя лавры монастыря намѣстникъ, іеромонахъ Ѵакінѳъ Максимовичь: новопечерскихъ монастырей—Свѣнской намѣстникъ Лука, да Зміевскій игуменъ Самуилъ Рубчановскій“. Св. синодъ, представляя Императрицѣ докладъ о лаврскихъ кандидатахъ, счелъ нужнымъ прибавить и свое мнѣніе, не совсѣмъ согласное съ лаврскимъ. *„Оное изъ архіереевъ на архимандрію избраніе учинено св. отецъ правиламъ и чину всея православновосточныя церкви весьма противно.* А хотяжь и прочіе изъ духовныхъ лицъ вышепоказанные только изъ единыхъ тояжь лавры соборныхъ кандидатами жь представлены, но Синодъ же усмотрѣлъ достойнѣйшаго тояжь лавры изъ соборныхъ типографа іеромонаха Веніамина Фальковскаго, а по немъ уже Свѣнскаго монастыря намѣстника іером. Луку. А понеже всегда таковые примѣры имѣлись, что на оную архимандрію въ кандидаты избираемы бывали и изъ другихъ монастырей, того ради и нынѣ тѣмъ же примѣромъ Синодъ слѣдуя избралъ слѣдующихъ кандидатовъ: кіевской епархіи братскаго богоявленскаго монастыря архимандрита и кіевской академіи ректора *Сильвестра Ляскоронскаго*, Слуцкаго монастыря архимандрита жь, уже чрезъ немалые лѣта въ Польшѣ въ защищеніи благочестія труждающагося, *Іосифа Оранскаго*“.

Императрица указомъ отъ 15 марта 1748 г. опредѣлила кіевопечерскимъ архимандритомъ послѣдняго изъ представленныхъ кандидатовъ Іосифа Оранскаго, который, по распоряженію св. синода, и дол-

женъ былъ явиться въ Петербургъ, вѣроятно для личнаго представленія императрицѣ.

Но еще прежде, чѣмъ вопросъ о замѣщеніи кіевопечерской архимандріи былъ окончательно рѣшенъ высочайшею властію, лаврская братія доношеніемъ отъ 8 марта сочла нужнымъ оправдать предъ св. синодомъ такъ не понравившееся ему избраніе архіереевъ кандидатами на кіевопечерскую архимандрію. „Понеже въ мимошедшихъ давныхъ годѣхъ Мелетій Хрептовичь, епископъ володимерскій и берестенскій, въ кіевопечерскую лавру въ архимандриты избранъ и совершенно тоя лавры архимандритомъ опредѣленъ былъ; о которомъ избраніи и опредѣленіи имѣлись писменніи справки, точію оніе въ бывшее въ означенной лаврѣ пожарное время сгорѣли, за которымъ згорѣніемъ хотя нынѣ о томъ, въ какомъ именно году и каковимъ порядкомъ помянутый Хрептовичь въ оную лавру архимандритомъ избранъ и опредѣленъ былъ, письменной справки взять и не откудова, однакъ яко онъ Хрептовичь, епископъ володимерскій и берестенскій съ 1580 по 1591 г. архимандритомъ кіевскія лавры дѣйствительно находился, о томъ съ имѣючихся въ означенной лаврѣ разныхъ крѣпостей совершенно видимо есть.—Ктому архим. Тимоѳей (Щербацкій) при соборной братіи объявилъ, яко слышно-де, что показаніи архіереи (т. е. Платонъ Малиновскій и Сильвестръ Кулябка) за слабостію здравія своего памѣрены оставить свои епархіи и проситься въ кіевопеч. лавру на обѣщаніе. А образецъ былъ таковъ, что когда покойнаго епископа черниговскаго Иродіона Жураковскаго отъ епархіи на обѣщаніе въ кіевомежигорскій мон. уволено, при томъ монастырь въ правленіе ему поручено. И по тѣмъ двомъ резонамъ архіереи въ кандидати положени“.

IV.

Несостоявшееся викаріатство при Арсеніи Могилянскомъ, митр. кіевскомъ (1759—70) [1].

Не вдругъ установилось въ русской церкви учрежденіе викаріатства. Въ Руси до-петровской было нѣчто въ родѣ викаріатства въ самомъ простомъ и первоначальномъ видѣ: именно вспомоществованіе

[1]) Изъ архивныхъ дѣлъ св. Синода. № 114 1743 года и № 121 1758 года.

главному архіерею въ совершеніи богослуженія и посвященіи ставленниковъ. Такого рода временными викаріями были заѣзжіе греческіе архіереи, проживавшіе въ Россіи иногда по нѣскольку лѣтъ, а также и русскіе престарѣлые архіереи, проживавшіе на покоѣ; тѣ и другіе, чувствуя себя какъ гости, помогали—такъ сказать—архіерею-хозяину за его гостепріимство и ласку, вовсе не имѣя въ виду принимать участіе въ епархіальномъ управленіи. Бывали примѣры и постоянныхъ викаріевъ въ томъ же родѣ; такъ для вспоможенія новгородскому митрополиту Іову былъ посвященъ ему викаріемъ духовникъ его Іоиль, архимандритъ монастыря Антонія римлянина, человѣкъ, какъ видно, престарѣлый, который остался въ томъ же монастырѣ и умеръ раньше своего патрона (архіерействовалъ 1708—12).

Съ учрежденіемъ св. синода у высшаго правительства явилась мысль придать учрежденію викаріатства самостоятельное значеніе. Три раза въ 1-й половинѣ XVIII вѣка,—сколько намъ извѣстно,—эта мысль была предлагаема правительствомъ и три раза отклоняема св. синодомъ.

Въ пунктахъ инструкціи св. синоду отъ 24 янв. 1724 г. рукою Петра I въ п. 4-мъ написано:

У архіереевъ синодскихъ быть викаріемъ.. и имъ дѣла земскіе вѣдать и во всемъ отвѣтъ давать.

Синодъ сдѣлалъ такое возраженіе: „у синодальныхъ архіереевъ повелѣвается быть викаріемъ, и тѣхъ викаріевъ и при нихъ келейныхъ служителей чимъ содержать?.. и викаріемъ архіерейскимъ, по мнѣнію (т. е. синода), въ земскія дѣла вступать не прилично, понеже и другіе присутствующіе въ домѣхъ архіереи въ земскія дѣла не вступаютъ, но таковые дѣла отправляютъ судьи ихъ и приказные, обрѣтающіеся при домахъ ихъ“.

Государь уступилъ мнѣнію синода и порѣшилъ:

У архіереевъ вмѣсто викаріевъ опредѣлить приказныхъ.

Въ другой разъ указомъ Екатерины I отъ 15 іюля 1726 г. повелѣвалось: *синодальнымъ членамъ до епархій нѣчѣмъ не касаться, дабы отъ того въ надлежащемъ ихъ управленіи* (т. е. въ производствѣ синодальныхъ дѣлъ) *помѣшательства не было. И для того въ епархіи опредѣлить викаріевъ, которые о всемъ отвѣтъ дать и рапортовать должны.* Но указъ остался безъ исполненія.

Въ третій разъ, ревностный блюститель исполненія царскихъ ука-

зовъ, оберъ-прокуроръ св. синода князь Яковъ Шаховскій отъ 25 мая 1742 г. вошелъ въ Синодъ съ слѣдующимъ предложеніемъ: „викаріевъ въ епархіи и понынѣ не опредѣлено. И хотя присутствующіе въ св. пр. Синодѣ члены, ихъ преосвященства, обрѣтаючись отъ епархій своихъ въ отсутствіи, и по онымъ случающіяся дѣла исправляютъ въ имѣющихся при себѣ отъ оныхъ епархій канцеляріяхъ, но отъ того какъ ихъ преосвященствамъ при правленіи синодальныхъ дѣлъ затрудненіе, такъ и тѣмъ епархіальнымъ дѣламъ излишнее продолженіе бываетъ. Пачеже крайній недостатокъ и нужда въ томъ состоитъ, что ихъ преосвященствамъ, по силѣ духовнаго регламента и своихъ обѣщаній, въ епархіяхъ церкви посѣщать и всякія суевѣрія и расколы искоренять и прочихъ по званію своему должностей исправлять не можно". Въ заключеніе оберъ-прокуроръ просилъ св. синодъ, во исполненіе вышеприведеннаго указу, *учинить благопристойное опредѣленіе.*

Св. синодъ какъ будто выразилъ желаніе заняться предложеніемъ оберъ-прокурора, потребовалъ нужныхъ справокъ, но потомъ дѣло затянулось и осталось неконченнымъ.

Эта борьба двухъ представленій о викаріѣ:—желаніе имѣть викарія помощника въ священнослуженіи и нежеланіе имѣть викарія участника въ администраціи—всего лучше выразилась въ исторіи неудавшейся попытки Арсенія Могилянскаго, митрополита кіевскаго, пріобрѣсти себѣ викарія.

Отъ 11 ноября 1758 г. м. Арсеній Могилянскій отправилъ въ св. Синодъ слѣдующее доношеніе: „Намѣренъ я за слабость здравія моего содержать для спомоществованія мнѣ въ рукоположеніяхъ викарія, и усмотря въ кіево-печерской лаврѣ жительствующаго, по опредѣленію вашего святѣйшества, греческаго архіепископа Герасима, мужа благонравна и могуща мнѣ въ томъ спомоществовать, принять къ себѣ за викарія желаю, къ чему и его преосвященства есть изволеніе. Для житія же и содержанія опредѣлить имѣю его преосвященству—покамѣсть при мнѣ викаріемъ жить будетъ—епархіи моей кіевской пустынно-николаевской, состоящій нынѣ въ вакансѣ безъ архимандрита, монастырь, кой по усмотренію моему для содержанія его преосвященства будетъ доволенъ. Посему вашего святѣйшества всепокорно прошу онаго преосвященнаго архіепископа Герасима на вышеписанномъ основаніи пожаловать опредѣлить мнѣ викаріемъ".

Синодъ, послѣ доклада Императрицѣ, опредѣлилъ удовлетворить желаніе м. Арсенія, но прежде чѣмъ синодальное разрѣшеніе пришло въ Кіевъ, предполагавшійся викарій уже скончался († 22 декабря 1758 г.). И митр. Арсеній самъ похоронилъ его въ кіево-печерской лаврѣ.

Но м. Арсеній не ограничился первою неудавшеюся попыткою пріобрѣсти викарія, и чрезъ три года, (отъ 14 дек. 1761 г.) доносилъ синоду, что-де въ званіи викарія при немъ, кіевскомъ митрополитѣ, за благословеніемъ и позволеніемъ св. синода быть желаетъ имѣющій въ Россію на вѣчное пребываніе изъ-за рубежа выѣхать далматскій епископъ Симеонъ Концеревичъ, обѣщавшійся чрезъ годъ переѣхать въ Кіевъ совсѣмъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ м. Арсеній объяснялъ, что для слабости здравія его въ викаріи крайняя есть нужда.

Св. синодъ отъ 1 марта 1762 г. отвѣчалъ м. Арсенію, что далматскій епископъ Симеонъ Концеревичъ уѣхалъ изъ Россіи на родину и о возвращеніи его синоду ничего неизвѣстно. Но такъ какъ митрополиту крайне нуженъ викарій, то св. синодъ *судитъ быть достойна* и рекомендуетъ ему архимандрита и ректора московскаго заиконоспасскаго училищнаго монастыря Гедеона Слонимскаго, коего синодъ и переводитъ на вакантное мѣсто настоятеля кіевскаго пустынно-николаевскаго монастыря съ произведеніемъ въ епископы и викаріи.

Распоряженіе синода не понравилось м. Арсенію. Онъ желалъ себѣ викарія для литургисанія, а св. синодъ рекомендовалъ ему кандидата, который, по своему положенію и по своей прошедшей службѣ, могъ принимать участіе въ епархіальной администраціи. Посему митрополитъ отвѣчалъ, отъ 16 апр. 1762 г., что онъ допускаетъ Гедеона Слонимскаго быть настоятелемъ кіево-николаевскаго пустыннаго монастыря, а о викаріатствѣ Гедеона сообщитъ со временемъ. Съ своей стороны и Гедеонъ Слонимскій, замѣчая холодность къ себѣ кіевскаго владыки, не спѣшилъ ѣхать въ Кіевъ и продолжалъ ректорствовать въ московской академіи. Такъ прошло около двухъ лѣтъ. Наконецъ синодъ далъ Гедеону строгій запросъ, чего ради онъ не ѣдетъ въ Кіевъ къ мѣсту назначенія. Гедеонъ, отзываясь болѣзнію, между прочимъ отвѣчалъ, отъ 7 іюня 1764 г., что онъ ожидалъ прибытія св. синода изъ Петербурга въ Москву т. е.,—говоря другими словами, ожидалъ возможности отправиться въ Кіевъ уже въ санѣ архіерея.

Но архіерейства Гедеонъ такъ и не получилъ. Строгій указъ св. синода заставилъ его отправиться въ Кіевъ и принять настоятельство

въ николаевскомъ-пустынномъ монастырѣ. А представленія о викаріатствѣ Гедеона со стороны кіевск. митр. Арсенія вовсе не послѣдовало.

V.

Кандидаты на кіевскую митрополію въ 1770 году [1]).

8-го іюня 1770 г. скончался митрополитъ кіевскій Арсеній Могилянскій. Относительно замѣщенія опустѣвшей каѳедры былъ представленъ императрицѣ Екатеринѣ II-й слѣдующій всеподданнѣйшій докладъ синода—отъ 23-го августа 1770 г.

Кіевская епархія, не имѣя епархіалнаго своего пастыря, нынѣ состоитъ праздна, а въ силу имяннаго 1721 г. февр. 14 дня указу должно Синоду на вакантныя мѣста представлять В. И. В—ву къ произведенію во архіерея по два кандидата.

Того ради Синодъ къ переведенію въ означенную кіевскую епархію судитъ быть достойными ниже слѣдующихъ, а именно: преосв. Георгія, архіепископа бѣлорусскаго, да синодальнаго члена преосв. Аѳанасія, е. ростовскаго, которые оба изъ малороссіянъ довольно ученые. Болѣе же все предаетъ въ волю и Высочайшее В. И. В—ства благоволеніе.

Подписали: Гавріилъ а. С.-петербургскій.
Иннокентій е. Псковскій.
Гавріилъ е. Тверскій.
Платонъ архим. Тр. Серг. лавры.
Андрей протопопъ Преображенскій.
Об. Секретарь Мих. Остолоповъ.

Но ни Георгій Конисскій, ни Аѳанасій Вольховскій не удостоился монаршаго избранія. На кіевскую митрополію 22 сентября того же года былъ опредѣленъ, подписавшійся первымъ подъ вышепредложеннымъ докладомъ, Гавріилъ Кременецкій, архіепископъ петербургскій, который былъ на кіевской митрополіи почти 13 лѣтъ († 8-го авг. 1783).

---

[1]) Изъ архивныхъ дѣлъ святѣйшаго Синода.

VI.

Нѣсколько словъ о Павлѣ Конюскевичѣ, митрополитѣ Тобольскомъ, въ кіево-печерской лаврѣ почивающемъ.

Кому изъ кіевлянъ или временно посѣщающихъ Кіевъ богомольцевъ не извѣстно о мощахъ Павла, митрополита тобольскаго, открыто и нетлѣнно лежащихъ въ склепѣ подъ сводами великой лаврской церкви? Но жизнь и личность м. Павла настолько же малоизвѣстна, насколько извѣстно существованіе его мощей. Это обстоятельство побудило пишущаго эти строки пересмотрѣть въ архивѣ синода подлинные документы, относящіеся къ увольненію и кончинѣ м. Павла.

Вообще предполагалось, что м. Павелъ навлекъ на себя неудовольствіе правительства по тому же дѣлу, по которому потерпѣлъ м. Арсеній Мацѣевичъ, именно по дѣлу объ отобраніи церковныхъ имуществъ. Но въ дѣйствительности было не такъ. Уже самая хронологія событій говоритъ противъ высказаннаго предположенія. Отобраніе церковныхъ имуществъ совершилось въ 1764 г., м. Арсеній Мацѣевичъ былъ отправленъ въ ссылку еще раньше, именно въ 1763 г., а увольненіе м. Павла состоялось уже въ 1768 г. Далѣе: вопросъ о церковныхъ имуществахъ почти не касался тобольской епархіи, гдѣ имѣлъ каѳедру м. Павелъ, ибо эта, колонизуемая и полудикая, мѣстность не знала крѣпостнаго права, ни помѣщичьяго, ни монастырскаго. Наконецъ, подлинные документы, показывая, какъ что было, отнимаютъ мѣсто у всякихъ произвольныхъ предположеній. А было такъ.

Павелъ Конюскевичъ, возведенный на митрополію тобольскую въ 1758 г., отличался, какъ видно, строгостію нравовъ и суровой ревностію въ исправленіи нравственности своихъ подвластныхъ и пасомыхъ. И такому-то строгому пастырю пришлось быть архипастыремъ въ епархіи, гдѣ сложилась пословица: *до Бога высоко, до царя далеко*, гдѣ на необузданность произвола и страстей жаловались и прежніе іерархи, гдѣ люди хотя и крестились въ Христа (иные впрочемъ очень недавно), но въ Христа еще не облеклись.

Ревностный пастырь съ бичемъ изъ вервій сталъ изгонять изъ церкви всѣхъ недостойныхъ. Онъ отлучалъ отъ церковнаго общенія, расторгалъ браки, по его мнѣнію, неправильные, постригалъ съ принужденіемъ вдовыхъ священниковъ, *смирялъ* провинившихся духовныхъ,

по старому обычаю, тѣлеснымъ наказаніемъ, тѣлесными трудами и невольнымъ пощеніемъ. Поднялся ропотъ. Жалобщики, преодолѣвая трудности пути, ходили изъ Сибири въ Петербургъ и подавали св. синоду свои жалобы. Жалобъ въ теченіе 9-тилѣтняго управленія м. Павла набралось 30. Императрица знала о суровомъ управленіи м. Павла, и такъ какъ это противорѣчило ея либеральному образу мыслей и ея собственной системѣ управленія, девизомъ которой было: *живи и жить давай другимъ*, то естественно и не могла смотрѣть на м. Павла иначе, какъ на *фанатика* и *гонителя* [1]). Члены св. синода, зная о взглядахъ Екатерины, также не сочувствовали м. Павлу, тяготились множествомъ поступавшихъ на него жалобъ и требовали отъ него обстоятельнаго отвѣта и оправданія. Но м. Павелъ, во внутреннемъ сознаніи своей правоты, продолжалъ управлять по своему, а отъ запросовъ св. синода или отмалчивался, или отписывался безъ надлежащей обстоятельности.

Приведемъ для примѣра одну изъ предъявленныхъ на м. Павла въ синодѣ жалобъ, любопытную для насъ особенно потому, что жалобщиками являются кіевляне. „Находящіеся въ Тобольскѣ на время въ учительскомъ званіи кіевопечерскія лавры іеромонахи Савватій и Веніаминъ присланнымъ Синоду доношеніемъ представляли, что они митрополитомъ выпрошены изъ лавры только на два года, съ тѣмъ, чтобы обратно туда возвратиться,—но по многимъ ихъ просьбамъ не увольняетъ, и для того просили объ увольненіи. А притомъ объявлено въ Синодѣ синод. членомъ преосв. Димитріемъ, митр. новгородскимъ, писанное отъ означеннаго іеромонаха Савватія къ придворному священнику Корнилію партикулярное письмо, заключающее въ себѣ, что въ Тобольскѣ семинаристы по большей части бываютъ въ работахъ, учители наказываются плетьми, да и они-де іеромонахи по угрозамъ архіерейскимъ тогожь ожидаютъ. Притомъ же писано о произношеніи архіереемъ о Синодѣ непристойныхъ поносительныхъ словъ“.

Наконецъ въ засѣданіи св. синода 22 іюня 1767 г. митр. новгородскій Димитрій Сѣченовъ объявилъ высочайшую волю Императрицы о вызовѣ въ Москву м. Павла тобольскаго. Посланъ былъ надлежащій

---

[1]) XVIII вѣкъ изд. Бартенева III, 334, IV, 342—354, 376.

изъ синода указъ, но м. Павелъ не ѣхалъ ни по первому, ни по второму указу и продолжалъ жить въ Тобольскѣ и управлять епархіею. Послѣ полугодоваго промедленія и двухъ неисполненныхъ указовъ св. синодъ, по настоянію синодальнаго оберъ-прокурора д. с. с. Мелиссино, рѣшился прибѣгнуть къ энергическимъ мѣрамъ и въ засѣданіи 22 марта 1768 года постановилъ: „Преосв. Павлу, митр. тобольскому, подтвердить указомъ, буде его преосвященство, во исполненіе Ея Императорскаго Величества повелѣнія по посланнымъ двумъ указамъ, изъ Тобольска понынѣ еще не выѣхалъ, то св. синодъ нынѣ послѣдній уже терминъ полагаетъ, чтобъ непремѣнно въ путь отправился съ полученія того указу въ недѣлю; а буде и за симъ отправою своею въ путь продолжать будетъ, то находящемуся въ Тобольскѣ господину губернатору онаго преосвященнаго выслать изъ Тобольска безъ всякихъ отговорокъ. О чемъ и къ нему, господину губернатору, послать указъ“.

Но преосв. Павелъ не дожилъ въ Тобольскѣ до примѣненія къ себѣ этой послѣдней крайней мѣры. 2 апрѣля 1768 г. онъ прибылъ въ Москву и въ сознаніи того, что его іерархическое поприще уже кончено, отправилъ въ св. синодъ слѣдующее собственноручное *всепокорное доношеніе*. „По присланнымъ мнѣ изъ св. прав. Синода прошлаго 1767 года іюня отъ 26 и октября 10 чиселъ Ея Императорскаго Величества указомъ велѣно мнѣ быть въ Москву. Почему я, учиня по долгу распоряженія и здравіемъ, коимъ весьма слабъ, поправясь, имѣлъ непремѣнное намѣреніе отправиться декабря въ послѣднихъ числѣхъ тогожь году въ путь, только за продолжающеюся болѣзнію до 11 января нынѣшняго 1768 года внехать никакъ было невозможно. А со онаго отправившись съ возможною поспѣшностію старался прибыть въ Москву и явиться вашему святѣйшеству. Только отъ умножившихся въ дорожномъ безпокойствіи во мнѣ болѣзней, по коимъ въ Екатеринъбургѣ принужденъ былъ жить три недѣли и пять дней и, еще не совсѣмъ випользовавшись, по виѣздѣ въ дорогѣ различныи имѣлъ припадки. А нинѣ 2 април[illegible] прибивъ въ Москву и по учиненной мнѣ отъ конторы св. Синода повѣсткѣ априля жѣ 7 дня явился во оной конторѣ, гдѣ о ожиданіи мнѣ въ Москвѣ отъ вашего святѣйшества указъ объявленъ.

А какъ я нинѣ, наивящщую по усилившимся во мнѣ болѣзнямъ слабость моего здравія ежедневно чувствую, и по старости лѣтъ моихъ

къ виползованію оныхъ мало надежды заключаю, по чему къ правленіи епаршескихъ дѣлъ нахожу себе не всостояніи.

Того ради ваше святѣйшество всепокорнѣйше прошу за старостію и слабостію моего здоровья отъ епархіи и отъ правленія епаршескихъ дѣлъ въ кіевопечерскую лавру на обѣщаніе уволненія. И о семъ моемъ прошеніи учинить милостивое разсмотрѣніе".

Вашего святѣйшества нижайшый послушникъ смиренный Павелъ, митрополитъ тобольскій.

1768 года 8 априля
Москва.

Прошеніе м. Павла произвело въ синодѣ благопріятное въ пользу его впечатлѣніе. Св. синодъ былъ доволенъ, что открывается способъ къ тихому окончанію сложнаго и непріятнаго дѣла и постановилъ: „всеподданнѣйше представить, не соизволитъ ли Ея Императорское Величество онаго тобольскаго митрополита Павла для пресѣченія происходящихъ въ той епархіи безпокойствъ отъ оной и отъ правленія епаршескихъ дѣлъ,—какъ онъ и самъ проситъ,—на обѣщаніе въ кіевопечерскую лавру уволить; а если по изслѣдованіи достальныхъ дѣлъ въ чемъ онъ митрополитъ виновнымъ явится, то св. Синодъ надлежащее въ силу законовъ взысканіе и въ бытность его въ кіевопечерской лаврѣ учинить долженъ".

Императрица утвердила докладъ синода въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Митрополита Павла отъ тобольской епархіи на обѣщаніе по прошенію ево уволить, а въ дѣлахъ, ежели впредь истцы будутъ, чинить Синодъ имѣетъ по законамъ производство".

Екатерина.

Іюня 4 дня 1768 г. Сарское село.

Но не видно, чтобы по удаленіи на покой м. Павла истцы продолжали противъ него свои жалобы, и онъ могъ доживать свой вѣкъ въ лаврѣ спокойно. Вѣкъ его впрочемъ былъ не дологъ.

11 іюля 1768 г. кіевопечерскій архимандритъ Зосима доносилъ св. синоду объ опредѣленіи къ пребыванію м. Павла пристойной кельи, а 6 ноября 1770 г. тотъ же архимандритъ уже доносилъ святѣйшему синоду о кончинѣ м. Павла въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Прибывшій прошлаго 768 г. августа 31 дня въ кіевопечерскую

лавру на обѣщаніе по указу св. пр. Синода въ силу имяннаго Ея И. В. указа состоявшемуся преосв. митрополитъ тобольскій Павелъ отъ долговременной болѣзни сего ноября 4 дня въ пятомъ часу съ полдня со всякимъ христіанскимъ порядкомъ преставися, который за отпѣтіемъ соборнѣ паннихиды и поставленъ въ придѣлѣ архидіакона Стефана въ склепу до полученія изъ св. пр. синода—какъ и кому повелено будетъ отпѣть погребъ—въ резолюцію указа. Св. пр. Синоду репортую; каковожь онъ о имуществѣ своемъ оставилъ завѣщ ніе, оное при семъ, за оставленіемъ въ лаврѣ справочной копіи, подлѣнное сообщаю".

Завѣщаніе м. Павла читается такъ:

Во имя Отца и Сына и св. Духа. Аминь.

1770 г. октября 26 дня.

„Я нижеподписавшійся, находящійся въ лаврѣ кіевопечерской по обѣщанію митрополитъ Павелъ, будучи въ слабости здоровья своего и дабы никто по смерти моей святой лавры турбовать не могъ, симъ моимъ завѣщаніемъ всѣмъ и кому о семъ вѣдати надлежатиметь, объявляю, что имѣвшееся мое имущество, деньги и разные вещи, при доброй памяти и изъ собственной воли, прежде смерти моей все роздано. Во увѣреніе чего и сіе мое завѣщаніе собственноручнымъ подписомъ утверждаю".

Смиренный митрополитъ Павелъ.

По какому-то случаю подлинное доношеніе архимандрита Зосимы съ приложеніемъ подлиннаго завѣщанія м. Павла пропало на почтѣ. Всего вѣроятнѣе такъ вышло потому, что чума, опустошавшая Кіевъ въ 1770 г., угрожала и остальной имперіи, и почтовыя сообщенія были крайне затруднены карантинами. Какъ бы то ни было, но св. синодъ узналъ о кончинѣ митр. Павла только изъ частнаго письма кіевопечерскаго архимандрита Гавріилу Кременецкому, архіепископу петербургскому, который въ то время уже былъ назначенъ на кіевскую митрополію. Св. синодъ былъ очень озабоченъ замедленіемъ въ погребеніи м. Павла особенно въ виду *нынѣшнихъ въ Кіевѣ обстоятельствъ*. И хотя Гавріилъ Кременецкій уже далъ знать архим. Зосимѣ, что „тѣло того покойнаго преосвященнаго, сжели по нынѣшнимъ въ Кіевѣ обстоятельствамъ медлить сумнительно, предать земли можно и до полученія изъ св. синода указа",—тѣмъ не менѣе св. синодъ счелъ нужнымъ подтвердить

указомъ отъ 4 дек. 1770 г. № 1891 о немедленномъ тѣла онаго преосв. Павла,—если еще донынѣ не погребено,—погребеніи.

Архим. Зосима репортовалъ, что еще до полученія синодальнаго указа,—по письму синод. члена Гавріила, погребеніе тѣлу преосв. Павла 19 декабря учинено. Но, какъ видно, подъ *погребеніемъ* настоятель лавры разумѣлъ отпѣваніе тѣло пр. Павла, а не преданіе его землѣ.

Память м. Павла обставлена легендами. Нѣкоторыя изъ нихъ приведены въ статьѣ графа М. В. Толстаго, помѣщенной въ *Чтеніяхъ Моск. общ. ист. и древн.* 1870. Вотъ эти легенды:

1.

Повѣствуютъ, что въ ночь наканунѣ синодальнаго суда, подсудимый святитель явился во снѣ одному изъ синодальныхъ членовъ (митрополиту Димитрію Сѣченову) и изрекъ слѣдующія грозныя слова: „Quandoquidem patres nostri, e numero quorum quidam sancti, varia bona terrena Ecclesiae dederunt, anathematis omnibus detractoribus istorum bonorum (?), etiam ego, homo peccator et Ecclesiae Christi Episcopus indignus, non meo quidem ore, sed ore meorum patrum, tibi, detractori Ecclesiasticorum bonorum, anathema et inopinatam mortem profero“.

Для оцѣнки этой легенды достаточно припомнить, что судъ надъ м. Павломъ происходилъ въ апрѣлѣ 1768 г., а митр. Сѣченовъ скончался 11 дек. 1767, слѣд. за 4 мѣсяца до грознаго сновидѣнія, предвѣщавшаго ему напрасную смерть.

2.

„При отъѣздѣ изъ Петербурга отдавали м. Павлу, по волѣ императрицы, какія то деньги, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ рублей. Павелъ не принялъ, говоря, что это огонь. Послали ихъ съ надежнымъ человѣкомъ, назначеннымъ для сопровожденія митрополита, въ Кіевъ. Тамъ намѣстникъ лавры предложилъ святителю: пріими же этотъ даръ, по крайней мѣрѣ, для святой лавры: мы устроимъ на нихъ что либо богоугодное. Павелъ сказалъ: *А що ты устроишь, отче, на сей огонь?* Намѣстникъ отвѣчалъ: мало ли нуждъ въ лаврѣ? Хорошо бы позоло-

тить, черезъ огонь, церковныя главы. *Се добре*, отвѣчалъ Павелъ. Деньги были приняты и употреблены на позолоту главъ великой церкви".

Въ архивѣ св. синода нѣтъ извѣстія о денежномъ награжденіи при отставкѣ м. Павла. Да это и не соотвѣтствовало личнымъ отношеніямъ къ нему императрицы, вообще не щедрой для увольняемыхъ архіереевъ. Если святитель Тихонъ воронежскій, послѣ троекратной просьбы едва допросившійся увольненія отъ каѳедры, получилъ только скромную пенсію въ 500 р. с.; то съ какой стати предполагать особую щедрость къ м. Павлу монархини, которая считала его гонителемъ, фанатикомъ и человѣкомъ, еще и по увольненіи остававшимся подъ судомъ? За тѣмъ упоминаніе о *намѣстникѣ лавры* показываетъ, что легенда сложилась тогда уже, когда архимандритство въ лаврѣ соединено было съ саномъ митрополита кіевскаго. Но когда м. Павелъ жилъ въ лаврѣ, лавра имѣла особаго архимандрита Зосиму Валкевича и ему конечно должна бы принадлежать честь бесѣды съ м. Павломъ о лаврскомъ строеніи.

3.

Сохранилась собственноручная записка покойнаго митрополита кіевскаго, Евгенія Болховитинова, о явленіи ему митроп. Павла въ то время, когда устроенъ былъ новый склепъ подъ великою церковію лавры и приказано перенести туда, во вновь устроенныя могилы, всѣ гробы, какъ погребенные въ землѣ, такъ и поставленные въ склепѣ подъ соборомъ. „Сего 1827 года іюня въ 12 день, доложили мнѣ (пишетъ митрополитъ Евгеній), что въ усыпальницѣ, подъ Стефановскимъ придѣломъ, тѣло тобольскаго архіерея Павла, почивающее во гробѣ поверхъ земли и назначенное къ погребенію на новомъ мѣстѣ, оказалось нетлѣннымъ, почему и велѣлъ я оставить посмотрѣть мнѣ самому, но того дня не успѣлъ сдѣлать осмотра. Въ слѣдующую же ночь, когда я заснулъ, представилась мнѣ буря, колебавшая зданіе, отъ коей я проснулся и услышалъ, что по заламъ мѣрно и весьма твердо шествуетъ нѣкто въ мою спальню. Двери растворились и вошелъ неизвѣстный мужъ свѣтомъ озаренный, въ архіерейскомъ облаченіи, съ гнѣвомъ на лицѣ. Приподнявшись на постели, я хотѣлъ встать и поклониться ему, но не могъ, потому что ноги, и особенно колѣна, у меня сильно задрожали. Явившійся сказалъ мнѣ: *Чи даси намъ почывати, чи ни? Не даси намъ почывати, не дамъ тобѣ и я николи по-*

чывати! За тѣмъ онъ вышелъ мѣрными шагами изъ спальни. На утро я пришелъ ко гробу архіерея, коего наканунѣ предположилъ осмотрѣть, и, по снятіи крыши, увидѣлъ того самого святителя Божія, Павла, который явился мнѣ ночью, и въ томъ же облаченіи. Со слезами лобызалъ я руки его, отслужилъ панихиду и велѣлъ оставить гробъ на прежнемъ мѣстѣ".

Это сновидѣніе м. Евгенія остается прежде всего событіемъ его личной душевной жизни,—и съ этой точки зрѣнія и должно быть оцѣниваемо.

VII.

Вѣдомость 1786 года о лицахъ, находящихся на пребываніи въ кіево-печерской лаврѣ, на основаніи указовъ св. синода [1]).

1) Преосв. Серафимъ митрополитъ лакедемонскій имѣетъ пребываніе свое въ лаврѣ 1778 года съ іюня м. по полученнымъ въ лаврѣ изъ св. пр. синода 777 окт. 13 и 781 мая 25 числъ указамъ, коими предписано для жительства въ лаврѣ пристойныя и сходственныя съ его саномъ келіи отвесть. Получаетъ денежной пенсіи въ годъ по 500 р., а сверхъ того изъ лавры ради содержанія его изъ келарни хлѣба въ день ситнаго бѣлаго половина, простаго для служителей три порціи, въ праздничные и воскресные дни по двѣ булки, въ мѣсяцъ крупъ гречневыхъ по два гарца, пшена по гарцу, соли стопокъ по 20 или по 4 фунта, масла конопляного на мѣсяцъ по 5 кварть; рыбы свѣжей, а временемъ просольной на три кушанья, также отпускается рыба всякая, сыръ и масло коровье противу соборнаго; изъ ключни на недѣлю вина волосскаго 2 кварты, водки крѣпкой 2 кварты, меду 7 кварть, пива всякій день по 3 кварты и кислощей 2 кварты; да къ празднику Рождества, Воскресенія и Успенскому крѣпкой водки по 3 ведра и сладкой по 2 кварты. Свѣчь сальныхъ большихъ на мѣсяцъ по 30. Изъ кухни бураки, капусту и всякую огородную овощь, а изъ экономіи для служителей въ мясные дни масло и сало. И на топленіе печей дрова.

2) Сербской націи архимандритъ Спиридонъ Витковичъ указомъ

---

[1]) Изъ архивныхъ документовъ св. Синода.

св. пр. синода 778 г. апр. 27 въ лаврѣ полученнымъ, по силѣ именнаго высочайшаго указа состоявшимся, опредѣленъ на жительство и содержаніе противъ соборнаго іеромонаха получаетъ изъ кіевской казенной палаты въ годъ денежной пенсіи по 150 р., а отъ лавры кружечнаго подѣлу въ годъ по 25 р. Такожъ отпускается ему на содержаніе въ недѣлю изъ ключни водки крѣпкой по квартѣ, меду питейнаго по 1 квартѣ и проч.

3) Архимандритъ бывый батуринскаго крупецкаго николаевскаго монастыря Варсонофій, присланный въ лавру при указѣ св. пр. синода 780 г. марта 30, на обѣщаніе его, какъ онъ въ лаврѣ и постриженъ, на соборную порцію.

4) Архимандритъ Козма Вестарисъ, бывый при покойномъ константинопольскомъ патріархѣ Серафимѣ,—781 г. мая 28 по полученному изъ св. пр. синода въ лаврѣ указу, по его прошенію жительствуетъ съ содержаніемъ во всемъ противъ соборнаго лаврскаго іеромонаха.

5) Бывый Троицкой Серіевой лавры келарь іеромонахъ Иннокентій по просьбѣ его и желанію въ разсужденіи болѣзни, по указу св. пр. синода, въ лаврѣ полученному 767 г. 1 дек., на жительство опредѣленъ съ тѣмъ, чтобы содержать его съ пристойнымъ респектомъ. Пенсіи получаетъ 150 р., а сверхъ того изъ лавры содержаніе какъ и вышеписанные архимандриты.

6) Придворный тафель-декеръ Лукіанъ Королкевичъ, въ поврежденіи ума находящійся, 763 г. ноября 4 дня при указѣ изъ св. пр. синода присланъ въ лавру для пребыванія и исправленія въ умѣ съ предписаніемъ довольствовать его Королкевича пропитаніемъ и одеждою. Почему и производится для него содержаніе изъ лавры, въ день ситнаго хлѣба четвертка, а по праздничнымъ днямъ и булки, да изъ трапезы кушанье и пива по двѣ кварты изъ ключни. Одѣяніе же все ради его дается изъ казны лаврской. Сверхъ того находящемуся при немъ для услуги и сбереженія его въ здоровьѣ солдату, опредѣленному отъ кіевской оберъ-комендантской канцеляріи, ежеденно простаго хлѣба обыкновенная порція и изъ трапезы кушанье, какъ и лаврскимъ всѣмъ послушникамъ, выдается.

Итого по указамъ жительствующихъ въ лаврѣ *шесть*=6.

VIII.

Изъ исторіи кіевскаго греческаго Екатерининскаго монастыря[1]).

1786 годъ былъ тяжелымъ годомъ или—лучше сказать—начиналъ собою рядъ тяжелыхъ годовъ для малороссійскаго монашества. Послѣдовалъ высочайшій указъ о введеніи единообразія въ содержаніи малороссійскихъ монастырей съ монастырями великороссійскими, а это *единообразіе* должно было прежде всего сказаться въ сокращеніи числа монастырей и монашествующихъ. И дѣйствительно при введеніи штатовъ въ трехъ малороссійскихъ епархіяхъ—кіевской, черниговской и новгородъ-сѣверской оказалось подлежащими закрытію 42 обители, и 466 иноковъ и 510 инокинь остались *въ излишествѣ*, не считая лишнихъ настоятелей и настоятельницъ, которыхъ набралось 29. Куда было дѣваться бѣднымъ монашествующимъ, оставшимся *въ излишествѣ*, которымъ, по выраженію кіевскаго митрополита, и жить было негдѣ и пропитываться нечѣмъ? Не вдругъ еще послѣдовалъ высочайшій указъ которымъ предоставлялось оставшимся *въ излишествѣ* печальное право, стѣснившись въ небольшое число уцѣлѣвшихъ монастырей, доживать свой вѣкъ на сверхштатномъ содержаніи, въ ожиданіи того, пока они *смертію не выбудутъ*, при чемъ мѣстнымъ архіереямъ предписывалось по-полугодично репортовать объ успѣхахъ смерти въ истребленіи этой лишней сверхштатной братіи.

Совсѣмъ въ иномъ исключительно-благопріятномъ положеніи находился кіевскій Екатерининскій греческій монастырь. Во всѣхъ малороссійскихъ монастыряхъ было тѣсно и многолюдно; даже монастыри не закрываемые, а вошедшіе въ штатъ, имѣли на половину и больше монаховъ *въ излишествѣ;* между тѣмъ въ греческомъ кіевскомъ монастырѣ было только два инока, игуменъ да пономарь монахъ, да жилъ еще на покоѣ архимандритъ Евстафій 69 лѣтъ, бывшій настоятель новгородъ-сѣверскаго монастыря, недавно уволенный съ пенсіею 500 р. с. въ годъ и весьма зрѣло разсудившій, что ему лучше водвориться тамъ, гдѣ просторнѣе.

Между тѣмъ штаты, вообще скупые и стѣснительные, оказались не въ мѣру щедры для греческаго монастыря. Тогда была эпоха увле-

---

[1]) Изъ архивныхъ дѣлъ св. Синода.

ченія *греческимъ проектомъ*; правительство тщательно отыскивало въ Россіи всѣ элементы сближенія съ греческою націею: даже относительно русскихъ монаховъ циркулярно требовалось извѣстія, не умѣетъ ли кто читать, писать и говорить по гречески. Тѣмъ паче правительство не могло оставить безъ особаго вниманія цѣлый греческій монастырь. И вотъ мы видимъ, что, по штатамъ 10 апр. 1786 г., греческій Екатерининскій монастырь полагается во 2-мъ классѣ, слѣдовательно предопредѣляется въ немъ 17 монаховъ при настоятелѣ *архимандритѣ*. Такая несоразмѣрность штатнаго положенія греческаго монастыря съ его дѣйствительностію заставила кіевскаго митрополита Самуила обратиться въ св. синодъ съ слѣдующимъ доношеніемъ (отъ 11 іюня 1786 г.): „Какъ въ вошедшемъ въ штатное число второклассномъ греческомъ екатерининскомъ монастырѣ нынѣ на лицо состоитъ одинъ только игуменъ и одинъ монахъ, а по штатному положенію въ ономъ монастырѣ быть должно съ настоятелемъ всѣхъ монашествующихъ 17; того ради свят. правит. синоду объ ономъ благопочтенно представляя, изъ греческой ли націи или изъ остающихся въ кіевской епархіи въ излишествѣ монашествующихъ тотъ греческій монастырь повелѣно будетъ наполнить,—такожь о произведеніи находящагося въ томъ монастырѣ игумена Іакова во архимандриты, долгъ имѣю ожидать въ резолюцію указа“.

По поводу доношенія кіевскаго митрополита, въ канцеляріи св. синода были собраны справки о кіево-греческомъ монастырѣ и объ игуменѣ Іаковѣ. И оказалось слѣдующее:

а) *о монастырѣ*. „То мѣсто, гдѣ греческій екатерининскій монастырь состоитъ, въ 1737 году уступлено жителемъ кіевскимъ грекомъ Астаматѣемъ Николаевымъ монастырю синайскія горы Преображенскому подъ строеніе церкви во имя св. великомуч. Екатерины для проѣзжающихъ въ г. Кіевъ грековъ, и чтобы во оной священнослуженіе исправлять бывшему тогда изъ синайскія горы игумену Евгенію и впредь присылаемымъ оттуда священнослужителямъ, которую церковь по представленію покойнаго преосв. Рафаила, архіепископа кіевскаго, св. синодомъ въ 1738 г. и дозволено построить съ тѣмъ, чтобы оной быть въ вѣдомствѣ кіевскаго архіерея“.

б) *объ игуменѣ Іаковѣ*. Выписка изъ епархіальной вѣдомости 1785 г. „Игуменъ Іаковъ, области венеціанской купеческой сынъ, учился области турецкой Димитріевской епархіи въ городѣ Портаріи, въ семинаріи,

еллинскаго діалекта чрезъ три года,—самъ же никого не училъ; по природѣ говоритъ, читаетъ и пишетъ по гречески. Постриженъ въ монашество 1773 года маія 9 синайскихъ горъ въ обителѣ Преображенской; послушаніе проходилъ при домѣ синайскихъ горъ преосв. архіепископа Кирилла экономическое,—1773 маія съ 9-го,—777 годовъ декабря по 26-е,—а того года опредѣленъ онымъ преосвященнымъ Кирилломъ въ кіево-греческій монастырь по старости тогда бывшаго въ ономъ игумена Григорія управителемъ, а по умертвіи онаго игумена Григорія произведенъ покойнымъ преосв. Гавріиломъ, митр. кіевскимъ, въ оный кіево-греческій монастырь 1783 г. марта 10 игуменомъ, въ коемъ чину и нынѣ находится. Дѣла до него никакія не касались. Отъ роду ему 37 лѣтъ". Противъ имени рукою преосвященнаго кіевскаго отмѣчено: „къ послушаніямъ впредь способенъ".

По соображеніи всѣхъ обстоятельствъ, св. синодъ указомъ отъ 16 іюля 1786 г., на имя митроп. кіевскаго Самуила, опредѣлилъ: „игумена Іакова произвесть въ архимандриты кіево-греческаго монастыря, а недостающее въ ономъ число монаховъ пополнить пока излишними иноками другихъ кіевскихъ монастырей, съ тѣмъ что если въ послѣдствіи придутъ на пребываніе въ кіево-греческомъ монастырѣ иноки изъ синайской обители, то русскіе монахи должны уступить мѣсто греческимъ".

Опредѣленіе св. синода было исполнено. 6 августа 1786 года игуменъ Іаковъ былъ произведенъ въ архимандриты, причемъ—(доносилъ св. синоду митр. Самуилъ)—„за неимѣньемъ въ греческомъ монастырѣ для священнослуженія архимандричьяго ризничныхъ вещей, снабденъ оными изъ упраздненнаго кіево-кирилловскаго монастыря, оставшимися послѣ бывшаго тамъ архим. Николая". Къ рапорту митрополита былъ приложенъ и реестръ вещей для священнослуженія архимандричьяго, переданныхъ изъ кирилловскаго въ греческій монастырь, кои были: четыре митры, мантія архимандричья краснаго канавоту, посохъ архимандричій и четыре наперсныхъ креста.

Красная мантія обратила на себя вниманіе св. синода. Въ указѣ отъ 30 сент. 1786, на имя митрополита Самуила, содержалось слѣдующее: „св. синодомъ усмотрѣно, что архим. Іакову между прочими ризничными вещами выдана мантія архимандричья краснаго канавиту, каковыхъ архимандритамъ употреблять возбранено; для того, буде подлинно та данная архим. Іакову мантія состоитъ изъ краснаго цвѣту,

оную отъ него архимандрита отобрать и употребить на прочіе ризничныя вещи по усмотрѣнію преосвященнаго,—а ему, архимандриту, велѣть носить мандію чернаго, а не инаго какого цвѣта непремѣнно. А притомъ справиться: нѣтъ ли и въ другихъ тамошнихъ монастыряхъ подобныхъ сему непристойностей, и ежели окажутся, то употребленіе оныхъ немедленно пресѣчь и св. синоду о всемъ томъ репортовать".

Митр. Самуилъ отъ 28 октября того же года репортовалъ, что красная мандія создана ошибкою писца; на дѣлѣ же мандія черного цвѣта и свидѣтельствована имъ самимъ.

IX.

Послѣднія судьбы кіево-межигорскаго монастыря [1]).

Кіево-межигорскій монастырь имѣлъ запорожскую сѣчь—такъ сказать—въ своемъ приходѣ. Изъ монастыря отправлялись въ сѣчь іеромонахи для совершенія требъ и богослуженія; изъ сѣчи приходили въ монастырь старые израненные казаки доживать вѣкъ въ качествѣ *ченцовъ*. Монастырь сѣялъ духовное, жалъ съ избыткомъ вещественное; ибо казаки, въ иную пору очень богатые воинскою добычею, были усердными и щедрыми вкладчиками. Казаки ущедряли не только кіево-межигорскій монастырь, но и его колонію Николаевскую самарскую обитель, находившуюся поближе къ сѣчи запорожской, въ нынѣшней Екатеринославской губерніи.

Съ паденіемъ сѣчи запорожской, изсякъ постоянный источникъ доходовъ кіево-межигорскаго створопигіальнаго монастыря и самые дни его были уже кратки и изочтены. *Первое*—такъ сказать—*предостереженіе* межигорскому монастырю далъ Евгеній Булгарисъ, архіепископъ херсонскій и славянскій. Въ 1778 году онъ вошелъ въ св. синодъ съ доношеніемъ, что въ его-де новооснованной епархіи крайне мало мо-

---

[2]) Исторія кіево-межигорскаго монастыря до послѣдней четверти прошлаго столѣтія довольно извѣстна. Есть объ этомъ и въ *Описаніи Кіева Закревскаго* и въ *Кіев. е. вѣд.* 1863 №№ 23—24 и въ статьѣ пр. Григоровича *Кіево-межигорскій монастырь и Запорожье*, читанной на III-мъ археолог. съѣздѣ. Но послѣднія судьбы монастыря оставались доселѣ довольно темными. Прояснить ихъ открывается возможность при помощи архивныхъ документовъ св. синода.

настырей, а между тѣмъ онъ-де, архіепископъ, весьма нуждается въ монастырскихъ настоятеляхъ для присутствія въ духовныхъ правленіяхъ и для другихъ епархіальныхъ порученій, а посему просилъ перечислить въ его вѣдомство между прочимъ, самарскій монастырь приписной къ ставропигіальному межигорскому.

Синодъ пожелалъ узнать по этому вопросу мнѣніе самаго межигорскаго монастыря. Кіево-межигорскій монастырь,—какъ и слѣдовало ожидать,—въ предположеніи преосв. Евгенія увидѣлъ посягательство на послѣднія остатки своего достоянія, и потому сильно запротестовалъ. Архимандритъ Гавріилъ съ братіею отъ 15 іюня 1778 г. докладывали свят. синоду между прочимъ слѣдующее:

„Кіево-межигорскій монастырь по уничтоженіи сѣчи запорожской, съ которой получалъ нужное къ содержанію, вовся уже онаго лишается и лишился, довольствуясь только изъ угодій при монастырѣ самарскомъ оставшихся, къ которому.... испросилъ въ разныхъ годахъ отъ бывшаго войска запорожскаго довольныя земли пахотныя и сѣнокосныя съ озерами, завелъ въ оныхъ довольное число скота рогатаго, лошадей и овецъ, иные покупая за деньги, а другые испрашивая у козаковъ, умножилъ пасѣки для пчелъ, построилъ мельницы вновь, а иные испросилъ же у козаковъ,—и населилъ при томъ монастырѣ, по дозволенію войска запорожскаго, слободу въ 50 дворахъ. И какое ни есть при томъ монастырѣ и внутрь онаго строеніе, то все происходило отъ монастыря кіевскаго межигорскаго съ тою надеждою, чтобы съ оной экономіи имѣть на будущія времена пріобрѣтеніе къ содержанію сего межигорскаго монастыря. Для управленія которою экономіею отдѣляются отъ сего монастыря начальникъ съ монашествующими, и изъ той экономіи сей межигорскій монастырь получаетъ ежегодно воскъ, медъ, сыръ и масло коровье, шерсть овечью, кожи, сукно и лошади для поѣздки, да съ той же экономіи за деньги доставляется покупкою соль и рыба. Ради каковой выгоды сей монастырь межигорскій, по уничтоженіи сѣчи запорожской, просилъ его свѣтлости (...всѣ титулы) князя Григорія Александровича Потемкина всѣхъ тѣхъ грунтовъ и дворовъ монастырю межигорскому и самарскому навсегда утвержденія. А посему по ордеру его свѣтлости... чрезъ межевщиковъ оная земля отведена и отмежевана по размѣру, которой земли досталось 15000 десятинъ, коей земли нынѣ и столбы межовые утверждены, что все стоитъ монастырю съ немалымъ трудомъ и иждивеніемъ.....

Если же обязанъ будетъ начальникъ самарскаго монастыря отъ епархіи порученными каковыми другими дѣлами, то въ экономіи можетъ послѣдовать совсѣмъ упущеніе и вмѣсто чаемой пользы причинится невозвратный убытокъ... Того ради св. прав. синодъ всенижайше просимъ... вышеписанный самарскій монастырь оставить вѣдомымъ межигорскому монастырю во всемъ".

Туча на этотъ разъ прошла мимо. Св. синодъ увѣдомилъ преосв. Евгенія, что самарская обитель не можетъ быть изъята изъ вѣдомства кіево-межигорскаго монастыря.

Наступилъ роковой для малороссійскаго монашества 1786 годъ Въ 4-мъ пунктѣ указа императрицы отъ 10 апрѣля сего года значилось: *ставропигіальный кіевомежигорскій монастырь перевести въ таврическую область, гдѣ оный въ 1-мъ классѣ учрежденъ будетъ; строеніе же обратится для помѣщенія отставныхъ офицеровъ, призрѣнія по ихъ дряхлости и неимуществу требующихъ.* Конечно правительство имѣло въ виду помѣстить межигорскій монастырь въ сосѣдствѣ съ прежними обитателями Запорожья, населившими теперь Землю войска черноморскаго. Но перенесеніе въ Тавриду и учиненіе въ 1-мъ классѣ было для межигорскаго монастыря пока сладкимъ обѣщаніемъ, а между тѣмъ наступила уже горькая дѣйствительность. Мѣста въ Тавридѣ для перенесенія межигорскаго монастыря отводимо еще не было; не было ассигнуемо монастырю и окладовъ сообразно его проектируемому 1-классному штату. Правительство, очевидно, не считало этого дѣла спѣшнымъ, а между тѣмъ неумолимые *директоры домоводства*, согласно высочайшему указу отъ 10 апрѣля 1786 года, уже собирались съ 1-го іюля сего года забрать монастырскія имущества и доходныя статьи въ свои руки. Послушники, видя бѣду, идущую на монастырь, брели врозь, архимандритъ и монахи опасались, по ихъ словамъ, что монастырь, „состоящій въ отдаленности отъ селеній и между лѣсомъ, останется безъ всякаго надлежащаго охраненія". Въ такихъ обстоятельствахъ межигорскій архимандритъ Амфилохій обратился къ малороссійскому генералъ-губернатору графу П. А. Румянцеву съ просьбою принять участіе въ затруднительномъ положеніи монастыря. Румянцевъ, письмомъ отъ 28 мая, отвѣчалъ, что онъ ничего не можетъ сдѣлать для монастыря, и совѣтовалъ архимандриту обра-

титься или по другой командѣ, или къ начальнику той области, куда монастырь переводится, т. е. къ князю Г. А. Потемкину. Архимандритъ обратился къ св. синоду и отъ 30 мая 1786 г. просилъ *„не оставить въ резолюцію милостивымъ указомъ,—дабы паче чаянія, за неимѣніемъ при монастырѣ людей не послѣдовало какого нападенія и грабительства“*. Синодъ 19 іюня поручилъ своему первенствующему члену Гавріилу, митрополиту новгородскому, объясниться по этому предмету съ княземъ Г. А. Потемкинымъ и снабдилъ даже митрополита докладною запискою съ изложеніемъ сущности дѣла.

Когда происходило это объясненіе и чѣмъ оно кончилось, изъ дѣла не видно; но видно, что князь Г. А. Потемкинъ сталъ усвоять себѣ нѣкоторыя права надъ церковною движимостію монастыря, не принимая въ тоже время на себя соотвѣтственныхъ обязанностей. Ризница и утварь межигорскаго монастыря, перевезенная на время въ кіево-софійскій соборъ, по письменному требованію князя Потемкина, вся безъ изъятія, 20 апрѣля 1787 г., отдана присланному отъ его свѣтлости коллежскому ассессору Михаилу Завьялову съ копіею описи и росписью. А лѣтомъ 1789 г. князь Потемкинъ предписалъ кіевскому оберъ-коменданту Вигелю [1]) взять и препроводить водою до Койданъ колокола упраздненнаго кіево-межигорскаго монастыря; почему тѣ колокола всѣ безъ изъятія и взяты были присланнымъ отъ оберъ-коменданта сержантомъ Филиппомъ Вороновымъ [2]). Куда дѣлась ризница, утварь и колокола—намъ неизвѣстно. Очень вѣроятно, что князь Потемкинъ, любившій все дѣлать въ широкихъ размѣрахъ и притомъ самъ собиравшійся когда-то быть монахомъ, дѣйствительно задумывалъ устроить въ Тавридѣ монастырь на славу,—но сначала 2-я турецкая война, а потомъ смерть самого князя Потемкина—помѣшали исполненію предпріятія.

Какая была дальнѣйшая судьба монастырскихъ зданій, архимандрита и иноковъ?

Строенія межигорскаго монастыря предназначались правитель-

---

[1]) Отцу извѣстнаго автобіографа и публициста.

[2]) Доношенія м. Самуила отъ 24 апр. 1787 г. и 18 августа 1789 г. въ архивѣ св. Синода. Дѣло объ учрежденіи малоросс. епархій и монастырей.

ствомъ сначала для инвалиднаго дома дряхлымъ и больнымъ офицерамъ, а потомъ для госпиталя. Какъ бы то ни было, но монахамъ предложено было выбраться оттуда, а храмы монастырскіе, изъ которыхъ было вынесено все цѣнное, переданы въ завѣдываніе сосѣднему священнику. При этомъ повторились сцены разгрома и опустошенія, какія всегда бываютъ, когда домъ остается безъ хозяина. „Тѣжь бывшіе крестьяне монастырскіе", доносилъ архим. Амфилохій еще отъ 25 іюля 1786 г., „начали уже и утѣснять монастырь, занимая сами собою землю до самаго монастыря безъ уваженія, лѣсъ и сады монастырскіе опустошая крайне". Не уцѣлѣли и самые храмы. „Апрѣля 23 дня", докладывалъ св. синоду митр. Самуилъ отъ 24 апр. 1787 г., „опредѣленный для надсматриванія бывшаго межигорскаго монастыря священникъ доношеніемъ мнѣ представилъ, что по случаю учинившагося въ томъ бывшемъ монастырѣ пожара и церкви божіи деревянныя, а именно 1) Сошествія св. Духа, 2) Благовѣщенія пр. Богородицы и 3) трапезная святителя Николая сгорѣли со всею, что въ нихъ ни находилась, утварію, исключая св. антиминсы и сосуды, которые онъ успѣлъ вынесть; да и въ настоящей каменной церкви наперть подъ желѣзною крышкою вся обгорѣла, даже что жаръ касался и самой церкви, почему и изъ оной все было выносимо".—Сгорѣли ли кельи и другія монастырскія строенія, переданныя въ вѣдомство приказа общественнаго призрѣнія, изъ дѣла не видно. Народная молва приписывала причину пожара поджогу со стороны людей, раздраженныхъ закрытіемъ монастыря.

Что сталось съ настоятелемъ и братіею? Архимандритъ Амфилохій Леонтовичъ лично ничего не потерялъ. Онъ былъ назначенъ вскорѣ настоятелемъ 1-класснаго кіево-николаевскаго пустыннаго монастыря и впослѣдствіи (съ 24 іюня 1795 г. до смерти † 1 іюля 1799 г.) былъ епископомъ переяславскимъ.

Судьба остальной братіи менѣе извѣстна. Въ эпоху монастырскаго упраздненія всѣхъ монашествующихъ, кромѣ настоятеля, было 49; въ томъ числѣ были—по отзыву Амфилохія—„престарѣлые, дряхлые, здоровьемъ весьма слабые, къ послушанію неспособные и къ переселенію крайне ненадежные". Если бы переселеніе состоялось и въ Тавридѣ основанъ былъ первоклассный монастырь съ 33 положенными по штату иноками, то и въ такомъ случаѣ 17 межигорцевъ осталось бы *въ излишествѣ*. Если вѣрить Ра[illegible]нину (О монастыряхъ стр. 535),

братія межигорскаго монастыря была переселена въ Спасо-Николаевскій мон. при устьѣ р. Ингула. Изъ дѣлъ синодальнаго архива этого не видно. Изъ дѣлъ архива видно только то, что въ 1786 году прибыло въ кіево-печерскую лавру 17 заштатныхъ иноковъ упраздненнаго межигорскаго монастыря (іеромонаховъ 7, іерод. 2, монаховъ 8, въ томъ числѣ два уподіакона). По лаврской вѣдомости за 2-ю половину 1788 года значится живущими въ лаврѣ только десять межигорцевъ: іеромонахи: Карпъ 60 лѣтъ, Доримедонтъ 50 л., іеродіаконы: Гурій 50 л., Аркадій 40 л. монахи: Елисей 35 л., Германъ 35 л., Евфимій 72 л., Ѳаддей 70 л., Ѳеодулъ 45 л., Глѣбъ 38 лѣтъ. Всѣ они аттестуются такъ: „Со времени опредѣленія ихъ въ лавру никакихъ худыхъ дѣлъ за ними не примѣчено“.

Остается сказать нѣсколько словъ о колоніяхъ межигорскаго монастыря—о приписныхъ къ нему обителяхъ и подворьяхъ. Этихъ колоній было четыре: 1) Самарскій монастырь въ Екатеринославскомъ намѣстничествѣ, въ новомосковскомъ уѣздѣ, 2) въ Кіево-подолѣ монастырское подворье съ церковію св. великомуч. Пантелеймона, 3) при польской границѣ во острову, называвшимся Демидовскимъ, новая церковь во имя Рождества Богородицы, 4) при городѣ Переяславлѣ отчина монастырская село Демянцы съ дворомъ монастырскимъ и старою церковью во имя св. Бориса и Глѣба.

Самарскій пустынно-николаевскій монастырь, изъ-за котораго межигорцы лѣтъ десять тому назадъ такъ горячо боролись съ арх. Евгеніемъ, не избѣжалъ своей участи быть причисленнымъ въ вѣдомство екатеринославской епархіи. Но монастырь остался за штатомъ, а обширныя владѣнія его вѣроятно перешли въ свѣтское вѣдомство. Можетъ быть въ самарскій монастырь переселилась часть межигорцевъ, ибо при упраздненіи межигорскаго монастыря въ самарскомъ—по докладу архим. Амфилохія—было 12 иноковъ, а по вѣдомости къ 1 янв. 1789 г., мы видимъ, что ихъ значится уже 24 (7 іером. 4 іерод. и 13 монаховъ: изъ нихъ 2 іером. служили на черноморскомъ флотѣ).

Что касается до остальныхъ колоній кіево-межигорскаго монастыря, то съ ними конечно поступлено было въ точной силѣ 12 пункта указа императрицы отъ 10 апр. 1786 г. (объ обращеніи пустыней въ приходскія церкви).

X.

Первые кіево-софійскіе соборяне[1]).

Указомъ императрицы Екатерины II-й отъ 10-го апр., 1786 г. между прочимъ предписано: „Катедральный Кіево-Софійскій монастырь переименовать кіевскимъ Софійскимъ соборомъ, опредѣля къ нему протопопа и прочихъ священно-и церковно-служителей съ окладомъ наравнѣ съ моск. Архангельскимъ соборомъ".

Во исполненіе этого высочайшаго повелѣнія митрополитъ Самуилъ опредѣлилъ новый составъ лицъ, служащихъ при св. Софіи, о чемъ и сообщилъ синоду при рапортѣ отъ 2 сентября того-же 1786 года.

Вѣдомость, кто именно священно-и церковно служители опредѣлены къ кіевскому Софійскому собору.

Протопопомъ: переведенъ отъ кіево-подольской соборной церкви протоіерей Іоаннъ Леванда; *ключаремъ:* кіево-подольской Притиско-Николаевской церкви оставшійся за штатомъ, при разборѣ священно и церковно-служителей, священникъ Павелъ Ольшевскій. Кромѣ того назначены: три священника, одинъ протодіаконъ, два діакона и 18 человѣкъ причта и церковной прислуги.

Кіево-Софійскому собору на содержаніе положенныхъ въ немъ чиновъ ассигновано 2058 рублей въ годъ. Да кромѣ сего на десять звонарей по 12 рублей въ годъ на каждаго.

XI.

Кандидаты на кіевскую митрополію въ 1796 году[2]).

5-го января 1796 г. скончался Самуилъ Мирославскій, митрополитъ кіевскій. На его мѣсто св. синодъ отъ 20 марта того же года представилъ императрицѣ трехъ кандидатовъ: Варлаама Петрова, арх. тобольскаго, Іероѳея Малицкаго, е. черниговскаго, и Ѳеоктиста Мочульскаго, е. бѣлоградскаго съ приложеніемъ слѣдующей вѣдомости.

Тобольской архіепископъ Варлаамъ обучался въ кіевской академіи

---

[1]) Изъ архива святѣйшаго Синода 1786 г. № 52.

[2]) Изъ архива св. Синода. Дѣло 1796 г. № 126.

латинскому языку и преподаваемымъ въ ней наукамъ, съ выслушаніемъ философіи и богословіи. По постриженіи въ монашество въ 750 г. въ кіево-печерской лаврѣ упражнялся въ ней и въ училищномъ братскомъ монастырѣ въ сказываніи проповѣдей, въ 762 г. произведенъ во игумена и былъ въ разныхъ монастыряхъ настоятелемъ, а напослѣдокъ тверской епархіи во 2 кл. новоторжскомъ архимандритомъ. Въ 768 г., по имянному высочайшему повелѣнію, посвященъ во епископа тобольскаго, а 792 года ноября 6 по имянному же высочайшему указу пожалованъ въ санъ архіепископа. Отъ роду ему 66 лѣтъ.

Черниговской епископъ Іероѳей обучался въ воронежской семинаріи философіи и богословіи и языкамъ еврейскому, греческому и латинскому, по постриженіи въ 1758 г. въ монашество былъ тамъ-же учителемъ, проповѣдникомъ и префектомъ; потомъ черниговской епархіи въ Домницкомъ монастырѣ игуменомъ; а съ 1774 г. въ черниговскомъ 1-кл. мон. архимандритомъ и тамошней семинаріи ректоромъ, присутствуя между тѣмъ въ консисторіяхъ воронежской и черниговской; а въ 1788 г. окт. 28 по имянному высочайшему указу посвященъ во епископа черниговскаго. Отъ роду ему 68 лѣтъ.

Бѣлоградской епископъ Ѳеоктистъ обучался въ кіевской академіи философіи, богословіи и языкамъ еврейскому, греческому, латинскому, нѣмецкому, французскому и польскому, а притомъ ариѳмстикѣ, исторіи и географіи. По постриженіи въ монашество былъ въ здѣшнемъ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ іеродіакономъ и іеромонахомъ. По произведеніи въ архимандрита, съ 767 г. находился въ разныхъ монастыряхъ настоятелемъ, предсѣдательствуя въ консисторіяхъ и сверхъ того съ 776 по 779 г. былъ при славенскомъ архіепископѣ Евгеніи, для объясненія дѣлъ по управленію епархіею администраторомъ. И по именнымъ высочайшимъ указамъ въ 1783 г. посвященъ въ викарнаго московской епархіи епископа сѣвскаго, а въ 787 г. февр. 6 переведенъ мѣстнымъ въ бѣлоградскую епархію. Отъ роду ему 66 лѣтъ.

Указомъ отъ 1 апр. 1796 г. имп. Екатерина назначила митрополитомъ кіевскимъ Іероѳея, еп. черниговскаго. Вѣроятно въ то время этотъ выборъ былъ неожиданностію, да и въ настоящее время трудно понять, чѣмъ руководилась монархиня при этомъ выборѣ. Давній архіерей Варлаамъ тобольскій отличался выдержанностію и постоянствомъ

характера. Ѳеоктистъ бѣлоградскій славился своею образованностію и литературно-педагогическою дѣятельностію. Іероѳей преимуществовалъ предъ своими совмѣстниками только немного количествомъ лѣтъ. М. Іероѳей былъ на кіевской каѳедрѣ три года слишкомъ († 2 сент. 1799). Оба совмѣстники пережили его. Варлаамъ скончался 2 дек. 1802 г., а Ѳеоктистъ 29 апр. 1818 г.

XII.

Черногорскій инокъ Дометіанъ Владевичъ и его пребываніе въ кіево-печерской лаврѣ[1]).

10-го іюля 1797 г. императоръ Павелъ I-й получилъ слѣдующее письмо:

Всемилостивѣйшій Государь!

„Прошедшаго марта отъ 27-го писалъ я В. И. В-ству чрезъ руки графа В. П. Мусина-Пушкина, что нѣтъ разорительнѣйшаго для кіево-печерской лавры, какъ быть оной подъ управленіемъ епархіальнаго архіерея, каковъ нынѣшній преосв. Іероѳей, который въ похожденіи своемъ весьма высокомѣрный, немилосердный, къ лихоимству чрезмѣрно лакомый и ненасытный и въ правленіи крайне нерасторопливый и разорительный для лавры святой". Далѣе слѣдуетъ исчисленіе проступковъ м. Іероѳея, коихъ насчитывается пять: а) неслуженіе торжественнаго молебна послѣ присяги на вѣрность имп. Павлу, б) неслуженіе панихидъ по покойной императрицѣ, в) оказаніе 10 монашествующимъ 6-го декабря 1796 г. жестокости вязаніемъ ихъ на жестокой стужѣ, г) употребленіе 25,000 р. с. изъ неокладныхъ лаврскихъ суммъ на ненужные и неправильные расходы, д) неремонтированіе великой лаврской церкви и типографскихъ станковъ. Письмо заканчивается такъ: „Слава Богу, Ваше Императорское Величество, правда въ Россіи царствуетъ; а здѣсь въ частномъ мѣстѣ неправда свирѣпствуетъ. Преосвященный меня къ своему личному оправданію никогда не призывалъ, а, утвердясь на лжесвидѣтеляхъ, гибель мнѣ изготовилъ. Объявляли ему нѣкоторые изъ приближенныхъ ему, что обо мнѣ великій Государь извѣстенъ; онъ отвѣчалъ: *пускай я пропаду, а его истреблю*. Всемилостивѣйшій Государь! всеблаговѣйнѣйше прошу Вашего имп. Вели-

[1]) Изъ архивныхъ дѣлъ св. Синода. 1797 г. № 158.

чества: пощади ради Бога и матери Божіей кіево-печерскую лавру отъ такого разоренія и угнетенія братіи и избави Высокомонаршею властію отъ начальства преосв. Іероѳея. Не укосни, Великій Государь! не укосни. Припадая къ священнѣйшимъ стопамъ В. И. В-ства есмь В. И. В-ства всеподданнѣйшій іеромонахъ кіево-печерскія лавры

Дометіанъ Владевичъ".

19-го іюня 1797 г. Лавра кіево-печерская.

Государь чрезъ Д. П. Трощинскаго въ подлинникѣ передалъ это письмо первенствующему члену св. синода митрополиту Гавріилу и св. синодъ въ засѣданіи 17 іюля 1797 г. опредѣлилъ: митр. кіевскому Іероѳею послать указъ, надписавъ оный *по секрету*, съ предложеніемъ прислать въ св. синодъ по самой сущей справедливости и чистой совѣсти обстоятельный отвѣтъ противъ доношенія Дометіанова, и если Дометіанъ живетъ еще въ лаврѣ, то оставить его до дальнѣйшаго о немъ отъ синода предписанія.

Отъ 11 авг. 1797 г. митр. Іероѳей прислалъ въ св. синодъ подробный и обстоятельный отвѣтъ противъ доношенія Дометіанова. Фактически показавъ всю невѣрность обвиненій, взводимыхъ на него Дометіаномъ, митрополитъ заканчивалъ свое оправданіе такъ: „Къ прихотямъ склонности я не имѣлъ и не имѣю, и потому на оныя по своей власти ничего не употреблялъ, обители лаврской ни въ чемъ не разорялъ, и въ свой архіерейской домъ никогда и никакихъ вещей не забиралъ, каковую истину старѣйшая лаврская братія и всѣ тѣ, у кого что въ содержаніи, могутъ совѣстію подтвердить, но старался всемѣрно сохранить лаврское добро въ ненарушимости. И для того, когда доходилъ мнѣ слухъ о не дѣльныхъ Дометіана пустословіяхъ, вмѣнялъ сіе за ничто; а какія и чрезъ кого отъ него Дометіана были сторонніе напоминанія, о томъ мнѣ и доселѣ ничего неизвѣстно; почему и призывать его къ себѣ не находилъ я надобности, наслышавшись довольно о азіатскихъ его нравахъ и опасаясь, чтобъ онъ по своему азарту и суровости не сдѣлалъ мнѣ какой обиды. И сихъ словъ: *пускай я пропаду, а его истреблю*, ни предъ кѣмъ и ни въ какомъ случаѣ не сказывалъ; но самъ онъ Дометіанъ таковы дерзостны рѣчи предъ нѣкоторыми изъ братіи говорилъ: *„пусть-де я самъ пропаду, а докажу, что не будетъ въ лаврѣ архіерей командиромъ"*.

Вмѣстѣ съ тѣмъ м. Іероѳей представилъ докладъ духовнаго собора лавры о поведеніи и характерѣ Дометіана. Въ этомъ докладѣ меж-

ду прочимъ заявлялось: а) что онъ, Дометіанъ, находясь въ чинѣ іеродіаконскомъ, 783 г. сентября 22 дня учинилъ было тайно изъ лавры побѣгъ въ свое отечество т. е. въ Черныя Горы, куда по собственному его, значащемуся въ дѣлѣ, признанію проходилъ чрезъ границу и различные иностранные города безъ пашпорта, не сказываясь какъ въ пути, такъ и въ черногорскомъ городѣ Цетынѣ іеродіакономъ, а монахомъ, и при таковомъ своемъ побѣгѣ казенныхъ лаврскихъ 50, да партикулярныхъ 15 рублей денегъ унесъ, а оттуда 785 г. въ октябрѣ, возвратившись въ лавру, хотя тѣ деньги представилъ и по единому снисхожденію оставленъ безъ заслуженнаго имъ штрафа,.. но съ обязательствомъ подпискою, чтобъ впредь побѣговъ не чинилъ, а о прежде содѣянномъ приносилъ плоды, достойные покаянію, б) что и потомъ онъ оказывалъ непослушаніе покойному митр. кіевскому Самуилу, в) что наконецъ и теперь по причинѣ безпокойнаго характера Дометіана старшая лаврская братія проситъ о выселеніи его изъ лавры въ китаевскую пустынь.

Свят. синодъ, по соображеніи всѣхъ данныхъ въ засѣданіи 28 авг. 1797 г., опредѣлилъ: такъ какъ іером. Дометіанъ Владевичъ оказался въ ложномъ на настоятеля своего митр. Іероѳея Его Императорскому Величеству доносѣ, нанеся тѣмъ напрасное Высочайшей Е. В. особѣ утружденіе,... для того его, Дометіана, въ страхъ другимъ и въ отвращеніе отъ подобныхъ сему ложныхъ предпріятій, лиша іеромонашескаго и монашескаго чиновъ вовсе, отослать въ кіевское губернское правленіе для препровожденія его, яко состоящаго природою изъ Черной Горы, за границу, съ подтвержденіемъ кому слѣдуетъ на пограничныхъ заставахъ, чтобъ онъ, Дометіанъ, внутрь Россіи впускаемъ не былъ.

Но такъ какъ дѣло началось съ письма на высочайшее имя, то св. синодъ счелъ нужнымъ все дѣло и свое опредѣленіе о Дометіанѣ повергнуть на высочайшее воззрѣніе и государь 9 сент. 1797 г. утвердилъ докладъ синода.

Отъ 2 окт. митр. Іероѳей уже доносилъ синоду, что іеромонахъ Дометіанъ 30 сентября лишенъ іеромонашества и монашества и съ мірскимъ именемъ Дмитрія отосланъ изъ духовнаго собора лавры въ кіевское губ. правленіе для препровожденія за границу.

Но, еще прежде своего разстриженія, неугомонный Дометіанъ снова послалъ государю императору, отъ 14-го августа, новый дополнительный на м. Іероѳея доносъ, который тѣмъ же порядкомъ былъ переданъ отъ

государя въ синодъ, изъ синода къ митр. Іероѳею. М. Іероѳей снова представилъ синоду отъ 23 окт. подробное оправданіе съ приложеніемъ приходно-расходныхъ документовъ, предлагая при томъ *чрезъ кого сторонняго и слѣдствіе назначить и тѣмъ избавить* его, митрополита, *при старости лѣтъ отъ поношенія, взведеннаго предъ престоломъ Высокомонаршимъ и св. Синодомъ.* Св. синодъ призналъ оправданіе митрополита достаточнымъ, и такъ какъ Д. Владевичъ потерпѣлъ уже высшую мѣру наказанія и былъ высланъ за границу, то св. синоду оставалось только закончить дѣло заявленіемъ, что *святѣйшій Синодъ усматриваетъ изъ объясненія митрополита Іероѳея, что онъ поступаетъ въ лаврѣ во всемъ благопристойно, сохраняя хранимые издревле въ ней обряды.*

Казалось послѣ всего, что случилось, для бывшаго іеромонаха Дометіана уже не было возможности возвратиться снова въ кіево-печерскую лавру, да еще съ повышеніемъ въ санѣ. Вышло однако на оборотъ.

Въ концѣ 1801 г., недавно вступившій на русскій престолъ, имп. Александръ I-й получилъ слѣдующее письмо:

Всемилостивѣйшій Государь!

Родился я въ Черныхъ горахъ въ приморіи Адріатическомъ и по смерти родителей моихъ въ малолѣтствѣ преосвященнымъ митрополитомъ черногорскимъ Василіемъ Петровичемъ въ 758 г. въ высокославную россійскую имперію вывезенъ и при дядѣ моемъ протопресвитерѣ Филоѳеѣ Владевичѣ воспитанъ и грамотѣ россійской читать и писать наученъ. Послѣ того былъ въ воинской службѣ Императорскаго Величества, а отъ службы уволнясь, по усерднѣйшему желанію принялъ чинъ монашескій въ кіево-печерской лаврѣ, и тамъ же по чину церкви святыя въ іеромонахи преосв. митр. Самуиломъ въ 786 г. сент. 22 рукоположенъ и жилъ въ невинности и въ исправленіи своей должности. По кончинѣ-жь преосв. Самуила принялъ начальство въ кіево-печерской лаврѣ покойный преосв. Іероѳей. Правленіе его въ кіев. лаврѣ было тяготѣйшею рукою; онъ церковныя неокладныя деньги безмѣрно расточалъ и на свои потребы не малое число денегъ употреблялъ, братію обижалъ и въ самомъ худѣйшемъ состояніи содержалъ. Изъ сего печальнаго случая то хожденіе преосв. Іероѳея представилъ

блаженно почившему Государю Императору Павлу Петровичу. Государь Императоръ прошеніе мое отдалъ въ Синодъ. Прав. Синодъ, не чиня послѣдствія мнѣ неизвѣстно на чемъ основался, сказавъ нѣкоесь воровство, о коемъ не вѣдаю, ибо до подачи Его Имп. Величеству прошенія ни по суду ни безъ суда ни въ какихъ штрафахъ не бывалъ,—приказалъ лишить чиновъ, выслать за границу; и въ 797 году неповинно жестоко наказанъ, и съ того времени странствую въ чужихъ краяхъ въ прискорбнѣйшемъ состояніи безъ пропитанія. По вступленіи-жь Вашего Имп. Величества на всероссійскій Имп. престолъ на основаніи изданнаго В. И. В. всемилостивѣйшаго манифеста о прощеніи преступленій кромѣ убійства, посему и я изъ тѣхъ далечайшихъ краевъ предпринялъ многотруднѣйшій путь достигнуть къ престольному граду С.-П-бургу и припадая къ освященнѣйшимъ стопамъ В. И. В. всеблагоговѣйнѣйше прошу: благоутробнѣйше уваживъ невинное мое страданіе и многотруднѣйшій путь, всемилостивѣйше повелѣть св. Синоду, дабы оной меня благословилъ и разрѣшилъ и по прежнему въ лавру въ число братіи опредѣлилъ. Врученный же мнѣ въ Венгріи пакетъ на всевысочайшее В. И. В. имя отъ православнаго преосв. епископа Бочкого и Сегединскаго при семъ всеблагоговѣйнѣйше прилагая, есмь В. И. В.

всеподданнѣйшій бывшій кіево-печерскія лавры іеромонахъ Дометіанъ, а нынѣ нещастный Димитрій Владевичъ.

1801 нояб. 12.

Государь видимо расположенъ былъ къ снисхожденію и поручилъ св. синоду разсмотрѣть: заслуживаетъ ли просьба вниманія и можетъ ли быть удовлетворена безъ нарушенія порядка и справедливости? Но синодъ на этотъ разъ остался при прежнемъ постановленіи, поручивъ митр. Амвросію донести государю о дѣлѣ Владевича съ таковымъ притомъ св. синода мнѣніемъ, что оный (т. е. синодъ) и нынѣ къ возвращенію ему, Владевичу, іеромонашескаго чина по силѣ 12 правила помѣстнаго антіохійскаго собора, равно и къ опредѣленію его въ ту кіево-печерскую лавру по прежнему, во избѣжаніе впредь дальнѣйшихъ отъ него безпокойствъ, приступить не можетъ.

Прошло еще четыре года. 22 дек. 1805 г. одинъ изъ членовъ св. синода—должно полагать Амвросій, м. петербургскій,—получилъ отъ черногорскаго митрополита слѣдующее письмо:

Святѣйшій Владыко, Милостивый Государь и Архипастырь!

Находящійся при мнѣ секретаремъ бывшій кіево-печерскія лавры іеромонахъ Дометіанъ Владевичъ—съ предковъ шляхтичь черногорскій. Восемь лѣтъ тому какъ онъ по нѣкоторымъ на щотъ его бывшимъ приключеніямъ уволенъ изъ кіевской лавры, и по ревности къ святой обители рѣшился терпѣть прискорбности, но по сообразности честнаго его поведенія и по свѣдѣнію съ примѣчанія моего не столь виновенъ, сноситъ долговременныя прискорбности; но добрымъ поведеніемъ заслуживаетъ уваженія и за вѣрную его при мнѣ службу, Двору нашему Всевысочайшему относящуюся, съ немалымъ усердіемъ, и Его Императорскаго Величества благоволеніе. Мы основываемся на доброй совѣсти и хорошемъ христіанскомъ поведеніи, а потому болѣе что онъ, Владевичъ, по всеусерднѣйшей приверженности къ Высочайшему двору нашему и по способности его въ семъ краю былъ и есть къ службѣ Высокославнаго Покровителя нашего полезнымъ. И сего ради всенижайше прошу Ваше Святѣйшество, разрѣшеніе архипастырское ему, Дометіану Владевичу, учинить не оставьте. Также по зѣльному его желанію и въ кіево-печерскую лавру, въ его постригъ, причислить повелѣть благоизвольте. Тѣмъ мнѣ и народу сему чувствительное явите удовольствіе. Впрочемъ вручая себе архипастырской Вашего святѣйшества благопріязни, есмь съ глубочайшимъ высокопочтеніемъ Вашего святѣйшества

всепокорнѣйшій слуга митрополитъ черногорскій и ордена св. Александра Невскаго кавалеръ Петръ Петровичъ.

Въ Цетинѣ Августа 23. 1805 г.

И это письмо—само въ себѣ—не имѣло никакого успѣха. Но очевидно, что до государя дошло другое—должно полагать современное—ходатайство черногорскаго митрополита, и государь, чрезъ посредство товарища иностранныхъ дѣлъ князя Адама Чарторыйскаго, поручилъ синодальному оберъ-прокурору князю А. Н. Голицыну предложить св. синоду объ удовлетвореніи просьбы черногорскаго владыки. Синодъ не сталъ противиться монаршей волѣ и 13 марта 1806 г. опредѣлилъ—предоставить черногорскому владыкѣ самому возвратить Д. Владевичу іеромонашество съ номинальнымъ причисленіемъ его къ кіево-печерской лаврѣ, но съ воспрещеніемъ по прежнему когда-либо вступать въ предѣлы Россіи, и съ оставленіемъ навсегда при черногорскомъ митрополитѣ.

Прошло еще семь лѣтъ, и черногорскій архимандритъ Дометіанъ Владевичъ въѣзжалъ въ Кіевъ. Онъ везъ съ собою письмо министра полиціи А. Балашова къ кіевскому митр. Серапіону. Письмо было слѣдующее: „Преосвященный Владыко! Милостивый Государь! Архимандритъ изъ Черныхъ Горъ Дометіанъ, оказавшій приверженность свою къ Россіи, отправляется съ Высочайшаго соизволенія на жительство въ кіево-печерской лаврѣ. По случаю сему получилъ я повелѣніе отъ Государя Императора увѣдомить о семъ Ваше Высокопреосвященство, и сообщить, что воля Его Величества есть, чтобы отцу Дометіану какъ помѣщеніе, такъ и содержаніе опредѣлено было пристойное его сану. Честь имѣя симъ исполнить монаршую волю, прошу покорнѣйше о приведеніи оной въ исполненіе почтить меня извѣщеніемъ. Поручая себя и пр. А. Балашовъ.

№ 31. янв. 14. 1813 г. Главная квартира г. Іоганишбургъ въ Пруссіи“.

М. Серапіону оставалось только исполнить высочайшую волю—принять архим. Дометіана на жительство въ кіево-печерскую лавру и испросить у св. синода дозволеніе имѣть священнослуженіе означенному архимандриту.

Дальнѣйшая судьба Д. Владевича для насъ неизвѣстна. Изъ дѣла видно только, что онъ получалъ съ 1813 г. изъ кіевской казенной палаты по 300 р. с. ежегодной пенсіи.

Нѣкоторыя черты изъ исторіи смертной казни въ Россіи.

Чтеніе **А. Ѳ. Кистяковскаго.**

Изслѣдованіе исторіи смертной казни въ отечествѣ, помимо общественнаго интереса, имѣетъ чрезвычайно важное научное значеніе.

Какимъ образомъ случилось то, что Россія, страна въ культурномъ отношеніи далеко нѣкогда уступавшая государствамъ Западной Европы и до сихъ поръ, хотя не въ такой мѣрѣ, имъ уступающая, какимъ образомъ, говорю, Россія могла пріобрѣсть въ Европѣ извѣстность страны, въ которой смертная казнь отмѣнена въ 1753 г., то есть раньше, чѣмъ какое нибудь государство о томъ подумало, и даже раньше, чѣмъ Беккарія впервые осмѣлился научнымъ образомъ доказывать несправедливость, безполезность и несостоятельность этого наказанія. Вотъ вопросъ, отвѣтъ на который я постараюсь отыскать въ исторіи русской смертной казни.

И другой не менѣе важный вопросъ представляется уму историка русскаго уголовнаго права, вопросъ: можетъ ли безпристрастное историческое изслѣдованіе подтвердить установившеся у насъ и въ Европѣ убѣжденіе, что въ нашемъ отечествѣ смертная казнь отмѣнена была по крайней мѣрѣ за общія преступленія, при императрицѣ Елисаветѣ, въ годы съ 1743 по 1753. Вопросъ, имѣющій немаловажное значеніе по слѣдующимъ основаніямъ. Съ одной стороны благодаря авторитету Беккаріи, указавшему Европѣ на отмѣну Елисаветою смертной казни, за нами Русскими установилась даже въ Европѣ репутація народа, выбросившаго съ половины прошедшаго столѣтія смертную казнь изъ своихъ законовъ. Съ другой, людямъ, слѣдящимъ за движеніемъ исторической

науки въ Россіи, сдѣлалось въ послѣднее время извѣстнымъ мнѣніе нашего историка XVIII ст. князя Щербатова, писавшаго противъ Беккарія и уже тогда высказывавшаго, заглохшее среди поверхностныхъ хотя и господствующихъ убѣжденій, мнѣніе, далеко не согласное съ тѣмъ общепринятымъ, по которому смертная казнь у насъ была отмѣнена за общія преступленія въ половинѣ прошедшаго столѣтія.

Вотъ тѣ вопросы, которые я намѣренъ, между прочимъ, разрѣшить излагая общій и самый короткій историческій очеркъ смертной казни въ Россіи.

Что такое смертная казнь? Это есть наказаніе, состоящее въ отнятіи различными способами жизни у лица, совершившаго преступленіе.

Выходя изъ этой точки зрѣнія, я въ исторіи всемірной и нашей русской отыскиваю два вида смертной казни, и вмѣстѣ съ тѣмъ исторію ея раздѣляю на два періода. Періодъ смертной казни, совершаемой путемъ частнаго мщенія, и второй періодъ, періодъ смертной казни, совершаемой дѣятельностію общественной и государственной власти. Въ первый періодъ смертная казнь является въ видѣ убійства, совершаемаго представителемъ семьи и рода, въ видѣ частнаго мщенія. Во второмъ періодѣ смертная казнь получаетъ характеръ лишенія жизни преступника, совершаемаго представителемъ общегосударственной власти, въ видѣ общественнаго мщенія. Въ первый періодъ смертная казнь есть получастное, полуобщественное дѣло, регулируемое обычаемъ. Во второмъ она является обставленною строгими формальностями, и самыя звѣрскія выходки періода мщенія возводятся во всемъ періодѣ въ освященныя временемъ и закономъ правила.

Первый періодъ исторіи смертной казни въ Россіи начался, конечно, раньше пришествія Варяговъ. Выраженіе его мы находимъ въ Русской Правдѣ Ярослава Мудраго. Слѣдующее постановленіе этого закона ясно изображаетъ характеръ этого періода: „А убіетъ мужъ мужа, то мститъ брату брата, или сынови отца, любо отцю сына, или брату чаду, любо сестрину сынови“. Можно, однакожъ, думать, что Правда Ярослава Мудраго упадаетъ на то время, когда, по всей вѣроятности, обычай убійства, въ видѣ отмщенія, сталъ приходить въ упадокъ. Такъ можно думать потому, что уже сыновья Ярослава издали законъ, замѣнившій убійство въ видѣ мщенія выкупомъ.

„По Ярославѣ жѣ, говоритъ лѣтописецъ, совокупишася сынове іого и отложиша убіеніе за голову; но кунами ся выкупати". Такъ, повидимому, смертной казни въ видѣ убійства въ отмщенія положенъ былъ конецъ въ одиннадцатомъ столѣтіи. Эту замѣну нѣкоторые изъ европейскихъ писателей (какъ напр. покойный Дюкпесьё), знакомые съ нашимъ правомъ изъ вторыхъ рукъ, не основательно приводятъ въ доказательство того, что въ Россіи смертная казнь была отмѣнена первоначально въ XI стол.

Съ какого времени начинается въ Россіи второй періодъ исторіи смертной казни? Отечественные изслѣдователи древняго русскаго права считаютъ Двинскую уставную грамоту Василія Дмитріевича 1398 г. первымъ закономъ, которымъ установлена была смертная казнь, какъ государственное учрежденіе. Мнѣніе, съ которымъ нельзя согласиться, если взять во вниманіе съ одной стороны общій законъ развитія, по которому, въ ранніе періоды жизни народовъ, каждый институтъ гораздо раньше является въ жизни, чѣмъ въ законѣ; съ другой, если обратить вниманіе на тѣ многочисленные примѣры казней, которыя совершали власть имѣющіе, начиная съ конца X и начала одиннадцатаго столѣтія. Какъ бы тамъ ни было, неоспоримо, однакожъ, то, что смертная казнь, какъ вполнѣ установившійся, общественный, и вполнѣ закономъ регулированный институтъ развивался и окрѣпъ въ Россіи вмѣстѣ съ развитіемъ общегосударственной власти. Въ царствованіе Ивана III и въ царствованіе Ивана IV, Грознаго, совершается окончательный переломъ въ государственной жизни Россіи въ смыслѣ обобщенія, объединенія и укрѣпленія общегосударственной власти. Эти же царствованія составляютъ эпоху въ исторіи смертной казни въ Россіи. Судебники Ивана III и Ивана IV Грознаго собрали разбросанные по отдѣльнымъ законамъ и примѣнявшіеся по обычаю случаи смертной казни, и дали имъ окончательную законодательную санкцію. Въ первомъ изъ нихъ упоминается о десяти видахъ и подвидахъ преступленій, подлежащихъ смертной казни. Во второмъ Судебникѣ содержится таковыхъ преступленій 13, и если прибавить къ тому назначеніе въ позднѣйшихъ законахъ того же царствованія смертной казни за четыре новыя преступленія, то при Грозномъ было 17 видовъ и подвидовъ преступленій, обложенныхъ смертною казнію. Въ числѣ этихъ преступленій мы встрѣчаемъ такія напримѣръ какъ: воровство и мошенничество во второй разъ совершенныя; подбрасываніе воровскихъ вещей въ чужой домъ; под-

логъ документовъ; лихоимство или взяточничество волостныхъ судей (судьи высшаго ранга за тоже преступленіе были наказываемы гораздо мягче—обычай достойный вниманія историка уголовнаго права); ябеду; измѣну повѣреннаго интересамъ своего вѣрителя. Болѣе тяжкихъ преступленій, подлежавшихъ по законамъ Грознаго смертной казни, я уже и не привожу. Царствованіе Ивана IV имѣетъ очень важное значеніе въ исторіи смертной казни. Самое имя Грознаго этотъ царь пріобрѣлъ за исключительную жестокость своего характера и за безчисленное множество совершенныхъ имъ смертныхъ казней. Мало историческихъ дѣятелей могутъ съ нимъ соперничать въ дѣлѣ совершенія и умноженія смертныхъ казней. Онъ казнилъ по самымъ ничтожнымъ политическимъ предлогамъ, казнилъ не однихъ тѣхъ, которыхъ онъ считалъ виновными, но и невинныя ихъ семьи. Такъ 1561 г. онъ казнилъ нѣкую Марію съ 5-ю сыновьями за дружбу съ Адашевымъ и за колдовство. Братъ извѣстнаго Адашева былъ казненъ вмѣстѣ съ двѣнадцатилѣтнимъ сыномъ по политическимъ причинамъ. Жены казненныхъ въ 1571 г. дворянъ, числомъ 80, были, по приказанію царя, утоплены въ рѣкѣ. Онъ казнилъ вмѣстѣ съ мужьями не только совершенно невинныхъ женъ и дѣтей, но часто и всѣхъ родственниковъ. Такъ казнены были Колычовы, родъ митрополита Филиппа, князья Ярославскіе, Пронскіе, Ушатые, Заболотскіе, родъ Бутурлиныхъ и мн. др. Грозный въ одинъ день казнилъ въ Москвѣ по 300 чел. По сказанію лѣтописцевъ, въ Новгородѣ въ теченіи 5-ти недѣль онъ ежедневно предавалъ смертной казни посредствомъ утопленія за измѣну отъ 500 до 1500 чел., а всего, если вѣрить лѣтописцу, показнилъ въ Новгородѣ 60,000 чел.

Въ періодъ отъ царствованія Ивана Грознаго до Алексѣя Михайловича примѣненіе смертной казни болѣе и болѣе расширялось. И это не смотря на благой и мягкій характеръ такихъ царей, какъ Михаилъ Ѳедоровичъ и Алексѣй Михайловичъ. Жизнь и ростъ общественныхъ учрежденій зависитъ не столько отъ характера главы государства, сколько отъ общихъ причинъ, присущихъ извѣстной общественности. Соборное Уложеніе царя Алексѣя Михайловича было для этого времени тѣмъ, чѣмъ Судебники для предыдущаго. Оно такъ сказать собрало и закрѣпило то, что наросло въ теченіи извѣстнаго времени путемъ практики, превратившейся въ обычай. Въ этомъ законодательномъ памятникѣ насчитывается 54 вида и подвида преступленій, обложенныхъ смертною казнію. Не упоминая о преступле-

ніяхъ тяжкихъ, каковы: измѣна, убійство и другія, мы, для сообщенія понятія о размѣрѣ примѣняемости смертной казни въ это время, укажемъ на слѣдующія: богохуленіе; прерваніе богослуженія; недонесеніе вообще и недонесеніе жены и дѣтей объ измѣнѣ мужа и отца; нанесеніе оружіемъ раны въ присутствіи царя; церковное воровство; обращеніе *бусурманиномъ* русскаго въ бусурманскую вѣру; продажа, держаніе и употребленіе табаку. По свидѣтельству Котошихина, кромѣ того, карали смертною казнію слѣдующія преступленія: содомскій грѣхъ, волхованіе и чернокнижіе, книжное преложеніе, то есть толкованіе догматовъ вѣры не согласное съ пророками, апостолами и святыми отцами. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича по случаю смутъ изъ-за монетнаго дѣла, въ одинъ день казнено было въ Москвѣ 150 чел., а всѣхъ въ нѣсколько лѣтъ (*въ тѣ годы*, говоритъ Катошихинъ) 7000 человѣкъ. Новое доказательство, что духъ времени сильнѣе духа единичнаго правителя. Говорю это по тому поводу, что всѣ эти казни совершены были въ правленіе такого благого, кроткаго, тишайшаго, государя, каковымъ былъ царь Алексѣй Михайловичъ.

Петръ Великій, вмѣстѣ съ плодами Европейской цивилизаціи, перенесъ въ Россію и жестокіе европейскіе законы. Его знаменитые Воинскіе Артикулы, компиляція изъ саксонскихъ правъ и конституцій, содержитъ 100 видовъ и подвидовъ преступленій, подлежащихъ смертной казни. Правда, въ этомъ законѣ не послѣднее мѣсто занимаютъ чисто спеціальныя преступленія военныя. Но въ немъ, какъ законѣ обязательномъ и для гражданскихъ судовъ, говорится также о всѣхъ общихъ преступленіяхъ. Не вдаваясь въ подробное исчисленіе, мы остановимъ вниманіе на болѣе маловажныхъ преступленіяхъ, обложенныхъ смертною казнію. Перечень ихъ дастъ понятіе объ историческомъ положеніи смертной казни въ Россіи въ началѣ XVIII стол. Къ такимъ преступленіямъ причислены: а) идолопоклонство, чернокнижіе, заговоръ ружья; б) подкупъ чародѣя на вредъ другому; в) недонесеніе о слышанномъ богохуленіи; г) третье хуленіе Бога, хотя бы оно не заключало въ себѣ богохуленія въ собственномъ смыслѣ, а произошло только изъ легкомыслія; д) брань судей, сопротивленіе и противодѣйствіе имъ; е) самовольное занятіе другой квартиры недовольнымъ отведенною квартирою; ж) сходбища, *хотя бы не для дурныхъ цѣлей*, а для составленія общей челобитной; з) вызовъ на поединокъ и даже принятіе участія въ немъ въ видѣ секундантовъ; и) неосторожное убійство; к) покушеніе

на самоубійство; л) мужеложство; м) кровосмѣшеніе; н) сорваніе прибитыхъ указовъ.

Послѣ изданія воинскаго устава, появилось немного законовъ, которыми установлена смертная казнь за новыя преступленія. Такъ Петръ Великій подтвердилъ законъ о смертной казни казнокрадовъ и вымогающихъ путемъ притѣсненія взятки у народа. Этотъ законъ былъ подкрѣпленъ казнію трехъ коммиссаровъ: Арцибышева, Баранова и Волоцкаго. Въ царствованіе Екатерины I издано было два закона: первымъ опредѣлена была смертная казнь за членовредительство, съ цѣлію избѣжать военной службы; вторымъ, изданнымъ въ 1727 г., запрещено было подъ страхомъ смертной казни магометанамъ обращать въ свою вѣру другихъ инородцевъ, какъ-то: Мордву, Чувашъ, Черемисовъ, Остяковъ, Вотяковъ, Лопарей и др.

Русское законодательство, съ изданіемъ Воинскихъ Артикуловъ и упомянутыхъ дополнительныхъ указовъ въ дѣйствительности исчерпало всѣ виды преступленій, которыя по тогдашнимъ понятіямъ можно было обложить смертною казнію. Законодательству послѣ этого не оставалось, даже по тогдашнимъ понятіямъ, возможности итти по пути увеличенія числа преступленій, угрожаемыхъ смертною казнію. Если законы 1703, 1704 и 1705 гг. угрожаютъ смертною казнію за срубку одного дуба въ заповѣдномъ лѣсу, за продажу частнымъ лицомъ ревеня, за пропускъ иноземцевъ за границу безъ провожатыхъ съ проѣзжими грамотами, за продажу подрядчиками соли съ нарушеніемъ предписанныхъ правилъ,— то что же возможно было еще сдѣлать для примѣненія смертной казни.

Въ такомъ положеніи находилось наше законодательство о смертной казни, когда вступила на престолъ императрица Елисавета Петровна. Скоро по вступленіи своемъ на престолъ она дала именной указъ фельдмаршалу Лассію о томъ, чтобы смертные приговоры въ войскѣ не были приводимы въ исполненіе безъ представленія на ея утвержденіе. Указъ этотъ не дошелъ до насъ, или по крайней мѣрѣ до сихъ поръ не отысканъ и не обнародованъ. На него есть ссылка въ томъ знаменитомъ указѣ 1743 г., которымъ тоже правило распространено было на все населеніе. Итакъ первый шагъ въ дѣлѣ отмѣны смертной казни состоялъ въ томъ, что императрица узаконила, чтобы ни одинъ смертный приговоръ не былъ приводимъ въ исполненіе безъ ея утвержденія. Въ теченіи 10 лѣтъ императрица Елисавета не утверждала ни одного смертнаго приговора. Но участь

приговоренныхъ оставалась нерѣшенною: они томились въ мучительномъ ожиданіи въ тюрьмахъ. Въ 1753 г. Сенатъ, по внушенію ли свыше или по собственной иниціативѣ, представилъ императрицѣ докладъ, въ которомъ, указывая на необыкновенное скопленіе въ тюрьмахъ сидѣльцовъ, приговоренныхъ къ смерти, и на необходимость опредѣленія участи какъ приговоренныхъ уже къ смерти, такъ и тѣхъ, которые въ будущемъ могутъ быть приговорены, просилъ утвердить въ видѣ общаго постановленія слѣдующее правило: всѣхъ приговоренныхъ въ теченіи 10 лѣтъ къ смертной казни и подлежащихъ въ будущемъ подобнымъ приговорамъ, по наказаніи кнутомъ, по вырваніи ноздрей, ссылать въ Сибирь на каторгу. Такъ совершена была видимая отмѣна смертной казни.

Историка смертной казни въ Россіи не можетъ не интересовать вопросъ, какими побужденіями и мотивами руководствовалась императрица Елисавета, совершая отмѣну смертной казни. Елисавета не была ни литературно образована подобно Екатеринѣ II, имѣвшей вообще большую склонность къ смягченію наказаній; она не получила и такого гуманнаго образованія, какимъ обладалъ императоръ Александръ I, врагъ жестокостей; она даже не была представительницею народа, который бы въ то время отличался особенною мягкостію; начало ея царствованія даже началось раньше, чѣмъ идеи гуманистовъ XVIII в. получили въ европейскомъ мірѣ тотъ кредитъ, которымъ они въ послѣдствіи стали пользоваться. Какая же тому причина? Кажется, что объясненіе этого важнаго событія, сдѣланное русскимъ историкомъ XVIII стол., Щербатовымъ, могшимъ по времени своей жизни знать правду, ближе всего къ истинѣ: „Хотя не можно сказать, говоритъ онъ, чтобы императрица Елисавета Петровна не имѣла исполненное человѣколюбіемъ сердце, *но смертныя казни*, при самомъ возшествіи ея на престолъ, быти отставлены не на основаніи *системы человѣколюбія*, но по единой *набожности*. Ибо извѣстно, что умышленіемъ гвардіи преображенскаго полку гренадерской роты, она, низвергнувъ Іоанна III, на престолъ россійскій была возведена. Идучи на сіе предпріятіе, гдѣ крайняя ей опасность представлялась, она, принося свои молитвы Всевышнему, обѣщалась, что если возможетъ взойтить на родительской престолъ, то во все время царствованія своего не лишитъ никакого виновнаго жизни. Обѣтъ, который она сохранила, и легко по склонному къ милосердію сердцу ей было его сохранить“.

Итакъ повидимому смертная казнь была отмѣнена. Къ утвержденію такимъ образомъ видимой отмѣны смертной казни много способствовало то, что въ скоромъ времени на престолъ взошла Екатерина II, которая при началѣ своего царствованія самымъ искреннимъ образомъ держалась идей энциклопедистовъ, съ которыми она долго находилась въ дружественной перепискѣ. Она была поклонница сочиненія о преступленіяхъ и наказаніяхъ Беккаріи, котораго она даже приглашала въ Россію на службу. Ея знаменитый Наказъ содержитъ буквальный переводъ главы упомянутаго сочиненія о смертной казни. Такимъ образомъ видимая отмѣна смертной казни, вызванная внѣшними обстоятельствами русской исторіи, была закрѣплена авторитетомъ европейской мысли, болѣе зрѣлой, болѣе глубокой, и притомъ вызванной болѣе внутренними и сознательными потребностями общественности западныхъ народовъ. Я не буду приводить доводы Наказа противъ смертной казни, изъ того соображенія, что они чисто теоретическаго содержанія, цѣль же моего доклада сообщить историческія свѣдѣнія.

Не смотря, однакожъ, на видимую отмѣну смертной казни, она была примѣняема, начиная съ царствованія Екатерины II, не разъ за государственныя преступленія. Такъ въ 1764 г. казненъ былъ поручикъ Мировичъ, хотѣвшій возвести на престолъ ех-императора Іоанна III. Въ 1771 г. были казнены виновные въ московскомъ мятежѣ и убійствѣ архіепископа Амвросія Зертисъ-Каменскаго; это преступленіе вызвано было моровою язвою. Въ 1775 г. казнены были Пугачовъ и Перфильевъ за бунтъ и возстаніе. Въ 1825 г. казнены были пять человѣкъ: Рылѣевъ, Пестель, Каховскій, Муравьевъ и Бестужевъ, за бунтъ. Многіе изъ участниковъ въ польскомъ мятежѣ 1830 и въ 1863 г. были также казнены. Въ 1839 г. былъ казненъ Канарскій. Число казненныхъ въ послѣдній польскій мятежъ было очень значительно. Судя по свѣдѣніямъ, не такъ давно обнародованнымъ, *о женскомъ бунтѣ* въ Севастополѣ, въ тридцатыхъ годахъ, повлекшемъ за собою нѣсколько смертныхъ казней, были, вѣроятно и другіе случаи смертныхъ казней за политическія преступленія, которыя до сихъ поръ остаются еще неизвѣстны.

Почему смертныя казни примѣнялись за политическія преступленія послѣ изданія упомянутыхъ указовъ Елисаветы, тому объясненіе выведено позднѣе изъ толкованія буквы указовъ Елисаветы и отношенія ихъ къ предшествующимъ законамъ. Въ этихъ указахъ говорилось

о неприведеніи смертныхъ приговоровъ въ исполненіе безъ утвержденія императрицы. До того времени всѣ смертные приговоры за преступленія общія не нуждались, для приведенія въ исполненіе, въ утвержденіи верховной власти. По государственнымъ же преступленіямъ смертные приговоры и прежде были приводимы въ исполненіе не иначе, какъ съ утвержденія императорской власти. Слѣдовательно, толковали, указы Елисаветы не касаются смертной казни за политическія преступленія; слѣдовательно, толковали, смертная казнь осталась не отмѣненною за тѣ преступленія. Такое толкованіе съ формальной точки зрѣнія правильно, хотя въ дѣйствительности оно не соотвѣтствовало ни тѣмъ побужденіямъ, ни широтѣ того замысла, съ которыми императрица Елисавета издала свои указы о пріостановленіи и отмѣнѣ смертной казни.

Не стану разсказывать о попыткахъ, сдѣланныхъ въ 1813 г., въ 1824 г. и въ 1845 г. возстановить обыкновенные, нормальные виды смертной казни за общія преступленія. Въ 1824 г. мужественный адмиралъ Мордвиновъ, коего біографію недавно издалъ въ свѣтъ предсѣдатель нашего общества, говорилъ: „Ни годъ, ни часъ не будутъ скрыты отъ исторіи, когда въ Россіи возстановлена была смертная казнь. Боже избави, чтобы императоръ Александръ I, умягчившій жестокость наказаній отмѣною пытки, и въ приговорахъ слова нещадно, ознаменовавшій волю свою въ 1817 г. на уничтоженіе наказанія кнутомъ и клейменія лица“,—отмѣнившій, *отъ себя скажемъ*, рваніе ноздрей,—„чтобы такой государь, предъ таковымъ искреннимъ ему народомъ, въ уголовномъ своемъ уставѣ, могъ явиться возобновителемъ смертныхъ казней, когда, *по всеобщему мнѣнію*, она была отмѣнена и даже оглашена *запрещенною*“.

Такое мнѣніе Мордвинова оказывало, хотя не долго, вліяніе на наше отечественное законодательство, что касается законодательнаго примѣненія смертной казни. При изданіи Свода законовъ въ 1832 г. смертная казнь была, согласно мнѣнію адмирала Мордвинова, въ слѣдующемъ видѣ удержана: 1) За преступленія противъ первыхъ двухъ пунктовъ, то есть за покушеніе противъ особы государя императора и членовъ императорской фамиліи, а также за бунтъ и измѣну, только въ томъ случаѣ, когда эти преступленія по особой ихъ важности предаются на разсмотрѣніе верховнаго уголовнаго суда. Суды же обыкновенные могли назначать за эти преступленія только каторжныя работы.

2) За нарушеніе карантинныхъ правилъ, но также только по приговору военнаго суда, 3) За военныя преступленія во время похода учиненныя. Такимъ образомъ смертная казнь въ сводѣ законовъ была назначена не въ абсолютной формѣ, а въ альтернативной, или она или другое, болѣе мягкое наказаніе.

При изданіи Уложенія о наказаніяхъ въ 1845 г., сдѣлано было отступленіе отъ этихъ историческихъ преданій. Смертная казнь является не альтернативнымъ, а единственнымъ наказаніемъ и опредѣляется за слѣдующія преступленія: 1) За всякое злоумышленіе противъ жизни, здоровья, чести, свободы, власти, неприкосновенности особы государя императора или членовъ императорской фамиліи; 2) за бунтъ противъ государя и государства; 3) за государственную измѣну разнообразныхъ видовъ; 4) за покушеніе, приготовленіе, отдаленное соучастіе, недонесеніе какъ о злоумышляемомъ, такъ и о совершившемся на эти преступленія; 5) за тягчайшіе виды карантинныхъ преступленій. Наконецъ въ Сводѣ военныхъ постановленій, смертная казнь удержана за многіе преступленія, совершенныя въ военное время, или въ мѣстахъ объявленныхъ на военномъ положеніи, о чемъ мы скажемъ ниже.

Этимъ можно бы окончить историческій очеркъ смертной казни въ Россіи, если бы намъ не предстояло разсмотрѣть вопросъ, занимавшій вниманіе болѣе глубокихъ умовъ XVIII стол., къ каковымъ мы причисляемъ князя Щербатова, правдивости котораго мы очень довѣряемъ, вопросъ о томъ: можно ли считать указы императрицы Елисаветы такими законодательными памятниками, которыми дѣйствительно были отмѣнены всѣ виды смертной казни за общія преступленія?

Въ своемъ размышленіи о смертной казни (Чтенія Московскаго Общества исторіи и древностей, 1860 г. кн. 1-я), князь Щербатовъ говоритъ: „Прочіе убійцы у насъ осуждаются быть биты *кнутомъ* по разнымъ мѣстамъ града, иногда безъ щету, *даже до смерти*, а иногда со щетомъ ударовъ, *отъ трехъ сотъ ударовъ и болѣе*, но все такое число, *чтобы несчастной почти естественнымъ образомъ снести безъ смерти сего наказанія не могъ*. Таковыхъ осужденныхъ, однако, не щитаютъ, чтобы они были на смерть осуждены, *возятъ виновныхъ съ нѣкоторыми обрядами по разнымъ частямъ города, и повсюду имъ сіе мучительное наказаніе возобновляютъ. Нѣкоторые изъ сихъ* въ жесточайшемъ страданіи, нежели усѣченіе главы, или висилица, или же самое пятереніе, *умираютъ*. *Другіе же*, перенесши всю жестокость сію,

безчувственны отвозятся въ тюрьму и *тамъ умираютъ*, и наконецъ есть и такіе, которые и столь крѣпкаго сложенія, что не умираютъ, и выздоравливаютъ".

„*Это наказаніе слишкомъ жестокое, которое слѣдуетъ отмѣнить.* Составители обществъ согласились допустить смертную казнь, но они не могли согласиться на мучительное и терзательное лишеніе жизни. Ибо единое есть нужно, а другое безчеловѣчно. Это наказаніе не соотвѣтствуетъ важности преступленій. Во Франціи, дабы содержать страхъ въ сердцахъ народа, хотя и пятерятъ, но прежде не примѣтнымъ образомъ зрителямъ страждущаго умерщвляютъ. Пугачовъ, потрясшій самый престолъ монаршій, опустошившій многія области Россіи и истребившій болѣе тысячи семей дворянскихъ съ разными мученіями, былъ приговоренъ къ пятеренію, но по тайному повелѣнію было приказано *сначала ему голову отсѣчь, а потомъ уже пятерить.* Между тѣмъ убійца, изъ корысти совершившій убійство, *возится по торгамъ, съ перемѣшкою терпитъ все мученіе смертной казни, и претерпѣваетъ десять смертей, вмѣсто данныя имъ единыя.* Есть ли мы войдемъ въ разсмотрѣніе дѣяній, бывшихъ предъ нашими глазами, то болѣе увидимъ, *что въ смертныхъ казняхъ поступокъ правительства нашего не имѣетъ никакого основанія ни на правѣ, ни на человѣколюбіи,* но все случайно и самоизвольно дѣлается. Пугачовъ былъ казненъ въ нѣсколько *минутъ, а убившіе въ 1788 г. Нопа, для единыя прибыли и грабежа, потерпѣли засѣченіе кнутомъ, казнь нѣсколько часовъ продолжающуюся и конечно не съ меньшимъ мученіемъ, какъ бы пятереніе. То гдѣ милосердіе къ человѣчеству?* По нашимъ законамъ смертная казнь отмѣнена и судья не можетъ опредѣлить больше того, что положено въ законѣ. *А между тѣмъ судья опредѣляетъ по 300 и 400 ударовъ кнута, наказаніе, отъ котораго слѣдуетъ смертная казнь. Если скажутъ, что смертная казнь судьями не опредѣляется, то это смѣшная отговорка.* И общимъ образомъ если наказаніе есть такое, *что большая половина не выдержитъ его безъ потерянія жизни,* то уже оно становится подвергающее почти неизбѣжно напрасно къ смерти того, кого законы освобождаютъ отъ оныя, то я вопрошаю: *съ такими ли осторожностями у насъ дѣлаются наказанія великимъ преступникамъ?* Судья, подписывая опредѣленіе учинить такое наказаніе, *обманываетъ себя и въ самомъ дѣлѣ дѣлается самъ убійцомъ,* тѣмъ паче неизвинительнѣйшимъ, что во зло употребляя власть, данную ему зако-

нами, *и по нѣкоторымъ угожденіямъ къ двору*, съ поврежденіемъ совѣсти своей, всенародно убійствы учиняетъ".

„Сказалъ я выше, что многіе не умираютъ на мѣстѣ наказанія, но, бывъ паки отведены въ тюрьму, лишаются жизни, *а другіе хотя весьма рѣдко, и совершенно выздоравливаютъ*. Коль рѣдко сіи примѣры ни бываютъ, однако они есть, а посему самый осужденный не совсѣмъ лишается надежды, чтобы остаться живымъ послѣ наказанія, ни зрители, имѣя туже надежду и считая болѣе остающихся живыми, нежели дѣйствительно остается, т. е. почти всѣхъ тѣхъ, которые въ тюрьмѣ помираютъ, такого впечатлѣнія не имѣютъ".

Думаю, что это мнѣніе человѣка въ высшей степени правдиваго не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что въ Россіи смертная казнь, въ замаскированномъ видѣ, существовала, за общія преступленія, вплоть до царствованія государя императора Александра II. Это была казнь посредствомъ засѣченія кнутомъ, плетьми и шпицрутенами и даже розгами. Такъ какъ тѣлесныя наказанія съ половины царствованія Екатерины II оставлены были только для низшихъ сословій, то очевидно, что смертная казнь въ упомянутомъ видѣ примѣнялась къ преступникамъ этихъ сословій. Изъ прочитаннаго отрывка Щербатова о смертной казни видно, что число ударовъ кнута простиралось отъ 300 до 400. А замѣтьте, что заплечные мастера обладали такимъ искусствомъ владѣнія кнутомъ, что могли, по свидѣтельству очевидцевъ этихъ казней, двумя тремя ударами вышибить душу изъ несчастнаго—что они и дѣлали, если только не были задобрены взяткою. Засѣченію кнутомъ способствовало то, что число ударовъ кнутомъ не только не было опредѣлено въ законѣ, но и не было назначаемо въ судебныхъ приговорахъ до 1812 г. Кнутъ, это одно изъ ужасныхъ орудій нетолько тѣлеснаго наказаній, но и самой смерти, былъ отмѣненъ въ 1845 г. съ изданіемъ Уложенія. Но и послѣ того остались въ дѣйствіи два другихъ орудія: плети и шпицрутены. О томъ, могла-ли произвести и производила-ли плеть засѣченіе, я сказать опредѣленнаго ничего немогу. Вопросъ этотъ нужно подвергнуть изслѣдованію. Но что наказаніе шпицрутенами было наказаніе смертоносное, это извѣстно даже и неспеціалисту по уголовному праву. Это наказаніе какъ извѣстно заимствовано было Петромъ I у нѣмецкаго народа и по жестокости не уступаетъ нашему національному кнуту, національному потому, что татарское происхожденіе его ничѣмъ не доказано. Высшее количество этого наказанія доходило до 6,000

ударовъ, бывали экстраординарные случаи, когда число ударовъ возвышалось до 12,000. Наказаніе это собственно порвоначально было назначено для военныхъ. Но затѣмъ оно распространено было на ссыльно-каторжныхъ и ссыльно-поселенцевъ. Лица гражданскаго вѣдомства также не изъяты были отъ сего наказанія. Въ XV томѣ Св. Законовъ изд. 1857 г. исчислено около 40 категорій лицъ и дѣлъ, которыя судились судомъ военнымъ, и къ которымъ примѣнялось наказаніе шпицрутенами. Кромѣ того, стоило только издать спеціальный законъ, чтобы извѣстную категорію преступленій и лицъ, или извѣстную мѣстность, подвесть подъ дѣйствіе шпицрутеновъ. Думаемъ, что розги также давали извѣстный процентъ засѣченій. Такимъ образомъ, не смотря на видимую отмѣну смертной казни, она существовала у насъ до послѣдняго времени въ видѣ засѣченія, такъ сказать въ замаскированномъ видѣ. Люди склонны изъ-за именъ просматривать дѣло: нѣтъ сомнѣнія, немногіе понимали положеніе дѣла. Общественное мнѣніе Россіи и Европы добросовѣстно ошибалось на счетъ несуществованія у насъ смертной казни за обыкновенныя преступленія.

Этой замаскированной смертной казни положенъ или почти положенъ конецъ нынѣ царствующимъ законодателемъ. Въ 1863 г. плети и шпицрутены отмѣнены были для войска и гражданъ. Плети оставлены, впредь до преобразованія, только для ссыльно-каторжныхъ и ссыльно-поселенцевъ. Впрочемъ въ законодательныхъ сферахъ нашихъ понимали значеніе шпицрутеновъ и кошекъ какъ наказаній въ извѣстной степени замѣняющихъ смертную казнь. Доказательствомъ тому служитъ то, что вмѣстѣ съ уничтоженіемъ шпицрутеновъ и кошекъ открыта была возможность болѣе широкаго примѣненія обыкновенной немаскированной смертной казни. Въ законѣ 17 апрѣля 1863 г., которымъ отмѣнены были шпицрутены и кошки въ арміи и флотѣ, сказано: „Съ установленіемъ такого смягченія для случаевъ обыкновенныхъ, повелѣвается, виновныхъ *въ важныхъ нарушеніяхъ дисциплины или общественной безопасности*, вызывающихъ необходимость болѣе строгаго и немедленнаго наказанія, подвергать *и въ мирное время суду по полевымъ военнымъ законамъ*“. По законамъ же военнымъ полевымъ, или изданнымъ для военнаго времени, кромѣ чисто государственныхъ и чисто военныхъ преступленій, слѣдующія общія преступленія подлежатъ смертной казни: 1) грабежъ; 2) поджогъ и истребленіе лѣсовъ и жатвъ; 3) убій-

ство; 4) нападеніе съ оружіемъ на беззащитныхъ жителей; 5) насиліе надъ женщиною.

По смыслу вышеприведенныхъ словъ, прибавка къ закону 17 апрѣля 1863 г. должна исключительно относиться къ арміи и флоту, т. е. по уголовнымъ полевымъ законамъ могли быть съ 1863 г. въ мирное время судимы только солдаты и матросы. Но практика наша расширила смыслъ этого закона, распространивъ его и на лицъ гражданскаго вѣдомства. Первый изъ осужденныхъ и казненныхъ по этому закону былъ рядовой Гудзевичъ, убившій въ 1864 г. двухъ сторожей при часовнѣ въ домикѣ Петра Великаго и укравшій тамъ деньги. Подъ этотъ законъ подведенъ былъ кучеръ Никифоровъ, который въ 1867 г. повѣшенъ былъ въ Кіевѣ за убійство Соханскаго. Въ 1865 г. мнѣ пришлось защищать дьячка Щербатова, преданнаго суду по полевымъ законамъ за нанесеніе имъ легкой раны унтеръ-офицеру арестантскихъ ротъ, куда онъ попалъ какъ ложно показывавшій свое имя. По этому же закону совершены были съ 1863 г. довольно многія смертныя казни во многихъ мѣстахъ Россіи надъ виновными въ убійствѣ, поджогѣ и разбоѣ. Должно замѣтить, что въ мѣстахъ, гдѣ введены новые суды, со времени введенія не было примѣровъ суда на основаніи этого закона, т. е. по полевымъ законамъ, а слѣдовательно и примѣненія смертной казни, за исключеніемъ случаевъ объявленія извѣстной мѣстности на военномъ положеніи.

Этотъ краткій очеркъ смертной казни въ Россіи составляетъ экстрактъ изъ болѣе обстоятельной работы о семъ предметѣ, которая будетъ издана въ свое время.

Археологическія находки и раскопки въ Кіевѣ и въ Кіевской губерніи въ теченіи 1876 года.

Чтеніе **В. Б. Антоновича.**

Настоящій годъ былъ особенно богатъ въ нашей мѣстности открытіемъ памятниковъ до-исторической и исторической древности. Съ одной стороны открытію ихъ благопріятствовала счастливая случайность, съ другой—замѣтно усилившійся интересъ къ археологическимъ изслѣдованіямъ, которымъ мы обязаны 3-му археологическому съѣзду, обратившему вниманіе интеллигентной части общества на научное значеніе памятниковъ до-исторической древности. Благодаря этому обстоятельству, мы можемъ назвать въ теченіи года 5 раскопокъ, предпринятыхъ съ научною цѣлью, между тѣмъ какъ прежде научныя раскопки предпринимались весьма рѣдко и, въ продолженіи долгаго времени, курганы подвергались лишь порчѣ со стороны кладоискателей или диллетантовъ. Вліянію съѣзда мы обязаны и тѣмъ, что могли собрать свѣдѣнія какъ о находкахъ, такъ и о производившихся раскопкахъ, благодаря просвѣщенному содѣйствію многихъ лицъ, охотно сообщавшихъ намъ всѣ свѣдѣнія, относящіяся къ археологическимъ находкамъ.

1.

Древнѣйшій памятникъ до-исторической древности, изслѣдованный въ этомъ году,—представляютъ пещеры, находящіяся на сѣверной окраинѣ города Кіева, въ оврагѣ, расположенномъ у Кирилловскаго монастыря. Пещеры у Кирилловскаго монастыря представляютъ самую многочисленную группу пещерныхъ сооруженій на берегахъ Днѣпра, но онѣ не составляютъ особеннаго, единичнаго явленія.

Вдоль всего средняго теченія Днѣпра: отъ устья Припяти, до устья Тясмина, правый берегъ этой рѣки состоитъ изъ ряда круто обрывающихся холмовъ, возвышающихся на 40 сажень надъ уровнемъ Днѣпра. Возвышенности эти состоятъ изъ пластовъ третичной эоценовой формаціи, основаніемъ которой служитъ синяя кирпичная глина, верхніе-же слои ея содержатъ бурый уголь и янтарь. Поверхъ пластовъ эоценовой формаціи расположены слои дилювіальнаго наноса: изъ нихъ глубже другихъ лежитъ пластъ красной или пестрой глины, на немъ слой желтаго песку и, наконецъ, сверху, непосредственно подъ черноземомъ, слой желтой глины или такъ называемаго лёса. Всѣ три слоя дилювія содержатъ въ себѣ эрратическіе блоки и кости мамонта [1]). Лёсъ представляетъ слой, толщиною въ 2—2^1_2 сажени, но, по мѣстамъ, въ впадинахъ, которыя представляла поверхность верхняго пласта эоценовой формаціи, онъ достигаетъ толщины 4 сажень и болѣе; лёсъ представляетъ два особенныя физическія свойства: онъ не пропускаетъ сквозь себя воды и по консистенціи своей устойчивъ, такъ, что если въ немъ вырыть не широкій ходъ, сводообразно закругленный въ верхней части, то сводъ этотъ не обрушивается и представляетъ сухой и безопасный для прохода коридоръ.

Этими свойствами лёса воспользовались въ первобытное время первые насельники береговъ Днѣпра и на нагорномъ берегу этой рѣки, тамъ гдѣ края холмовъ, въ слѣдствіе обваловъ, представляли обнаженный пластъ лёса, они изрыли первыя человѣческія жилища въ видѣ узкихъ, длинныхъ, съ сводообразнымъ потолкомъ пещеръ. Хотя весьма многія изъ этихъ пещеръ остались необрушившимися понынѣ, но немногія только возможно привести въ извѣстность и изслѣдовать. Причина трудности изслѣдованія этихъ пещеръ состоитъ въ томъ, что съ теченіемъ времени онѣ занесены были наносомъ, состоящимъ изъ смѣси чернозема и частицъ лёса, отложеннымъ въ пещерахъ потоками дождевой воды, проникавшей въ нихъ въ теченіи многихъ столѣтій черезъ входное отверстіе, притомъ послѣднее по большей части оказывается заваленнымъ обвалами холмовъ, въ обрывахъ которыхъ устроены были пещеры. Возможность отыскать и изслѣдовать пещеру представляется по преимуществу весною, когда, послѣ таянія снѣговъ, части прибрежныхъ хол-

[1]) Геологическія данныя о составѣ нагорнаго берега Днѣпра сообщены мнѣ обязательно профессоромъ А. С. Роговичемъ.

мовъ отваливаются; при этомъ случается, что на сторонѣ обрыва замѣчается въ разрѣзѣ отверстіе пещеры, передняя часть которой свалилась внизъ вмѣстѣ съ откосомъ холма, продолженіе же углубляется въ гору, представляя ходъ, ясно очерченный въ лёсѣ, обыкновенно до $^2/_3$ высоты своей занесенный черноватымъ землистымъ наносомъ. Нѣкоторыя изъ первобытныхъ пещеръ въ историческое уже время получили новое назначеніе, заслонившее отъ вниманія изслѣдователей первоначальное ихъ значеніе. Въ XI столѣтіи иноки, посвятившіе себя отшельнической жизни, искали въ пещерахъ пріюта для пустынножительства. Въ лѣтописномъ сказаніи объ основаніи Печерскаго монастыря указано, что св. Антоній поселился въ готовой пещерѣ, въ которую раньше приходилъ молиться берестовскій священникъ, впослѣдствіи митрополитъ, Иларіонъ, который, по преданію, и выкопалъ ее; затѣмъ пещера эта была разширена трудами Антонія и его сподвижниковъ и превратилась въ цѣлый пещерный монастырь; пользовались-ли иноки XI столѣтія древними, первобытными пещерами, или, по ихъ образцу, копали новыя, во всякомъ случаѣ, религіозное значеніе пещеръ сдѣлалось общеизвѣстнымъ и происхожденіе всякой, вновь открывавшейся, пещеры, обыкновенно относили ко времени пустынножительства. Въ слѣдствіе предвзятаго мнѣнія, изслѣдователи и описыватели старины, получивъ свѣдѣніе о каждой вновь замѣченной пещерѣ, предполагали, что она указываетъ на существовавшій въ томъ мѣстѣ нѣкогда монастырь; иногда дѣйствительно находили въ лѣтописи или въ архивныхъ документахъ слѣды обители, бывшей приблизительно въ данной мѣстности въ болѣе позднее время, иногда же одно существованіе пещеры составляло поводъ къ догадкамъ о существованіи монастыря, историческіе слѣды котораго не дошли до насъ. Такъ покойный М. А. Максимовичъ, на основаніи пещеры, открытой у села Лѣсниковъ, указалъ на существованіе въ томъ мѣстѣ древняго Гнилецкаго монастыря; въ свѣдѣніяхъ, сообщенныхъ въ Кіевскихъ губерн. вѣдомостяхъ 1857—8 г. о пещерахъ у с. Пирогова, онѣ указаны какъ слѣды древняго пустынножительства; г. Похилевичъ предполагаетъ остатки церквей и монастырей въ пещерахъ у Межигорья, Скитка и Лѣсниковъ и т. п.

Не отрицая, что многія пещеры пріобрѣли въ христіанское время на Руси религіозное значеніе, что были разширены иноками и обращены въ монастырскія кельи, и даже въ пещерныя церкви, я полагаю, что происхожденіе пещерныхъ сооруженій относится къ другой, гораздо

болѣе древней эпохѣ, и что первоначально онѣ служили жилищами первобытнымъ насельникамъ береговъ Днѣпра въ эпоху каменнаго вѣка.

На небольшомъ пространствѣ (около 100 верстъ) вдоль по теченію Днѣпра, отъ Межигорья до села Монастырка, мнѣ удалось осмотрѣть или собрать свѣдѣнія о 45 пещерахъ, вырытыхъ въ лёсѣ; изъ которыхъ только 7 [1]) могутъ быть отнесены съ большею или меньшею вѣроятностію къ числу пещеръ, имѣвшихъ связь съ пустынножительствомъ. Вотъ перечень извѣстныхъ мнѣ пещеръ:

1) У Межигорья 1
2) У Кирилловскаго монастыря въ Кіевѣ—группа болѣе 20 пещеръ.
3) Въ Кіевѣ у Аскольдовой могилы [2]) 1
4) „ „ въ Кіево-печерскомъ монастырѣ . . . 2
5) „ „ въ рощѣ у военной гимназіи 1
6) У Китаевской пустыни 1
7) Въ с. Пироговѣ и между Пирог. и Китаев. пустынью. 6
8) У с. Лѣсниковъ 1
9) У с. Мархлѣевки 1
10) На урочищѣ, назыв. „Гадючій яръ“ 5
11) У с. Козина на Чернечемъ хуторѣ. 1
12) У с. Злодіевки 1
13) У с. Щучинки 1
14) У с. Монастырка. 1
15) У с. Македонъ 1
16) У с. Скитка 1

Такимъ образомъ самая многочисленная группа извѣстныхъ мнѣ пещеръ находится у Кирилловскаго монастыря. Возвышенность, на которой расположенъ монастырь, отдѣляется отъ другой возвышенности, прилегающей къ ней съ южной стороны, глубокимъ вѣтвистымъ оврагомъ, на склонахъ котораго, на различной высотѣ, расположены пещеры. Многія изъ нихъ были разчищены отъ наноса въ послѣднее

---

[1]) Пещеры у Межигорья, въ Кіево-печерской лаврѣ, у сс. Лѣсниковъ, Козина, Монастырка и Скитка.

[2]) Пещера эта была открыта при проложеніи спуска изъ Печерской горы къ мосту въ 1853 г. Ее осматривалъ тогда проф. Н. Д. Иванишевъ, но, при производствѣ дальнѣйшихъ работъ, она была засыпана.

время, благодаря случайному обстоятельству: у окрестныхъ жителей существуетъ не ясное преданіе о томъ, что въ данной мѣстности будто спрятанъ былъ въ землю гетманомъ Мазепою большой кладъ; увлекаясь этимъ преданіемъ и замѣчая на обрывистыхъ берегахъ оврага отверстія пещеръ, кладоискатели сочли ихъ коридорами, ведущими къ погребамъ Мазепы, и, не жалѣя трудовъ и издержекъ, принялись разчищать пещерные ходы отъ наполнявшаго ихъ землистаго наноса. Конечно, ни погреба, ни клада въ концѣ каждаго пещернаго хода не оказывалось, но, при разчисткѣ, вмѣстѣ съ наносомъ, рабочіе выбросили изъ пещеръ и тѣ драгоцѣнные въ научномъ отношеніи, но не представлявшіе для нихъ интереса, бытовые остатки, которые свидѣтельствовали объ условіяхъ жизни древнихъ пещерныхъ обитателей.

Въ мартѣ 1876 года, я осматривалъ оврагъ у Кирилловскаго монастыря вмѣстѣ съ проф. А. С. Роговичемъ: мы нашли около 15 пещеръ разчищенныхъ такимъ образомъ, и видѣли нѣсколько другихъ, еще не тронутыхъ кладоискателями и только что обнаружившихся, въ слѣдствіе свѣжаго обвала краевъ оврага. Разчищенныя пещеры представляли длинные сводообразные коридоры, до $2^1/_2$ аршинъ высотою и въ $1^1/_2$ аршина шириною, углубляющіеся въ почву въ различныхъ направленіяхъ. Одна изъ нихъ, длиною около 100 шаговъ, углубляясь спиралью въ слой лёса, представляла какъ бы одинъ оборотъ громаднаго винта; отверстіе этой пещеры открывалось на небольшую площадку, нѣсколько разширенную рабочими, производившими разчистку и срѣзавшими верхнюю часть холма, нависавшую надъ входомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ часть самой пещеры на нѣсколько шаговъ отъ входа. Благодаря этому обстоятельству, дно передней части пещеры, осталось не разчищеннымъ и на немъ сохранились нѣкоторые бытовые древніе остатки. На той части площадки, которая составляла нѣкогда часть дна самой пещеры, у его входа, находилась сорная куча, представлявшая настоящіе кухонные остатки. Куча эта въ $1^1/_2$ аршина въ діаметрѣ и около $^1/_2$ аршина толщиною, состояла по преимуществу изъ раковинъ молюсковъ: Anadonta Cygnaea и Unio Pictorum, но среди раковинъ оказались и другіе пищевые остатки: кости млекопитающихъ и рыбъ. Кости животныхъ (лошади, свиньи и быка) представляли обломки длинныхъ конечностей костей, осколки костей черепа и отдѣльные зубы; всѣ найденные экземпляры не подвергались дѣйствію огня и не представляли слѣдовъ рѣжущихъ орудій; изломы ихъ неправильны и про-

изошли вѣроятно отъ раздробленія костей ударами большихъ камней. Изъ рыбьихъ костей въ кучѣ уцѣлѣли только позвонки мелкихъ прѣсноводныхъ рыбъ. Кромѣ этихъ пищевыхъ остатковъ въ кучѣ оказались и произведенія человѣческаго искусства: осколки глиняныхъ сосудовъ и каменныхъ орудій. Глиняная посуда была слѣплена безъ помощи гончарнаго колеса изъ бурой или красноватой глины, не очищенной и содержащей въ значительномъ количествѣ зерна кварца— выжжена она была очень плохо: только наружныя поверхности стѣнокъ сосудовъ представляютъ выжженныя, болѣе плотныя пластинки, между тѣмъ какъ вся толщина стѣнокъ состоитъ изъ бурой, землистой, губчатой массы. На стѣнкахъ сосудовъ не замѣчено вовсе признаковъ орнаментовъ. Среди кучи раковинъ найдены были: кремневый nucleus неправильной формы и довольно большой кусокъ краснаго желѣзняка, округленный съ одной стороны и съ другой стороны представляющій трехгранное пирамидальное остріе.

Затѣмъ, нѣсколько въ сторонѣ отъ сорной кучи, у бывшей стѣны пещеры, вблизи отъ ея входа, найдена была куча небольшихъ круглыхъ валуновъ; всѣ экземпляры ихъ представляли ту особенность, что они были сильно пережжены и отъ продолжительнаго дѣйствія огня до того размягчились, что представляли рыхлую массу, которую можно было свободно ломать руками. Наконецъ, нѣсколько дальше отъ входа, на днѣ пещеры, найденъ былъ отломокъ кремневой пилы, съ мелкими зубцами на вогнутомъ краѣ орудія, весьма тщательно отдѣланными посредствомъ ряда мелкихъ ударовъ. Такимъ образомъ куча кухонныхъ остатковъ, найденная у входа въ одну изъ пещеръ, и оказавшіеся въ ней черепки сосудовъ и каменныя орудія дозволяютъ намъ придти къ заключенію, что пещера эта служила жилищемъ первобытному человѣку, что жильцы ея питались по преимуществу молюсками и рыбами, водящимися понынѣ въ Днѣпрѣ, что, сверхъ того, хотя въ меньшемъ количествѣ, они употребляли въ пищу млекопитающихъ: быковъ, свиней и лошадей; судя по незначительному относительно количеству костей этихъ животныхъ въ кучѣ кухонныхъ остатковъ, можно полагать, что жители, употреблявшіе ихъ въ пищу, пользовались только изрѣдка экземплярами дикихъ животныхъ этихъ породъ. Люди, обитавшіе въ пещерѣ, знакомы были съ употребленіемъ огня; они имѣли въ пещерѣ очагъ, нарочито сложенный изъ глыбъ валуна; они вылѣпливали изъ глины грубые сосуды и весьма не искусно обжигали ихъ;

наконецъ, они пользовались орудіями, приготовленными изъ осколковъ кремня, отдѣланными довольно тщательно; въ остріѣ же, сдѣланномъ изъ краснаго желѣзняка, можетъ быть, можно найти указаніе на начало того поворота въ издѣліяхъ каменнаго вѣка, въ слѣдствіе котораго кремень замѣненъ былъ болѣе мягкими породами камня, давшими возможность производить болѣе удобныя и изящныя орудія, посредствомъ полировки и сверленія обломковъ болѣе мягкихъ породъ камня.

Намѣтивъ представившійся мнѣ фактъ, я не сомнѣваюсь, что изслѣдованіе другихъ пещеръ, особенно тѣхъ изъ нихъ, которыя не подвергались случайной разчисткѣ, дастъ возможность уяснить себѣ гораздо болѣе точно бытъ населявшихъ ихъ людей и представитъ гораздо болѣе данныхъ для всесторонняго опредѣленія степени культуры первобытныхъ насельниковъ Днѣпровскаго порѣчья.

2.

Другая, замѣчательная въ археологическомъ отношеніи, находка относится къ гораздо болѣе позднему времени. Находка эта сдѣлана была совершенно случайно въ Плоской части города Кіева, въ окрестности Іорданской церкви [1]), въ усадьбѣ г. Марра. Усадьба эта занимаетъ цѣлый кварталъ, ограниченный: Кирилловскою улицею, Богословскимъ и Іорданскимъ переулками, заднею-же частью она примыкаетъ къ крутой возвышенности, на которой расположенъ Лукьяновскій кварталъ и у подошвы которой, на самой закраинѣ усадьбы г. Марра, находятся развалины какого-то древняго церковнаго зданія (по предположенію Богословскаго монастыря). Значительную часть площади своей усадьбы г. Марръ спланировалъ въ этомъ году, для предполагавшейся постройки обширнаго зданія. При планировкѣ открыты были кирпичные фундаменты обширнаго дома, истребленнаго пожаромъ, какъ о томъ свидѣтельствовали обгорѣвшіе концы бревенъ; домъ этотъ, вѣроятно мѣщанскій или монастырскій, сгорѣлъ въ XVII или XVIII сто-

[1]) Окрестности Іорданской церкви въ древности (въ IX—XI столѣтіи) составляли вѣроятно центръ, въ которомъ сосредоточивалась торговая дѣятельность города; въ этой мѣстности найдены были всѣ крупные клады Саманидскихъ монетъ; тамъ-же, въ сосѣдней усадьбѣ (Товарищества пивоваренаго завода), въ 1870 году, оказалось огромное костилище, вмѣщавшее въ себѣ около 4000 скелетовъ.

лѣтіи: въ обвалившемся погребѣ его найдено было множество стеклянной посуды всевозможныхъ формъ и размѣровъ и между нею одна серебряная монета—прусскій серебряный шелягъ съ именемъ бранденбургскаго курфирста Георга Вильгельма (1619—1640); затѣмъ нѣсколько желѣзныхъ предметовъ: кирка, замокъ, цѣпи, ножикъ и т. п., и, наконецъ, въ углу, металлическая посеребренная дощечка, величиною въ $^1/_8$ долю листа бумаги; на доскѣ вырѣзано изображеніе прямоугольнаго креста, стоящаго на трехъ ступенькахъ и обвитаго терновымъ вѣнкомъ; по одну сторону креста въ нижнюю ступеньку водружено копье, вокругъ котораго обвивается змѣя, по другую сторону, такой же длины, стебель съ цвѣткомъ. У креста въ четыре строки надпись: $\overline{\text{ІНЦІ}}$—$\overline{\text{ІΣ}}$ $\overline{\text{ХΣ}}$—НІ КИ—КГГ, у подножія же его изображеніе „Адамовой головы“. На всѣхъ четырехъ углахъ дощечки находилось по три отверстія, и въ одномъ углу въ нихъ продѣтъ былъ конецъ цѣпочки. Открытые фундаменты зданія и найденные въ нихъ предметы не представляли бы сами по себѣ особенно важнаго интереса, но при дальнѣйшей планировкѣ площади оказалось, что зданіе это, построенное (судя по монетѣ) не позже первой половины XVII столѣтія, покрыло собою слѣды гораздо болѣе отдаленной древности. На уровнѣ съ основаніемъ фундаментовъ и въ незначительномъ отъ нихъ разстояніи найдены были 4 могилы, языческаго времени; домъ былъ очевидно построенъ на мѣстѣ стараго языческаго кладбища и для возведенія его фундаментовъ, вѣроятно, разрушены были многія могилы. Изъ четырехъ могилъ, уцѣлѣвшихъ до нашаго времени, одна, лежавшая у сѣверо-западнаго угла зданія, заключала въ себѣ только одинъ скелетъ, помѣщавшійся въ деревянномъ гробу; при немъ никакихъ вещей не оказалось. Три другія могилы были расположены вдоль восточной стѣны стараго зданія. Въ одной изъ нихъ лежалъ скелетъ и при немъ находились слѣдующія вещи: двѣ фибулы, служившія для застегиванія корзна на плечѣ; фибулы эти овальной формы, выпуклыя на верхней поверхности, состояли изъ двухъ, наложенныхъ другъ на друга, серебряныхъ позолоченныхъ бляхъ, съ вырѣзаннымъ à jour весьма изящнымъ узоромъ; на вогнутой части ихъ находилась застежка, состоящая изъ бронзовой булавки и такой же петли; подобныя фибулы, совершенно аналогическія по формѣ и рисунку орнамента, были находимы въ скандинавскихъ могилахъ въ Швеціи [1]) и въ гробницахъ временъ Меровинговъ во Франціи. За-

[1]) Montelius, Antiquités Suédoises, стр. 159 и слѣд. Fig. 556. Авторъ

тѣмъ у головы скелета найдены были четыре серьги серебряныя и 1 золотая; каждая серьга состояла изъ металлической проволоки, концы которой были не спаяны, а скручены узломъ, на проволоки надѣты бусы, по 3 или по одной на каждую, бусы сдѣланы изъ граненаго горнаго хрусталя, изъ стекла и изъ композицій; серьги, на которыхъ надѣты по 3 бусы, представляютъ первообразъ той, установившейся въ позднѣйшій, княжескій періодъ исторіи, серьги съ тремя шипами, которая въ значительномъ количествѣ экземпляровъ найдена въ разныхъ мѣстностяхъ Кіевскаго княженія и обыкновенно въ музеяхъ описывается подъ именемъ серьги, найденной „у Десятинной церкви“.

У головы скелета лежали бусы, изъ нихъ сохранилось 7 (6 изъ зеленоватаго стекла и 1 изъ темной композиціи) и аббасидскій диргемъ съ придѣланнымъ къ нему ушкомъ для привѣшиванія; монета эта оказалась, по опредѣленію І. Ѳ. Готвальда (въ Казани) диргемомъ халифа Абу-Джафара-аль-Мансура (754—775), чеканеннымъ въ Куфѣ 142 года гиджры (764). Затѣмъ у поясничныхъ позвонковъ скелета найдены были: небольшой брусокъ изъ красиваго разноцвѣтнаго точильнаго камня, обдѣланный въ видѣ четырехгранной призмы, съ просверлиною на одномъ концѣ и желѣзною скобою для привѣшиванія, и двѣ серебряныя бляшки (въ 4 сентиметра въ длину и въ ширину), вырѣзанныя въ видѣ крестовъ съ разширенными концами; бляшки эти украшены орнаментомъ, состоящимъ изъ точекъ; одна изъ нихъ снабжена ушкомъ, для привѣшиванія, другая была прибита гвоздиками къ какому-то деревянному предмету. Всѣ металлическіе предметы свидѣтельствовали объ отсутствіи въ то время умѣнья паять металлы: ушко, придѣланное къ монетѣ, прибито къ ней гвоздиками; одна изъ крестообразныхъ бляшекъ сломана и потомъ была починена, посредствомъ другой бляшки, наложенной сверху и прибитой гвоздиками.

Въ другой могилѣ найденъ былъ сосудъ изъ бѣлой глины, вышиною въ $6^1/_4$ дюймовъ, украшенный у вѣнчика криволинейнымъ орнаментомъ и сдѣланный на гончарномъ колесѣ; сосудъ этотъ заключалъ въ себѣ жженыя человѣческія кости. Въ третьей могилѣ лежали кости человѣка совмѣстно съ костями лошади; при нихъ найдены были: а) большой обоюдуострый мечъ, съ тяжелою головнею; подобные мечи на-

---

относитъ данныя фибулы къ послѣднему періоду желѣзнаго вѣка до-исторической эпохи, т. е. къ VIII—XI столѣт.

ходимы были на всей территоріи древней Руси: въ Кіевѣ, Черниговѣ, Смоленскѣ, Ростовѣ и т. д., равнымъ образомъ и въ гробницахъ, западной Европы: во Франціи, Германіи, Скандинавіи и т. д., относимыхъ къ первой половинѣ средневѣковаго періода. Мечи эти составляли характеристическую особенность вооруженія кіевскихъ Полянъ, какъ это видно изъ свидѣтельства первоначальной Кіевской лѣтописи [1]); кромѣ меча, у того же скелета лежали: верхняя часть желѣзнаго шишака, два желѣзныхъ стремени, 8 желѣзныхъ наконечниковъ стрѣлъ, бронзовая съ серебряною насѣчкою пряжка отъ пояса, желѣзный наконечникъ копья и желѣзный топоръ. Черепъ лошади былъ раздробленъ круглымъ большимъ камнемъ, прилегавшимъ къ его осколкамъ [2]).

3.

Въ усадьбѣ г. Лѣскова, на углу Владимірской улицы и Десятиннаго переулка, въ близкомъ разстояніи отъ Десятинной церкви, при закладкѣ фундамента дома, найденъ былъ кладъ, значительная часть котораго была, впрочемъ, унесена рабочими; кладъ этотъ помѣщался въ двухъ сосудахъ: въ одномъ изъ нихъ, глиняномъ, находилось 14 серебряныхъ, шестиугольныхъ гривенъ кіевскаго типа; въ другомъ, мѣдномъ, найдены были: двѣ длинныя серебряныя цѣпи, состоящія изъ тонкихъ, изогнутыхъ колецъ, нѣсколько серебряныхъ и золотыхъ серегъ, извѣстнаго типа съ тремя неподвижными шипами на толстой проволокѣ, золотой перстень, золотой медальонъ [3]) и два золотыя ожерелья: одно

---

[1]) „Рѣша Козари (Полянамъ): платите намъ дань. Сдумавше-же Поляне, и вдаша отъ дыма мечь; и несоша Козари ко князю своему и къ старѣйшинамъ, и рѣша имъ: се налѣзохомъ дань пову. Они-же рѣша имъ: откуду? Они-же рѣша имъ: „въ лѣсѣ, на горахъ надъ рѣкою Днѣпрьскою". Они-же ркоша: „что суть вдали"? Они-же показаша мечь. И рѣша старцѣ Козарстии: „Не добра дань княже! мы доискахомся оружіемъ одиноя страны, рѣкше саблями, се сихъ оружіе обоюдоостро, рекше мечи; си имуть имати и на насъ дань и на инѣхъ странахъ". Ипат. лѣт. стр. 9.

[2]) Свѣдѣнія о мѣстоположеніи гробницъ и о положеніи въ нихъ вещей были тщательно отмѣчены и обязательно сообщены мнѣ г. Марромъ, пожертвовавшимъ многія изъ найденныхъ вещей въ музей университета св. Владиміра.

[3]) По независящимъ отъ меня причинамъ, я не могъ осмотрѣть всѣ

изъ нихъ состоитъ изъ нанизывавшихся поочередно продольныхъ золотыхъ бусъ и золотыхъ бляшекъ, имѣющихъ форму трехлепестныхъ лилій, другое состояло изъ золотыхъ кружковъ, величиною въ полтинникъ, съ углубленіями, въ видѣ желобковъ, на краяхъ окружности и вдоль діаметра; углубленія эти наполнялись рядами мелкихъ жемчужинъ.

4.

Въ одно почти время съ предъидущимъ кладомъ (въ апрѣлѣ) найденъ былъ другой кладъ на старомъ же Кіевѣ, по Житомірской улицѣ, въ усадьбѣ г. Чайковскаго. Кладъ этотъ составляли слѣдующія вещи: 1) серебряный браслетъ изъ толстой серебряной двойной проволоки, скрученной спиралью; концы браслета представляли крестообразныя заклепки; 2) нѣсколько серегъ золотыхъ и серебряныхъ, состоявшихъ изъ толстыхъ проволокъ съ тремя шипами; 3) два серебряные медальона съ ушками; одинъ изъ нихъ покрытъ арабесками, сдѣланными чернью; обѣ стороны другаго представляли серебряныя бляхи, покрытыя эмалью, изображавшею на одной сторонѣ двѣ сидящія птицы и посреди нихъ пальму, на другой—птицу, сидящую на право, съ головою обращенною назадъ, и за нею древесный листокъ; 4) всѣ перечисленныя вещи найдены были уложенными въ большую серебряную чашу (діаметръ ее отверстія=19 сентиметрамъ). Внутренняя поверхность чаши покрыта красивою розеткою въ мавританскомъ стилѣ, на наружной же поверхности находилась у вѣнчика въ одну строчку слѣдующая латинская надпись: +Esto. memor+qui reficis. ven?ere oro pauperis [1]).

5.

Къ числу случайныхъ находокъ принадлежатъ весьма богатыя древности, найденныя въ мартѣ текущаго года, въ окрестности м. Смѣлы,

---

вещи, входившія въ составъ клада, въ томъ числѣ и медальона, на которомъ, по словамъ владѣльца, находилось какое-то изображеніе, сдѣланное эмалью.

[1]) Я не имѣлъ возможности осмотрѣть предметы, найденные въ этомъ кладѣ, и пользовался при ихъ описаніи рисунками, составленными г. архитекторомъ Николаевымъ, обязательно мнѣ ихъ сообщившимъ.

крестьянами села Заливаки (Черкасскаго уѣзда). Проходя по сыпучимъ пескамъ, прилегающимъ къ селу, одинъ изъ крестьянъ села Заливакъ замѣтилъ выдающійся изъ песка конецъ какого-то желѣзнаго орудія; вынувъ этотъ предметъ, онъ увидѣлъ, что это была большихъ размѣровъ желѣзная сабля, совершенно истлѣвшая отъ ржавчины и разломавшаяся у него въ рукахъ; разчистивъ въ томъ мѣстѣ песокъ, онъ нашелъ на глубинѣ $^3/_4$ аршина: два золотые браслета, концы которыхъ, остававшіеся свободными, покрыты были синею эмалью; двѣ большія золотыя шейныя гривны, состоящія изъ толстой, золотой, спирально скрученной проволоки, обвитой другою тонкою проволокою; золотое кольцо, такую же подвѣску и нѣсколько черепковъ, покрытыхъ узорами отъ глинянаго сосуда весьма изящной работы; въ близкомъ разстояніи, въ тѣхъ же пескахъ найдены были два зерна сердоликоваго мониста [1]).

6.

Въ мѣстечкѣ Романовкѣ Сквирскаго уѣзда, владѣлецъ фермы „Порѣчье“, г. Вольманъ случайно наткнулся въ собственной усадьбѣ на весьма оригинальную археологическую находку. По его словамъ, онъ нашелъ камеру, построенную изъ необожженнаго краснаго кирпича (?) и на днѣ ея кучу: угля, золы, жженыхъ костей и черепковъ отъ глиняныхъ сосудовъ; у верхняго края стѣнъ камеры лежали симметрично расположенные: шесть конусовъ изъ красной глины и шесть фигуръ, грубо вылѣпленныхъ, изъ той же глины; четыре изъ нихъ изображали человѣческія фигуры (1 женская и 3 мужескія), одна человѣческую фигуру съ непомѣрно длинными ушами и одна какое-то четвероногое; сверхъ того, внутри камеры, на различной глубинѣ, найдены были: два небольшіе сосуда изъ красной глины, сдѣланные безъ помощи гончарнаго колеса и широкая, плоская, глиняная миска. По словамъ г. Вольмана, въ томъ же мѣстѣ, за нѣсколько лѣтъ прежде, найденъ былъ на незначительной глубинѣ сосудъ, заключавшій въ себѣ сердоликовое ожерелье [2]).

---

[1]) Перечисленные предметы хранятся у владѣлицы села, г-жи Раевской; описаніе находки, вмѣстѣ съ рисунками вещей, было мнѣ обязательно сообщено докторомъ Буковскимъ (изъ Смѣлы).

[2]) Найденныя имъ вещи г. Вольманъ уступилъ г. Кибальчичу, въ музеѣ котораго онѣ вѣроятно хранятся.

7.

Исчисленныя находки принадлежатъ къ числу случайныхъ открытій и не всѣ могли быть описаны съ желательною точностью. Затѣмъ я обращусь къ перечню раскопокъ, предпринятыхъ съ научною цѣлью и съ научными пріемами. Ближайшая къ Кіеву раскопка предпринята была въ іюлѣ мѣсяцѣ членомъ 3-го археологическаго съѣзда, В. П. Науменкомъ, въ окрестности Китаевской пустыни. На высокой горѣ, отдѣляющей церковь отъ Днѣпра, находится древнее городище, въ которомъ М. А. Максимовичъ признавалъ съ большою вѣроятностью мѣстоположеніе древняго кіевскаго Пересѣчена. Къ юго-западу отъ городища расположены двѣ большія группы кургановъ,—заключающія въ себѣ приблизительно до 500 курганныхъ насыпей; въ группѣ, непосредственно прилегающей къ городищу, нѣсколько кургановъ было разрыто въ 1874 году Д. Я. Самоквасовымъ; предметы найденные въ нихъ (большой желѣзный крестъ, маленькій бронзовый крестикъ на такой-же цѣпочкѣ) указывали на то, что курганы эти относятся къ христіанскому времени; г. Науменко въ іюлѣ настоящаго года раскопалъ 3 кургана другой группы, находящейся въ разстояніи $^1/_2$ версты отъ предъидущей. Въ одномъ изъ нихъ найденъ былъ скелетъ ребенка и при немъ желѣзный ножикъ; въ двухъ другихъ курганахъ оказались ясные слѣды сожженія трупа: на $^1/_3$ высоты насыпи въ обоихъ курганахъ замѣченъ былъ точекъ изъ плотно утоптанной желтой глины, покрытый слоемъ золы и угля, среди которыхъ встрѣчались обломки жженыхъ человѣческихъ костей и весьма немногочисленные предметы: обломки сосудовъ, дѣланныхъ на гончарномъ колесѣ, желѣзные гвозди, бронзовая скоба и желѣзный замокъ, представлявшій полый кубикъ съ отверстіемъ для ключа въ видѣ буквы Т и съ сохранившеюся внутри замочною пружиною [1]).

8.

Членъ Московскаго Археологическаго общества, Б. Ю. Поповскій, произвелъ раскопку девяти кургановъ у села Самгородка въ Сквирскомъ

---

[1]) В. П. Науменко сообщилъ мнѣ обязательно свѣдѣнія о своей раскопкѣ и найденныя имъ вещи пожертвовалъ въ музей университета св. Владиміра.

уѣздѣ. Курганы эти расположены были на обширной равнинѣ на берегу рѣчки Березны; они составляли 2 отдѣльныя группы (одна изъ 4, другая изъ 2 насыпей) и сверхъ того 3 кургана лежали уединенно на значительномъ разстояніи отъ этихъ группъ. Въ двухъ курганахъ первой группы найдены были только черепки отъ глиняныхъ сосудовъ, обломки жженыхъ костей и грузило изъ пережженной глины; въ третьемъ курганѣ оказался цѣлый пластъ глиняныхъ сосудовъ, числомъ до 50; сосуды эти стояли, плотно прилегая другъ къ другу, но всѣ были раздавлены, такъ, что ни одного изъ нихъ не удалось добыть цѣльнымъ; черепки сдѣланы изъ бурой или красноватой глины, безъ орнаментовъ; на днѣ каждаго сосуда находилось значительное количество золы, перемѣшанной со жженными костьми, среди обломковъ которыхъ найдены были слѣдующія вещи: фрагментъ складнаго костянаго гребня, составныя части котораго скрѣплены бронзовымъ гвоздемъ, бронзовая поясная пряжка, бронзовый гвоздь или булавка и нѣсколько неопредѣленныхъ бронзовыхъ обломковъ. Наконецъ четвертый курганъ этой группы не заключалъ въ себѣ никакихъ вещей, но представлялъ ту особенность, что вся его масса состояла изъ семи пластовъ изгнившаго дерева и семи пластовъ золы, угля и жженыхъ костей; слои эти правильно чередовались другъ съ другомъ. Изъ двухъ кургановъ другой группы въ одномъ найдены были только черепки и уголь, въ другомъ 5 скелетовъ, расположенныхъ оригинально: два лежали головами къ западу, два къ востоку и одинъ къ сѣверу. Ноги скелетовъ почти соприкасались въ его центрѣ и въ этомъ мѣстѣ стоялъ сосудъ (5 сент. вышиною) съ широкимъ горломъ, изъ бурой глины, заключавшей въ себѣ много зеренъ кварца, сдѣланный безъ помощи гончарнаго колеса и покрытый орнаментомъ, состоящимъ изъ глубокихъ царапинъ, сдѣланныхъ ногтемъ. Судя по двумъ, вполнѣ сохранившимся черепамъ, они относятся къ типу явственно брахицефалическому; одинъ изъ скелетовъ былъ несомнѣнно женскій, другой мужескій, три остальные не могли быть опредѣлены.

Изъ трехъ, отдѣльно лежавшихъ кургановъ, въ одномъ, носившемъ названіе „Упыръ“, найдены были на глубинѣ одного метра два точильные камня изъ песчаника и черепки отъ глинянаго сосуда; на $1^1/_2$ метра глубже лежалъ скелетъ, головою на западъ; съ лѣвой стороны его стояли два сосуда (12—15 сентим. вышиною), украшенные орнаментомъ изъ извилистыхъ кривыхъ линій и рядомъ съ ними куча жже-

ныхъ костей, нѣсколько раздавленныхъ сосудовъ, бронзовая булавка, плоскій, квадратный кусокъ обдѣланной кости, съ отверстіемъ въ срединѣ и 3 скребки кремневыя, сдѣланныя посредствомъ большихъ отбоинъ; наконецъ, подъ скелетомъ найденъ былъ каменный полированный молотъ. Въ другомъ, отдѣльно расположенномъ, курганѣ, на глубинѣ $^1/_2$ метра, оказался скелетъ, головою къ сѣверу, въ березовомъ досчатомъ гробу и при немъ трехгранный бронзовый наконечникъ стрѣлы; у ногъ его лежалъ другой скелетъ, головою къ западу, у скелета этого недоставало костей правой руки, съ лѣвой же стороны его, у ногъ, лежалъ скелетъ собаки. У головы перваго скелета лежалъ третій скелетъ, головою къ сѣверовостоку и рядомъ съ нимъ сосудъ, наполненный углемъ и золою. Подъ среднимъ скелетомъ найденъ костякъ лошади и при немъ желѣзныя: удила, стремя, подкова и обломокъ ножа. Наконецъ третій, отдѣльно лежавшій, курганъ оказался могилою позднѣйшаго времени: у скелета найдено было огнестрѣльное оружіе (дуло и замокъ пистолета) [1]).

9.

Въ іюлѣ текущаго года Д. Я. Самоквасовъ разрылъ 2 группы кургановъ, лежащія при устьѣ рѣки Расавы, впадающей въ Рось, на границѣ Каневскаго и Черкаскаго уѣздовъ; одна изъ этихъ группъ (10 кургановъ) расположена между селами: Яблуновымъ и Гамарнею, другая (11 кургановъ) между Гамарнею и Конончею. Въ каждой изъ этихъ группъ г. Самоквасовъ вскрылъ по четыре кургана.

Въ первой группѣ курганы оказались двухъэтажными; въ верхнихъ слояхъ насыпи находились позднѣйшія могилы, заключавшія скелеты человѣческіе вмѣстѣ съ лошадиными; при всадникахъ были различные желѣзные предметы вооруженія и збруи: части кольчуги, шлема, удила, стремена, желѣзныя стрѣлы. Внизу, гораздо глубже, находились другія, болѣе древнія могилы, въ нихъ встрѣчались пережженныя кости, также значительное количество золотыхъ предметовъ: бляхи, серьги, пуговицы, бусы, привѣски, обломки вѣнца изъ узорочной золотой бляхи, миніа-

[1]) Подробности этой раскопки заимствованы мною изъ дневника, весьма точно составленнаго г. Поповскимъ и обязательно мнѣ имъ сообщеннаго. Найденныя вещи хранятся въ коллекціи, принадлежащей г. Поповскому (село Заливанщина, Подольской губ., Винницкаго уѣзда).

тюрная золотая фигура, изображающая лошадь; кромѣ золотыхъ вещей здѣсь находились бусы: сердоликовыя, каменныя (одна изображала скарабея), костяныя, стекляныя и глиняныя; въ нижней могилѣ одного изъ кургановъ оказался колчанъ, состоявшій изъ тонкихъ костяныхъ дощечекъ и въ немъ 20 бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ, въ другомъ мѣдный котелъ съ желѣзною ручкою, въ третьемъ глиняная миска, въ которой лежало 5 пращевыхъ камней. Во всѣхъ курганахъ, въ низу встрѣчались обломки терракотовыхъ сосудовъ.

Въ другой группѣ: 2 кургана оказались раньше испорченными и расхищенными; третій—въ верхнихъ слояхъ заключалъ скелетъ всадника и лошади съ желѣзными при нихъ предметами (ножъ, удила, стрѣлы, стремена), въ нижнихъ же слояхъ какъ третій, такъ и четвертый курганы содержали жженыя кости, глиняные сосуды и бронзовыя стрѣлы [1]).

10.

Въ одно время съ раскопками г. Самоквасова производилъ раскопки въ Каневскомъ уѣздѣ Т. В. Кибальчичъ; онъ разрылъ 3 кургана у с. Селища въ 7 верстахъ отъ Канева и 4 кургана у самаго города Канева, на урочищѣ Древенщина.

Относительно первой группы г. Кибальчичъ сообщилъ, что всѣ курганы оказались раньше расхищенными. Онъ нашелъ только нѣсколько скелетовъ, лежавшихъ головами къ сѣверу, и при нихъ обломки желѣзнаго шлема, кольчуги и удилъ, нѣсколько желѣзныхъ копій и бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ, нѣсколько глиняныхъ сосудовъ и золотой перстень.

Въ группѣ, лежащей у Канева г. Кибальчичъ нашелъ въ двухъ курганахъ скелеты, лежавшіе головою къ западу и при нихъ 2 серебряные перстня и обломки желѣза; раскопки же двухъ другихъ кургановъ г. Кибальчичъ не могъ довести до конца [2]).

---

[1]) Подробности раскопокъ заимствованы мною изъ изустнаго разсказа Д. Я. Самоквасова. Болѣе подробный и обстоятельный отчетъ будетъ имъ вскорѣ напечатанъ. Найденныя вещи хранятся въ коллекціи г. Самоквасова, въ Варшавѣ.

[2]) Извѣстіе объ этой раскопкѣ заимствовано изъ изустнаго разсказа г. Кибальчича; найденныя вещи хранятся въ его музеѣ въ Кіевѣ.

11.

Въ Уманскомъ уѣздѣ, въ окрестности м. Тального, М. А. Немиричъ раскопалъ 8 весьма характеристическихъ гробницъ. Гробницы эти отличаются тѣмъ, что курганныхъ насыпей на нихъ нѣтъ; онѣ представляютъ площадки, лежащія совершенно на одномъ уровнѣ съ окружающимъ ихъ полемъ, среди котораго выдѣляются только потому, что каждая гробница обставлена кругомъ изъ валуновъ различной формы и величины. Валуны большею частью углубились въ черноземъ, такъ что только верхушки ихъ видны на уровнѣ почвы. Устроенныя такимъ образомъ гробницы, по замѣчанію г. Немирича, хорошо знакомаго съ данною мѣстностью, тянутся полосою черезъ Уманскій уѣздъ по направленію съ сѣверовостока къ югозападу, по водоему Горнаго Тыкича, болѣе на лѣвомъ берегу этой рѣки. Мѣсто погребенія находится внутри каждаго круга; въ восьми гробницахъ, вскрытыхъ г. Немиричемъ, скелеты лежали всегда по направленію съ запада на востокъ, головами чаще къ западу (въ двухъ случаяхъ къ востоку), на глубинѣ 2 аршинъ отъ поверхности. Скелеты сопровождались многочисленными желѣзными предметами: такъ г. Немиричъ собралъ 7 стременъ, 3 удилъ, 2 ножницъ, 2 огнива, 2 ножика, одинъ топоръ и множество обломковъ желѣза отъ другихъ предметовъ, уже разложившихся; сверхъ того въ могилахъ были найдены: одно золотое кольцо, одна серьга, 3 потиновыя зеркала, покрытыя на оборотной сторонѣ арабесками и два мѣдные сосуда (стоявшіе у ногъ скелетовъ). Зеркала, по металлу, формѣ, величинѣ и украшающимъ ихъ орнаментамъ, совершенно тождественны съ такими же зеркалами, встрѣчающимися въ большомъ количествѣ на среднемъ теченіи Волги, особенно въ развалинахъ древняго Болгара и не были находимы вовсе въ курганахъ югозападнаго края. Изъ двухъ найденныхъ сосудовъ: одинъ сдѣланъ изъ красной мѣди, имѣетъ видъ довольно объемистаго цилиндра, съуживающагося къ верху въ видѣ длинной узкой шейки; съ одной стороны онъ снабженъ длинною овальною рукояткою, съ другой также длиннымъ и узкимъ рыльцемъ какъ у чайника. Другой сосудъ, также изъ красной мѣди, представляетъ кадильницу, имѣвшую видъ восьмигранной коробки; у верхняго края ея находятся отверстія, въ которыя вдѣвалась цѣпочка. На наружной поверхности четырехъ изъ числа восьми стѣнокъ сосуда находятся выпуклыя изображенія четырехъ евангелистовъ. Графъ А. С. Уваровъ,

разсматривавшій этотъ сосудъ, относитъ его, по стилю и способу изображенія святыхъ, къ числу произведеній византійскаго искусства VI—VIII столѣтія. Очевидно христіанская кадильница попала случайно въ руки племени, хоронившаго еще мертвыхъ по языческому обряду и употреблена была въ данномъ случаѣ въ качествѣ погребальнаго сосуда при устройствѣ языческой могилы [1]).

---

[1]) М. А. Немиричъ весьма обязательно сообщалъ мнѣ о ходѣ своихъ раскопокъ и о расположеніи замѣченныхъ имъ гробницъ и пожертвовалъ большую часть найденныхъ имъ предметовъ въ музей Университета св. Владиміра.

Бѣлгородка и найденный въ ней змѣевикъ.

(Черниговская медаль).

Чтеніе **И. П. Хрущова.**

Въ 19-ти верстахъ отъ Кіева по прямому направленію на западъ, въ пяти верстахъ отъ кіево-житомірскаго шоссе, находится мѣстечко Бѣлгородка, расположенное на правомъ, весьма крутомъ въ этомъ мѣстѣ, берегу рѣки Ирпени, впадающей въ Днѣпръ нѣсколько выше предмѣстья Куреневки.

Еще Карамзинъ указалъ въ Бѣлгородкѣ древній Владиміровъ Бѣлгородъ, хотя и назвалъ ошибочно Ирпень, „Рупинью“ (Ист. Гос. Рос. I, 134 и пр. 468). Любимый городъ св. Владиміра игралъ видную роль въ теченіи цѣлыхъ двухъ столѣтій. Епископскій столъ былъ учрежденъ въ Бѣлгородѣ одновременно со введеніемъ въ Россіи христіанства. Лѣтопись XI-го столѣтія сохранила имена бѣлгородскихъ епископовъ при описаніи кіевскихъ церковныхъ торжествъ. Десять таковыхъ именъ и донынѣ поминаются на проскомидіи каждой литургіи въ убогой бѣлгородской церкви. Въ XII-мъ столѣтіи Бѣлгородъ давался въ удѣлъ князю, предназначавшемуся на великое княженіе Кіевское. Судьба Кіева часто зависѣла отъ „крѣпкаго“ Бѣлгорода, какимъ называетъ его Карамзинъ. За то не мало осадъ выдержалъ Бѣлгородъ въ эпоху междоусобныхъ войнъ за золотой столъ кіевскій. Великій князь Рюрикъ Ростиславичъ особенно любилъ Бѣлгородъ; онъ посадилъ тамъ старшаго своего сына Ростислава и соорудилъ каменный храмъ во имя св. апостоловъ Петра и Павла. Епископомъ въ Бѣлгородъ онъ поставилъ своего духовника, игумена выдубецкаго Адріана. При этомъ

же великомъ князѣ совершилось въ Бѣлгородѣ бракосочетаніе его сына, Ростислава, съ знатной невѣстой сѣвера, Верхуславой, дочерью Всеволода Большое Гнѣздо. Епископъ Максимъ съ софійскими попами вѣнчалъ Ростислава въ церкви св. апостоловъ.

Нынѣ въ Бѣлгородкѣ находится только одна церковь Воскресенія, деревянная, недавней постройки. Однако же память о другихъ церквахъ, когда-то бывшихъ въ Бѣлгородѣ, еще сохранилась у мѣстныхъ жителей. Такъ, одинъ пустынный холмъ зовется горбомъ св. Николая, а на то мѣсто, гдѣ древле была церковь св. апостоловъ ежегодно ходятъ святить вербу, не смотря на дальнее разстояніе отъ нынѣ существующей церкви.

Со стороны Кіева Бѣлгородку окружаютъ валы. Земляныя ворота и рвы сохранились со всею отчетливостію плана древнихъ укрѣпленій. Около нынѣшней церкви находится внутренній валъ съ весьма глубокимъ рвомъ, окружавшій въ древности княжій дворъ съ южной и восточной стороны. Подъ нетолстымъ слоемъ земли, поросшей травой, видна правильная кладка изъ дубоваго сруба, укрѣплявшаго насыпь.

Во многихъ мѣстахъ Бѣлгородки находятъ изразцы бѣлой межигорской глины и красной туземной. Попадаются изразцы съ узорами древняго стиля, а иногда и покрытые кафельною глазурью съ узоромъ. На западъ отъ церкви, какъ на западъ и отъ всей Бѣлгородки, нѣтъ ни валовъ, ни рвовъ. По крутому берегу Ирпени тутъ непремѣнно тянулась городская каменная стѣна и она-то и славилась своею крѣпостью.

Нынѣ по окраинѣ горы, возвышающейся надъ Ирпенью, идутъ огороды—и вотъ въ одномъ изъ нихъ, 11 іюня сего года, найдена была, превосходно сохранившаяся, золотая медаль съ ушкомъ, подобная такъ называемой Черниговской медали. Подъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ нашлась медаль, на полтора аршина глубины, найдено множество обломковъ и цѣлыхъ кусковъ кирпича, очевидные остатки городской стѣны. Среди нихъ попались и узорные изразцы; не мало и костей человѣческихъ и угля.

Найденная медаль имѣетъ съ лицевой стороны изображеніе Пресвятой Богородицы съ младенцемъ на правой рукѣ. Около изображенія вокругъ находится вырѣзанная внутрь, греческая надпись, сходная

(хотя и значительно короче) съ греческою, непонятною надписью, такъ называемой Черниговской медали:

ΥCIЄΡΑΜЄΛΑΛΗΜЄΛΗΟCΟΦΗЄΗΗΗЄΚЄΟCΛЄCΝƷΡΥΧΑ+

Вокругъ первой надписи другая, тоже греческая, состоитъ частію изъ понятныхъ молитвенныхъ воззваній и частію изъ сокращенныхъ и неудобно разумѣваемыхъ словъ: ΘΚЄΦΡΟVΡΗΦVΛΑΤΤЄ ѠΠΟΦѠΚΤΙ ЄΑΗΝѠΛΗΗΗ +– На оборотной сторонѣ отчеканено гораздо рельефнѣе, чѣмъ на лицевой, изображеніе головы въ шлемѣ, окруженной 12-ти головымъ змѣемъ. Вокругъ надпись, какъ на Черниговской медали, съ малымъ отличіемъ: ΑΓΙΟCΑΓΙΟCΑΓΙΟCΚΙΥCΑΒΑΟΘΟΠΛΗΡΗCƸΡΑ ΝΟΧ +– Вѣсъ медали 14 золотниковъ 87 долей. Объемъ ея видѣнъ на приложенномъ при семъ рисункѣ II.—На рисункѣ III и IV изображены узоры изразцовъ, найденныхъ на томъ мѣстѣ, гдѣ найдена медаль.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго общества лѣтописца Нестора въ 1873—77 гг.

—

Въ субботу 3 февраля 1873 г. происходило первое чтеніе въ собраніи Общества, подъ предсѣдательствомъ М. А. Тулова и въ присутствіи 12 членовъ.

Д. чл. И. И. Малышевскій сообщилъ объ открытыхъ имъ новыхъ рукописныхъ матеріалахъ для исторіи первыхъ временъ уніи. Таковы:

Во первыхъ, письмо (1616 г.) матери, знатной шляхетки Пелагіи Кипріановны Гецевичовны, къ сыну, принявшему унію, съ увѣщаніемъ обратиться въ православіе. Письмо это было уже издано (г. Кояловичемъ), но съ нѣсколькими пропусками, происшедшими, очевидно, отъ обветшалости рукописи, по которой оно издано. Новый, найденный референтомъ, списокъ письма (въ рукописн. сборникѣ Кіево-Софійской библіотеки перв. полов. XVII в.) сохранился лучше и восполняетъ эти пропуски. Въ письмѣ содержатся обычные мотивы тогдашней полемики, именно: что всѣ патріаршіе престолы равны честью и достоинствомъ и что папа ничѣмъ не лучше другихъ патріарховъ; что не слѣдуетъ соблазняться, если восточные патріархи живутъ милостынею и въ рабствѣ у невѣрныхъ, тогда какъ папа богатъ и славенъ; что унія въ польскихъ областяхъ вводится насиліемъ. По мнѣнію референта, письмо наиболѣе замѣчательно, какъ памятникъ богословскаго авторства и образованности женщины русской въ началѣ XVII вѣка. Гецевичовна цитуетъ св. отцевъ и классиковъ, слогъ ея выразителенъ и испещренъ народными поговорками. Бросивъ, по поводу этого письма, общій взглядъ на судьбу западно-русской женщины, референтъ пришелъ къ тому за-

ключенію, что въ литовскихъ и западно-русскихъ семействахъ женщины послѣднія переходили въ унію.

Во вторыхъ: 36 писемъ александрійскаго патріарха Мелетія къ князю Константину Острожскому; о содержаніи этихъ писемъ референтъ не распространялся, такъ какъ онъ приготовилъ ихъ къ печати.

Въ третьихъ: два неизвѣстные доселѣ небольшіе полемическіе трактата противъ уніи. Излагая ихъ содержаніе, референтъ остановился на заключающемся въ одномъ изъ нихъ преданіи объ основаніи византійской каѳедры ап. Андреемъ и изложилъ литературную исторію преданія объ ап. Андреѣ, по отношенію къ Византіи и Руси.

Затѣмъ д. чл. А. Д. Вороновъ, за отсутствіемъ П. А. Лашкарева, прочелъ приготовленное симъ послѣднимъ сообщеніе о нѣкоторыхъ документахъ, относящихся къ преобразованію войска Донскаго въ 1775 г. (см. въ отдѣлѣ статей).

2-е общее засѣданіе происходило 24-го февраля. Первое чтеніе принадлежало д. чл. М. А. Тулову: „о первыхъ страницахъ лѣтописей Космы Пражскаго, Мартина Галла и Нестора".

Второе чтеніе, д. чл. А. Д. Воронова, было посвящено изслѣдованію западныхъ извѣстій о латинскихъ миссіонерахъ на Руси въ X—XI вѣкѣ въ связи съ свидѣтельствами нашихъ лѣтописей (см. въ отдѣлѣ статей).

На нѣкоторыя свидѣтельства, принятыя референтомъ, какъ несомнѣнныя, были сдѣланы возраженія дѣйств. чл. Ѳ. Я. Фортинскимъ. Недовѣряя между прочимъ путешествію Адальберта на Русь, г. Фортинскій вообще относился съ особенною осторожностью къ собственнымъ именамъ у хроникеровъ. Г. Фортинскій высказалъ также сомнѣніе о буллѣ папы Іоанна XIII и другое—о личности епископа Колобрежскаго.

3-е частное засѣданіе состоялось 11-го марта.

Прежде всего выслушаны были заявленія дѣйств. члена П. А. Лашкарева о двухъ кіевскихъ древнихъ постройкахъ. „Какъ-бы ни были малочислены—говорилъ референтъ—памятники кіевской древности, ихъ первостепенное значеніе въ области русской археологіи не требуетъ поясненій. Какъ-бы ни были они затѣмъ испорчены временемъ, разрушающею и даже возстановляющею рукою человѣка—и то немногое, что уцѣлѣло въ своемъ первоначальномъ видѣ, имѣетъ высокую важность, потому что представляетъ собою первое звено въ той цѣпи памятниковъ, которая, начавшись отъ Кіева, протянулась далеко по

областямъ русской земли. Но все-ли, дѣйствительно сохранившееся отъ древняго періода, занесено въ частныя и общія изслѣдованія о кіевскихъ древностяхъ, добрый починъ которыхъ принадлежитъ митрополиту Евгенію? Мнѣ кажется нѣтъ". Тутъ референтъ перешелъ къ Предтеченской церкви, пристроенной къ великой лаврской церкви. Онъ полагаетъ, что эта церковь и есть именно та, о которой упоминается въ патерикѣ, въ сказаніи объ Іоаннѣ и Сергіѣ: „Захарія (сынъ Ивана) все вдасть игумену Ивану, да строитъ якоже хощетъ... Симъ же сребромъ и златомъ (2000 гривенъ серебра и 200 грив. золота) поставлена бысть церквы свят. Іоанна Предтечи, у ту-же на полати въсходятъ".

Въ настоящемъ своемъ видѣ эта маленькая до миніатюрности церковь, построенная по древнему, строго-византійскому плану, съ квадратною площадью, съ четырьмя столбами въ центрѣ, съ тремя абсидами къ востоку, не можетъ не поразить своею необычною формою.

Строго ученый характеръ изслѣдованія этой церкви и особенность кладки наружной стѣны ея, все говоритъ за то, что она уцѣлѣла во много разъ перестроившемся зданіи. Послѣ того П. А. Лашкаревъ представилъ признаки древности Троицко-Кирилловской церкви, построенной великимъ княземъ Всеволодомъ Ольговичемъ, княжившимъ въ Кіевѣ, въ 1138—1146 г.

Разбирая въ подробности архитектурныя части этой церкви, референтъ признастъ ихъ несомнѣнную древность, что не мѣшаетъ ему видѣть части позднѣйшаго времени, какъ напримѣръ фонари и купола. Планъ, пилястры, кладка церкви, и наконецъ фрески и правописаніе, уцѣлѣвшее кое-гдѣ—на стѣнахъ, все это говоритъ за древность XII-го вѣка. Фрески эти, какъ извѣстно, забѣлены и ожидаютъ реставраціи [1]).

Затѣмъ слѣдовало чтеніе д. чл. Ф. А. Терновскаго—о лѣтописи Георгія Амартола. Референтъ передалъ содержаніе хроники, привелъ характеристичныя мѣста изъ нея и въ концѣ перешелъ къ сравненію первыхъ страницъ Амартола съ Несторомъ. Послѣдній свободно пользовался Амартоломъ, котораго изучилъ. Это чтеніе продолжалось и въ засѣданіи 28 марта.

Авторъ указалъ на всѣ заимствованія Нестора у Амартола и отмѣтилъ разницу во взглядѣ на книжное ученіе у обоихъ лѣтописателей.

---

[1]) Подробное сообщеніе въ Трудахъ Кіев. Археол. съѣзда, т. I.

Въ то время какъ представитель новопросвѣщеннаго русскаго народа умиляется передъ пользой книжнаго ученія, византійскій писатель указываетъ на вредъ, происходящій отъ книжнаго ученія, а именно на ересь и лжеученіе. Вслѣдъ за г. Терновскимъ, о. протоіерей П. Г. Лебединцевъ сдѣлалъ слѣдующее заявленіе объ имѣющихся въ Петербургѣ примѣчательныхъ планахъ г. Кіева, составленныхъ въ минувшемъ столѣтіи:

I. Въ архивѣ военно-топографическаго депо при главномъ штабѣ,— по общему каталогу подъ № 35,024, планъ 1706 года 1 листъ. Рукопись доставлена г-жею Криднеръ и озаглавлена такъ: *Городъ Кіевъ съ укрѣпленіями и ретраншементами, по проэкту генерала Галларта.*

II. Въ архивѣ главнаго военно-инженернаго управленія:

1) Планъ 1728 года іюня 24 дня, черченный съ имѣющагося въ военной коллегіи чертежа и освидѣтельствованный генералъ-маіоромъ Штокомъ, 1 листъ.

2) Планъ 1731 года № $^{79}/_{5}$.

3) „ 1740 „

4) Планъ 1745 года, составленный при кіевской инженерной командѣ въ обширномъ объемѣ, имѣющій около 7 аршинъ длины и столькоже ширины, съ означеніемъ на немъ не только мѣстности укрѣпленій и дорогъ, но и всѣхъ болѣе или менѣе примѣчательныхъ зданій, загородныхъ домовъ, Днѣпра и Черторыя съ подробными промѣрами той и другой рѣки.

Кромѣ того въ военно-топографическомъ депо были, но исключены: 1) планъ строющейся въ Кіевѣ Андреевской церкви 1 л. 1 саж. въ 1 д. 2) планъ находящемуся въ Кіевѣ Печерской лавры загородному каменному дому (бывш. 1-я гимназія, а нынѣ женское духовное училище въ Липкахъ), рукопись, подаренная Курбановымъ, и 3) планы дворца Императорскаго и другихъ казенныхъ зданій въ Кіевѣ, составленные Меленскимъ.

Изъ военно-топографическаго депо сданы въ Императорскую публичную библіотеку: 1) планъ пещерамъ Кіево-печерской лавры, 1744 г.; 2) планы тѣхъ же пещеръ 1752 г.; 3) планъ Кіево-печерской лавры съ означеніемъ на оной частей 1793 г. Изъ того же депо переданъ въ Императорскую академію художествъ планъ Десятинной церкви, воздвигнутой св. Владиміромъ, подписанный митрополитомъ Евгеніемъ.

Копіи съ двухъ древнѣйшихъ изъ вышеозначенныхъ плановъ г. Кіева, именно плановъ 1706 и 1728 г., снятыя протоіереемъ Лебединцевымъ въ бытность его по службѣ въ Петербургѣ, предъявлены въ томъ же засѣданіи съ объясненіемъ ихъ особенностей, касающихся исторіи Кіева. Любопытно было видѣть на этихъ планахъ, что въ 1706 г., Крещатикъ и Липки еще состояли изъ пашенъ монастырскихъ; со Стараго Кіева на Подолъ еще существовала дорога по Боричеву взвозу; у Христорождественской церкви былъ небольшой, до 75 саж. длины, заливъ Днѣпра, между материкомъ Подола и мысомъ нынѣшняго набережнаго шоссе; Подолъ отдѣлялся отъ Оболонья ручьемъ, отъ 10 до 16 саж. широты, который съ Кожемякъ. отъ Крестовоздвиженской церкви, направлялся черезъ площадь нынѣшняго Житнаго базара подъ Щековицею и потомъ близъ юрковицкаго моста по Оболонью, съ сѣверной стороны Подола, за большимъ ретраншементомъ до впаденія въ Днѣпръ канавы, раздѣляющей нынѣ Подолъ на Подольскую и Плоскую части. Для г. Кіева и X округа путей сообщенія преимущественно можетъ быть интересенъ планъ Кіева 1745 года съ промѣрами днѣпровскаго фарватера у Подола. Изъ того же плана видно, что на протяженіи отъ Ильинской церкви до впаденія Почайны въ Днѣпръ, было до 31 мельницы, прикрѣпленныхъ къ паромамъ, близъ праваго берега, и что теченіе Днѣпра здѣсь имѣло отъ 80 до 90 саж. въ минуту. Для защиты Подола отъ напора днѣпровскаго теченія, послѣ 1745 года, прорытъ материкъ, отдѣлявшій Днѣпръ отъ р. Черторыя, и теперь съ трудомъ проходятъ плоты къ Оболонью, гдѣ быстро работали колеса мельницъ.

Сравненіе двухъ плановъ 1706 и 1745 гг. указываетъ на быстрое измѣненіе города и его соединительныхъ путей въ краткій періодъ времени. На планѣ 1745 г. отмѣчены валы и ворота, коихъ слѣдовъ уже не существуетъ.

Въ заключеніе д. членъ В. Б. Антоновичъ, читалъ свою замѣтку о мѣстоположеніи древняго Звенигорода. На основаніи лѣтописи и собственныхъ топографическихъ наблюденій референтъ полагаетъ, что древній Звенигородъ находился въ 15 верстахъ отъ Кіева, невдалекѣ отъ Перепетова кургана, гдѣ нынѣ видны остатки городища. Г. Антоновичу возражалъ прот. П. Г. Лебединцевъ, не допускающій, чтобы древній путь изъ Кіева въ Василевъ, шедшій черезъ Звенигородъ, могъ идти по направленію къ указанному референтомъ мѣсту, такъ какъ изрытая оврагами

и неудобная мѣстность не могла быть избранною для пути въ Василевъ, куда проѣхать прямѣе, проще и удобнѣе, не поворачивая къ означенному городищу.

Въ этомъ же засѣданіи слушали доложенное дѣйств. членомъ о. П. Г. Лебединцевымъ привѣтствіе Обществу Нестора лѣтописца отъ члена археографической коммиссіи въ С.-Петербургѣ Павла Ивановича Савваитова при присылкѣ имъ въ даръ Обществу вновь изданной имъ книги: „Путешествіе новгородскаго архіепископа Антонія въ Царьградъ, въ концѣ XII-го столѣтія". Опредѣлили: благодарить почтеннаго ученаго отъ имени общества за привѣтствіе и экземпляръ его трудовъ. Слушали предложеніе учителя 1-й кіевской гимназіи П. С. Иващенка: не угодно-ли будетъ Обществу принять отъ него въ даръ книгу: Statut wielkiego xięstwa Litewskiego w Krakowie w roku 1588. Согласно съ отзывомъ В. Б. Антоновича положили: принять книгу съ благодарностью и извѣстить о семъ г. Иващенка.

Въ засѣданіи Общества 29 апрѣля дѣйст. членъ Ѳ. Я. Фортинскій сдѣлалъ сообщеніе о походахъ Болеслава Польскаго на Кіевъ по хроникѣ Титмара. Референтъ прочелъ и критически разобралъ нѣсколько выдержекъ изъ Титмара, гдѣ ведется рѣчь объ отношеніи Болеслава къ Руси. Результатомъ критическаго анализа былъ тотъ выводъ, что Титмаръ, хотя писатель современный и любившій точность, тѣмъ не менѣе въ разсказѣ объ отношеніяхъ Болеслава къ Руси руководился преувеличенными и невѣрными слухами, а потому и сообщалъ извѣстія сбивчивыя и несправедливыя. Таковы напр. его извѣстія о времени брака Святополка, о характерѣ Владиміра и отношеніи его къ грекамъ, о богатствѣ и обширности Кіева и т. д.

Д. членъ И. П. Хрущовъ читалъ сообщеніе о памятникахъ, прославившихъ Куликовскую битву (см. въ отдѣлѣ статей).

Въ концѣ засѣданія членъ Общества Ф. А. Терновскій сдѣлалъ сообщеніе о вышедшихъ въ послѣднее время въ Кіевѣ двухъ книгахъ по исторіи православнаго Востока. Одна изъ нихъ—докторская диссертація члена-учредителя и вице-президента общества И. И. Малышевскаго *объ александрійскомъ патріархѣ Мелетіѣ Пигасѣ*. Подъ этимъ скромнымъ заглавіемъ содержится полный очеркъ—малоизвѣстной въ русской наукѣ—исторіи православнаго Востока въ XVII вѣкѣ. Другая книга, изданная самимъ г. Терновскимъ—представляетъ въ себѣ сборникъ *актовъ русскаго монастыря на Аѳонѣ* (греческихъ, славянскихъ

и молдавскихъ), сообщающій много данныхъ по исторіи юридическихъ обычаевъ Святой горы.

Собраніе членовъ Общества 20 мая было посвящено слушанію пришедшаго на богомолье изъ Олонецкой губерніи пѣвца старинныхъ былинъ крестьянина Василія Петр. Щеголенкова, пересказывавшаго былины объ Ильѣ Муромцѣ, Дюкѣ Степановичѣ и о голубиной книгѣ, съ значительными варіантами противъ печатныхъ изданій былинъ.

Въ 7-мъ частномъ засѣданіи, состоявшемся 16-го сентября д. членъ В. Б. Антоновичъ сообщилъ подробности о найденномъ въ Черниговѣ г. Самоквасовымъ кладѣ, при сожженныхъ погребальнымъ обычаемъ остаткахъ знатнаго человѣка.

Въ засѣданіи 7-го октября д. членъ Н. И. Петровъ сообщилъ найденное имъ въ архивѣ Кіевской духовной академіи заявленіе межигорскаго игумена Ѳеодосія Васьковскаго о положеніи кіевскихъ мѣщанъ до войны Хмельницкаго; документъ писанъ 10 декабря 1699 года. Игуменъ этотъ, какъ пишетъ онъ самъ въ заявленіи, прожилъ въ Кіевѣ цѣлые шестьдесятъ четыре года и прежде своего игуменства воспитывалъ дѣтей пана Бочковскаго въ воеводство Тышкевича. Старожилъ игуменъ распространяется о томъ, что ремесленники кіевскіе *належали до замку* кіевскаго и не имѣли права пользованія городскою землею и сѣнокосами, а если и пользовались ими, то платили за это подати ксендзамъ доминиканамъ и бернардинамъ. Послѣдніе сверхъ того брали и другія подати съ городскихъ обывателей. Игумену межигорскому, какъ видно, хотѣлось и своему монастырю доставить тѣ преимущества, какими пользовались до Хмельницкаго католическіе монахи (см. въ приложеніи).

Вслѣдъ за тѣмъ Н. И. Петровъ заявилъ о найденномъ имъ Сборникѣ, состоящемъ изъ переводныхъ статей, заимствованныхъ изъ греческихъ патериковъ, гдѣ между прочимъ находятся вопросы Антіоха къ Аѳанасію Великому. Въ статьяхъ сборника встрѣчаются любопытныя поэтическія представленія о загробной жизни.

28 октября, состоялось третье общее засѣданіе членовъ Общества, въ присутствіи постороннихъ лицъ. На этомъ засѣданіи д. членъ В. В. Андреевъ прочелъ очеркъ: „Границы историческаго міра, государствъ и городовъ въ ихъ послѣдовательномъ развитіи“ [1]).

---

[1]) Напеч. въ Универ. Изв. 1874 г. № 4.

Второе сообщеніе было сдѣлано И. П. Хрущовымъ и состояло изъ разсказа о свайныхъ постройкахъ въ Швейцаріи, съ которыми авторъ ознакомился на мѣстѣ.

Засѣданіе 11 ноября посвящено было чтенію д. члена Н. П. Задерацкаго о славянскомъ праздникѣ Мораны (зимы, смерти). Авторъ прослѣдилъ этотъ праздникъ у индійцевъ, нѣмцевъ, французовъ и англичанъ, у древнихъ и новыхъ грековъ, римлянъ и пр. и остановился на подробностяхъ въ совершеніи его у лужичанъ, поляковъ, чеховъ, моравянъ, у нѣкоторыхъ юго-славянъ, и сдѣлалъ нѣкоторые выводы; изъ нихъ главнѣйшій тотъ, что въ праздникѣ этомъ выразился нераздѣльный культъ огня и воды, и что значеніе его исключительно языческое, а не христіанское. Авторъ остановился затѣмъ на противоположной Моранѣ богинѣ Живѣ и отнесъ ее къ остроумнымъ, но неосновательнымъ изобрѣтеніямъ фантазіи славянскихъ миѳологовъ.

Въ этомъ, послѣднемъ засѣданіи 1873 года Общество Нестора, по соглашенію съ членами-учредителями предполагавшагося историческаго общества при Университетѣ св. Владиміра, постановило заявить Совѣту Университета о желаніи обоихъ обществъ составить одно историческое Общество при Университетѣ, каковое ходатайство, на основаніи представленія Совѣта, было утверждено г. Министромъ народнаго просвѣщенія, въ мартѣ 1874 года.

Засѣданія Общества въ первой половинѣ 1874 года (15 января, 3 февраля, 10 апрѣля, 29 апрѣля и 20 мая) были посвящены отчасти продолженію прежнихъ чтеній (Ф. А. Терновскаго о византійскихъ хронографахъ, Н. П. Задерацкаго по славянской миѳологіи), отчасти новымъ чтеніямъ (сообщенія Н. И. Петрова о рукописяхъ церковно-археологическаго музея при Кіевской Д. академіи, Ф. А. Терновскаго о транезѣ, поставляемой Роду и Рожаницамъ), а также обсужденію вопросовъ, касавшихся необходимыхъ приготовленій къ археологическому съѣзду въ Кіевѣ, для котораго Общество служило посредникомъ съ лицами и другими учеными обществами, принимавшими участіе въ съѣздѣ.

27-го октября 1874 года возобновились очередныя засѣданія Общества Нестора лѣтописца. Первое засѣданіе, 27-го октября, въ день

пр. Нестора, было общее и происходило въ присутствіи постороннихъ лицъ.

Секретарь Общества прочелъ составленный имъ отчетъ о дѣйствіяхъ Общества и о дѣятельности его членовъ за 1873 годъ и первую половину 1874 года [1]).

Въ томъ же засѣданіи В. С. Иконниковъ прочелъ свое изслѣдованіе: „Князь М. В. Скопинъ-Шуйскій“ (см. въ отдѣлѣ статей).

Слѣдующее засѣданіе происходило 21 ноября.

Д. членъ И. П. Хрущовъ, сдѣлалъ заявленіе о разсмотрѣнномъ имъ Евангеліи музея Кіевской духовной академіи. Евангеліе это—апракосъ, писано на пергаментѣ, въ два столбца, съ узорными заглавными буквами, прекраснымъ полууставомъ. По внѣшности его можно отнести къ XIV—XV вѣку. Сравнивая текстъ его съ Остромировымъ, замѣтны только нѣкоторыя уклоненія, говорящія за русскую народность редакціи. Синтаксисъ въ особенности упрощенъ и не подражаетъ греческому. Попадается нѣсколько терминовъ греческихъ, переведенныхъ въ Остромировомъ текстѣ. Ѫ нѣтъ въ Евангеліи. Орѳографія въ употребленіи гласныхъ рѣзко отличается отъ Остромировой.

Д. членъ Н. И. Петровъ прочелъ о двухъ эпитафіяхъ князьямъ Острожскимъ Константину Ивановичу и Константину Константиновичу, найденныхъ въ рукописномъ сборникѣ Кіево-Софійской библіотеки, подъ № 362, между стихотворными эпиграммами кіевскихъ ученыхъ XVII вѣка. Одна изъ нихъ касается года смерти кн. Константина Ивановича (см. въ отдѣлѣ статей) [2]).

Тотъ-же членъ сдѣлалъ заявленіе объ отмѣченныхъ имъ запискахъ, свидѣтельствующихъ о болгарскомъ происхожденіи Пролога, наиболѣе распространеннаго на Руси. Референтъ указалъ также на славянскій характеръ суевѣрій и обычаевъ крещенскихъ, осужденныхъ Прологомъ подъ 5 числомъ января.

Д. членъ А. В. Розовъ прочелъ отчетъ о своемъ пребываніи, прошлымъ лѣтомъ, въ Сосницкомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи, гдѣ ему удалось изслѣдовать пустынную мѣстность, образуемую колѣномъ р. Десны. Мѣстность эта низменная, малоплодная, лѣсистая, была, по мнѣнію референта, населена кочевыми племенами, что̀ подтверждаютъ

[1]) Отчетъ напечатанъ въ Университетскихъ Извѣстій 1875 года, № 4.

[2]) Замѣчанія на эту послѣднюю, на основаніи актовъ, сдѣланы были С. Т. Голубевымъ въ Труд. Кіев. ак. 1877 г., № 10.

и нѣкоторыя названія мѣстностей тюркскаго происхожденія: Гамакъ, Батурка, Дрис-тава.

Напавъ на обычный стародавній путь между Черниговомъ и Новгородомъ-Сѣверскимъ, изслѣдователь указалъ на группы кургановъ, охранявшихъ вмѣстѣ съ городищами этотъ путь. Нѣкоторыя славянскія названія болотъ и селеній въ мѣстности по р. Менѣ указываютъ на древне-славянскую селитьбу по плоской возвышенности, къ сѣверу отъ р. Десны, какъ напр. Турово болото, Мокомино и др.

Мѣстность, изслѣдованная г. Розовымъ, находится на рубежѣ Черниговской земли и Полѣсья, на пути изъ земли Вятичей къ Сѣверянамъ.

Въ концѣ засѣданія секретарь Общества И. П. Хрущовъ предложилъ начать изданіе Листка Общества Нестора лѣтописца, въ которомъ печатать протоколы, извлеченія изъ сообщеній и небольшія сообщенія, краткія библіографическія извѣстія, вопросы, возбуждаемые спеціалистами, извѣстія объ археологическихъ находкахъ. Листокъ въ объемѣ одного или $1^1/_2$ печ. листа могъ-бы выходить ежемѣсячно.

На такое предложеніе всѣ присутствующіе члены отозвались съ сочувствіемъ и положили издавать Листокъ, но лишь тогда, когда найдутся для этого денежныя средства.

Въ засѣданіи 8 декабря чтеніе принадлежало д. члену П. Г. Лебединцеву и составляло продолженіе сообщенія, читаннаго на послѣднемъ археологическомъ съѣздѣ, о древностяхъ Софійскаго храма въ Кіевѣ.

Референтъ въ своемъ чтеніи доказывалъ, что въ древности не существовало предъалтарныхъ иконостасовъ и все, что нынѣ изображается на оныхъ, изображалось на запрестольной стѣнѣ алтаря, такъ что иконостасъ явился сперва повтореніемъ, а потомъ замѣной запрестольныхъ изображеній. Въ Софійскомъ храмѣ сохранились въ алтарѣ всѣ тѣ изображенія, какія встрѣчаются на иконостасахъ. Въ нашихъ лѣтописяхъ до XVI вѣка не упоминается объ иконостасахъ. Указавъ на отличіе алтарной преграды отъ иконостаса, референтъ обратилъ вниманіе на письменныя свидѣтельства о преградахъ и вещественные ихъ остатки. Относя первое устройство иконостаса въ Софійскомъ храмѣ ко времени Петра Могилы, референтъ указалъ на части могилянскаго иконостаса, уцѣлѣвшія въ придѣлахъ и на хорахъ. Послѣдняя часть

чтенія посвящена была описанію алтарныхъ преградъ въ трехъ церквахъ Бердичевскаго уѣзда. Преграды эти были сдѣланы во Львовѣ.

Д. членъ П. А. Лашкаревъ предложилъ свое замѣчаніе о происхожденіи иконостаса отъ преграды запрестольной.

Послѣ этого чтенія послѣдовало чтеніе д. члена А. В. Романовича-Славатинскаго: „объ ученыхъ заслугахъ покойнаго Н. Д. Иванишева“ [1]).

---

8 января 1875 года состоялось общее засѣданіе. Д. членъ А. Ѳ. Кистяковскій читалъ сообщеніе: „Историческій очеркъ смертной казни въ Россіи“ (см. въ отдѣлѣ статей).

Слѣдующее частное засѣданіе происходило 19 января.

Предсѣдатель Общества В. С. Иконниковъ заявилъ о важности и пользѣ справочнаго историческаго словаря. Въ составъ полнаго справочнаго словаря должны войти: а) личныя имена, б) названія географическія и в) предметные термины. Но, въ видахъ настоятельной потребности, на первыхъ порахъ, достаточно бы было ограничиться составленіемъ словаря предметныхъ терминовъ. По выслушаніи вышеизложеннаго предложенія, постановлено было составить коммиссію, подъ предсѣдательствомъ В. С. Иконникова, изъ гг. членовъ Малышевскаго, Воронова, Терновскаго, Задерацкаго и Тумасова, для приготовленія къ ближайшему засѣданію доклада о способахъ приведенія въ исполненіе вышеизложеннаго предложенія.

Послѣ того д. членъ С. Т. Голубевъ прочелъ сообщеніе: „Біографическія свѣдѣнія о Петрѣ Могилѣ, до посвященія его въ санъ кіевопечерскаго архимандрита“ (см. въ отдѣлѣ статей).

Въ частномъ засѣданіи, происходившемъ 9-го февраля, выслушано было заявленіе г. библіотекаря при Варшавскомъ университетѣ г. Микуцкаго съ просьбою собирать имена рѣкъ и населенныхъ мѣстъ въ юго-западномъ краѣ. Опредѣлили: принять къ свѣдѣнію и обсудить въ означенной выше коммиссіи.

По случаю празднованія десятилѣтія Московскаго Археологическаго Общества, Общество Нестора лѣтописца постановило послать вышеупомянутому Обществу поздравительный адрессъ и тутъ-же пред-

---

[1]) Напеч. въ Древ. и Нов. Рос. 1876 г.

ложило избрать въ почетные члены предсѣдателя Московскаго Археологическаго Общества, графа Алексѣя Сергѣевича Уварова, который и былъ единогласно избранъ.

Д. членъ В. И. Модестовъ сдѣлалъ сообщеніе о надписяхъ на ольвійскихъ камняхъ, принадлежащихъ университету Св. Владиміра. Одинъ изъ этихъ камней былъ изслѣдованъ Кёлеромъ, видѣвшимъ его въ Тульчинѣ, и надпись была издана. Надписи на другихъ двухъ камняхъ прочтены референтомъ. Изъ нихъ видно, что надписи, какъ и самые камни, имѣли посвятительное (вотивное) значеніе [1]).

Д. членъ П. П. Розановъ представилъ вниманію Общества собранныя имъ мѣстныя преданія о Куликовской битвѣ въ Дмитріевскомъ монастырѣ, находящемся въ 40 верстахъ отъ мѣста побоища. Преданія эти сосредоточиваются около Дмитрія Донскаго и Пересвѣта (см. въ отдѣлѣ статей).

Въ заключеніе Общество слушало докладъ коммиссіи по составленію историческаго словаря, причемъ распредѣлены были занятія между гг. членами, изъявившими согласіе принять на себя этотъ трудъ.

26 февраля д. чл. А. Д. Вороновъ сообщилъ „о распространеніи христіанства среди Лужичанъ“, а д. чл. А. В. Розовъ „о происхожденіи названія г. Кіева“.

2-го апрѣля 1875 года состоялось общее засѣданіе. И. И. Малышевскій предложилъ чтеніе „о князьяхъ и княгиняхъ Олельковичахъ“.

Объяснивъ происхожденіе Олельковичей, родство ихъ съ московскимъ велико-княжескимъ домомъ, онъ остановился на дѣятельности Семена Олельковича, какъ представителя и поборника православія въ эпоху раздѣленія церквей, наконецъ перешелъ къ повѣствованію о судьбѣ дѣтей князя Семена и племянниковъ его, князей Слуцкихъ и Копыльскихъ.

Остановившись далѣе на личности княгини Анастасіи, жены Семена Михайловича Слуцкаго, отстаивавшей права сына своего, авторъ перешелъ, по поводу родства князей Олельковичей съ Острожскими, къ судьбѣ Гальки-Елисаветы княжны Острожской, богатой невѣсты, представительницы православной партіи, мать которой была строгая католичка; жена Олельковича и польскаго графа Гурка, Галька была жертвою интригъ партій и деспотизма своей матери. Чтеніе окончилось описаніемъ дальнѣйшей судьбы Олельковичей-Слуцкихъ.

---

[1]) Сообщеніе это съ рисунками помѣщено въ Унив. Изв. 1875 г., № 6.

Секретаремъ Общества доложено было благодарственное письмо отъ Москов. Археологическаго Общества къ Обществу Нестора, въ отвѣтъ на привѣтствіе, посланное изъ Кіева, по случаю исполнившагося десятилѣтія Моск. Арх. Общества.

Въ Кіевское историческое Общество Нестора лѣтописца.

Нравственно-ученая связь между Кіевомъ и Московскимъ Археологическимъ Обществомъ, существовавшая и до 3-го Археологическаго съѣзда, еще болѣе оживилась и укрѣпилась во время этого съѣзда, ближе ознакомившаго Общество съ тѣми учено-археологическими силами, какими владѣетъ Кіевъ. Силы эти сосредоточиваются главнымъ образомъ въ Кіевскомъ историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца, которое приняло самое дѣятельное участіе въ осуществленіи мысли объ устройствѣ 3-го съѣзда въ Кіевѣ и при немъ археологической выставки. Въ виду этого, Моск. Археол. Общество, съ чувствомъ живѣйшаго удовольствія и признательности, выслушало задушевный теплый привѣтъ, коимъ Кіевское ист. Общество Нестора лѣтописца почтило день исполнившагося десятилѣтія со времени его основанія. При семъ Общество покорнѣйше проситъ о благосклонномъ принятіи препровождаемаго при семъ перваго выпуска особаго изданія, предпринятаго имъ на память своего перваго десятилѣтія.

Предсѣдатель графъ **Уваровъ**.
Секретарь **В. Румянцевъ**.

Въ Кіевское историческое Общество Нестора лѣтописца.

Отъ высокоуважаемаго Кіевскаго историческаго Общества Нестора лѣтописца я имѣлъ честь получить увѣдомленіе объ избраніи меня въ почетные члены.

Приношу глубочайшую признательность всѣмъ членамъ К. ист. Общества за оказанную мнѣ честь, и считаю долгомъ еще разъ искреннѣйше благодарить ихъ за то живое и дѣятельное участіе, которое они принимали въ 3-мъ Археологическомъ съѣздѣ, имѣвшемъ столь важное значеніе для успѣховъ отечественной археологіи.

Гр. Уваровъ.

Марта 6 дня 1875 г.

Въ засѣданіи 9 мая д. чл. Ф. А. Терновскій представилъ „историческій очеркъ русскихъ суевѣрій“.

Сначала референтъ изложилъ черты языческихъ суевѣрій, затѣмъ указалъ остатки ихъ въ современныхъ народныхъ понятіяхъ, обычаяхъ и пословицахъ; далѣе онъ перешелъ къ исторіи суевѣрій, которыя, составляли долгое время принадлежность всего общества, потомъ постепенно становились достояніемъ одного народа. Въ заключеніе референтъ обратился къ исторіи законодательства, указавъ при этомъ, что до Петра В. оно преслѣдовало волшебство и соединенныя съ нимъ суевѣрія какъ опасныя средства, а со времени Петра В. стало смотрѣть на нихъ какъ на вредныя понятія. Въ этомъ отдѣлѣ своего чтенія референтъ обратилъ вниманіе на отношеніе къ подобнымъ же явленіямъ законодательства западной Европы.

Частныя замѣчанія касались вопросовъ—существовало-ли у русскихъ славянъ въ языческій періодъ сословіе жрецовъ? и видна-ли въ постановленіяхъ Петра о суевѣріяхъ мысль, что нѣкоторыя изъ нихъ могутъ быть объяснены болѣзненнымъ настроеніемъ, или его постановленія были только репрессивными мѣрами?

18 сентября 1875 г. происходило частное засѣданіе, въ которомъ И. И. Малышевскій сдѣлалъ сообщеніе о вновь открытомъ документѣ относительно фундаторши Кіево-богоявленскаго братскаго училища, Анны Гулевичевны, а предсѣдатель В. С. Иконниковъ предъявилъ членамъ Общества старинный кубокъ московскаго періода съ изображеніемъ сивиллъ и съ подписями ихъ пророчествъ[1]), разсмотрѣнный В. Б. Антоновичемъ.

---

[1]) Первая Сивила Персика—сице рекла—сокрушенъ будетъ сотона, яко исполнися слово неведомо и родися.

Вторая Сивила Любика—сице рекла—приидетъ день свѣтлости и разгонитъ все темности за всех грѣхи на вселенную.

Третяя Сивила Деѳика—сице рекла—въ чистую дѣву Богъ вселится и въ рябий образъ Господь облечется того разумѣютъ.

Четвертая Сивила Хивика—сице рекла—будетъ дѣвица въ младыхъ летѣхъ чесна и велика и вечному похваленію достойна.

Пятая Сивила Симия—сице рекла—снидетъ на землю Богъ великий родится въ человецѣхъ отъ дѣвы чистыя всякое животно.

Шестая Сивила Димоѳила—сице рекла—благоволилъ Богъ избрати себѣ міръ отъ дѣвицъ и благовестити іи архангеломъ своимъ.

Седмая Сивила Ѳлиспонта—сице рекла—призритъ Господь Богъ с высоты своея на кроткие люди и благоволилъ есть послати.

10 октября того же года происходило частное засѣданіе. Д. ч. А. Ѳ. Кистяковскій прочелъ статью объ издаваемой имъ въ Унив. Извѣстіяхъ рукописи XVIII в.: *Права, по которымъ судится малороссійскій народъ*, а И. П. Хрущовъ прочелъ очеркъ: „Ксенія Ивановна Романова (великая старица инокиня Марѳа) [1]“, и представилъ рецензію на книгу кн. П. П. Вяземскаго: *Слово о полку Игоревѣ* [2]).

16 ноября того же года происходило частное засѣданіе, въ которомъ д. чл. В. Б. Антоновичемъ сообщено было археологическое извѣстіе о могилахъ особаго вида (кромлехахъ), найденныхъ въ усадьбѣ г. Немирича, Уманскаго уѣзда, Кіевской г., а С. Т. Голубевымъ было прочтено изслѣдованіе, подъ заглавіемъ: „Библіографическія замѣчанія о нѣкоторыхъ старопечатныхъ церковно-славянскихъ книгахъ“, между прочимъ о Θρῆνος'ѣ Мелетія Смотрицкаго [3]).

1) Археологическое извѣстіе В. Б. Антоновича состояло въ слѣдующемъ. Лѣтомъ настоящаго года, въ Уманскомъ у. Кіевской губ., на землѣ, принадлежащей м. Тальному, владѣльцемъ хутора, г. Немиричемъ, раскопаны двѣ гробницы, интересныя по окружавшей ихъ обстановкѣ. Среди обширнаго поля, съ разбросанными на немъ курганами, г. Немиричемъ замѣчено было три круга изъ крупныхъ валуновъ. Для хозяйственныхъ цѣлей г. Немиричъ задумалъ перевезти камни въ свою усадьбу. Но они оказались сидѣвшими въ землѣ на $^2/_3$ своей высоты, пришлось взрыть землю довольно глубоко, и тутъ-то обнаружились слѣды могилъ. Онѣ были на двухъаршинной глубинѣ. Скелеты лежали въ горизонтальномъ положеніи, головами къ западу. Въ одной изъ могилъ оказалось два скелета. Въ изголовьи одного изъ нихъ стоялъ сосудъ изъ красной мѣди. Въ насыпной землѣ найдены слѣды угля и болѣе 60 лошадиныхъ коренныхъ зубовъ породы дикой лошади. Въ другой гробницѣ найденъ одинъ скелетъ и около правой руки его

Шсмая Сивила Ѳрагія—сице рекла—Господь Богъ сильныя на земли низложитъ и гордыя уничтожитъ яко благоволеніе.

[1]) Древн. и Нов. Рос. 1876 г., № 12.

[2]) Сообщеніе г. Кистяковскаго вошло въ предисловіе къ означенному изданію, Унив. Изв. 1878, № 11 и 12; а рец. г. Хрущова напеч. въ Унив. Изв. 1875, № 10.

[3]) Изслѣдованіе г. Голубева напечатано въ Трудахъ Кіев. Д. ак. 1876 года, № 1.

желѣзное кресало и желѣзный ножъ безъ рукоятки. Гробницы безъ насыпи и обозначенныя кругомъ изъ валуновъ—явленіе въ южной Россіи чрезвычайно рѣдкое,—указываютъ на слѣдъ племени, временно пребывавшаго въ краѣ (бытовые остатки мѣстныхъ жителей оказываются въ многочисленныхъ курганахъ). Круги изъ камней около гробницъ извѣстны въ зап. Европѣ подъ общимъ терминомъ *кромлеховъ*.

2) Д. чл. С. Т. Голубевъ представилъ свои замѣчанія по поводу „Очерка славяно-русской библіографіи“ Я. Ѳ. Головацкаго, изданнаго въ 1874 г., какъ дополненіе къ труду В. М. Ундольскаго, содержащее книги и статьи, пропущенныя въ первомъ выпускѣ „Хронологическаго указателя славяно-русскихъ книгъ церковной печати съ 1491 по 1864 годъ“. (М. 1871). Референтъ остановился на нѣкоторыхъ недоразумѣніяхъ и неточностяхъ въ библіографическихъ показаніяхъ Я. Ѳ. Головацкаго, какъ напр. на книгѣ Θρῆνος'ѣ, то есть *Плачъ восточной церкви на отступленіе нѣкоторыхъ отъ древняго греческаго исповѣданія и отъ повиновенія патріарху константинопольскому*, М. Смотрицкаго *(1596 г.)*, а равно о книгѣ *Оборона Брестскаго русскаго собора* (1597 г.).

Въ декабрѣ того же года было общее засѣданіе, въ которомъ д. чл. П. И. Аландскій прочелъ статью: „о психическомъ процессѣ созданія моѳовъ“, а д. чл. И. П. Хрущовъ представилъ „характеристику литературной дѣятельности недавно скончавшагося графа А. К. Толстаго“.

---

25 января 1876 года происходило публичное засѣданіе Общества, въ коемъ д. чл. А. В. Романовичъ-Славатинскій представилъ „очеркъ исторіи Кіевской археографической коммиссіи и дѣятельности въ ней покойнаго Н. Д. Иванишева“ [1]).

26 февраля того же года было частное засѣданіе Общества, въ коемъ А. Д. Вороновъ прочелъ статью: „о пространномъ или такъ называемомъ паннонскомъ житіи св. Кирилла“, а затѣмъ предъявлено было сообщеніе Ѳ. Г. Мищенка: „о вновь открытой древней рукописи географіи Страбона“ [2]).

---

[1]) Записка эта вошла въ біографію Иванишева, напечатанную авторомъ въ Древ. и Нов. Россіи 1876 г. и отдѣльно.

[2]) Сообщеніе Ѳ. Г. Мищенка напечатано въ Унив. Извѣстіяхъ, а статья А. Д. Воронова въ Трудахъ Кіевской Дух. академіи.

Въ апрѣлѣ того же года происходило частное засѣданіе, въ коемъ Н. П. Задерацкій прочелъ „очеркъ жизни и литературной дѣятельности чешскаго ученаго Франца Палацкаго“ [1]).

Въ засѣданіи 26 сентября 1876 г. слушали письмо поч. члена М. В. Юзефовича, которымъ онъ предлагаетъ принять на счетъ Археограф. коммиссіи изданіе тѣхъ трудовъ Общества, которые оно признаетъ полезнымъ для отечественной науки напечатать. Опредѣлили: циркулярно извѣстить гг. членовъ, не пожелаетъ ли кто издать свое сочиненіе въ скоромъ времени и какое именно.

Слушали: предложеніе г. Управляющаго Кіевскимъ учебнымъ округомъ, отъ 21 сентября 1876 г. за № 9938, въ Совѣтъ Университета, изъ коего видно, что г. Управляющій Министерствомъ народнаго просвѣщенія, князь Ширинскій-Шихматовъ, 3-го сентября сего года, разрѣшилъ дополнить первый § Устава ист. Общества Нестора лѣт. словами: „состоитъ при Императорскомъ Университетѣ св. Владиміра“; для подкрѣпленія же ходатайства по дѣлу о назначеніи ежегоднаго пособія Обществу г. Управляющій Министерствомъ требуетъ свѣдѣній о дѣятельности Общества за время его существованія. Опредѣлили: представить необходимыя свѣдѣнія въ возможной скорости.

Д. чл. А. Ѳ. Андріяшевъ читалъ записку „о древнемъ урочищѣ Кіева—Копыревѣ концѣ.“

Въ засѣданіи Общества Нестора, происходившемъ 31 октября 1876 года, разсматривались слѣдующіе вопросы:

1) Слушали: отношеніе ректора К. д. академіи, епископа Филарета, о согласіи его принять на себя званіе почетнаго члена общества. Опредѣлили: принять къ свѣдѣнію.

2) Слушали: отношеніе предварительнаго комитета 4-го Археологическаго съѣзда, отъ 11 окт. за № 78, съ приглашеніемъ участвовать въ занятіяхъ будущаго съѣзда,—и съ приложеніемъ брошюры проф. Брикнера, заключающей въ себѣ программу изданія: „Источниковѣдѣніе русской исторіи“. Опредѣлили: увѣдомить предварительный комитетъ о согласіи Общества Нестора принять участіе въ археологическомъ съѣздѣ; брошюру же проф. Брикнера передать членамъ Общества.

---

[1]) Славян. Ежегодникъ 1877 г. Кіевъ.

3) Слушали: заявленіе Ф. А. Терновскаго объ окончаніи имъ предварительныхъ работъ для изданія славянской рукописи XII в., заключающей въ себѣ „житіе Ѳеодора Студита“,—и греческаго подлинника этого житія. Опредѣлили: имѣть въ виду при изданіи трудовъ Общества Нестора.

Въ томъ же засѣданіи д. чл. В. Б. Антоновичъ прочелъ сообщеніе „о находкахъ и раскопкахъ въ Кіевской губ. въ 1876 году“. Референтъ сообщилъ о четырехъ раскопкахъ и находкахъ въ Кіевѣ (въ усадьбѣ Багговутъ близъ Кирилловскаго, въ усадьбѣ Марръ, близъ Іорданской церкви, въ усадьбахъ Лѣскова и Чайковскаго) и о семи внѣ Кіева (въ Романовкѣ, Заливакѣ—около Смѣлы, въ Самгородкѣ, въ Китаевѣ, между Яблуновымъ и Гамарнею, между Гамарнею и Конончею, въ Каневѣ и на берегахъ Тыкича). Переходя къ общимъ выводамъ, референтъ нашелъ, что результаты раскопокъ въ предѣлахъ Кіевской губерніи могутъ быть раздѣлены на четыре группы: 1) относящіеся къ древнѣйшей эпохѣ металлическаго вѣка съ остатками каменнаго. Характеристика этой группы: отсутствіе слѣдовъ сожженія, скелеты группами; каменныя орудія, рѣдко бронзовые предметы; горшечныя издѣлія двухъ видовъ, сдѣланныя на колесѣ и безъ колеса, жерновые камни. 2) Относящіеся къ чисто бронзовой эпохѣ. Характеристика этой группы: изящныя бронзовыя издѣлія,—начало слѣдовъ погребенія посредствомъ сожженія. 3) Относящіеся къ желѣзной эпохѣ. Характеристика этой группы: сожженіе труповъ, конскія кости; множество всякаго имущества, сожигаемаго съ покойникомъ; византійскія монеты, сассанидскіе диргемы. 4) Относящіеся къ такъ называемой скиѳской эпохѣ. Характеристика этой эпохи: слѣды сожженія и погребенія вмѣстѣ; бронзовыя издѣлія, золотыя украшенія съ изображеніемъ грифоновъ; терракоты.

21 ноября 1876 года, въ засѣданіи Общества Нестора лѣтописца, д. чл. М. Ф. Владимірскій-Будановъ сдѣлалъ сообщеніе по поводу соч. Пахмана: „*Исторія кодификаціи*“: „о зависимости законодательства Московскаго государства отъ законодательства литовско-русскаго“. Пересмотрѣвъ русскую научно-юридическую литературу относительно „Уложенія царя Алексѣя Михайловича“ и остановившись съ особеннымъ вниманіемъ на сочиненіи южно-русскаго юриста XVIII в. „Согласіе книги Статута малороссійскихъ правъ съ государств. росс. Уложеніемъ“, референтъ пришелъ къ убѣжденію, что, хотя всѣмъ извѣстно, что Уло-

женіе, въ числѣ своихъ источниковъ, имѣло и Литовскій Статутъ, но обстоятельнаго сличенія обоихъ законодательныхъ памятниковъ не было произведено и потому размѣры заимствованія не обозначены съ точностію. Восполненіе этого пробѣла въ наукѣ, т. е. изложеніе результатовъ сличенія Статута и Уложенія и было содержаніемъ чтенія М. Ф. Владимірскаго-Буданова,—и въ свою очередь содѣйствовало разъясненію вопросовъ о русско-національномъ характерѣ Литовскаго Статута и о процессѣ составленія Уложенія [1]). Д. чл. И. И. Малышевскій сдѣлалъ сообщеніе по поводу новаго сочиненія проф. Е. Е. Голубинскаго: „*христіанство въ Россіи до Владиміра св.*“, помѣщ. въ 8 и 9 №№ Журн. Мин. Нар. Просв. 1876 г. Отозвавшись съ похвалою о научномъ достоинствѣ труда г. Голубинскаго, рецензентъ остановилъ вниманіе на сужденіяхъ автора: а) о значеніи имени Владиміра (potestas pacis); б) о сказаніи относительно ап. Андрея, какъ о позднѣйшей вставкѣ; в) о невозможности приписать Аскольду и Диру набѣга на Константинополь, о коемъ говоритъ патр. Фотій въ своихъ бесѣдахъ по случаю нашествія россовъ.

Въ засѣданіи 5 декабря 1876 года, обсуждались слѣдующіе вопросы:

1) Читано было отношеніе предсѣдателя Высочайше учрежденной коммиссіи для обсужденія мѣръ къ охраненію древнихъ памятниковъ, отъ 16 ноября сего года за № 10, съ просьбою прислать уполномоченнаго или заявленіе отъ Общества Нестора по предмету занятій коммиссіи. По прочтеніи означеннаго отношенія, предсѣдатель Общества, В. С. Иконниковъ, сообщилъ содержаніе уже отосланнаго имъ, въ виду краткаго срока, подробнаго отвѣта на предложенные вопросы.

2) Читано было отношеніе и. д. ректора Казанскаго университета, отъ 1 ноября сего года за № 1438, о присылкѣ депутатовъ въ предварительный комитетъ 4-го Археол. съѣзда въ Москву, къ 20 декабря сего года, и на самый съѣздъ въ Казань, въ слѣдующемъ 1877 году. Опредѣлили: просить принять на себя званіе депутатовъ отъ Общества Нестора тѣхъ членовъ Общества, которые будутъ отправлены отъ университета св. Владиміра, или отъ другихъ учрежденій, располагающихъ денежными средствами для этой командировки.

3) Читано было сообщеніе д. чл. Н. И. Петрова о неизвѣстныхъ до-

---

[1]) Напеч. въ Сборн. Госуд. Знаній т. IV.

селѣ интерлюдіяхъ къ трагедокомедіи Георгія Конисскаго, находящихся въ рукописи академич. музея № 131.

Въ воскресенье 19 декабря 1876 г., были сдѣланы слѣдующія сообщенія:

1) Пр. П. Г. Лебединцевъ прочелъ разборъ свидѣтельствъ о томъ, „какая мѣстность въ древности называлась Олеговой могилой".

2) Д. чл. А. А. Котляревскій представилъ воспоминаніе о недавно скончавшихся ученыхъ Берѣ и Эйхвальдѣ и объ ихъ трудахъ, имѣвшихъ отношеніе къ территоріи южной Руси.

Академикъ *К. М. Бэръ* (род. въ 1792 г.) окончилъ курсъ въ Дерптскомъ университетѣ по медицинскому факультету и затѣмъ былъ профессоромъ анатоміи и физіологіи въ Кенигсбергскомъ университетѣ, а потомъ дѣйствительнымъ членомъ нашей Академіи наукъ. Работы надъ ископаемыми животными привели его къ наблюденіямъ надъ естественной исторіею первобытнаго человѣка. Интересъ къ этого рода изслѣдованіямъ естественно приводилъ его къ занятіямъ этнографическимъ и археологическимъ. Конечно, его труды по этой части далеко не имѣютъ того высокаго значенія, какъ его работы въ области естественныхъ наукъ, гдѣ (какъ напр. въ эмбріологіи) онъ является геніальнымъ творцемъ, но тѣмъ не менѣе—они очень важны и по точности пріемовъ изслѣдованія, по многимъ, такъ сказать, геніальнымъ воззрѣніямъ, въ нихъ мерцающимъ, и по тому, наконецъ, что большинство этихъ трудовъ посвящено Россіи, относится къ нашей отечественной наукѣ. Цѣльный, посвященный общимъ вопросамъ, трудъ его въ этомъ направленіи носитъ названіе: „*Человѣкъ въ естественно-историческомъ отношеніи*" (Спб. 1851 г.), какъ введеніе въ книгѣ Симашка. Классификація племенъ по его мысли не можетъ быть построена исключительно на зоологическихъ признакахъ, во вниманіе должны быть приняты и признаки лингвистическіе, ибо тогда всего лучше можно понять, на какой степени развитія стоитъ каждый народъ, сравнительно съ другимъ; но такъ какъ наука о языкѣ находится еще въ юности, то Бэръ, раздѣляя родъ человѣческій на группы, принимаетъ въ соображеніе какъ тѣлесное, такъ и духовное и общественное развитіе народовъ.... Книга была не только лучшимъ въ свое время компендіумомъ этнографіи, но едва ли во многомъ превзойдена и послѣдними трудами на этомъ полѣ—Пешеля и Фрид. Миллера. Почти всѣ свои мелкіе антропологическіе, этнографи-

ческіе и археологическіе труды Бэръ помѣщалъ въ изданіяхъ нашей Академіи наукъ, которой безраздѣльно принадлежитъ его дѣятельность съ начала 30-хъ годовъ. Въ антропологіи Бэръ признавалъ высокую важность краніологическихъ изслѣдованій; нѣсколько мемуаровъ его (напр. „*Crania selecta*“, „*О черепахъ ретійскихъ Романцевъ*“, „*О черепахъ вендскихъ*“, „*О собраніи череповъ, принадлежащихъ Академіи наукъ*“, „*О макрокефалахъ Крыма и Австріи*“ и т. д.) посвящены этому предмету. Всегда осторожный въ выводахъ, Бэръ рѣдко рѣшался опредѣлять, какому племени принадлежитъ тотъ или другой черепъ, и довольствовался лишь тѣмъ, что опредѣлялъ, какому племени извѣстный черепъ *не могъ* принадлежать, т. е. приходилъ къ выводу отрицательному. Онъ даже считалъ, что наука въ настоящее время не можетъ дать иного положительнаго результата. Эта осторожность въ выводахъ могла бы и въ настоящее время служить добрымъ урокомъ для тѣхъ антропологовъ, которые торопятся изъ нѣсколькихъ краніометрическихъ измѣреній дѣлать обширные историческіе выводы.... Рядомъ съ антропологическими, у Бэра шли занятія археологическія. По его иниціативѣ, Академія наукъ пріобрѣла у извѣстнаго датскаго археолога Ворсо остававшіеся рисунки „*Музея сѣверныхъ древностей въ Копенгагенѣ*“ и издала ихъ съ русскимъ предисловіемъ того же Бэра въ свѣтъ. Въ то же время Бэръ составилъ проектъ археолого-этнографической экспедиціи въ Россіи, отъ которой онъ ждалъ такихъ богатыхъ результатовъ, какъ для поясненія древнѣйшаго состоянія человѣчества, такъ и въ особенности для того періода исторіи русской земли, о которомъ молчатъ другіе памятники.... Съ цѣлью показать важность антропологоархеологическихъ изслѣдованій, Бэромъ написаны два небольшіе мемуара: одинъ—„*О древнѣйшихъ обитателяхъ Европы*“; другой—„*О древнѣйшемъ состояніи человѣка въ Европѣ*“. Мемуары эти другъ друга взаимно пополняютъ и вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ доселѣ лучшимъ популярнымъ изложеніемъ предмета; лучшимъ уже и потому, что въ нихъ принятъ во вниманіе богатый матеріалъ, доставляемый русской землей.... Еще болѣе, чѣмъ археологомъ, Бэръ былъ этнографомъ; самъ онъ совершилъ нѣсколько путешествій (въ Новую землю, на крайній сѣверъ, на Каспій); важныя предпріятія путешествій Миддендорфа, Кастрена, венгра Регули состоялись по предложенію и при всякаго рода поддержкахъ со стороны нашего ученаго. Въ отношеніи географіи и этнографіи имя Бэра пользуется вполнѣ заслуженнымъ почетомъ: вмѣстѣ

съ акад. Гельмерсеномъ имъ издано 26 томовъ *Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reichs*, гдѣ помѣщено множество этнографическихъ статей его, между прочимъ: „*О заслугахъ Петра В. по части распространенія географическихъ познаній*“, „*О первобытномъ безлѣсіи южнорусскихъ степей*“, „*О развалинахъ Маджара*“ и т. д.... Свои понятія „*о вліяніи внѣшней природы на соціальныя отношенія отдѣльныхъ народовъ и исторію человѣчества*“ Бэръ изложилъ въ отдѣльномъ мемуарѣ подъ тѣмъ же заглавіемъ. Выводъ, къ которому онъ приходитъ, слѣдующій: „Судьба народа опредѣляется напередъ и какъ-бы неизбѣжно природою занимаемой имъ мѣстности. Когда земная ось получала свое наклоненіе, вода отдѣлилась отъ суши, поднялись хребты горъ и подѣлили другъ отъ друга страны,—судьба человѣческаго рода была опредѣлена уже напередъ, и всемірная исторія есть ничто иное, какъ осуществленіе этой предопредѣленной участи“. Едва ли съ такимъ выводомъ можетъ согласиться историкъ, допускающій извѣстную долю свободы въ движеніяхъ человѣческаго духа, но тѣмъ не менѣе самый мемуаръ Бэра отъ этого не теряетъ своего первенствующаго значенія; по крайней мѣрѣ, во всей европейской литературѣ нельзя указать сочиненія, которое въ столь небольшомъ объемѣ соединяло бы такое богатство геніальныхъ мыслей и соображеній. Послѣднее время своей жизни Бэръ былъ занятъ рядомъ новыхъ историко-этнографическихъ вопросовъ, которые и попытался изслѣдовать въ двухъ послѣднихъ томахъ своихъ „*Мелкихъ сочиненій*“. Третій томъ особенно интересенъ: онъ содержитъ въ себѣ—„*Рѣшеніе нѣкоторыхъ историческихъ вопросовъ при помощи естественныхъ наукъ*“. Такъ, тѣ приключенія Одиссея, о которыхъ говорится въ X и XI книгахъ Гомера, по его мнѣнію—вполнѣ ясно указываютъ на мѣстности Чернаго моря, бухта Лестригоновъ въ точности отвѣчаетъ Балаклавской бухтѣ. Еще важнѣе для насъ статья, изслѣдующая „*древній торговой путь черноморскихъ Скиѳовъ во внутреннюю Азію*“. Геродотъ (IV, 21—25) разсказываетъ о народахъ, обитавшихъ на сѣверъ и востокъ отъ Скиѳовъ, онъ передаетъ кое-какія черты объ ихъ образѣ жизни, о характерѣ странъ, о томъ, что послѣдніе извѣстные народы—Аргиппеи, что они питаются плодомъ, называемымъ *понтикосъ*. Соображая всѣ естественно-историческія и географическія черты, отмѣченныя у Геродота, Бэръ приходитъ къ заключенію, что страна Аргиппеевъ лежала въ средней Азіи, прилегая къ такъ наз. китайскому Туркестану. Бэръ подробно слѣдитъ

движеніе греко-скиѳскихъ каравановъ, сначала на сѣверъ для снабженія себя пушнымъ товаромъ, потомъ—на востокъ чрезъ Уралъ, для сбыта этого товара или обмѣна на другой, быть можетъ, шелковыя ткани, столь рано уже распространенныя въ Палестинѣ и Египтѣ...

Бэръ вышелъ изъ той широкой многосторонней школы естествоиспытателей, которая теперь становится преданіемъ, изъ школы, воспитавшейся подъ вліяніемъ могучихъ идей энциклопедизма, школы, обхватывающей всю природу: спеціалистъ, творецъ новой науки эмбріологіи, онъ, однако, никогда не чуждается наукъ нравственныхъ; онъ сознавалъ не только ихъ великое, облагораживающее значеніе, но и возможность достигнуть въ нихъ до прочныхъ, положительныхъ результатовъ. Въ лѣтописяхъ отечественной науки, географіи, этнографіи, археологіи—труды Бэра навсегда займутъ почетное мѣсто и едва ли когда окажутся излишними.

Труды *К. Э. Эйхвальда* (р. 1795 г.) въ отношеніи русской археологической науки—менѣе важны по внутреннему достоинству ихъ, но касаются не менѣе важныхъ и существенныхъ вопросовъ. Приглашенный профессоромъ въ Казанскій университетъ, Эйхвальдъ имѣлъ случай совершить въ 1825—26 году ученое путешествіе по Кавказу и Каспійскому морю. Свою задачу онъ понялъ широко: онъ хотѣлъ быть не только путешественникомъ—естествоиспытателемъ, но и географомъ, и этнографомъ, и даже археологомъ. Плодомъ путешествія было обширное его описаніе въ 2-хъ томахъ (Periplus) и 3 томъ, обнимающій *„Древнюю географію Каспійскаго моря, Кавказа и южной Руси“*, по греческимъ, римскимъ и инымъ источникамъ (Б. 1838). Сочиненіе это—во многихъ частяхъ требующее измѣненій—въ цѣломъ, однако, не замѣнено пока ничѣмъ лучшимъ. Эйхвальдъ не имѣлъ строгаго ученаго таланта и трезвости мысли, какъ Бэръ; у него не рѣдкость встрѣтить идеи чрезвычайно фантастическаго характера. Такъ, напр., онъ утверждаетъ, что древніе писатели подъ именемъ Скиѳовъ разумѣли чудское племя, что самое имя *Скиѳъ* есть не иное что, какъ греческое произношеніе слова *Чудь;* на этомъ основаніи построена вся его этнографическая теорія древнихъ племенъ, обитавшихъ на сѣверъ отъ Чернаго моря. По его мнѣнію—все это были Финны. Но странно, откуда бы могли греки слышать *русское* имя *Чуди*, и еще страннѣе, какъ могли бы они передать его именемъ *Скиѳа*. Финоманія Эйхвальда отвергнута наукой, но матеріалъ, собранный въ его книгѣ, и многія объясненія

доселѣ имѣютъ свое неотъемлемое значеніе. Подобно Бэру, и Эйхвальдъ былъ отчасти археологомъ: ему принадлежитъ небольшое, но интересное сочиненіе „*О чудскихъ копяхъ*“, т. е. о тѣхъ мѣстахъ или колодцахъ, изъ которыхъ чудь добывала металлы. Къ сожалѣнію, и этотъ трудъ много теряетъ въ своемъ достоинствѣ отъ этнографическихъ увлеченій ученаго—финизмомъ. Существенно важною частью его должно признать описаніе орудій и предметовъ, найденныхъ въ чудскихъ копяхъ и описаніе нѣкоторыхъ, чудскихъ древностей, находящихся въ общественныхъ и частныхъ собраніяхъ. Есть извѣстіе, что нѣсколько лѣтъ до смерти, Эйхвальдъ занимался обширнымъ сочиненіемъ о вещественныхъ древностяхъ Россіи. Было бы жаль, если бы оно осталось неизданнымъ.

Докладъ свой А. А. Котляревскій заключилъ словами, что такіе натуралисты, какъ Бэръ и Эйхвальдъ, заходящіе, повидимому, въ чуждую для нихъ область исторіи и археологіи, были и будутъ въ ней всегда желанными гостями.

Въ первомъ частномъ засѣданіи Общества 8 января 1877 года, были предложены слѣдующія сообщенія:

1) Д. чл. А. А. Котляревскій читалъ „о происхожденія сказанія о новгородскихъ баняхъ“, какъ дополненіе къ чтенію И. И. Малышевскаго по поводу статьи проф. Голубинскаго. Указавъ на то, что преданіе объ Андреѣ Первозванномъ произошло изъ письменнаго источника, на что было обращено вниманіе еще Байеромъ (Шлецеръ), проф. Котляревскій привелъ подлинное мѣсто изъ лѣтописи по лаврентьевскому списку (7—8 стр. изд. 1872 г.), рисующее „*дивные*“ обычаи на счетъ бань въ Новгородѣ: „Дивно видѣхъ Словѣньскую землю, идучи ми сѣмо видѣхъ бани древены, и пережьгутъ è рамяно, совлокуться и будутъ нази, и облѣються квасомъ успіянымъ, и возмутъ на ся прутье младое, бьются сами и того ся добьютъ егда влѣзутъ ли живи и облѣются водою студеною, тако оживуть; и то творять по вся дни немучими никимъ же, но сами ся мучать, и творять не мовенье собѣ, а мученье“. Интересно знать источникъ преданія. Едва ли оно русскаго происхожденія: чтобы русскій разсказывалъ о банѣ, какъ о диковинной вещи—невозможно, это могъ сдѣлать какой нибудь иностранецъ изъ купцовъ. Что иностранецъ онъ,—въ томъ нѣтъ сомнѣнья: намъ

извѣстны европейскія бани; онѣ, большею частію, холодныя; еще Тацитъ упоминаетъ, что Германцы не любятъ горячихъ бань, а купанье; у Римлянъ, правда, были теплыя бани, но только для потѣнія, но, какъ кажется, не было у нихъ ни обливанія холодною водой, ни, тѣмъ болѣе,—квасомъ. Кто же авторъ сказанія? Нѣтъ ли слѣдовъ? Въ XVI—XVII вѣкѣ, кажется, въ Гамбургѣ жилъ юристъ *Діонисій Фабриціи* (полякъ), пользовавшійся неизвѣстными источниками для изученія Пруссіи, Курляндіи, Латышей и Эстляндіи, написавшій „*Livonicae historiae compendiosa series*“. Въ ней онъ упоминаетъ, что около Дерпта существовалъ доминиканскій монастырь, Фалькена, изъ котораго, по поводу увеличенія братіи и неимѣнія средствъ, было отправлено къ папѣ письмо, въ которомъ доминиканцы рисуютъ свою суровую, строгую жизнь относительно пищи, питья и плотоумерщвленія, и просятъ папу предстательствовать за нихъ у дерптскаго епископа. Здѣсь, между прочимъ, они разсказываютъ, что каждую субботу умерщвляютъ плоть свою въ страшно истопленныхъ баняхъ, бичуютъ себя розгами и обдаются холодной водой. Папа удивился и отправилъ своего посланца узнать самолично дѣла монастыря; его угостили сухою рыбою и горькимъ пивомъ, и ввели въ жарко истопленную парную баню. Когда пришло время париться вѣниками, нѣжный итальянецъ не выдержалъ: онъ выскочилъ изъ бани, говоря, что такой образъ жизни невозможенъ и неслыханъ между людьми. Возвратившись въ Римъ, онъ разсказалъ папѣ о видѣнной диковинкѣ, и монахи достигли желаемаго... Разсказъ совершенно сходенъ съ разсказомъ русской лѣтописи, даже въ способѣ выраженія, подобно тому какъ замѣтно у Видукинда и Нестора, напр. въ знаменитомъ мѣстѣ: „земля наша велика и обильна“—terra nostra spatiosa et fertilis... но приспособленіе иное: въ одномъ случаѣ папскій легатъ, въ другомъ—Андрей Первозванный. Но сказаніе въ обоихъ разсказахъ непремѣнно идетъ изъ общаго источника: южанинъ, знакомый съ сказаніемъ чрезъ Византію, примѣнилъ его къ Андрею Первозванному; сѣверянинъ—къ папскому легату, отправленному къ католическимъ монахамъ, жившимъ подлѣ Дерпта (слѣдовъ Фалькены не сохранилось никакихъ).... Больше ничего объ источникѣ сказанія покамѣсть сказать нельзя: хотѣть большаго—желать невозможнаго. Едва ли вообще можно считать сказаніе произведеніемъ русскаго пера: это одна изъ вставокъ, попавшихъ въ Несторову лѣтопись. Есть глухіе слѣды, что составитель почерпнулъ его

изъ южно-славянской литературы: изъ сербскихъ и болгарскихъ лѣтописей. Шлецеръ не могъ прибавить другаго комментарія къ вышеприведенному мѣсту нашей лѣтописи кромѣ того, что это—пустая сказка.

2) Д. чл. А. А. Котляревскій сдѣлалъ сообщеніе о томъ, что ему отъ г. Горчакова въ Москвѣ, родственника Ломиковскаго, состоявшаго въ родствѣ съ Мазепою, досталась рукопись. Ломиковскій или кто-нибудь другой въ 1803—1805 г. составилъ сборникъ малороссійскихъ думъ, слѣдовательно самый древній по времени собранія, такъ какъ сборникъ кн. Цертелева изданъ въ 1819 году. Въ сборникъ Ломиковскаго вошло нѣсколько думъ совершенно новыхъ и уже исчезнувшихъ, забытыхъ народною памятью. Это—въ своемъ родѣ единственная рукопись, потому что сохраняетъ произведенія, которыя безъ нея погибли бы для науки. Она будетъ издана въ „Университетскихъ Извѣстіяхъ".

3) Д. чл. С. Т. Голубевъ сообщилъ документы (числомъ 5), извлеченные имъ изъ Императорской Публичной библіотеки и центральнаго архива Царства Польскаго въ Варшавѣ, на основаніи которыхъ могутъ быть исправлены нѣкоторыя историческія неточности. Такъ напр. смерть кіево-печерскаго архимандрита Захарія Копыстенскаго относится не къ 1626 г. (8 апр.), а къ 1627 г. (21 марта), и кіево-печерская архимандрія оставалась вакантною не $2^1/_2$ года, а 6—7 мѣсяцевъ. По общепринятому мнѣнію, послѣ смерти Захарія Копыстенскаго, братія не единодушно избрала Петра Могилу, а изъ документовъ, представленныхъ г. Голубевымъ, оказывается, что причиною отсутствія единодушія въ братіи были такіе вліятельные соперники, какъ Германъ Тышкевичъ и Василій Копыстенскій. По смерти Іова Борецкаго казаки хотѣли возвести на кіевскую митрополію любимца своего Андрея Мужиловскаго....

Въ засѣданіи 23 января, прот. П. Г. Лебединцевъ читалъ „о мѣстности бывшаго въ Кіевѣ Дмитріевскаго монастыря, устроеннаго В. К. Изяславомъ Ярославичемъ" (см. въ отдѣлѣ статей).

Въ засѣданіи 9 февраля, д. чл. А. А. Котляревскій прочелъ статью, подъ заглавіемъ: „Объ обычаяхъ у Славянъ при рожденіи дитяти до его возмужалости". Сказавъ, что на подобное чтеніе свое онъ смотритъ не болѣе, какъ на программу, или общее обозрѣніе большого труда, имъ предпринятаго (въ родѣ его прежнихъ „Погребальныхъ обычаевъ языческихъ Славянъ"), и желаетъ подѣлиться ею съ сочле-

нами по Обществу только ради могущихъ встрѣтиться дополненій и указаній, А. А. Котляревскій просилъ не забыть, что въ данномъ случаѣ, не смотря на современность извѣстныхъ народныхъ обычаевъ, изслѣдователь находится среди полнаго язычества, среди сѣдой древности, потому и объясненія его должны имѣть соотвѣтствующій характеръ. Старинные Славяне, какъ и прочія индо-европейскія племена, сближали понятіе жизни съ понятіемъ огня, на что указываютъ выраженія: „жизнь *гаснетъ*, жизнь *догораетъ*“. Съ рожденіемъ ребенка прибавлялась къ семьѣ новая единица: *загоралась* новая жизнь, которую олицетворяли *зажженіемъ свѣчи*, въ знакъ чистоты—*изъ бѣлаго воска*. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи не даютъ постороннимъ лицамъ *огня* въ день рожденія ребенка, какъ бы изъ боязни, что вмѣстѣ съ огнемъ улетитъ и его *жизнь*. Дитя завертываютъ въ отцовскую рубаху, чѣмъ обозначается принятіе его подъ покровительство домовладыки—отца. Въ иныхъ мѣстностяхъ новорожденнаго кладутъ на шубу, думая, что это даетъ богатство и счастье; но этимъ выражается также принятіе новорожденнаго подъ покровительство домашнихъ боговъ—пенатовъ. Въ прежнее время ребенка клали на порогѣ, какъ грани двухъ міровъ, своего и чужого,—и домовладыкѣ-отцу предоставлялось поднять его, т. е. признать или отвергнуть. Если ребенку давали пищу, обыкновенно желтаго цвѣта (шафранную или медовую), то это также считалось юридическимъ признаніемъ его существованія: трапезу въ домѣ могутъ раздѣлить только члены семьи или признанные въ данный моментъ таковыми. Но не всегда отецъ признавалъ ребенка и не всегда признавалось его право на жизнь: по древнегерманскимъ обычаямъ отецъ могъ выбросить (экспонировать) ребенка, что́ дѣлалось или изъза его физическихъ недостатковъ, или по недостатку средствъ къ пропитанію, а то и по непризнанію его законнорожденнымъ. У Славянъ нѣтъ прямыхъ историческихъ указаній на такой обычай, и только въ сказкахъ есть его слѣды. Тишина окружаетъ новорожденнаго; не смѣютъ называть совершившагося факта его собственнымъ именемъ и говорятъ обиняками: „*жена въ Москву съѣздила; жонка растряслась!*“—и это дѣлаютъ изъ боязни, что духи могутъ подмѣнить ребенка... Но есть и другая причина таинственности: судьба при рожденіи человѣка опредѣляется божествами; греческія парки, скандинавскія норны, славянскія судички вьютъ—плетутъ судьбу человѣка. Народъ вѣритъ, что подъ видомъ странника можетъ являться само божество, вотъ почему

ко всякому незнакомцу, пришедшему въ домъ, гдѣ есть новорожденный, относятся съ необыкновенною привѣтливостью, боясь оскорбить его (примѣръ польскаго Пяста). Мужчины предназначаются къ воинской жизни, почему и подарки мальчикамъ—лукъ, стрѣлы, косы (у Ибнъ-Даста мечъ), дѣвочкамъ—прялки; отсюда старинныя выраженія: внукъ „*по мечу*“ (по мужеской линіи), внучка „*по прялкѣ*“ (по женской). Иногда подлѣ мальчика кладутъ сѣмена, подлѣ дѣвочки—ленъ на ниткѣ—символы понятные. Всѣ обычаи направлены къ сохраненію жизни и здоровья ребенка: обливаютъ его водою съ горящаго угля и т. п.; при прорѣзываніи зубовъ надѣваютъ на шею мышиную головку (мышь одарена острыми и крѣпкими зубами). Поясъ играетъ вообще важную роль въ древней жизни: Брунгильда побѣждена только съ освобожденіемъ отъ „пояса“, и, по тому же воззрѣнію, ребенка послѣ шести недѣль опоясываютъ для приданія ему силы. Нареченіе имени происходило нѣсколько времени спустя по рожденіи. Христіанство внесло табель священныхъ именъ; а въ языческую эпоху всѣ имена имѣли смыслъ; по наружному виду давались имена: Бѣлъ, Черенъ, Русъ; по характеру: Веселъ, Грубъ; по времени рожденія: Раненъ, Позденъ; по особенностямъ наружности: Голова, Горбъ, Языкъ; по занятіямъ отца: Панъ, Жупанъ, Ратай, Князь; по представителямъ религіознаго культа: Богъ, Божко, Перунъ, Святовитъ, Карачунъ; по представителямъ царства животныхъ: Волкъ (Вукъ), Туръ, Конь, Собака и пр.; женскія: Вишня, Калина и пр. Обрядъ „*уятія власъ*“—постриженія—нѣкоторые писатели относятъ къ христіанству, но есть основанія отнести его и къ язычеству. Обрядъ этотъ совершался между 3 и 7 годами. По словамъ г-жи Авдѣевой, въ Сибири уцѣлѣлъ онъ до сихъ поръ. Постриженіе сопровождалось пиромъ; мальчика сажали на коня, въ чемъ сказывалось признаніе правъ мужчины послѣ безразличнаго, такъ сказать, въ половомъ отношеніи существованія. Въ древности въ 7-ми лѣтнемъ мальчикѣ видѣли уже мужчину: Святославъ „бѣ вельми дѣтескъ“ и начиналъ битву... П. А. Лавровскій видитъ въ постриженіи первую жертву божеству; но здѣсь просто идея возмужалости: длинные волосы носятъ женщины, мужчинѣ прилично быть коротковолосымъ... Съ „*постригами*“ соединено было нареченіе имени, переходъ мальчика изъ женской половины дома въ мужскую и поступленіе въ науку мужей, которая въ первобытное время держалась на пѣсняхъ, сказкахъ, пословицахъ и загадкахъ...

Д. чл. М. Ф. Владимірскій-Будановъ сдѣлалъ замѣчаніе объ исторически-извѣстномъ умерщвленіи дѣвочекъ у Поморянъ и (по Ригельману) у донскихъ казаковъ.

Секретарь Общества Нестора, И. П. Хрущовъ, сообщилъ объ учреждаемомъ въ Петербургѣ „Обществѣ любителей древней письменности“, по иниціативѣ князя П. П. Вяземскаго.

Въ засѣданіи 20 марта д. чл. А. В. Романовичъ-Славатинскій сдѣлалъ сообщеніе о книгѣ Уоллеса Russia, причемъ обратилъ особое вниманіе на взгляды автора на общинное землевладѣніе, на неудавшееся tiers état и на земскія учрежденія [1]), а д. чл. М. Ф. Владимірскій-Будановъ сдѣлалъ сообщеніе объ *„Историко-юридическихъ матеріалахъ, изданныхъ въ Витебскѣ“*, въ 1871—75 г., 6 томовъ, причемъ обратилъ вниманіе общества на актъ 1677 г., занесенный въ полоцкія магистратскія книги и свидѣтельствующій о существованіи ордалій въ концѣ XVII вѣка, а именно въ той формѣ, въ какой она извѣстна изъ слова Серапіона (XIII вѣка).

Вотъ это сообщеніе: „Быть можетъ наиболѣе интересный фактъ изъ всѣхъ, содержащихся въ шести томахъ „историко-юридическихъ матеріаловъ“ находится въ реляціи 1677 г. авг. 13 (т. VI, стр. 247 и сл.). Возный (генералъ) воеводства полоцкаго заноситъ въ полоцкія магистратскія книги слѣдующее: былъ онъ по разнымъ дѣламъ въ Дисенскомъ округѣ и, по окончаніи ихъ, прибылъ въ гор. Дисну. Здѣсь мѣстный магистратъ пригласилъ его въ Дисенскій монастырь (конвентъ), гдѣ бурмистры и городской писарь обратились къ настоятелю съ такимъ предложеніемъ: изъ ясныхъ свидѣтельствъ и людскихъ доносовъ падаетъ подозрѣніе (въ чародѣйствѣ) на Кумцевичеву, которая теперь живетъ подъ монастыремъ, но издавна подлежала вѣдомству ратуши; по мнѣнію магистрата, можно, безъ ущерба правъ монастыря, *взять ее на воду* или на пытку. Настоятель замѣтилъ на это, что монастырь не можетъ приговаривать къ смертной казни или къ пыткѣ, что дѣла этого рода подлежатъ ратушѣ, что онъ не противится взятію обвиняемой, какъ дисенской мѣщанки, на пытку; но утверждалъ, что на воду брать ее не слѣдуетъ, ибо иногда и *виновный тонетъ, а невинный плыветъ;* испытаніе водою не есть доказательство достовѣрное; съ

[1]) Отчетъ проф. Романовича-Славатинскаго помѣщенъ въ Университетскихъ Извѣстіяхъ 1877 г. № 4.

чародѣями нужно обращаться такъ: не слѣдуетъ оглашать дѣла и не допускать никого (сторонняго),—а потихоньку брать на пытку; потому что когда пойдетъ огласка, то и заочно одна вѣдьма можетъ околдовать другую, такъ что эта послѣдняя не сознается и на пыткѣ.

До сихъ поръ думали, что послѣднее свидѣтельство объ ордаліяхъ у насъ содержится въ памятникахъ XIII в. и то въ дерогативной формѣ, именно въ договорѣ Смоленска съ нѣмцами 1229 г. и въ словѣ Серапіона. Серапіонъ говоритъ объ испытаніи водою. Драгоцѣнный актъ 1677 г. указываетъ на существованіе именно этой ордаліи въ концѣ XVII в. и именно въ той формѣ, въ какой она извѣстна изъ слова Серапіона: если связанный обвиняемый *тонетъ*, то *правъ*, если поплыветъ—виноватъ. Это обратное примѣненіе смысла ордаліи (неподчиненіе законамъ природы есть доказательство виновности), непонятное у Серапіона, становится понятнымъ изъ акта 1677 г. Серапіонъ говоритъ: „аще ли попловеть, *волховъ* есть“. Слѣдуетъ думать, что уже тогда испытаніе водою примѣнялось преимущественно къ преступленіямъ волхованія и чародѣянія; тогда становится понятнымъ, почему виновный (чародѣй) можетъ не утонуть.

Другой цѣнный выводъ изъ этого акта есть указаніе, что испытанія находятся въ генетической связи съ пыткою, т. е. пытка естественно возникла изъ ордалій, кажется именно изъ испытанія огнемъ.

Наконецъ обращаемъ вниманіе на то, что духовенство продолжало противиться ордаліямъ, не смотря на то, что само было предано суевѣріямъ совершенно наравнѣ со своими пасомыми; настоятель не только убѣжденъ въ существованіи чародѣйства, но вѣритъ въ возможность заочнаго заговора отъ дѣйствія пытки. При такомъ уровнѣ понятій ничѣмъ нельзя объяснить противодѣйствія ордаліямъ со стороны духовенства, какъ только слѣд. соображеніемъ: при формѣ испытаній, указанной нами сейчасъ, естественно процессъ всегда рѣшался въ пользу обвиняемаго (связанный всегда тонулъ); допускать такой исходъ дѣлъ по преступленіямъ противъ вѣры было не въ интересахъ духовенства.

Если такъ, то какъ низко упало религіозное сознаніе сравнительно съ XIII в., когда Серапіонъ убѣждалъ обратиться отъ „бездушнаго естества“ къ „послушеству боготвореннаго человѣка“.

Въ засѣданіи Общества 11 сентября, были предложены членамъ сообщенія: 1) д. чл. Ф. А. Терновскаго, на основаніи документовъ

архива св. синода, о двухъ сибирскихъ митрополитахъ, Филоѳеѣ Лещинскомъ и Павлѣ Конюскевичѣ (см. въ отдѣлѣ статей).

2) Записка д. чл. И. П. Хрущова о замѣчательной археологической находкѣ, сдѣланной случайно въ м. Бѣлогородкѣ (Кіев. уѣз. на р. Ирпени въ 20 верстахъ отъ Кіева), напечатанная въ отдѣлѣ чтеній.

3) Д. чл. А. А. Котляревскій сдѣлалъ краткій очеркъ ученолитературной дѣятельности, недавно скончавшагося, бывшаго профессора славяновѣдѣнія при Московскомъ университетѣ, Осипа Максимовича Бодянскаго. *О. М. Бодянскій* род. въ 1808 г., въ м. Варвѣ, воспитывался въ переяславской духовной семинаріи. Подъ чьимъ вліяніемъ въ немъ выросла и укрѣпилась любовь къ наукѣ и литературѣ—я не знаю; но, по свидѣтельству одного школьнаго товарища своего, еще тогда онъ отличался особенною любовью къ упражненіямъ по словесности, игралъ—въ „комедійныхъ дѣйствіяхъ"—роль Наполеона.„ Малороссійскія пѣсни" Максимовича (М. 1827 г.) и въ особенности одушевленное „введеніе" къ нимъ—возбудили въ немъ благородную охоту къ занятіямъ языкомъ, исторіей и поэзіей его родины. Едва ли онъ могъ удовлетворить этому стремленію „у себя".. Его влекъ славный Московскій университетъ и съ 1831 года мы видимъ его тамъ бодрымъ, дѣятельнымъ, остроумнымъ участникомъ ученыхъ занятій въ университетѣ и литературныхъ внѣ его. К. С. Аксаковъ въ своихъ „Литературныхъ воспоминаніяхъ" (въ Днѣ) отзывается о немъ, какъ о добромъ товарищѣ и членѣ кружка Станкевича. Въ словесномъ факультетѣ Московскаго университета господствовала тогда историческая школа Каченовскаго, который, обладая обширнымъ, многостороннимъ образованіемъ и ученостью, умѣлъ привлекать молодые умы къ серьезному труду. Подъ руководствомъ Каченовскаго, Бодянскій довершилъ свое образованіе и началъ учено-литературную дѣятельность. Въ 1835 г. онъ написалъ кандидатскую диссертацію „*О мнѣніяхъ касательно происхожденія Руси*" (впослѣдствіи напечатанную въ 37, 38 и 39 номерахъ „Сына Отечества" 1835 г.) Въ ней онъ далъ полное выраженіе ученію Каченовскаго о началѣ русской исторіи: Русь и Варяги не норманны и не скандинавы, а балтійскіе славяне; Варяги — Славяне съ балтійскаго поморья, колонизовавшіе Новгородъ; Русь — турецкое племя, смѣшавшееся со славянами и давшее имя южно-русскому и русскому народу; топографія подтверждаетъ-де достовѣрность такого вывода. Сочиненіе это—одна глава изъ исторіи русской исторической на-

уки; оно—ясное и полное выраженіе мнѣній тогдашней скептической школы о происхожденіи Руси. Въ сочиненіи „*О древнемъ языкѣ южныхъ и сѣверныхъ Руссовъ*“ (помѣщ. въ „Ученыхъ Запискахъ Московскаго университета“ 1839, № 3) Бодянскій рѣшалъ вопросъ не на основаніи фактовъ филологическихъ, а на основаніи историческихъ соображеній. Здѣсь едва ли не въ первый разъ высказана мысль о сравнительномъ изученіи славянскихъ нарѣчій и сравнительной славянской грамматикѣ. Нѣкоторыя сужденія молодаго ученаго уже и тогда были запоздалыми, напр. утвержденіе, что древне-церковно-славянскій языкъ —отецъ остальныхъ славянскихъ языковъ и что онъ тожественъ съ древне-русскимъ; не видно также, чтобы будущій профессоръ славянскихъ нарѣчій былъ знакомъ съ изслѣдованіями Востокова, но многое въ статьѣ угадано вѣрно... „Скептическое“ и „славянское“ направленіе Каченовскаго, постоянно и неустанно проводимое имъ на лекціяхъ, въ „Ученыхъ Запискахъ М. университета“ и въ „Вѣстникѣ Европы“—не могло не отразиться и на ученикѣ его: въ журналѣ „Московскій Наблюдатель“ 1831 г. (№ 15 и 16) онъ помѣщаетъ статью о сборникѣ Коллара: „*Народныя спѣванки, или пѣсни словаковъ въ Угріи.*“ Первая половина статьи была посвящена этнографическому очерку Словацкаго племени, вторая—его народной поэзіи сравнительно съ поэзіей другихъ славянскихъ племенъ. Эта критическая статья послужила основою его будущей магистерской диссертаціи. Бодянскій состоялъ въ это время учителемъ гимназіи и обратилъ уже на себя вниманіе попечителя гр. Строганова [1]). Въ 1837 г. онъ представилъ, для полученія степени магистра словесныхъ наукъ, диссертацію: „*О народной поэзіи славянскихъ племенъ*“. Теперь эта книга имѣетъ только историческую цѣну, но въ то время она имѣла и научное, и даже общественное значеніе. Теперь можно замѣтить въ ней слабость фактическаго содержанія, устарѣлыя школьныя воззрѣнія на сущность народной поэзіи, но въ 1837 году это былъ живой, исполненный воодушевленія мани-

[1]) Ходилъ разсказъ, что гр. С. Г. Строгановъ, пришедши однажды въ классъ (латыни) къ Бодянскому и нѣсколько пораженный его украинско-семинарскимъ произношеніемъ, замѣтилъ ему: „Какъ дурно читаете вы полатыни“. „А вы почему знаете, что я дурно читаю—отвѣчалъ Бодянскій:—быть можетъ, римляне читали еще хуже меня!“ Любителю смѣлыхъ и оригинальныхъ отвѣтовъ этотъ отвѣтъ понравился и съ этихъ поръ началось **ихъ сближеніе.**

фестъ о славянскомъ народномъ характерѣ, раскрывающемся въ его поэзіи. Еще большее чѣмъ у насъ значеніе имѣла эта книга у западныхъ славянъ: она была переведена на языки сербскій и итальянскій (гр. Медо Пучичемъ) и въ извлеченіи—на чешскій (Штуромъ). Еще въ 1831 г. (въ Молвѣ, издаваемой Надеждинымъ при Телескопѣ) Бодянскій пробовалъ свой талантъ въ сочиненіи стиховъ на родномъ нарѣчіи. Въ 1835 году онъ издалъ небольшую книжку подъ заглавіемъ: „*Наськы украинскы казкы*“—опытъ стихотворной передачи помалорусски трехъ малорусскихъ народныхъ сказокъ. „Казкы“ принадлежатъ къ немногимъ произведеніямъ малорусской письменности, отличающимся необыкновенною чистотою языка. Такъ писали только немногіе... Стихотворная форма, конечно, отняла много наивной прелести у сказокъ, но содержаніе ихъ осталось нетронутымъ [1]).

Въ это время, по мысли императора Николая, должны были устроиться при университетахъ каѳедры „исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій“. Графъ Уваровъ предложилъ отправить за границу Прейса для петербургскаго университета, гр. Строгановъ указалъ на Бодянскаго для Москвы. Интересно, что видвинуло и доставило ему каѳедру? Судя по разсказамъ современниковъ, неотвергаемымъ и самимъ Бодянскимъ,—это была критика, помѣщенная въ „Московскомъ Наблюдателѣ“ на книгу Ѳ. Булгарина „*Россія въ историческомъ, статистическомъ, географическомъ и литературномъ отношеніяхъ*“. Общество съ своими представителями въ литературѣ съ негодованіемъ относилось къ направленію Булгарина. Выразителемъ этого взгляда въ поэзіи являлся Пушкинъ... Статья Бодянскаго въ „Московскомъ Наблюдателѣ“ (1837, апрѣль, кн. I) была полнѣйшимъ, остроумнѣйшимъ и убійственно-безпощаднымъ выраженіемъ этого взгляда со стороны науки и литературной критики.

Статья произвела сильное впечатлѣніе и въ литературѣ, и въ такъ называемомъ высшемъ обществѣ... Бодянскій былъ отправленъ за границу въ 1837 году. Еще въ чужихъ краяхъ началъ онъ переводъ „*Славянскихъ древностей*“ Шафарика, но Погодинъ издалъ первыя книги этого сочиненія такъ небрежно, что въ 1848 г. Бодянскій долженъ былъ вновь перепечатать книгу. О заграничномъ пребываніи сво-

[1]) Малороссійскія стихотворенія, подъ псевдонимомъ *Боды Варвинца*, Бодянскій помѣщалъ въ „*Молвѣ*“. 1833 г.

емъ Бодянскій на мѣстѣ оставилъ добрыя воспоминанія, какъ основательный ученый и хорошо усвоившій себѣ живыя нарѣчія (чешское и сербское по преимуществу). Подробности о занятіяхъ Бодянскаго за границею извѣстны. Въ „Журналѣ М. Н. Просвѣщенія“ помѣщены только два небольшіе его отчета (1838, № 5 и 1839, № 8); но извѣстно, что въ этомъ журналѣ (1840, № 6), и позднѣе въ „Чтеніяхъ“ (1846, № 1), какъ результатъ его занятій за границею, напечатаны: „*О древнѣйшемъ свидѣтельствѣ, что церковный языкъ есть славяно-болгарскій*“ и „*О поискахъ въ познанской публичной библіотекѣ*“. Въ славянскихъ земляхъ Бодянскій оставался почти пять лѣтъ. Къ этому времени его занятій относится—кажется—переводъ „*Славянскаго народописанія*“ Шафарика, отпечатанный сначала въ „Москвитянинѣ“, а потомъ отдѣльно въ Москвѣ, 1843 г.; немного спустя имъ была также переведена „*Исторія Галицкой Руси*“, Зубрицкаго (1845). Выбранный въ секретари Московскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ, Бодянскій въ три года издалъ 23 книги „Чтеній“ (съ 1846—1848), въ которыхъ пытался соединить интересы общей славянской и частной отечественной науки. Если не ошибаюсь, „Чтенія“ были первымъ изданіемъ, открывшимъ систематическое печатаніе памятниковъ древнеславянской и древне-русской письменности. Эти памятники всегда сопровождались вводными изслѣдованіями, объяснявшими особенности языка и истрико-литературное значеніе памятниковъ. Много такихъ драгоцѣнныхъ произведеній издано Бодянскимъ—(Паралипоменъ Зонаринъ, славяно-русскія сочиненія въ сбор. Царскаго, слово Кирилла Философа и т. д.); но еще болѣе приготовлено къ изданію, отпечатано, но не выпущено въ свѣтъ по неизвѣстнымъ причинамъ (Творенія Іоанна Ексарха Болгарскаго, Пандекты Антіоха, Творенія Константина Болгарскаго, Временникъ Амартола и т. д.); но особенно богаты „Чтенія“ этого періода матеріалами по исторіи южной Руси: заслуги Бодянскаго въ этомъ отношеніи—очень велики. Есть въ „Чтеніяхъ“ нѣсколько его отдѣльныхъ замѣчательныхъ изслѣдованій, таковы: „*Объ одномъ прологѣ Московской духовной типографіи и тожествѣ славянскихъ божествъ Хорса* и *Дажьбога*“ (1846, № 2), „*О Всеславѣ Брячиславичѣ Полоцкомъ*“ (1847, № 9) и множество переводовъ славянскихъ изслѣдованій Шафарика, Палацкаго и др. Подъ покровительствомъ гр. Строганова, Бодянскій печаталъ вещи, которыя тогда не рискнулъ бы издать въ свѣтъ никто, напр. „Исторію Руссовъ,“ припис. Конисскому и переводъ книги Флет-

чера (въ 1848 г.). Но тогдашній министръ гр. Уваровъ не былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ гр. Строгановымъ, и это отразилось на Бодянскомъ: за помѣщеніе въ Чтеніяхъ" перевода Флетчера Бодянскій былъ переведенъ въ Казань, а Григоровичъ на его мѣсто—въ Москву. Не считая себя обязаннымъ повиноваться прихоти министра, Бодянскій подалъ въ отставку, министръ ея не принялъ, дѣло дошло до Государя, и только чрезъ годъ Бодянскій возвращенъ на прежнюю каѳедру. Тогда же гр. Строгановъ, на свой счетъ, поручилъ Бодянскому изданіе знаменитаго „Святославова Сборника" 1073 г. Бодянскій очень тянулъ изданіе, печатая по листу въ годъ, а иногда и менѣе; житейскія ли тревоги отвлекали его, нелегкость работы?—сказать трудно. Работа дѣйствительно была кропотливая; „*Изборникъ*" 1073 года весь основанъ на греческихъ источникахъ, но нѣкоторые источники неизвѣстны въ подлинникѣ, и Бодянскій искалъ ихъ у древнихъ авторовъ. Труда это стоило ему не мало: будучи отъ природы очень разсчетливъ, Бодянскій однако предлагалъ значительную денежную премію тому, кто отыщетъ нѣкоторыя мѣста въ сочиненіи Кирилла Іерусалимскаго, находящагося въ „Изборникѣ", конечно, предварительно онъ самъ тщательно перечиталъ всего Кирилла Іерусалимскаго... „Изборникъ" въ 1875 году былъ почти оконченъ въ изданіи: помѣщенъ славянскій переводъ съ греческимъ и иногда латинскимъ подлинникомъ; Бодянскій хотѣлъ присоединить къ нему длинное введеніе: о развитіи литературы въ древней Болгаріи, словарь и атласъ рисунковъ. Почему трудъ не выпущенъ въ свѣтъ—неизвѣстно.

Съ 1849 по 1858 годъ наступилъ перерывъ въ редакторской дѣятельности Бодянскаго; онъ занимался только профессурой. Курсъ Бодянскаго состоялъ изъ отдѣла практическаго, гдѣ послѣ краткаго грамматическаго введенія шло чтеніе памятниковъ: Краледворской рукописи, сербскихъ пѣсенъ, „Маріи" Мальчевскаго. Этотъ курсъ велъ онъ очень успѣшно; другіе же предметы предлагалъ лишь въ отрывкахъ, такъ, прослушавъ его даже пять лѣтъ приходилось выслушать одни кусочки, напр. изъ грамматики: о двойственномъ и множественномъ числѣ, изъ исторіи—конецъ исторіи балтійскихъ Славянъ и начало исторіи Чеховъ..... Бодянскій утверждалъ, что, при подобной системѣ чтенія, онъ легче пріучалъ своихъ слушателей къ спеціальному изученію предмета.

Въ 1858 г. умеръ Чертковъ, бывшій послѣ графа С. Г. Строганова предсѣдателемъ Московскаго Общества исторіи и древностей. Сно-

ва былъ выбранъ, по предложенію Бодянскаго, гр. Строгановъ, тогда же вновь былъ выбранъ въ секретари и Бодянскій, и снова начали выходить „Чтенія“ періодически по четыре объемистые тома въ годъ. Въ 1877-мъ году издана была Бодянскимъ *сотая* книга „Чтеній“. Дѣятельность Бодянскаго по составленію и редакціи „Чтеній“ не требуетъ комментаріевъ. Кромѣ памятниковъ онъ помѣстилъ въ „Чтеніяхъ“ много объяснительныхъ и полемическихъ статей.

Въ „Чтеніяхъ“ съ 1858 г. помѣщены преимущественно труды по древнимъ памятникамъ: житія Ѳеодосія, Кирилла и Меѳодія и проч., малорусскійская часть матеріаловъ замѣтно рѣдѣетъ.

Въ 1855 г. приходилось праздновать юбилей Московскаго университета; Шевыревъ, руководя всѣмъ дѣломъ, хотѣлъ совмѣстить три юбилея: два тысячелѣтніе: основанія русскаго государства и изобрѣтенія славянскихъ письменъ, и столѣтній—Московскаго университета. Когда въ юбилейномъ изданіи, по вопросу о письменахъ, Бодянскій пришелъ къ выводу, что письмена изобрѣтены были не въ 855, а въ 862 г., то, по распоряженію Шевырева, печатаніе пріостановлено и отпечатанные листы уничтожены. Тогда Бодянскій издалъ свое изслѣдованіе: „*О времени происхожденія славянскихъ письменъ*“ (Москва 1855) отдѣльною книгою. Онъ хотѣлъ представить его на степень доктора, но все откладывалъ... Шевыревъ пустилъ слухъ, что Бодянскій боится диспута, и только это обстоятельство ускорило диспутъ, на который, кстати сказать, Шевыревъ не явился...

Изслѣдованіе о времени происхожденія славянскихъ письменъ доселѣ—настольная книга у всѣхъ, кто предается занятіямъ старо-славянскою письменностью. Заглавіе ея далеко не выражаетъ всего богатства содержанія: это огромный сборникъ всякаго рода историко-литературныхъ и палеографическихъ замѣтокъ и изслѣдованій по различнымъ вопросамъ, относящимся къ произведеніямъ древне-славянской литературы. Таковъ напр. мастерской разборъ сказанія о св. Вячеславѣ. Нѣкоторое дополненіе къ этому сочиненію представляетъ разборъ сочиненія г. Лавровскаго о Кириллѣ и Меѳодіѣ, написанный Бодянскимъ по приглашенію Академіи Наукъ (въ Отч. о 7-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова 1864 г.)

Въ 1870 году Бодянскому суждено было перенести ударъ—удаленіе изъ университета вслѣдствіе забаллотировки. Исторія впослѣдствіи разъяснитъ это дѣло и произнесетъ надъ нимъ свой судъ, но и те-

перь можно уже сказать, что съ удаленіемъ Бодянскаго изъ Московскаго университета славянская наука упала въ немъ низко, очень низко...

Бодянскій образовалъ если не школу, то многіе ученые представители славяновѣдѣнія ему обязаны многимъ, назовемъ: Е. П. Новикова, А. Ѳ. Гильфердинга, А. А. Майкова, А. А. Дювернуа, А. А. Кочубинскаго и самого автора этой замѣтки.

Характера Бодянскій былъ разсчетливо-обдуманнаго и сдержаннаго; послѣдняя черта нерѣдко скрывалась у него подъ видомъ простодушія; но это былъ твердый и стойкій характеръ, это былъ человѣкъ убѣжденій, не уступавшій ни пяди земли безъ боя и не входившій ни въ какія сдѣлки съ совѣстью. Такими чертами отмѣчена и его дѣятельность послѣдняго времени, когда помѣщена имъ въ „Чтеніяхъ“ статья „*Трилогія на Трилогію*,“ едва не вызвавшая разрушеніе стараго московскаго историческаго общества.

О. М. Бодянскій—былъ образецъ ученаго трудолюбія, и какъ профессоръ и какъ секретарь ученаго общества—редакторъ его журнала: онъ вполнѣ „*подвигомъ добрымъ подвизался, теченіе скончалъ, вѣру соблюлъ*“. (Второе посланіе ап. Павла къ Тимоѳею, гл. 4, ст. 7).

Въ засѣданіи Совѣта Общества 18 сентября, подъ предсѣдательствомъ В. С. Иконникова, присутствовали члены Совѣта: О. П. Г. Лебединцевъ, Ф. А. Терновскій, И. П. Хрущовъ и А. В. Розовъ. По выслушаніи доклада г. казначея А. В. Розова, о суммахъ Общества, превышающихъ нынѣ 400 р., приступили къ обсужденію вопроса объ изданіи Сборника трудовъ Общества.

Положили: 1) триста рублей изъ наличной суммы употребить на изданіе *Сборника* статей съ приложеніемъ, переписаннаго Ф. А. Терновскимъ и сличеннаго имъ же съ греческимъ текстомъ, житія Ѳеодора Студита (по рукописи XII вѣка, принадлежавшей Лексинской обители, а нынѣ Д. В. Полѣнову). Редакцію перваго отдѣла принялъ на себя В. С. Иконниковъ, а втораго—Ф. А. Терновскій.

2) Приложеніе (памятникъ) издать въ видѣ оттисковъ и отдѣльно отъ Сборника.

3) Заказать шкафъ для храненія книгъ, принадлежащихъ Обществу, и обратиться въ Совѣтъ Университета съ ходатайствомъ о разрѣшеніи поставить оный въ одномъ изъ помѣщеній университета, а по

исполненіи этого обратиться къ ученымъ обществамъ и учрежденіямъ съ просьбою выслать ихъ изданія въ библіотеку Общества.

4) Совѣтъ положилъ составить изъ лицъ, заявившихъ желаніе предпринять поѣздку въ мѣстечко Бѣлогородку, коммиссію и обратиться съ письмомъ чрезъ предсѣдателя Общества къ предсѣдателю Кіев. Археограф. коммиссіи съ просьбою отпуска, изъ назначенной для раскопокъ въ юго-западномъ краѣ суммы, 50 рублей для расходовъ по раскопкѣ.

Въ засѣданіи Общества 26 сентября, Ф. А. Терновскій читалъ изложеніе архивнаго дѣла о черногорскомъ инокѣ, проживавшемъ въ Кіево-печерской лаврѣ, Дометіанѣ Владевичѣ и сообщилъ нѣкоторыя извлеченія изъ матеріаловъ синодальнаго архива. (см. въ отд. статей).

Сообщено собранію о рѣшеніи Совѣта Общества: а) помѣстить библіотеку Общества при VI аудиторіи университета; б) устроить поѣздку въ м. Бѣлогородку для археологическихъ раскопокъ и в) приступить къ печатанію перваго выпуска ученыхъ трудовъ общества въ видѣ Сборника.

Въ засѣданіи 23 октября, были прочтены 1) отчетъ В. Б. Антоновича о поѣздкѣ его и И. П. Хрущова въ Бѣлогородку 13 октября и представлены образцы кирпича съ рисунками, отъ древнихъ построекъ, и другихъ мелкихъ находокъ. Самый цѣнный результатъ, по заявленію В. Б. Антоновича, тотъ, что снято было на планъ бѣлогородское *городище*. По пяти планамъ, снятымъ съ городищъ княжеской эпохи въ разныхъ мѣстахъ бывшаго Кіевскаго княжества (Вышгородъ, Пересѣченъ, Звенигородъ, Витичевъ и Бѣлгородъ), можно указать нѣкоторыя отличительныя черты городищъ княжескаго періода: 1) городища имѣли очертанія не прямолинейныя,—валъ городища направлялся обыкновенно, слѣдуя по кривизнамъ возвышенной площади, на которой насыпано было городище, образуя изгибы, безразлично, выпуклые и вогнутые; при поворотахъ углы вала не прямые, а округленные; 2) внутри большого, внѣшняго вала находилось нѣсколько подраздѣленій, нѣсколько *дѣдинцевъ* (отъ двухъ до пяти); и 3) по очертанію возвышенностей, если гдѣ приходилось оставить выступъ горы внѣ черты вала, то выступъ этотъ обращали въ отдѣльное, какъ-бы передовое укрѣпленіе. При производствѣ, по указаніямъ мѣстныхъ обывателей, раскопки въ шести мѣстахъ, гг. Антоновичу и Хрущову удалось въ трехъ изъ нихъ найти слѣды строеній. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ валъ

размытъ весенними водами, образовался глубокій оврагъ, въ которомъ найдены были четыреугольные большіе кирпичи; но вслѣдствіе обвала мѣста, на которомъ находилось зданіе, фундаменты его оказались совершенно разрушенными. Въ другомъ мѣстѣ, въ юго-восточномъ углу вала, окружавшаго *дѣдинецъ*, найдены были слѣды древняго зданія, о чемъ свидѣтельствовали плитки краснаго шифера, и одна изъ плитокъ, выстилавшихъ полъ, совершенно аналогическая съ плитками, добытыми изъ пола Ирининской церкви въ Кіевѣ. Въ этомъ-же мѣстѣ найдено было стекляное кольцо. Къ несчастію, основанія стѣнъ этого зданія были разрушены въ болѣе позднее время постройкою на томъ мѣстѣ частнаго дома, сгорѣвшаго впослѣдствіи. Изъ остатковъ этого дома вынуты были многочисленныя узорчатыя, цвѣтныя кафли (изразцы), изъ которыхъ многія носили на себѣ надписи славянскими буквами, образовавшими въ нѣсколькихъ мѣстахъ вязь. По начертанію буквы могутъ быть отнесены къ XVII столѣтію. Сопоставивъ обломки, сохранившіе надпись, можно было прочесть ее сполна: „*сию пѣчь робилъ Матвии Барътошевичъ родомъ съ Парцева, ремесникъ Бѣлогородский*“. Наконецъ, въ третьемъ мѣстѣ, невдалекѣ отъ церкви, проведено было нѣсколько траншей; въ нихъ найдены могилы, устроенныя на церковномъ погостѣ въ довольно позднее время; могилы эти вырыты были на мѣстѣ, гдѣ, по всей вѣроятности, находилось древнее зданіе каменной церкви. Вся земля, окружавшая могилы, была переполнена мусоромъ, среди котораго встрѣчались: обломки шиферныхъ досокъ, кирпичи и значительное количество фрагментовъ штукатурки, сохранившихъ на лицевой сторонѣ ясные слѣды фресковъ. На этомъ мѣстѣ, вѣроятно, стояла древняя церковь св. апостоловъ, упоминаемая въ XII и XIII столѣтіяхъ въ лѣтописи. Къ несчастію, кладбище, устроенное впослѣдствіи на ея мѣстѣ, окончательно разрушило ея фундаменты, которые встрѣчались только въ видѣ незначительныхъ отрывковъ и едва-ли могутъ быть возстановлены.

2) Д. чл. В. И. Модестовъ сдѣлалъ сообщеніе о латинской надгробной надписи, найденной на Аппіевой дорогѣ въ 1877 году [1]).

3) Предсѣдатель заявилъ, что помѣщеніе для библіотеки Общества уже открыто и книги, имѣвшіяся на лицо, переданы въ библіотеку Общества, а также предложилъ гг. членамъ пожертвовать ихъ труды.

---

[1]) Напечатано въ Унив. Извѣстіяхъ 1877 г., № 10.

Въ засѣданіи Общества 20 ноября, д. чл. И. П. Хрущовъ читалъ отрывокъ изъ своего сочиненія „О древне-русскихъ историческихъ сказаніяхъ и повѣстяхъ", подъ заглавіемъ: „сказаніе о походахъ на Половцевъ въ связи съ Словомъ о полку Игоревѣ [1])"; а д. чл. А. А. Котляревскій сообщилъ замѣчанія относительно ученаго значенія новаго изданія, сдѣланнаго г-жею Стрекаловою, подъ заглавіемъ: „*Русскія историческія одежды отъ X до XII вѣка*". Перечисливъ изданія подобнаго же рода до появленія настоящаго труда, а именно: 1) „Опытъ объ одеждѣ, оружіи, нравахъ, обычаяхъ и степени просвѣщенія славянъ отъ времени Траяна и русскихъ, до нашествія татаръ, соч. А. Н. Олениным. Спб. 1832—33",—изданіе сдѣлавшееся величайшею библіографическою рѣдкостью, въ которомъ представлены снимки съ изображеній на колоннахъ Траяна и Марка Аврелія Антонина; въ научномъ отношеніи книга сохраняетъ до сихъ поръ свое значеніе, какъ вообще все, что написалъ Оленинъ; 2) „Историческое описаніе одежды и вооруженія россійскихъ войскъ" Висковатова, изданное по распоряженію имп. Николая I; оно доведено въ первомъ томѣ до Петра В., реставрировка одежды допущена по письменнымъ даннымъ, преимущественно иностраннымъ; 3) „Объяснительный словарь" Савваитова и 4) трудъ Погодина въ третьемъ томѣ его „Исторіи Россіи",—проф. Котляревскій перешелъ къ замѣчаніямъ на изданіе г-жи Стрекаловой, состоящее изъ текста и рисунковъ. Общее впечатлѣніе отъ изданія то, что превосходные въ техническомъ отношеніи рисунки дѣлаютъ его женскимъ гостиннымъ кипсекомъ, текстъ же набранъ случайно; неполнота его бросается въ глаза; объясненія даннаго рисунка заставляютъ издателя прибѣгать даже къ натяжкамъ, такъ на „свидѣтельствахъ арабскихъ писателей", а именно Ибнъ-Фодлана, у котораго говорится о похоронахъ *знатнаго* купца и о томъ, какъ одѣвали его,—построена реставрація княжеской одежды (очевидно, причиною натяжки послужилъ эпитетъ Ибнъ-Фодлана „знатный"). Иногда издатель беретъ свидѣтельства изъ такого писателя, который можетъ быть подведенъ подъ категорію никогда не писавшихъ о русскихъ, какъ напр. Прокопій. Конечно, для реставраціи „славянской" одежды можно и даже должно было воспользоваться и словами Прокопія, но тогда слѣдовало обратить вниманіе и на другія извѣстія о Славянахъ и на дѣйствительныя изо-

[1]) Напеч. въ Универс. Изв. 1878 г.

браженія ихъ въ памятникахъ, напр. на изображеніе болгаръ (между прочимъ и Крума) въ менологіи Василія Порфиророднаго X вѣка—въ шапкѣ бараньей, съ ножомъ, трубкою, кресаломъ и рожкомъ, съ бритой головой. Слѣдовало бы взять изображенія Славянъ и изъ рукописи XIII вѣка Саксонскаго Зерцала (Mone. Teutsche Denkmäler), гдѣ Саксы изображены съ ножами (Sax) и длинными волосами, а Славяне—въ перевитыхъ чулкахъ (отсюда образовался даже этимологическій миѳъ, производящій слово „Wende“ отъ winden) и всегда съ постриженными волосами; у женщинъ головной уборъ, напоминающій очипокъ—кику... Въ другомъ мѣстѣ тамъ-же Славяне изображены въ одеждахъ съ вырѣзными фестонами внизу, что напоминаетъ одежду пѣвцовъ, гусляровъ и фокусниковъ въ средніе вѣка. Кажется, нѣмецъ въ одеждѣ даже хотѣлъ выразить свое презрительное отношеніе къ славянину... Въ текстѣ издатель беретъ матеріалъ иногда изъ книгъ Забѣлина (слѣд. XVI—XVII вѣка!), что противорѣчитъ задачѣ представить одежды съ X по XIII вѣкъ; иногда заимствуетъ свидѣтельства изъ невозможнаго источника (въ родѣ напр. объясненія кики изъ словацкой сказки!). Что касается рисунковъ изъ рукописей, то и тутъ допущены или неполнота, или дополненія по собственному усмотрѣнію. Издатель не воспользовался рязанскими древностями (Калайдовича и Оленина), а также матеріаломъ „Владимірскаго клада“; допустилъ путаницу, не указавъ, откуда сдѣланъ рисунокъ (напр. Георгій Побѣдоносецъ изъ Михайловскаго монастыря); фрески одной церкви приписаны другой (изображенія Бориса и Глѣба приписаны церкви Николая на Липнѣ близъ Новгорода, тогда какъ они—изъ Нередицкой церкви близъ Новгорода); есть указанія глухія (напр. рукопись Ипполита?); наконецъ въ самыхъ реставраціяхъ допущена аффектація, напр. одинъ рисунокъ представляетъ плащъ, надѣтый на голое тѣло, что едва-ли допуститъ русскій климатъ.

В. С. Иконниковъ, по поводу изданія г-жи Стрекаловой указалъ на несистематичность изложенія вообще и частные промахи (объясненіе *ортъмы* по Гербелю, *орниче* по Погодину, *гривны*—исключительно какъ ожерелья), нѣкоторыя широкія толкованія, бѣдность статьи о музыкальныхъ инструментахъ, несоотвѣтствіе рисунковъ тексту, исключеніе одежды духовныхъ лицъ.

3) Въ настоящемъ же засѣданіи происходило избраніе предсѣдателя Общества, въ должность котораго, за окончаніемъ срока и отка-

зомъ проф. В. С. Иконникова отъ дальнѣйшаго избранія, избранъ *профессоръ А. А. Котляревскій.*

Въ засѣданіи 11-го декабря 1877 года д. чл. Н. П. Дашкевичъ прочелъ слѣдующій очеркъ: „Общественный строй южной Руси во 2-й половинѣ XIII и первой XIV вѣковъ". Со времени пораженія Романовичами противниковъ началось измѣненіе во внутреннемъ строѣ земель юго-западной Руси, условившіе все дальнѣйшее развитіе сего строя. Съ установленіемъ господства одного дома, съ утвержденіемъ правильнаго порядка наслѣдованія княжескихъ столовъ (Даніилъ и Василько передали свои вотчины сыновьямъ) и болѣе мирныхъ отношеній между князьями — исчезли обстоятельства, препятствовавшія прочному положенію княжеской власти въ западной половинѣ ю. Руси. Боярство Галича должно было смириться, вѣчевой порядокъ прекратилъ свое существованіе и княжеская власть усилилась. Замѣтно выступаетъ ученіе о поставленіи княжеской власти свыше. Паденію вѣчъ содѣйствовалъ до извѣстной степени приливъ иноземцевъ, наполнявшихъ города югозападной Руси и поступавшихъ также въ княжескую дружину. Князья покровительствовали иноземцамъ, желая поднять м. прочимъ торговлю. Издари ведшее начало стремленіе отдѣльныхъ общинъ къ самостоятельности проявилось въ югозападной Руси въ послѣдній разъ въ 1289 г. Оно тотчасъ же было подавлено, причемъ оказалъ въ извѣстной мѣрѣ вліяніе страхъ передъ татарами; они поддерживали новый порядокъ, хотя нельзя сказать, чтобы они положили ему начало въ югозападной Руси. Усиленіе княжеской власти не приводило на первыхъ порахъ къ удаленію князя отъ народа. Таково было положеніе этой власти въ югозападной Руси во второй половинѣ XII-го столѣтія. Въ массѣ населенія югозападной Руси лѣтопись этого времени различаетъ „бояръ" и „простыхъ людей". Бояре, въ томъ числѣ и галицкіе, прежде такъ долго боровшіеся съ князьями, снизошли до роли княжеской свиты, слугъ, служилыхъ людей. Вмѣстѣ съ тѣмъ многіе изъ нихъ были наслѣдственными землевладѣльцами. Въ особенности наслѣдственное землевладѣніе начало развиваться въ югозападной Руси со времени Льва Даніиловича. Въ XIV стол. къ разряду бояръ примыкаютъ и служебные князья. Нѣкоторые изъ боярскихъ родовъ, по завоеваніи Галича поляками, вошли въ ряды польскаго дворянства. Въ началѣ XIV стол. вновь усилилось боярство, являются зачатки новой городской жизни. Горожане въ лѣтописи XII стол. названы однажды „мѣстичами". Встрѣ-

чаются, и зачатки прикрѣпленія крестьнъ, которые, впрочемъ, сохранили полную личную свободу. Все это имѣло мѣсто въ *западной* половинѣ южной Руси, главнымъ явленіемъ внутренней исторіи которой въ періодъ отъ 1250 до 1350 годовъ должно признать постепенное обособленіе высшаго класса общества отъ прочаго народа, ослабленіе въ этомъ классѣ національнаго духа и формированіе „панства“. Въ восточной же половинѣ южной Руси, которая пребывала подъ непосредственною властію татаръ и гдѣ не была подавлена община, въ это время происходила подготовка казачества. Вообще событія внутренней жизни этого періода имѣли важное значеніе въ послѣдующей исторіи обѣихъ половинъ южной Руси и объясняютъ въ значительной степени паденіе самостоятельности западной половины и подчиненіе иноземцамъ.

Д. чл. А. А. Котляревскій, сообщилъ „О текущей русской исторической литературѣ“, именно о слѣдующихъ вновь вышедшихъ книгахъ: а) *Очеркъ путешествія по европейской Турціи, В. И. Григоровича* (2-е изданіе) М. 1877. Книга составилась изъ ученыхъ отчетовъ, представленныхъ въ министерство народнаго просвѣщенія, и первоначально помѣщена въ „Ученыхъ запискахъ Казанскаго университета“. (1848, кн. 3). Важность книги давно признана наукою: этимъ „Очеркомъ“ были открыты для славянской археографіи рукописныя богатства Балкана, дотолѣ едва смутно предчувствуемыя изъ извѣстій арх. Порфирія. Важна книга и по многимъ документамъ и выпискамъ изъ рукописей, въ ней напечатаннымъ, и по многимъ новымъ филологическимъ замѣткамъ и наблюденіямъ. Къ сожалѣнію, второе изданіе напечатано безъ тѣхъ дополненій, которыя, вѣроятно находились въ экземплярѣ покойнаго автора, да и перепечатка—вообще неисправна. Здѣсь кстати будетъ припомнить объ основательной рецензіи на книгу, И. И. Срезневскаго, помѣш. въ Сѣверномъ Обозрѣніи 1848 № 3, стр. 765—772, и о тѣхъ любопытныхъ подробностяхъ о Григоровичѣ и его путешествіи, которыя по поводу 2-го изданія были сдѣланы проф, М. П. Петровскимъ въ Вѣстникѣ Европы 1878, № 1. б) *Zródła dziejowe*, W. 1877, издаваемые Яблоновскимъ, V и VI-й томы: оба касаются Украины и содержатъ въ себѣ любопытнѣйшіе документы на малорусскомъ нарѣчіи, но латинскими литерами, по списку XVIII вѣка. Кромѣ важнаго этнографическаго значенія, эти памятники имѣютъ интересъ филологическій, представляя образцы прекраснаго чистаго народнаго языка. Въ предисловіи къ обоимъ томамъ помѣщены ученыя изслѣдованія из-

дателя. „О старостваxъ украинныхъ“, „О землѣ волынской въ половинѣ XVI вѣка. Изслѣдованія—любопытныя, и, по возможности, отличающіяся историческимъ безпристрастіемъ. в) *Оскара Кольберга: Lud jego zwyczaje i sposób życia, mowa, podania, przysłowia, obrzędy, gusła, zabawy, piesny, muzyka i tańce.* Послѣдній вышедшій томъ—XI-й (Кг. 1877) посвященъ этнографіи познанской земли, прежніе томы (съ 1 по 8) заняты областями Сандомира, Куявы и Кракова. Это лучшій изъ этнографическихъ сборниковъ во всѣхъ славянскихъ литературахъ—по богатству матеріала и даже по его достовѣрности. Ученая обработка, слаба, да она, кажется, и не имѣлась въ виду издателемъ. Онъ—не ученый, а практическій этнографъ. Прекрасно исполненные рисунки (особенно въ 1-хъ томахъ) украшаютъ изданіе. Есть кой-что въ немъ, что можетъ показаться излишнимъ и неважнымъ, но такого немного. И этимъ-то качествомъ именно отличается сборникъ О. Кольберга отъ предшествовавшаго ему *шляхетнаго* сборника Голембіевскаго (Lud Polski etc. 4 т, 1830). г) *Труды этнографическаго отдѣла Московскаго антропологическаго общества*, 4 и 5 томы. Въ 4-мъ помѣщена между прочими любопытными сообщеніями статья В. Ѳ. Миллера: „Восточные и западные родичи одной русской сказки,“ статья интересная по предмету, столь сильно занимающему теперь науку исторіи литературы. Томъ V весь занятъ сборникомъ „Матеріаловъ по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи“, М. 1877, собранныхъ г. Ефименкомъ. Матеріалы изданы въ сыромъ видѣ, но важность ихъ несомнѣнна, она опредѣляется между прочимъ и тѣмъ, что на крайнемъ сѣверѣ, удаленномъ отъ быстраго движенія жизни, старина должна была сохраниться свѣжѣе, чѣмъ въ мѣстахъ торныхъ. д) *О колдовствѣ и вѣдовствѣ въ югозападномъ краѣ*, г. Антоновича—составляетъ 2-й выпускъ 1-го тома „Трудовъ югозападной экспедиціи Географическаго общества“.

Д. чл. Ф. А. Терновскій прочелъ извлеченіе изъ „дѣла о положеніи въ штатѣ малороссійскихъ монастырей и о приведеніи ихъ въ единообразіе съ великороссійскими“, находящагося въ архивѣ св. синода (см. въ отдѣлѣ статей).

Д. чл. А. А. Котляревскій посвятилъ нѣсколько словъ: памяти Александра Николаевича Попова. Недавно скончавшійся историкъ-юристъ *А. Н. Поповъ* имѣетъ полное право занять вниманіе членовъ историческаго общества. На ученую арену онъ выступилъ въ 1841 году съ дис-

сертаціей „*Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву*“. Положенія диссертаціи вызвали бурю со стороны Погодина, перешедшую потомъ въ полемику на страницахъ Москвитянина. По тому же предмету Поповымъ была написана еще монографія „*Объ опекѣ и наслѣдствѣ по рускому праву*“ (въ сборникѣ Валуева). Въ тоже время Поповъ отправился въ заграничное путешесвіе, и въ Вѣнѣ сблизился съ Вукомъ С. Караджичемъ. Изъ Вѣны онъ пріѣхалъ въ Черногорію, результатомъ поѣздки была книга „*Путешествіе по Черногоріи*“, Спб. 1847, рисующая вполнѣ обстоятельно юридическій бытъ, народную поэзію и исторію Черной Горы. Въ свое время „Путешествіе“ мало было оцѣнено по достоинству, хотя оно имѣетъ цѣну и понынѣ. По возвращеніи изъ-за границы Поповъ пристроился при покровителѣ славяноФиловъ гр. Блудовѣ, при которомъ служилъ до его смерти. Тогда на первыхъ же порахъ его занялъ вопросъ объ отношеніе нѣмецкой школы къ „происхожденію Руси“, спеціально *о Шлецерѣ*. Результатомъ явилась обширная статья (въ Московскомъ Сборникѣ 1847 г.) о немъ, написанная въ духѣ, враждебномъ отрицательной критикѣ Шлецера. Поповъ стремился доказать, что мѣрка, которою знаменитый критикъ мѣрялъ исторію Россіи, мѣрка, взятая съ общаго хода развитія исторіи запада—не примѣнима къ Россіи, что древняя Русь вовсе не была страной непроходимаго варварства, что она имѣетъ свою оригинальную исторію... Важность и интересъ древней русской исторіи здѣсь раскрыты прекрасно. Поповъ принялъ дѣятельное участіе въ журналѣ „Сѣверное Обозрѣніе“, издававшемся оріенталистами съ славяноФильскимъ оттѣнкомъ П. С. Савельевымъ и В. В. Григорьевымъ. Тутъ между прочимъ имъ помѣщены статьи: „*Объ устройствѣ уголовныхъ судовъ*“ и „*О русскомъ иконописаніи*“; подобная послѣдней статья—„*О древне-чешской живописи*“ помѣщена въ „Запискахъ Археологическаго общества“ и въ переводѣ на чешскій въ Музейникѣ. Кромѣ того въ „Сѣверномъ Обозрѣніи“ много важныхъ критическихъ статей. Тоже можно сказать и о многихъ критическихъ статьяхъ его въ „Журналѣ Министерства Н. Просвѣщенія“. Въ „Архивѣ“ Калачова Поповъ помѣстилъ весьма важную статью: „*Пиры и братчины*“. Въ обществахъ географическомъ, археологическомъ и позже историческомъ Поповъ принималъ живое участіе, какъ редакторъ ихъ трудовъ. По исторіи дипломатическихъ сношеній Россіи съ иностранными державами Поповымъ издано: „*О сношеніяхъ Россіи съ Хивою и Бухарою*“ и особый

обширный трудъ „*Русское посольство въ Польшу 1673—77 г.*“. Въ „Русской Бесѣдѣ“ между прочимъ помѣстилъ большой трудъ *о Стенькѣ Разинѣ*, *о посольствѣ Потемкина 1668 г.* и др. Въ „Русской Старинѣ“ и въ „Русскомъ Архивѣ“ помѣщалъ о „*двѣнадцатомъ годѣ*;“ сотрудничалъ въ Вѣстникѣ Европы“, гдѣ между прочимъ напечатано его обширное изслѣдованіе *о сношеніяхъ Россіи съ Римомъ въ 1845—67 гг.* и пр. Статьи Попова не одинаковы по научному достоинству, но общая черта ихъ—серьезное отношеніе къ дѣлу. Верхоглядомъ А. Н. Поповъ не былъ нигдѣ и никогда. Также еще однимъ качествомъ владѣлъ онъ въ полнѣйшей степени: умѣлъ быть безпристрастно-объективнымъ до холодности. Во всякомъ случаѣ—дѣятельное участіе покойнаго въ судьбахъ русскаго образованія, науки и литературы даютъ полное право на вниманіе и уваженіе потомства.

Приложеніе.

Показаніе игумена Ѳеодосія Васьковскаго о положеніи кіевскихъ мѣщанъ до Богдана Хмельницкаго.

—

Между документами на имѣнія кіевскихъ монастырей, переданными въ 1837 г. изъ кіевской казенной палаты въ библіотеку Кіевской духовной академіи, находится копія показанія межигорскаго игумена Ѳеодосія Васьковскаго, кіевскаго старожила, о томъ положеніи, въ какомъ находились кіевскіе мѣщане до войны Богдана Хмельницкаго съ поляками. Показаніе писано 10 декабря 1699 года, по поводу жалованной грамоты императора Петра I кіевскому войту Яну Діомидовичу Быковскому и мѣщанамъ, данной 10 апрѣля 1699 г., по просьбѣ кіевскаго войта и мѣщанъ, на нѣкоторыя недвижимыя имѣнія и доходныя статьи, принадлежавшія дотолѣ кіевскимъ монастырямъ. Желая показать несправедливость просьбы кіевскаго войта и мѣщанъ и отстоять неприкосновенность монастырскихъ имуществъ, межигорскій игуменъ Васьковскій написалъ свое показаніе съ тою цѣлію, чтобы доказать, что кіевскіе мѣщане, до войны Богдана Хмельницкаго, тѣми имуществами монастырскими, на которыя теперь претендуютъ и испрашиваютъ жалованныя грамоты, положительно не имѣли никакихъ правъ во время польскаго владычества въ краѣ.

„Я грѣшный іеромонахъ Ѳеодосій Васьковскій, игуменъ недостойній монастыря общежительнаго преображенскаго межигорскаго кіевскаго, по милости Божіей застаю на игуменствѣ межигорскомъ тридцать годъ и единъ, а отъ рожденія моего имею семдесятъ и шесть лѣтъ,

и при градѣ кіевскомъ живу шесдесятъ лѣтъ и чтиры, а для того лѣта вышъ помененніи написалемъ, жебы мнѣ грѣшному, тамъ, гдѣ того потреба будетъ, вѣра якая-колвекъ была дана; бо читаючи я Его царскаго пресвѣтлого Величества грамоти жалованной списокъ, данной пану войту кіевскому Яну Діомидовичу Быковскому и панамъ бурмистромъ, и паномъ райцомъ и лавникомъ, и всему майстратовы кіевскому и всѣмъ цехмистромъ всякаго ремесла кіевскимъ, и всѣмъ мѣщаномъ и всѣму посполству града Кіева, отчини Его царскаго пресвѣтлого Величества, которая грамота дана имъ мещаномъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ, лѣта отъ созданія мира 7207, а отъ рождества еже по плоти Христа Бога нашего року 1699 мѣсяца апрѣля 10 дня,—въ томъ списку вичиталемъ, что панъ войтъ кіевскій зъ мещанами своими въ чолобитію своемъ положили тое въ головахъ, же они мещане нѣ якими своими прежними стародавними волностями не владѣютъ; и задивилемся тому не помалу, бо я живучи при Кіевѣ лѣтъ шестдесяти и чтирохъ, вѣдаю, якихъ волностеи мещанс кіевскіе заживали за воеводы Кіевскаго Януша Тишкевича, до войни гетмана Богдана Хмельницкаго, которая война зачалася року Божего нароженя 1648, великихъ мясницъ по рождествѣ Христовомъ, гди же я билемъ отъ самой войни Кумейковской которая была въ року 1630 шестомъ и семомъ за хлопця при пану писару земскомъ воеводства Кіевскаго при пану Ѳеодору Сущанскому Проскурѣ; а потомъ былемъ за инспектора синови пана Бочковсваго намѣстника воеводскаго, на замку кіевскомъ, у котораго пана Бочковскаго и господу мѣлемъ, на замку кіевскомъ; прето памятаю, якіе были волносты на той часъ у мѣщанъ кіевскихъ за воеводы Тишкевича, которій былъ немало лѣтъ на воеводствѣ Кіевскомъ, ажъ до самой войны Хмелницкаго.

На той часъ всѣ ремесники всякого ремесла кіевскіе належали не до ратуша, але до замку кіевского. Намѣстникъ воеводскій замку Кіевскаго и судилъ ремесниковъ всякихъ Кіевскихъ, и владѣлъ онимы якъ подданнимы пана своего, всякимъ ремесникомъ Кіевскимъ не веленно было у шинкахъ ратушнихъ кіевскихъ, а нѣ квартирки горѣлки, а нѣ пива купити и выпити подъ виною великою, бо арендаръ жидъ Лейзоръ, которій мешкалъ ведле Церкви Светого Николи доброго въ Кіевѣ платилъ за шинкы воеводскіе замковіе осмнадцять тысячей до року, а мещане, которіе въ ратушу предъ майстратомъ и судилися и цѣле до ратуша належали, платили зъ ратуша кіевскаго воеводѣ кі-

евскому за всякіе шинки ратушные мѣскіе и за перевузъ на Днѣпрѣ кіевскій двадцать тысачеи и чтире тисяча; а коли-колвекъ воевода кіевскіи приихалъ въ Кіевъ, а въѣзжалъ завше многолюдно, то мещане кіевскіе повинны были три дни его страваваты зо всѣмъ его поиздомъ. И тое добре знаю, що помѣрное, которое брано отъ всякои пашнѣ и муки, ишло на кляшторъ доминѣканскій, и комора тая въ которой чверти помѣрніи ховано (бо въ той часъ нѣ дойницами, але чвертями мѣрано пашню и муку) недалеко костела, а ведля тоеи комори склепъ былъ Доминѣканскіи, въ которомъ завше медъ Доминѣканскіи шинковано гарнецъ по десять осмаковъ. А десятину рибную зъ рибного торгу бырали ксендзы Барнадини. И тое добре знаю, ще до слободы Преварки жадного дѣла а нѣ мещане кіевскіе, а нѣ хто иншій не мѣли, тилко сами ксендзи доминѣкане, бо они самы тую слободу на грунтѣ своемъ осадили. И тое знаю, що до хутора Осетщина названого нѣ хто иншій дѣла не мѣлъ, тилко самъ староста мѣстечка въ Кіевѣ быскупскаго назвискомъ Осецкій, которій Осецкій въ томъ мѣстечку и мешкалъ. И тое знаю, що до мѣстечка быскупского кіевского жадной владзи а нѣ мещане Кіевскіе, а нѣ хто иншій не мѣлъ, тылко самъ ксендзъ быскупъ кіевскій, и тамъ держалъ старосту своего вышменованного Осецкого. В томъ бѣскупскомъ местечку и свои торгы и коморы торговіи были, і аренда быскупля тамъ была, арендаръ былъ жидъ Сахно. А тое добре вѣдаю, що мещане кіевскіи не мѣли жадного приступу волного до лѣсовъ и до сѣножатей и до озеръ Вышегородскихъ... И тое добре знаю, же жадного приступу волного не мѣли мѣщане кіевскіе до жаднихъ добръ всѣхъ монастырей кіевскихъ, которіе добра около Кіева лежатъ, лѣсніе и половіе и водяніи и сѣнніе, тамъ тежъ не мѣли жадного приступу волного мещане кіевскіе до жаднихъ добръ костельнихъ и шляхецкихъ, которіе добра свои мѣли около Кіева неподалеку, а королѣ Польскіи, яко несамодержцы, немогли добръ шляхецкехъ церковнихъ и костельнихъ отимовати и кому иному даваты, тилко свои кролевскіе, и то за високіе прислугы в речи посполитой и у маестату Кролевскаго; зачимъ панове мещане Кіевскіе если маютъ писмо короля Жигмонта третого (за которимъ писмомъ волно би имъ за пять миль около Кіева добръ костелнихъ и церковнихъ и шляхецкихъ заживати то есть лѣси рубити, поля пахаты, рибы ловити, сѣна коситы), хиба въ тѣсномъ кутѣ где ховали, але указати того права и тихъ добръ заживати жадною мѣрою имъ неволно было и страшно.

Еще и тіи волности мещане Кіевскіе мѣли, же каждого року, почавшы од осени ажъ до травы любо Нѣмцовъ корпеты, любо короговъ жолнѣровъ въ Кіевѣ в домахъ ихъ зимовали и кормили ихъ ажъ до того часу, пѣмъ Кодакъ поляки построили, а якъ Кодакъ построенно, то на тои часъ мещанъ Кіевскихъ отъ станповискъ войсковыхъ уволненно, але на Кодакъ великую станцію жолдаковъ на кождій рокъ давати з Кіева постановлено и приказанно. О томъ всемъ щомъ вышей именовалъ, сами люде стариніе кіевскіе добре знаютъ,—такіе то имъ пред войною Хмелницкаго волности бывали! Еще шинкы бывали и на горѣ, где Софія Святая и прочіе церквы Святіи стоятъ, шинкъ бывалъ въ арендѣ митрополитанской, а другій шинкъ бывалъ монастира Михайловского, а иніе до трохъ святителей, до церквы монастыра Братского Кіевскаго. Для того тое письмо одважилемся написати, жебы оборона была на грунты церковніе монастыра и Межигорского кіевского, яко и инихъ монастырей.... На томъ всемъ истинномъ сведѣтельствѣ и руку мою власную подписую при печати монастиря межигорского кіевского, року 1699 Декамврія 10 д. Ѳеодосій Васковскій игуменъ межигорскій кіевскій рукою власною.

Составъ Историческаго общества Нестора лѣтописца въ 1873—1877 гг.

Почетные члены.

Преосвященный Порфирій, епископъ чигиринскій, викарій Кіевской епархіи.

Князь Александръ Михайловичъ Дондуковъ-Корсаковъ, бывшій кіевскій, подольскій и волынскій генералъ-губернаторъ.

Платонъ Александровичъ Антоновичъ, попечитель Кіевскаго учебнаго округа.

Михаилъ Владиміровичъ Юзефовичъ, предсѣдатель Кіевской Археографической коммиссіи.

Графъ Алексѣй Сергѣевичъ Уваровъ, предсѣдатель Московскаго Археологическаго общества.

Николай Христіановичъ Бунге, ректоръ университета св. Владиміра.

Филаретъ, епископъ уманскій, ректоръ Кіевской дух. академіи.

Совѣтъ общества:

Предсѣдателемъ Общества съ 1873 г. по 20 мая 1874 г. состоялъ М. А. Туловъ, бывшій помощникъ попечителя Кіев. учеб. округа.

Предсѣдателемъ Общества съ 20 мая 1874 по 20 ноября 1877 года состоялъ В. С. Иконниковъ, ординарный профессоръ университета св. Владиміра.

Предсѣдателемъ Общества съ 20 ноября 1877 г. состоитъ А. А. Котляревскій, ординарный профессоръ университета св. Владиміра.

Кандидатомъ предсѣдателя состоялъ И. И. Малышевскій, ордин. профессоръ Кіевской дух. академіи.

Секретаремъ состоялъ—И. П. Хрущовъ, доцентъ университета св. Владиміра.

Помощникомъ секретаря—Ф. А. Терновскій, доцентъ унив. св. Владиміра и экстра-орд. проф. К. дух. академіи, завѣдывавшій библіотекой Общества.

Казначеемъ А. В. Розовъ, экстра-ордин. профессоръ Кіевской дух. академіи.

Члены совѣта:

П. Г. Лебединцевъ, каѳедральный протоіерей Кіево-Софійскаго собора.

В. Б. Антоновичъ
А. Ѳ. Кистяковскій
В. И. Модестовъ
} профес. унив. св. Владиміра.

П. А. Лашкаревъ
А. Д. Вороновъ
Н. И. Петровъ
} профес. Кіев. дух. академіи.

Дѣйствительные члены:

Н. А. Ригельманъ, бывшій дир. Кіевской губернской гимназіи.

А. В. Романовичъ-Славатинскій
М. Ф. Владимірскій-Будановъ
П. В. Павловъ
Ѳ. Я. Фортинскій
И. В. Лучицкій
} проф. унив. св. Владиміра.

П. И. Аландскій
Ѳ. Г. Мищенко
} доценты унив. св. Владиміра.

Н. А. Лавровскій, директоръ историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ.

А. Ѳ. Хойнацкій
А. С. Будиловичъ
Н. Я. Аристовъ
} проф. историко-филол. институт. въ Нѣжинѣ.

С. Т. Голубевъ, доцентъ Кіев. дух. академіи (нынѣ секрет. Общества).

И. П. Исаевъ, секретарь совѣта Кіев. дух. академіи.

А. Ѳ. Андріяшевъ, директоръ Кіев. 1-й гимназіи.

Н. С. Тумасовъ
Н. П. Задерацкій
К. М. Воскресенскій
М. В. Ружицкій
} преподаватели Кіевск. гимназій.

П. П. Розановъ, преподаватель Кіев. дух. семинаріи.

Н. П. Дашкевичъ, магистрантъ (нынѣ дoцентъ) университета св. Владиміра.

Т. В. Кибальчичъ, владѣтель музея древностей въ Кіевѣ, членъ Моск. Археол. общества.

А. А. Кочубинскій, профессоръ Новороссійскаго университета.

Князь Н. Н. Голицынъ, авторъ „Исторіи Пскова“ и „Матеріаловъ для словаря рус. писательницъ“.

Табл. I. Къ стр. 37—43.

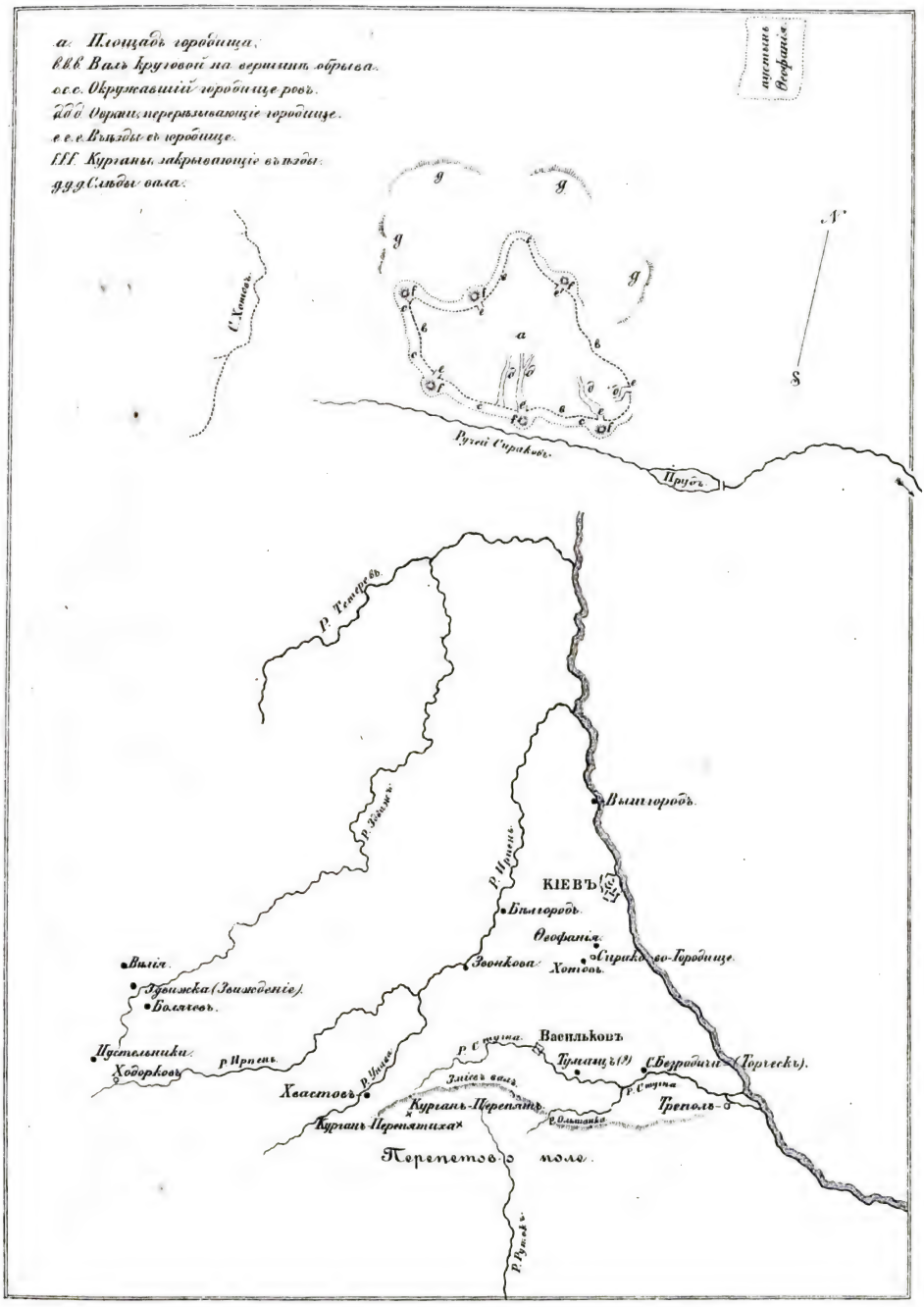


Табл. II.

Табл. III.

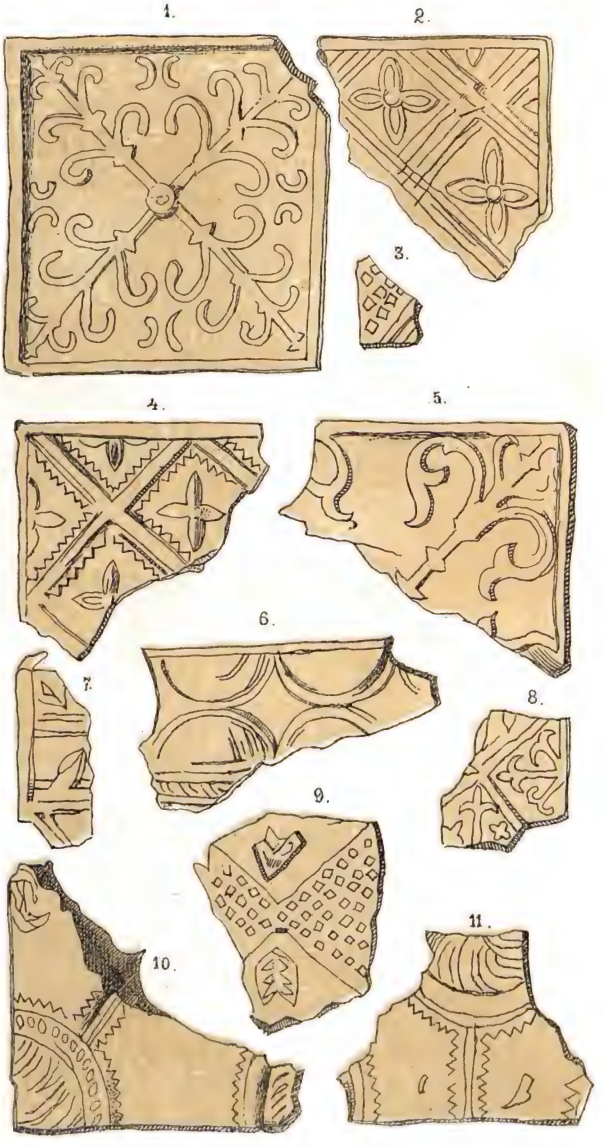
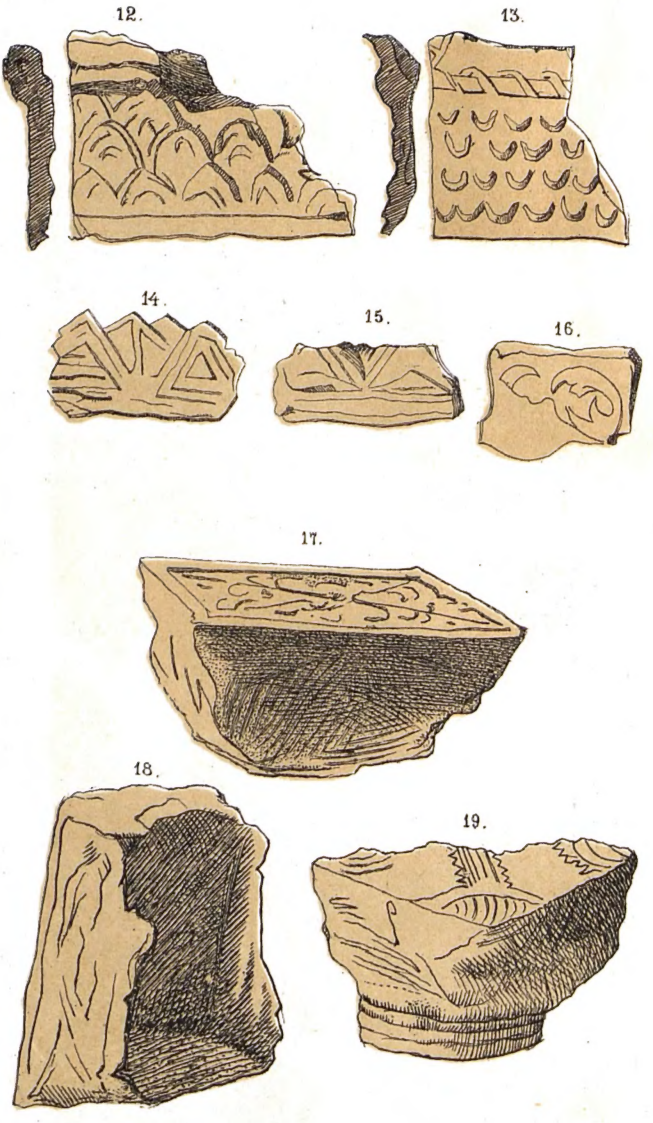


Табл. IV.



„Чтенія Историческаго общества Нестора лѣтописца“ можно получать въ редакціи „Университетскихъ Извѣстій“ и въ книжныхъ магазинахъ Н. Я. Оглоблина (бывшихъ Литова), въ Кіевѣ, на Крещатикѣ, и въ С.-Петербургѣ, на Малой Садовой, № 4.

Цѣна 2 р. с. За пересылку прилагается 25 к. с.